

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2023. Том 50, № 4



VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2023. Том 50, № 4

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Литовченко, заведующий кафедрой всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, доцент

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Атагич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

И.Ю. Ващева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия)

А.В. Глухова, доктор политических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии, профессор Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

Г.Д. Гумба, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета (Сухум, Республика Абхазия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук профессор кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.В. Литовченко. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 26,5. Дата выхода 30.12.2023. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 847 **Егизарян Э.М.**
Смешанные браки: историографический обзор вопроса о разводах в провинции Иудея времени Ездры и Неемии
- 860 **Фролов Д.Л.**
Этническая принадлежность архонтов по данным греческой версии «Морейской хроники»
- 868 **Абдулманова И.В.**
Оригенизм Дидима Александрийского: к вопросу о постановке проблемы
- 874 **Анохина Е.В.**
Женское влияние в позднеантичной семье в письмах Павлина Ноланского
- 881 **Лазарев С.С.**
Образ святого короля в первом житии Эдуарда Исповедника
- 889 **Макаров Я.Ф.**
Восстание Якоба Лейслера в колониальном Нью-Йорке (1689–1691 гг.): основные события и личность Лейслера в источниках и историографии
- 901 **Золина О.М.**
Российско-британские отношения и британская королевская семья
- 915 **Василенко В.В.**
Формирование системы президентских библиотек и институт президентства в США в середине XX века
- 928 **Комлякова Ю.Ю.**
Центральноазиатская стратегия внешней политики первой администрации Дж. Буша – младшего
- 936 **Болгов Н.Н., Шелудченко Ю.В.**
Шведские археологические исследования на Кипре

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 949 **Истомина И.В., Шаповалова С.П.**
Воспитательные паттерны в детской литературе XVIII века как просветительский дискурс для дворянских отпрысков
- 957 **Козлов К.В.**
Мемориальная проповедь православного духовенства в епархиях Центрального Черноземья в день памяти спасения императорской семьи 17 октября 1888 года как опыт конструирования коммеморативного нарратива
- 968 **Логина Д.В.**
Гужевой транспорт как средство обеспечения здоровой санитарно-эпидемиологической обстановки в городах России в начале XX века
- 977 **Бочарников А.А.**
Комиссия по борьбе с дезертирством как форма борьбы с антибольшевистским протестом населения Грайворонского, Корочанского и Старооскольского уездов Курской губернии 1917–1921 г.
- 990 **Евсеев Н.Н.**
Государственно-церковные отношения в Тульской губернии в раннесоветский период (1917–1924): к истории реализации государственной антицерковной политики в Тульской губернии
- 997 **Карпова И.Г.**
Социально-культурный аспект коллективизации сельского хозяйства в СССР в отечественной историографии
- 1009 **Гришина А.С.**
Освобождение Европы от фашизма началось с Румынии: Уманско-Ботошанская наступательная операция 1944 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 1020 **Крупская С.Ю., Пажвак С.Б.**
Афганистан во внешнеполитической стратегии США в период президентства Б. Обамы, Д. Трампа, Дж. Байдена: сравнительный анализ
- 1032 **Герштейн И.З., Ларцева Н.Е.**
Остров или материк – «образ будущего» в матрице национальной идентичности Китая и Китайского Тайбэя
- 1042 **Хлебников А.Л.**
Внешние факторы сохранения устойчивости института армии Египта во время протестных событий 2011–2013 гг.
- 1053 **Бутенко В.А.**
Трансформация политик интеграции иммигрантов в Скандинавии
- 1061 **Мизин В.И., Севостьянов П.И., Макаев А.Р.**
Гиперзвуковое оружие и стратегическая стабильность: риски и вызовы для международной безопасности
- 1072 **Тюрина Ю.А., Бойко Ж.В.**
Реализация государственной молодежной политики в высшей школе в представлении российского студенчества
- 1084 **Белашенко Д.А., Шоджонов И.Ф.**
К вопросу об обеспечении биологического суверенитета Российской Федерации

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2023. Volume 50, No. 4

Until 2020, the magazine was published with the name «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИИЛ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University».

Publisher: Belgorod State National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Poluhin, professor of the department of social technologies and public service, doctor of political sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, professor of the russian history and records management department, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

E.V. Litovchenko, Head of the Department of World History, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, associate professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod State National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

I.Yu. Vashcheva, doctor of historical sciences, associate professor, professor (Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Russia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkammer) Russian Academy of Sciences

G.D. Gumba, doctor of historical sciences, associate professor (Abkhaz State University, Republic of Abkhazia)

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, doctor of historical sciences, professor (Yaroslavl state University after P.G. Demidova)

V.A. Perepelitsyn, doctor of historical sciences, professor (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor Yu.V. Ivakhnenko. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.V. Litovchenko. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 26,5. Date of publishing: 30.12.2023. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod State National Research University. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 847 Egizaryan E.M.**
A Historiographical Survey of Divorce Issue in the Province of Judea During the Time of Ezra and Nehemiah
- 860 Frolov D.L.**
Ethnicity of the “Archons” According to the Greek Version of the Chronicle of Morea
- 868 Abdulmanova I.V.**
The Origenism of Didymus of Alexandria: to the Question of the Problem Statement
- 874 Anokhina E.V.**
Female Influence in the Late Antique Family in the Letters of Paulinus of Nola
- 881 Lazarev S.S.**
The Image of the Saint King in the First Hagiography of Edward the Confessor
- 889 Makarov Ya.F.**
Jacob Leisler's Rebellion in Colonial New York (1689–1691): the Main Events and Personality of Leisler in Sources and Historiography
- 901 Zolina O.M.**
Russian-British Relations and the British Royal Family
- 915 Vasilenko V.V.**
The Origins of the Presidential Libraries System and the Evolution of the U.S. Presidency
- 928 Komlyakova Yu.Yu.**
The Central Asian Foreign Policy Strategy of the George W. Bush First Administration
- 936 Bolgov N.N., Sheludchenko Yu.V.**
Swedish Archaeological Research in Cyprus

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 949 Istomina I.V., Shapovalova S.P.**
Educational Patterns in Children's Literature of the 18th Century as an Educational Discourse for Noble Offspring
- 957 Kozlov K.V.**
Memorial Sermon of the Orthodox Clergy in the Central Chernozem Region Dioceses on the Day of the Emperor's Family Rescue Remembrance on October 17, 1888 as an Experience in Constructing a Commemorative Narrative
- 968 Loginova D.V.**
Horse-Draw Transport as a Means of Providing Healthy Sanitary and Epidemiological Conditions in the Cities of Russia at the Beginning of the XX Century
- 977 Bocharnikov A.A.**
The Commission on Combating Desertion as a Form of Combating the Anti-Bolshevik Protest of the Population of Grayvoronsky, Korochansky and Starooskolsky Counties of Kursk Province 1917–1921
- 990 Evseev N.N.**
State-Church Relations in Tula Province in the Early Soviet Period (1917–1924): to the History of the Implementation of State Anti-Church Policy in the Tula Province
- 997 Karpova I.G.**
Social and Cultural Aspect of Collectivization in the USSR in the Russian Historiography
- 1009 Grishina A.S.**
The Liberation of Europe from Fascism Began with Romania: the Uman-Botoshan Offensive Operation of 1944

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 1020 Krupskaya S.Yu., Pazhvak S.B.**
Afghanistan in the US Foreign Policy Strategy During the Presidency of B. Obama, D. Trump, J. Biden: Comparative Analysis
- 1032 Gershtein I.Z., Lartceva N.E.**
The Island or the Mainland – an “Image of the Future” in the Matrix of the National Identity of China and Chinese Taipei
- 1042 Khlebnikov A.L.**
Role of External Factors in Supporting Egyptian Military During the Protest Events of 2011–2013
- 1053 Butenko V.A.**
Transformation of Immigrant Integration Policies in the Scandinavian Countries
- 1061 Mizin V.I., Sevostyanov P.I., Makaev A.R.**
Hypersonic Weapons and Strategic Stability: Risks and Challenges for International Security
- 1072 Tyurina Yu.A., Boyko Z.V.**
Implementation of State Youth Policy in High School in the Representation of Russian Students
- 1084 Belashchenko D.A., Shodzhonov I.F.**
Revisiting the Guarantees of the Bio-Political Sovereignty of the Russian Federation

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(569.4).013:[392.542+347.622.3](093)

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-847-859

Оригинальное исследование

Смешанные браки: историографический обзор вопроса о разводах в провинции Иудея времени Ездры и Неемии

Егизарян Э.М. Заокский университет Церкви Христиан-Адвентистов Седьмого Дня,
Россия, Тульская обл., 301000, п. Заокский, ул. Руднева, 43АE-mail: eegizaryan@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье поднимается вопрос относительно толкований брачной реформы, предпринятой лидерами провинции Иудея Ездрой и Неемией в V веке до н. э. Отсутствие в русскоязычной литературе исследований на данную тему подвигли автора статьи представить историографический обзор имеющихся взглядов и дать краткий анализ генезиса развития этих идей в научном мире. Исследование источников не позволяет на данный момент говорить о полном понимании мотивов и причин для запрета на смешанные браки и достаточно сурового подхода к виновным в экзогамии. Очевидно, что такие методы в осуществлении реформ служили для утверждения самоидентификации в сложный период репатриации, однако существовали и более мягкие подходы. Автор статьи попытался проследить развитие взглядов ученых на эти реформы и представить основные подходы в решении проблемы.

Ключевые слова: смешанные браки, Ездра, Неемия, Иудея, репатриация, эндогамия, экзогамия, чистота, законы, яхвизм

Для цитирования: Егизарян Э.М. 2023. Смешанные браки: историографический обзор вопроса о разводах в провинции Иудея времени Ездры и Неемии. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 847–859. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-847-859

A Historiographical Survey of Divorce Issue in the Province of Judea During the Time of Ezra and Nehemiah

Eduard M. Egizaryan Zaoksky Adventist University of the Seventh-Day Adventist Christian Church,
43A Rudneva St., Zaoksky vil. 301000, Tula region, RussiaE-mail: eegizaryan@yandex.ru

Abstract. The article raises a question of interpretations of the marriage reform that took place in the 5th century BC and was undertaken by the leaders of the province of Judea, Ezra and Nehemiah. The lack of research on this topic in the Russian-language literature prompted the author of the article to present a historiographical overview of existing views and give a brief analysis of the genesis of the development of these ideas in the scientific world. The author of the article tried to trace the development of the views of scientists on these reforms and present the main approaches to solving the problem. Harsh methods in the implementation of reforms served to establish self-identification during the difficult period of



repatriation, but there were also softer approaches. A study of sources does not allow us to speak at the moment about a complete understanding of the motives and reasons for the prohibition of mixed marriages and a fairly harsh approach to those guilty of exogamy. The article contains three main sections: Problem, Attempts to solve, Results and conclusions.

Keywords: mixed marriages, Ezra, Nehemiah, Yehud, repatriation, endogamy, exogamy, purity, laws, Yahwism

For citation: Egizaryan E.M. 2023. A Historiographical Survey of Divorce Issue in the Province of Judea During the Time of Ezra and Nehemiah. *Via in tempore. History and political science*, 50(3): 847–859 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-847-859

Введение

Репатриация иудеев из вавилонского плена (VI в. до н. э.) явилась началом важнейшей эпохи в судьбе народа. Восстановлению подлежали практически все религиозные и общественные институты. Опыт плена «провоцирует» построить новое общество, которое было бы основано на законах, полученных ещё в до-пленную эпоху от вождей и пророков. Переосмысление истории и новых возможностей прокладывает путь для структурного изменения всей общественной системы. Это переосмысление истории позволяет увидеть в репатриации новый Исход, только теперь уже из Вавилонского рабства. Соответственно, заданные Исходом рамки диктуют необходимость воплощения в жизнь древних требований, данных при исходе из Египта. Именно поэтому у реформаторов Ездры и Неемии речь идёт о требованиях, касающихся строительства Храма, чистоты брака, десятины и других вопросов.

Вместе с тем видение реформаторов Ездры и Неемии не всегда согласовывалось с представлениями иных интеллектуальных кругов в отношении намеченного курса. Примером тому служит отношение к смешанным бракам. Этому вопросу, а также различным позициям, сложившимся в историографии этого вопроса, посвящена настоящая статья.

Объект и методы исследования

Объектом исследования в этой статье является историография вопроса о смешанных браках в провинции Иудея в V в. до н. э. Поднятая в середине прошлого столетия научная проблема вплоть до настоящего времени не решена. На разных этапах предлагались различные методы решения вопроса в контексте семейной реформы Ездры – Неемии. В статье предпринимается попытка на основании исследования работ учёных разных лет представить основные проблемы вопроса и их решения.

Проблема

Исторические источники недвусмысленно дают понять, что в провинции Иудея середины V века проживало довольно разнородное население. Это были и иноплеменники, примкнувшие к религии евреев, и иностранные женщины, вступившие в брак с евреями, а также дети, родившиеся от таких этнически смешанных браков. Реформа семьи, «учиненная» Ездрой, а впоследствии Неемией, стала одним из самых ключевых вопросов периода реставрации. Очищение народа от «элементов», названных у Ездры народами земли (евр. *'amê-ha'ārāṣôt*), по-видимому, было основано на более ранних законах, таких как Лев 18:24–30, Втор. 23:4–9 и Втор. 7:1–6, ставших ведущим фактором в эксклюзивистской программе. Желание проведения реформ в Тора-центрическом ключе приводит к ряду существенных проблем, которые требуют разрешения. Прежде всего, речь может идти о толковании Торы и использовании ее законов в период после плена. Как верно подмечает Фишбейн, это была община, ищущая Яхве посредством Торы, и «именно эта ориентация и ее последующее поведение определяют «сообщество изгнанников» и тех, кто к ним при-

соединился, помимо «нечистоты» местного населения (Ездра 6:21)» [Fishbane, 1985, p. 114]. Кроме того, важен вопрос и политической подоплеки, которая, несомненно, имела место. Интрига отчасти заключается в том, что Книга Ездры заканчивается как раз в том месте, когда князья жалуются ему на тех соплеменников, у кого были иноплеменные жены, и мы не узнаём, действительно ли давшие клятву отпустить своих жен осуществили свои намерения (Ездра 10:19). Ключом к разгадке этой интриги, вероятно, является то, как князья представили Ездру эту проблему, и в том, как эта жалоба была отражена в молитве Ездры [Fishbane, 1985, p. 115].

Внимательное чтение источника показывает, что жалоба князей не была прямой. Она являла собой аллюзию на текст Второзакония 7:1–3 и 6, в котором говорится о семи автохтонных ханаанских народах, с которыми израильскому народу запрещалось вступать в брачные связи. Однако к списку народов из Пятикнижия князья добавляют три не автохтонных народа: аммонитян, моавитян и египтян. Эти народы фигурируют еще в одном списке Второзакония (23:3–8), где говорится, что аммонитяне и моавитяне не могут войти в общество Господне и в десятом поколении, а египтяне могут войти только в третьем поколении. Таким образом, напрашивается вывод – князья расширяют список автохтонных народов, поскольку евреи выбрали себе в жены именно аммонитянок и моавитянок (см. Неем. 13:23). У Неемии упоминаются также и жители Азота (Ашдода), что добавляет и политический подтекст проблеме браков, поскольку его жители наряду с Санавалатом, Товией и другими противились строительству стен Иерусалима (Неем. 4:7, 8). Импульсивная реакция Неемии, как полагает Дэвид Клайнс, в отношении тех, кто не принял его интерпретацию закона в виде включения этих рас в запрещенную категорию, очевидно, должна была сопровождаться более долговечным шагом, а именно переформулировкой закона, чтобы избежать дальнейших споров [Clines, 1981, p. 117]. Поскольку подобный запрет напрямую связан с определением израильского народа как «святого семени» (Ездра 9:2, ср. Втор. 7:6), благодаря этому стал оправдан и дальнейший сепаратизм.

Попытки решения

Обсуждению данной проблемы посвящено множество работ, и, как следствие, было предложено множество решений, хотя необходимо отметить, что не все из них одинаково были приняты научным сообществом.

Этническая чистота

Одним из первых учёных, поднявших вопрос смешанных браков, стал Эпстайн. В своей классической работе, посвящённой законам о браке в Библии и Талмуде, Эпстайн утверждает, что эндогамия являлась «общим правилом» среди «примитивных восточных племен» [Epstein, 1942, p. 145], хотя в целом он представляет эволюционный взгляд на развитие запрета на смешанные браки. С его точки зрения, за ранним библейским периодом «невинности» (формулировка Эпстайна) последовал новый взгляд на смешанные браки, когда попытка избежать таковых изменилась от социального предпочтения к юридическому запрету. Эпстайн помещает создание закона в новые образовавшиеся политические конфликты и (очевидно новый) «антагонизм по отношению к этически деградировавшим культурам язычников» [Epstein, 1942, p. 153]. Ученый выявил несколько причин того, почему первоначальное отвращение к смешанным бракам затем привело к прямым запретам. Он перечисляет эти доводы в хронологической последовательности: 1) обычай эндогамии; 2) вражда с другими группами; 3) религиозные различия с другими группами; 4) расовые различия (желание сохранить кровь чистой или свободной от смешивания); и 5) самосохранение во времена угрозы ассимиляции. Кристин Хейз подмечает, что в этом списке Эпстайна отсутствует ритуальная нечистота язычников [Hayes, 1999, p. 4] и признает в этом его правоту.



Таким образом, не до конца ясно, рассматривает ли учёный это развитие как некую ксенофобную реакцию на политическую стабильность, как часть высшей священнической традиции эндогамии или просто как правовое оформление культурного предпочтения эндогамии [Epstein, 1942, p. 154, 156]. Эпстайн утверждает, что «правило эндогамии» создало «барьер против смешанных браков с другими расовыми группами» [Epstein, 1942, p. 149], хотя такой запрет «существовал на стадии эндогамного социального правила, допуская исключение» [Epstein, 1942, p. 151]. Поэтому, приводя ряд библейских примеров, он приходит к выводу, что, помимо библейского предпочтения эндогамии, библейское отношение к смешанным бракам было нейтральным. Исследователь поясняет, что существовал «определённый библейский стандарт брака между близкими родственниками» [Epstein, 1942, p. 146], вместе с тем подчёркивая, что это не привело к запрету на экзогамные браки. В отношении же запрета Ездры на смешанные браки, Эпстайн заключает, что признание смешанных браков было в то время нормативной позицией, поэтому никакие аргументы против смешанных браков в тот период не могли быть каноном.

Итак, несмотря на довольно непростые построения, учёные отметили, что позиция Эпстайна выстраивается на том, что проблема связана с расовой чистотой и чистотой крови. Будучи некогда популярной в некоторых научных кругах, сегодня такая позиция считается несколько маргинальной.

Довольно-таки близкой по духу работе Эпстайна была работа Дэвида Блича. В его исследовании запрет на смешанные браки был охарактеризован как «основа еврейской этнической идентичности», а также как запрет на акт настолько ужасный, что «среди евреев нет более отвратительной практики, чем смешанные браки» [Bleich, 1983, p. 268]. В подобных работах смешанные браки часто рассматриваются как синоним идолопоклонства, так что вера в вечный запрет смешанных браков становится решающей для защиты монотеизма. Исследователь Лалив Кленман очень нелестно отзывается о работе Блича, когда говорит, что в его работе «смешанные браки становятся самым презренным актом в иудаизме», поскольку «Еврейская идентичность и Еврейский монотеизм основаны на существовании, поддержании и принуждении к запрету смешанных браков» [Clenman, 2009, p. 4, 5].

Эндогамия и экзогамия

Ещё один исследователь, которого необходимо упомянуть, – Лу Зильберман. В своей статье он рассматривает развитие правовых, галахических норм в отношении вопроса о смешанных браках. Свой обзор Зильберман начинает с Библии и заканчивает современной эпохой. Подобно Эпстайну, учёный утверждает, что в библейские времена предпочтение отдавалось эндогамии (как племенной, так и национальной), хотя и полагает, что экзогамия все еще «возможна» [Silberman, 1968, p. 2]. Он приходит к выводу, что, в то время как библейская традиция встретила экзогамию «социальным осуждением», «безусловно», не было никакого подавления, и степень этого социального осуждения остается неопределённой [Silberman, 1968, p. 3].

Зильберман критикует некоторые из противоречивых заявлений Эпстайна, например, что браки израильских и иудейских царей были свидетельством о предпочтении эндогамии, с одной стороны, и его утверждения, что царская власть «приветствовала смешанные браки», с другой [Epstein, 1942, p. 150, 154].

На основании того факта, что существуют библейские примеры смешанных браков, и из молчания Левит 18 (в котором говорится о половых запретах) по поводу смешанных браков, Зильберман делает вывод, что «никакого эффективного запрета не существовало и не предполагалось в период до плена» [Silberman, 1968, p. 3].

Зильберман также критикует идею Эпстайна о том, что, в отличие от более раннего периода, период Ездры характеризовался «расовой идеологией» [Epstein, 1942, p. 162; Silberman, 1968, p. 5]. Он утверждает, что попытка создать «закрытое общество» была

«основана на сложной историко-политико-религиозной концепции» [Silberman, 1968, p. 6]. Автор заявляет, что подход Ездры не был новаторским, скорее он просто добавил новое рвение и политический авторитет, которые на короткое время придали действенности движению против смешанных браков. Зильберман отмечает, что даже во времена Ездры смешанные браки не считались недействительными, однако ослабленная или находящаяся под угрозой еврейская община стремилась еще больше отделиться от язычников, и в этот период Ездры очень похож на более поздний таннаитский период.

Работы Шея Коэна представляют особый интерес, поскольку ученый сосредоточил свое внимание на периферийных вопросах, относящихся к смешанным бракам. В частности, одним из таких вопросов является проблема развития матрилинейного принципа. В своем теоретическом подходе Коэн позиционирует себя в качестве позитивиста. Это видно из его заявления: «Я изучаю прошлое, чтобы делать положительные утверждения о том, что, по моему мнению, произошло или не произошло. Я изучаю не только исторические предания о событии, но и само событие» [Cohen, 1999, p. 347]. Чтобы произвести относительно новаторское и важное исследование, Коэн постоянно сосредотачивается на текстовом анализе и пытается привязать текстуральные и правовые изменения или подходы к социально-историческим реалиям. Подмечается, что авторские связи между анализом текста и историческим анализом у Коэна иногда последовательны, а иногда и противоречивы [Clenman, 2009, p. 17].

В общих чертах Коэн утверждает, что границы между евреями и язычниками в древности были достаточно расплывчатыми. Однако само раввинское отношение к смешанным бракам было создано историческими условиями. В некоторых случаях позиция Коэна несколько противоречива. С одной стороны, он пишет, что раввинский период характеризовался усилением законодательства в области смешанных браков, поскольку библейская правовая система не отвечала их потребностям в этой области [Cohen, 1983, p. 36]. С другой стороны, он отмечает, что «Раввины Мишны и Талмуда жили в обществе, которое... не сильно пострадало от смешанных браков» [Cohen, 1983, p. 36], а также подчеркивает индифферентное отношение раввинов к смешанным бракам, подкрепляя это ссылкой на относительное молчание Мишны (за исключением Санхедрин 9:6) и Палестинского Талмуда, где «слишком уж редко обсуждается этот запрет» [Cohen, 1983, p. 28]. Поэтому не совсем ясно, существовала ли в раввинистический период потребность в таком законодательстве, которое не могло быть удовлетворено хотя бы некоторыми элементами библейской правовой традиции, или же в таком законодательстве не было никакой необходимости, поскольку смешанные браки не представляли никакого интереса и не были проблемой вообще.

Исследователь прямо заявляет, что «Раввины Талмуда знали историческую правду: пост-библейский иудаизм, а не Писание является источником общего запрета на смешанные браки» [Cohen, 1983, p. 28]. Коэн считает, что запрет возник в период Второго Храма в связи с потерей национального суверенитета, когда «евреи чувствовали, что их выживание зависит от их идеологического (или «религиозного») и социального отделения от внешнего мира» [Cohen, 1983, p. 36]. Кроме того, Коэн также объясняет запрет на смешанные браки «раввинской заботой о надлежащей родословной и генеалогической чистоте» [Cohen, 1999, p. 343]. Этот запрет прошел определённый путь становления: был инициирован в период Ездры – Неемии, в более позднюю Маккавейскую эпоху получил дальнейшее развитие, а в талмудический период был существенно завершён [Cohen, 1983, p. 23].

Итак, можно сказать, что Коэн уверен, что не существовало общего библейского запрета на смешанные браки и что «Раввины Талмуда были первыми, кто разработал последовательную и подробную экзегезу, оправдывающую запрет смешанных браков, даже если некоторые из них также понимали, что этот запрет, с исторической точки зрения, на самом деле был продуктом периода второго храма» [Cohen, 1999, p. 262]. Учёный не обходит вниманием также и то, что оба Талмуда, во-видимому, предполагают, что библейские запреты распространяются только на семь народов.



Смешанные браки у Ездры – Неемии

Далее следует отметить несколько очень важных работ Кристин Хейз, посвящённых отдельным вопросам, связанным со смешанными браками. В своих исследованиях она обращается к проблеме общего запрета на смешанные браки, их природе и происхождении. Ее главный посыл заключается в том, что палестинский раввинистический подход к смешанным бракам может быть понят только в его собственном историческом контексте Второго Храма и раннего христианства. Поэтому, обращаясь в своей книге к периоду Ездры и Неемии, Хейз утверждает, что для Ездры было настоящим нововведением определить еврейскую идентичность почти исключительно в генеалогических терминах. Это новое определение резко контрастировало с более ранним морально-религиозным подходом, при котором интеграция неизраильтян и смешанные браки были возможны. Этот морально-религиозный подход был связан с определенной моральной нечистотой, которая была вызвана поведением и ни в коем случае не была врожденной или передаваемой нечистотой [Hayes, 2002].

С точки зрения Хейз, Ездра определил потомство священников, состоящих в браке, генеалогически нечистыми и превратил это священническое свойство в национальное. Таким образом, весь Израиль стал святым семенем, и между евреями и язычниками была создана непреодолимая граница, поскольку генеалогия не могла быть исправлена никаким образом в поведении или посредством смешанных браков. Согласно этому новому подходу, смешанные браки стали серьезным нарушением, поскольку они были равносильны осквернению святости. Хейз утверждает, что священный статус Израиля аналогичен статусу священников, которые также были отделены от более крупной группы людей. Подобно тому, как святое семя священника сохраняется посредством определенных брачных ограничений, так и брачные ограничения необходимы для сохранения святого семени обычного израильянина [Hayes, 1999, p. 9]. Хотя Ездра не использует слово «профанация», Хейз вносит это понятие, говоря о смешанных браках (Ездра 9:2; 10:19), поскольку профанация святого семени действительно является его заботой. В Книге Ездры 9:2 смешанные браки обозначаются словом *ma'al*, или святотатством, техническим термином, обозначающим осквернение или профанацию святилища, в случае которой должна быть принесена жертва повинности (евр. *'āšām* см. Левит 5:15, 16) [Hayes, 1999, p. 10]. Таким образом, в период Второго Храма можно найти, по-видимому, всеобщий запрет на смешанные браки по той оригинальной причине, что брачный союз с язычником профанирует (то есть делает несвятым) святое семя [Hayes, 1999, p. 9, 10].

Помимо взгляда Хейз в этом разделе, необходимо упомянуть ещё двух женщин, внесших свой вклад в интерпретацию брачной реформы Ездры – Неемии. Сначала проанализируем позицию Йонины Дор. В своей важной статье под названием «Обряд расставания с чужеземными женами у Ездры – Неемии» (*The Rite of Separation of the Foreign Wives in Ezra – Nehemiah*) [Dor, 2011] Дор практически с самого начала говорит о том, что предпочитает идентифицировать иностранных женщин как «потомков израильтян, которые не были депортированы» [Dor, 2011, p. 173]. Автор видит в книге Ездры – Неемии явный антагонизм между репатриантами и израильтянами, не пошедшими в плен, и полагает, что именно поэтому противодействие касается также общения с этими «иностранцами», особенно женитьбы на их дочерях. Кульминацией вопроса стала череда событий, в которых лидеры и толпа решают изгнать иностранцев. Однако важно отметить, что литературно-текстуальный анализ Ездры 9–10, ранее проведённый Йониной Дор в другой её статье [Dor, 2003, p. 29–41], привёл её к выводу, что события разделения иностранок являются просто символическими церемониями или ритуалами, призванными дать возможность принять посторонних в сообщество [Dor, 2011, p. 174]. Чтобы аргументировать это предположение, Дор сосредотачивает внимание на трех моментах: а) шагах, которые были предприняты для установления отдельной личности возвращающихся, б) идентификации

ритуала разделения и в) значении ритуального решения «очистить» сообщество репатриантов. Это позволяет Дор утверждать, что «вся эта история – просто описание церемоний» [Dor, 2011, p. 177].

Тем не менее совокупность исследования всех трех моментов приводит автора к нескольким важным выводам: 1) шесть повторений событий разделения в книге Ездры – Неемии и характеристики этих событий представляют собой просто ритуалы; 2) первые вернувшиеся взяли себе жен из числа коренного населения, потому что изначально считали их израильтянками. Лишь позже, после создания сепаратистской группировки, эти браки были осуждены как греховные. Дилемма была решена путем компромисса: они осудили уже совершенные ошибки, совершили церемонию отделения, публично обличили грех, а затем воздержались от каких-либо шагов, выходящих за рамки этих символических действий; 3) церемония была призвана, чтобы дать возможность принять посторонних как часть сообщества. Очищение разлученных людей символическим обрядом сделало возможным их воссоединение.

Важно отметить, что, по словам самой Йонины Дор, «это удивительно уникальная история; подобной истории нет ни в Библии, ни во всей еврейской литературе. Более того, идея массового изгнания замужних женщин, некоторые из которых были матерями детей, чужда библейскому духу и весьма непрозрачна». И тем не менее, несмотря на кажущуюся непостижимость, еврейская традиция приняла события разделения как точную информацию о действительно произошедшем изгнании [Dor, 2011, p. 176].

Следующим автором, внесшим свою лепту в историографию вопроса, стала Кэтрин Саутвуд. В своей статье «Святое семя: Значение эндогамных границ и их нарушение в Книге Ездры 9–10» (*The Holy Seed: The Significance of Endogamous Boundaries and Their Transgression in Ezra 9–10*) [Southwood, 2011] она берется за то, чтобы объяснить все возникшие проблемы в контексте брачной реформы Ездры особенностями такого явления, как «святое семя». Автор делит статью на две части, в первой из которых уточняются теории такого непростого понятия, как «брак», и представляются категории брака, а также анализируется гипотеза Блау (Blau) о разнообразии и смешении браков и может ли эта гипотеза быть полезной матрицей для понимания текста. Во второй же части Саутвуд пытается применить гипотезу Блау для понимания текста Ездры 9–10.

Автор статьи обнаруживает, что учёные находят странным, что Ездра принимается за образец благочестия, тогда как этот вид благочестия можно считать явно ксенофобским [Southwood, 2011, p. 189]. Поэтому она обращает внимание читателя на потенциальные особенности мировосприятия авторов текста, несмотря на его этические сложности. Представление «брачных» союзов в Ездры 9–10 рассматривается в контексте взаимоотношений внутри группы, рассматриваемых как мера сохранения своих пределов.

Говоря о видах смешанных браков, Саутвуд обращает внимание на полемику, развернувшуюся в отношении подходов к ним. С её точки зрения, гипотеза Блау лучше подходит для применения к повествованию книги Ездры, поскольку она заключается в том, что гетерогенность влияет на смешанные браки, поэтому и позволяет понять, как текст эффективно продвигает этнические границы [Southwood, 2011, p. 200]. В связи с этим во второй части статьи автор показывает, что этнический компонент, или границы, играют у Ездры крайне важную роль. Вместе с тем неоднократное повторение такого понятия, как «святое семя» (евр. *z'ra' hāqqōd'š*) (Ездра 9:2; см. Неем 9:2, 8), выравнивает многочисленные границы [Southwood, 2011, p. 199]. Она отмечает: «по сути, тех, кто присваивает себе титул «семя Авраама», принуждают подчиняться другим механизмам, определяющим идентичность. Легитимность внутри группы отмечена святостью, которая квалифицируется как передаваемая только через генеалогию». Соответственно, общий вывод предсказуем: «В результате создается радикальное, крайне ограничительное представление о тех, кого считают законным сообществом» [Southwood, 2011, p. 200].

Вместе с тем Саутвуд демонстрирует на основании приведённых доводов, что «святое семя» играет ключевую роль ещё и потому, что приводит к консолидации общества в



границах этнической идентичности. Она называет пять важнейших консолидированных границ, которые не могли пересекать те, кто у Ездры назван «народом земли» (евр. *'ām hā'ārēṣ*): этническая принадлежность, святость, религия, генеалогия и избрание [Southwood, 2011, p. 202]. В результате она приходит к нескольким важным выводам: гетерогамный выбор неизгнанного супруга-«израильтянина», независимо от религиозных пристрастий, является девиантным, поскольку нарушает границы сообщества, устанавливая точки пересечения различных групп. Более того, в Ездры 9–10 проявляется явное принуждение, в котором доминирует власть третьей стороны. Учитывая такого рода усиление власти третьих сторон, «отсылка» «иностранных» жен, независимо от того, является ли это исторической реальностью или нет, правдоподобна [Southwood, 2011, p. 207, 208].

Ещё одной интересной и важной работой в этой сфере является книга Майкла Сатлоу «Еврейский брак в древности» (*Jewish Marriage in Antiquity*), поскольку это исследование открывает новые горизонты в изучении брака в еврейских общинах. Основным тезисом автора является то, что «не существовало единой концепции “еврейского брака”» [Satlow, 2001, p. XIII]. По Сатлоу, самой, пожалуй, значительной трудностью для работы в этой области является отсутствие исторических данных. Ученые, заявляющие об исторических или социальных реалиях на основе доступной литературы, сталкиваются с очень сложной, если не невозможной задачей. Он справедливо предостерегает читателя относительно природы первоисточников, о которых у нас очень мало свидетельств, а некоторые из них несут искаженные свидетельства, особенно в персидский период (об этом периоде в нашем распоряжении имеется только Книга Ездры – Неемии и арамейские юридические документы из Египта). Автор осторожно использует имеющиеся доказательства, поэтому он отмечает: «Читатель, который обратится к еврейской литературе древности в поисках реальных еврейских брачных моделей эндогамии и экзогамии, будет сильно разочарован. Просто недостаточно данных, чтобы определить, в какой степени евреи на протяжении всей древности вступали в брак «внутри» или «вне». Вместо этого источники рисуют картину того, как евреи использовали категории экзогамии и эндогамии для формирования группы и самоидентификации» [Satlow, 2001, p. 160, 161].

Сатлоу задаёт важный вопрос: как такие сообщества изменяли и переосмысливали ценности, касающиеся эндогамии и экзогамии, в соответствии со своими конкретными потребностями. Исследователь утверждает, что всё совершалось с целью помочь в формировании групповой и индивидуальной идентичности, а также в идеологических целях.

Важно отметить и то, что Сатлоу предполагает, что осуждение экзогамии и оценка эндогамии оставались неизменными с библейских времен, однако точные границы этих практик не были установлены. Эти границы были разными и использовались для достижения разных целей в разных сообществах и исторических периодах. Сатлоу подчеркивает важность рассмотрения подходов к смешанным бракам с учетом их соответствующего контекста, включая любые политические или социальные влияния, которые могли иметь формирующее влияние. Автор дает замечательный обзор имеющихся свидетельств, включая и документы еврейской общины Элефантины [Satlow, 2001, p. 135–147].

Итак, мы видим, что Сатлоу затрагивает не только проблемы, касающиеся непосредственно периода Ездры и Неемии, он пытается сделать выводы, в том числе и на основании немногочисленных документов персидской эпохи, как этот период с его вызовами привёл в последующую, раввинистическую, эпоху к принятию более жестких законов и формулировок, касающихся смешанных браков. Таким образом, такие ученые, как Коэн, Хейс и Сатлоу, провели анализ идентичности, нечистоты и брака, соответственно, применительно к более широкому контексту, будь то исторический, культурный, религиозный или правовой.

Несмотря на попытку ученых смотреть на вопрос с общих позиций, было бы интересно более детально взглянуть не только на Книгу Ездры – Неемии и их понимание вопроса, но и на другую литературу этого же периода, в которой, по-видимому, вопрос сме-

шанных браков стоит не так остро. Тем более что в современной литературе сделано немало в исследовании этого вопроса.

Позиции таких ученых, как Эпстайн, Блич и других, задали определенный вектор в исследовании генеалогии израильтян и в частности их собратьев иудеев как части народа. По этому поводу Гари Кнопперс отмечает, что «многослойная картина развития Иудеи подчеркивает ее этническое и социальное разнообразие. Некоторые группы хорошо интегрированы в племя, в то время как другие только слабо связаны с ним» [Knoppers, 2001, p. 29]. Его исследование позволяет сделать важный вывод о том, что достаточно сложные доказательства, которые можно вывести из Иудейской генеалогии, демонстрируют, что Ездрой и Неемией дано упрощенное и одностороннее представление о ранней еврейской общине в Иерусалиме. Писания же, наряду с доказательствами, представленными эпиграфикой, свидетельствуют о том, что в Иерусалимской общине было гораздо больше голосов, чем некоторые готовы были одобрить [Knoppers, 2001, p. 30]. Вероятно, с такой позицией трудно не согласиться.

Акцент на проблеме идеологии чистоты у Ездры и Неемии сделал профессор из Брауновского университета Саул Ольян. Его статья [Olyan, 2004, p. 1–16] является некоей реакцией на работу Кристин Хейз и Джонатана Клаванса [Klawans, 2000] (работу последнего ученого в данной статье мы не рассматриваем). Автор критикует Хейз за то, что она не осознала сложной взаимосвязи идеологии чистоты Ездры – Неемии с традициями, из которых она развивалась [Olyan, 2004, p. 15]. Он не соглашается с ее позицией, что ритуальная нечистота не играет никакой роли в нападках у Ездры – Неемии на чужаков и смешанные браки, а также что только моральная и генеалогическая нечистота связана с иностранцами в Ездры – Неемии [Olyan, 2004, p. 15]. Поэтому Ольян пытается доказать, что у Ездры – Неемии иностранцы связаны с осквернением трех различных типов. Во-первых, «идолопоклонство», сексуальные преступления или другие обычаи, практикуемые самими иностранцами и иудеями с ними, угрожают чистоте земли, а следовательно, и существованию Израиля, как это показано в Ездры 9. Во-вторых, в Неем. 13:28–30 брак с чужеземцами оскверняет родословную евреев. И, в-третьих, в Неем. 13:4–9 иностранцы представлены как «ритуальные» загрязнители. Таким образом, ученый приходит к выводу, что в Книге Ездры – Неемии идеи как «ритуальной», так и «моральной» нечистоты представляют собой новую, сложную и беспрецедентную идеологию загрязнения посредством чужестранцев. Поэтому Ездры 9 не только опирается на более ранние отрывки, такие как Левит 18, где содержатся законы о сексуальной чистоте, но в своей попытке ассоциировать иноплеменников с оскверняющим поведением представляет их как угрозу Израилю.

Интересным исследованием стала работа Боба Бекинга [Beking, 2011], посвященная периоду Ездры и Неемии в контексте возникновения ранней иудейской идентичности. Среди различных важных вопросов Бекинг поднимает проблему идентификации «иностранцев» женщин в Ездры 9–10. Для решения поставленных вопросов ученый пытается исследовать список репатриантов, содержащийся в Ездры 2 // Неемии 7 на предмет иностранных, нееврейских имён. Этот раздел исследования показывает, что в содержащихся списках присутствуют люди, имена которых содержат неизраильские теофорные элементы. И, хотя автор считает, что данный факт «по определению не является четким указанием на многоэтнический или многоконфессиональный характер населения», он полагает, что это весьма примечательно [Beking, 2011, p. 64]. Поэтому, не удовлетворяясь только одним типом документа, Бекинг обращается к археологическим данным, а именно к Остракону VII, найденному в Тель-Мазаре, Самарийскому папирусу из Вади эд-Делийе, а также к Арамейскому архиву из древней Маккеды (все относятся к V–IV вв.). Вывод Бекинга на основании источников заключается в том, что только архив из древней Маккеды, который находился вне границ провинции Иудея, «ясно намекает на возможность мультиэтничности и/или политеизма» [Beking, 2011, p. 70]. Присутствие же в персональных именах не-Яхвистских элементов в остальных документах может показывать присутствие неизраильских элементов в населении Иудеи. Общий вывод в отношении «иностранцев»



женщин состоит в том, что: 1) «иностранные женщины» могли быть «менее иностранными, нежели это представлено в тексте»; 2) существовала смутная угроза, что в контексте непредсказуемости последствий таких браков они могли вызвать дискомфорт в обществе, что могло бы привести к использованию механизма козла отпущения; 3) эти наблюдения и замечания согласуются с идеей о том, что повествования Ездры и Неемии на самом деле отражают внутреннюю полемику яхвистов, охоту на ведьм [Beking, 2011, p. 72, 73].

Смешанные браки в других источниках исследуемого периода

Если говорить о смешанных браках не только с точки зрения Ездры – Неемии, а учитывать позиции других авторов этого же периода, то здесь необходимо упомянуть важную работу Фани Сниман [Snyman, 2017, p. 175–187]. В своей недавней статье она представила разницу в отношении смешанных браков между Ездрой – Неемией и пророком Малахией (2:11–16), служение которого также связано с персидским периодом, хотя исследователи и дискутируют относительно точного времени появления его книги. Позиция Сниман заключается в том, что проблема смешанных браков у Малахии имеет менее сложный характер, чем у Ездры и Неемии. Это проявляется даже в различии объемов текстов, в которых затрагивается обсуждаемый вопрос у этих авторов (формально всего два стиха у Малахии против целых двух глав у Ездры и шести стихов у Неемии). Кроме того, у Ездры – Неемии в этот объем текста включены молитва, исповедание, а также решение о том, что все мужчины, взявшие за себя иностранных жен, должны отпустить их. Что крайне важно, у Ездры – Неемии вся эта история подается посредством сложной терминологии (отчасти о ней уже шла речь при обсуждении работы Хейз). С точки зрения Сниман, у Малахии разделение или развод не рассматривается в качестве возможности для решения проблемы [Snyman, 2017, p. 181]. Сниман представляет доводы в пользу того, что у Ездры – Неемии смешанные браки запрещены не столько по религиозным мотивам, сколько в основном на основаниях националистических и культурных различий, таких как языковая проблема [Snyman, 2017, p. 181]. Необходимо отметить, что упомянутое немного выше исследование Ольяна ослабляет позицию Сниман, поскольку он доказал, что вопрос у Ездры – Неемии связан с идеологией чистоты. Тем не менее Сниман абсолютно права в том, что у Малахии, в отличие от Ездры – Неемии, не упоминаются народы, а также неизвестно, к какому народу относится «дочь чужого бога» (Мал 2:11). К тому же в Ездры – Неемии приводятся имена иудеев, причастных к смешанным бракам, в то время как у Малахии этот вопрос представлен в более общих терминах. Отсюда Сниман делает очень важный вывод: «у Малахии не было узколобого подхода и, следовательно, ему присуще более мягкое отношение к проблеме смешанных браков» [Snyman, 2017, p. 181]. При этом возникает важный вопрос, отчего у Ездры – Неемии и Малахии отличаются взгляды на эту сложную проблему?

Можно предложить две точки зрения: 1) Малахия писал до брачной реформы Ездры, и в таком случае его «мягкий» подход усиливается во времена Ездры; 2) Малахия писал позже реформ Ездры, и тогда он демонстрирует более снисходительное отношение к смешанным бракам. В целом нельзя сказать, что Малахия равнодушен к этой проблеме. Глазиер-Макдоналд в своё время предположил, что переживания пророка, вероятно, были связаны с тем, что смешанные браки некоторых вели к синкретизму [Glazier-McDonald, 1987, p. 610]. На этом этапе можно привести по крайней мере три довода в пользу того, что Малахия мог писать после реформ Ездры – Неемии: 1) у Малахии не названы никакие народы, но говорится лишь о «дочери чужого бога» (Мал 2:11), фраза, не обязательно подразумевающая иностранцев [Glazier-McDonald, 1987, p. 604], она может означать женщин-евреек [Hvidberg, 1962, p. 120], поклоняющихся не Яхве, а какому-то другому богу; 2) у Малахии Бог придет для суда, поскольку в народе «отталкивают пришельца» (евр. *gēr*), иначе говоря, иностранцев попирают; 3) если признать, что Книга Руфь была написана в этот же период, то становится понятным, что пытался сказать автор этого произведения, поскольку главным

его героем является моавитянка Руфь, будучи вдовой, пришедшая в город Вифлеем и позже ставшая прабабушкой самого известного израильского царя, Давида.

То есть автор хотел продемонстрировать: вопреки тому, что Руфь также была моавитянкой, «политика» реформаторов была направлена на освобождение от иностранного компонента, в частности против жен-моавитянок. Поэтому возможно, что такой была реакция Малахии на достаточно резкий подход, предложенный Ездрой и Неемией на смешанные браки. В свою очередь это означает, что подходы реформаторов разделялись не всеми, но существовали духовные лидеры, подобные Малахии, кто не разделял подобной «ревности». Хотя нужно сказать, что сам Малахия тоже заботится о чистоте культа и переживает из-за того, что в Иудее и после плена появляются люди, исповедующие синкретические взгляды. Таким образом, Малахия имел дело не с чисто социальным, или даже религиозным преступлением, он имел дело с социальными и религиозными последствиями, когда еврей разводился с одной женой и брал другую, иногда иностранку [Glazier-McDonald, 1987, p. 610]. Иначе говоря, он усматривает несколько иные аспекты в понимании этой проблемы, нежели Ездра и Неемия.

Еще одним важным источником является Книга Паралипоменон, в которой также поднимается вопрос о смешанных браках. Кроме того, эта книга также была написана в иудейской среде периода репатриации, благодаря чему автор, очевидно, был знаком с реформами Ездры и Неемии. Однако в Книге Паралипоменон представлен иной взгляд на смешанные браки. Марш и Левин исследуют этот вопрос в своей статье [Marsh I., Levin Y, 2018, p. 125–139]. Из 90 женщин, упомянутых в Книге Паралипоменон (как названных по имени, так и анонимных), 47 упоминаются в параллельных местах, особенно в Книге Царей (3 и 4 Царств). Почти половина из них – женщины, которые известны нам только из Паралипоменонона, и они не упоминаются более нигде. Сам факт, что автор Паралипоменонона упомянул их, указывает на то, что они, вероятнее всего, имели какое-то значение для его замысла. По крайней мере четырнадцать из этих женщин состояли в смешанных браках [Marsh I., Levin Y, 2018, p. 130, 131]. Тем не менее из текста Паралипоменонона видно, что автор предосудительно относится к смешанным бракам, в противном случае он мог бы критиковать их, как критиковал по многим другим вопросам. Марш и Левин показывают в своей статье, что «поскольку летописец вводит критику, когда это ему удобно, отсутствие такой критики в отношении смешанных браков существенно для нашего понимания его идеологии» [Marsh I., Levin Y, 2018, p. 139]. Поскольку автор Паралипоменонона жил в Иудее, он воспринимал жителей этой провинции своей основной аудиторией, а это значит, что с его точки зрения община «должна иметь возможность принимать смешанные браки, не ставя под угрозу свою веру или свое единство» [Marsh I., Levin Y, 2018, p. 139]. Поэтому, с позиции автора, язычник, вступивший в брак с евреем и живущий в Израиле, придет поклоняться Богу Израиля, поэтому община не должна чувствовать угрозы смешанных браков и должна быть в состоянии принять таких язычников в свою среду.

Итоги и выводы

Здесь были рассмотрены далеко не все работы, посвященные проблеме смешанных браков, поскольку в настоящее время по этой теме выходит очень много литературы. Тем не менее предпринята попытка обратить внимание русскоязычного читателя на эту непростую проблему, рассмотрев при этом самые важные труды известных авторов. Представленные в статье взгляды и, соответственно, их анализ расположены в хронологическом порядке, что позволяет проследить некую динамику развития историографии вопроса. На основании всего вышеизложенного можно подвести некоторые итоги и сделать выводы:

1. Попытки более ранних исследователей, таких как Эпстайн (и несколько позже Блича), представлять проблему смешанных браков в категориях расовой чистоты и чистоты крови подверглась критике, поскольку в данной позиции не было учтено целого ком-



плекса проблем, на которые обратили внимание более поздние ученые. Например, что провинция Иудея отличалась намного большим этническим и социальным разнообразием, нежели предполагали Эпстайн и Блич.

2. Ряд исследователей, таких как Зильберман и Коэн, сосредоточили свое пристальное внимание на законах Пятикнижия, касающихся смешанных браков. При том, что предпочтение отдавалось эндогамии, тем не менее до плена никакого эффективного запрета на экзогамию не существовало и не предполагалось. Более того, Коэн пишет, что границы между евреями и язычниками в древности были достаточно расплывчатыми. Отсюда и общий вывод: источником общего запрета на смешанные браки является не Писание, а пост-библейский иудаизм.

3. Попытка более глубокого исследования контекста привела к выводам о том, что у Ездры – Неемии иностранцы связаны с осквернением различных типов. Поэтому идеи как «ритуальной», так и «моральной» нечистоты представляют собой сложную и беспрецедентную идеологию загрязнения посредством чужестранцев.

4. Некоторые исследователи, и среди них Йонина Дор, предпочли идентифицировать иностранных женщин у Ездры как потомков израильтян, которые не были депортированы. Поскольку антропологическая литература дает несколько четких особенностей ритуала, в данной концепции был сделан однозначный вывод – разлучение с иностранными женами было ритуалом.

5. В некоторых работах, примером которой является статья Кэтрин Саутвуд, авторы задаются важнейшим вопросом методологии и подходами к исследованию смешанных браков. Вооружившись современной научной методологией социологии и антропологии, учёные приходят к подтверждению (либо опровержению) тех или иных взглядов, в том числе и на брачную реформу Ездры – Неемии.

6. Привлечение археологического материала указывает на присутствие не-израильских элементов в населении Иудеи, а также вероятно, что повествования Ездры – Неемии на самом деле отражают внутреннюю полемику яхвистов.

7. Обращение к библейским источникам того же периода, что и Ездра – Неемия, указывает на самый важный вывод: в иудейском обществе V века в отношении смешанных браков существовала не только одна единственная позиция, собственно Ездры – Неемии. Можно говорить о том, что этот крайне резкий взгляд был присущ только религиозно-политической верхушке, озабоченной проблемой сохранения еврейской идентичности. Однако наличие таких библейских книг, как Руфь, Паралипоменон, Малахия (и, возможно, Иона), свидетельствует о достаточно разнообразной, мультиэтнической картине иудейского общества в V веке до н. э. В этом смысле очень прав был Сатлоу, сказав, что «тексты посредничают между социальными ценностями и невозможностью их реализации» [Satlow, 2001, p. XX].

В заключение необходимо ещё раз отметить, что представленная статья является всего лишь попыткой продемонстрировать самые важные выводы в существующей дискуссии на тему смешанных браков. Современная ситуация в учёном мире такова, что к моменту публикации какого-либо труда, будь то статья или монография, этот труд уже становится устаревшим, поскольку выходит очень много литературы, в том числе и на выбранную в данной статье тему. За пределами статьи осталось много не упомянутых работ и учёных, однако в выводах представлены самые важные тенденции, связанные с анализом и исследованиями смешанных браков во времена Ездры и Неемии.

References

- Beking B. *Ezra, Nehemiah, and the Construction of Early Jewish Identity*. Tübingen, Germany, 2011.
Bleich D.J. *The Prohibition Against Intermarriage. Contemporary Halakhic Problems. Volume II*, New York: Ktav Publishing House, 1983.



- Clenman L. "Is She Forbidden or Permitted?" (bSanhedrin 82a): A Legal Study of Intermarriage in Classical Jewish Sources. A thesis Submitted in Conformity with the Requirements for the Degree of PhD. University of Toronto, 2009.
- Clines D. Nehemiah 10 as an Example of Early Jewish Biblical Exegesis. *Journal for the Study of the Old Testament*, 21. 1981, P. 111–117.
- Cohen S. From the Bible to the Talmud: the Prohibition of Intermarriage. *Hebrew Annual Review*, 7. 1983. P. 23–39.
- Cohen S. *The Beginnings of Jewishness: Boundaries, Varieties, Uncertainties*. Berkeley: University of California Press, 1999.
- Dor Y. The Composition of the Episode of the Foreign Women in Ezra IX–X. *Vetus Testamentum*, Jan., 2003, Vol. 53, Fasc. 1 (Jan., 2003), P. 26–47.
- Dor Y. The Rite of Separation of the Foreign Wives in Ezra – Nehemiah // *Judah and the Judeans in the Achaemenid Period. Negotiating Identity in an International Context*. Eisenbrauns, 2011.
- Epstein L. *Marriage Laws in the Bible and Talmud*. Cambridge, MA Harvard University Press, 1942.
- Fishbane M. *Biblical Interpretation in Ancient Israel*. Oxford: Clarendon Press, 1985.
- Glazier-McDonald B. Intermarriage, Divorce, and the Bat-'el Nēkār: Insights into Mal 2:10–16. *The Journal of Biblical Literature*, Vol. 106, 1987, No. 4 (Dec.). P. 603–611.
- Hayes C. Intermarriage and Impurity in Ancient Jewish Sources. *Harvard Theological Review* 92 № 1:4. 1999. P. 3–36.
- Hayes C. *Gentile Impurities and Jewish Identities: Intermarriage and Conversion from the Bible to the Talmud*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Hvidberg F.F. *Weeping and Laughter in the Old Testament. A Study of Canaanite-Israelite Religion*. Sthumous Edition in English. E. J. Brill, Leiden - Nyt Nordisk Forlag. Arnold Busck, Kobenhavn, 1962.
- Klawans J. *Impurity and Sin in Ancient Judaism*. New York: Oxford University Press, 2000.
- Knoppers G.N. Intermarriage, Social Complexity, and Ethnic Diversity in the Genealogy of Judah. *The Journal of Biblical Literature*, Vol. 120, No. 1 (Spring). 2001. P. 15–30.
- Marsh I., Levin Y. Mixed Marriages in the Book of Chronicles – A Reflection of Social Attitudes in Persian-Period Yehud // *TRANSEUPHRATÈNE* 50. 2018. P. 125–139.
- Olyan S.M. Purity Ideology in Ezra – Nehemiah as a Tool to Reconstitute the Community. *Journal for the Study of Judaism in the Persian, Hellenistic, and Roman Period*, Vol. 35, No. 1. 2004. P. 1–16.
- Satlow M. *Jewish Marriage in Antiquity*. Princeton University Press, Princeton, 2001.
- Silberman L.H. Reprobation, Prohibition, Invalidity: an Examination of the Halakhic Development Concerning Intermarriage. *Central Conference of American Rabbis Journal (Reform)* 15:2. 1968. P. 2–15.
- Snyman F. Investigating the Issue of Mixed Marriages in Malachi, Ezra – Nehemiah and the Pentateuch. *Scriptura* 116:2. 2017. P. 175–187.
- Southwood K. The Holy Seed: The Significance of Endogamous Boundaries and Their Transgression in Ezra 9–10 // *Judah and the Judeans in the Achaemenid Period. Negotiating Identity in an International Context*. Eisenbrauns, 2011.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.09.2023

Received 29.09.2023

Поступила после рецензирования 01.11.2023

Revised 01.11.2023

Принята к публикации 01.11.2023

Accepted 01.11.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Егизарян Эдуард Михайлович, доцент кафедры теологии, Заокский университет Церкви Христиан-Адвентистов Седьмого Дня, п. Заокский, Тульская обл., Россия

Eduard M. Egizaryan, Associate Professor of Theology Department, Zaoksky University of the Seventh Day Adventist Church, Zaoksky village, Tula region, Russia

 [ORCID: 0000-0002-4554-9457](https://orcid.org/0000-0002-4554-9457)



УДК 94(495).04
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-860-867
Оригинальное исследование

Этническая принадлежность архонтов по данным греческой версии «Морейской хроники»

Фролов Д.Л. 

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Россия, 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87
E-mail: dlfrolov.hdf@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена определению этнической принадлежности лиц, упомянутых создателем греческой версии «Морейской хроники» в качестве архонтов. Автор проводит статистический анализ употребления термина «ἄρχοντες», встречающегося в тексте указанного источника 117 раз, а также сопоставляет содержание среднегреческого, старофранцузского и арагонского списков «Χρονικόν του Μορέως». Особое внимание уделяется изучению сюжетов, не содержащих однозначной информации об этносе конкретного знатного лица. Делается вывод, что понятием «ἄρχων» мог обозначаться благородный человек ромейского, франкского, славянского, венецианского или турецкого происхождения.

Ключевые слова: Ахейское княжество, Морея, IV крестовый поход, Византия, архонты

Для цитирования: Фролов Д.Л. 2023. Этническая принадлежность архонтов по данным греческой версии «Морейской хроники». *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 860–867. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-860-867

Ethnicity of the “Archons” According to the Greek Version of the Chronicle of Morea

Denis L. Frolov 

Stoletovs Vladimir State University,
87 Gor'ky St., Vladimir 600000, Russia
E-mail: dlfrolov.hdf@gmail.com

Abstract. The article is devoted to determining the ethnicity of the persons mentioned by the author of the Greek version of the “Chronicle of Morea” as “archons”. A statistical analysis of the term “ἄρχοντες”, which occurs 117 times in the text, is conducted. The content of the Middle Greek, Old French and Aragonese versions of “Χρονικόν του Μορέως” is compared. The ethnicity of the archons is determined by analyzing their names, place of residence, allegiance and other ethnic markers. Special attention is paid to the study of fragments that do not contain unambiguous information about the origin of a particular noble person (or persons). Based on the study of the plot presented in lines 2254–2262, the author determines the ethnicity of the “archons” who accompanied the captain of Andravida. The substantiation of their belonging to the Frankish and not the Greek elite is given. It is concluded that the term “ἄρχων” could mean a noble person of Byzantine, Frankish, Slavic, Venetian or Turkish origin.

Keywords: Principality of Achaea, Morea, Fourth Crusade, Byzantium, archons

For citation: Frolov D.L. 2023. Ethnicity of the “Archons” According to the Greek Version of the Chronicle of Morea. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 860–867 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-860-867

Введение

Взаимоотношения греческих архонтов с франкскими властями в Ахейском княжестве рассматривались в рамках исследований М. Кордозиса [Kordoses, 1987; Κορδώσης, 2017], П. Топпинга [Topping, 1977a; Topping 1977b], А. Кариле [Carile, 1974], Д. Якоби [Jacoby, 1967; Jacoby, 1973; Jacoby, 1989], А. Илиевой [Илиева, 1991], П. Локка [Lock, 1915], Б.Т. Горянова [Горянов, 1958], С.П. Карпова [Карпов, 2000]. На основании анализа содержания «Ассиз Романии» [Parmeggiani, 1998], описей владений Н. Аччаюоли [Longnon, Topping, 1969], а также отдельных фрагментов различных версий «Морейской хроники» ученым удалось сделать ряд принципиальных выводов о социальном и правовом положении ромейской знати в латинском государстве ¹.

Обратим внимание и на работы, посвященные изучению особенностей среднегреческого текста «Χρονικὸν τοῦ Μορέως». В частности, в известном труде Т. Шоукросс «The Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece» анализируются некоторые формы взаимодействия местной знати («Greek Archondes» в терминологии автора) с завоевателями [Shawcross, 2009, p. 247, 256, 258, 262]. Кроме того, исследователь дважды упоминает термин «archondes» в составе словосочетаний «local lords or archondes», «archondes or native lords» [Shawcross, 2009, p. 9, 203]. Непосредственно под провинциальными «греческими архонтами» Т. Шоукросс понимаются наиболее могущественные жители городов, еще до прихода франков занимавшие посты в бюрократической системе и постепенно приобретающие независимость от центральной власти за счет аккумуляции вокруг себя материальных и иных ресурсов [Shawcross, 2009, p. 16] ². Схожее определение данной группе ромейского населения давали Д. Якоби и М. Энголд [Jacoby, 1973, p. 882; Angold, 1984, p. 238]. Однако в «Lexicon on the Chronicle of Morea» понятие «ἄρχων» переводится на английский язык как «nobleman», т. е. благородное лицо, в некоторых случаях представляющее главнокомандующим («army commander») или придворным сановником («court dignitary») [Aerts, Hokwerda, 2002, p. 48]. Пример из словаря, приведенный в качестве иллюстрации исполнения «архонтами» функций военачальников, отсылает нас к содержанию строки 904 Копенгагенского списка, в которой термином «ἄρχοντες» обозначаются предводители латинского войска в период IV крестового похода [Schmitt, 1904, v. 904].

Действительно, в указанной версии «Τὸ χρονικὸν τοῦ Μορέως» различные вариации термина «ἄρχων» встречаются более 117 раз, и далеко не во всех случаях данным словом обозначаются именно византийские «ἄρχοντες», которые после IV крестового похода остались на территории Южной Греции и приняли подданство франков. Таким образом, для более детального изучения социального и правового положения благородных греков в период «франкократии» представляется целесообразным проведение исследования этнической принадлежности лиц, именуемых в тексте хроники понятиями «ἄρχων», «ἀρχόντισσα», «ἀρχοντολόγυ», «ἀρχοντόπουλο» [Aerts, Hokwerda, 2002, p. 47] ³.

Объекты и методы исследования

Объект исследования: социальный статус лиц, именуемых термином «архонт», в тексте греческой версии «Τὸ χρονικὸν τοῦ Μορέως». Предмет исследования: этническая принадлежность архонтов по данным указанного источника.

¹ Перевод среднегреческого оригинала на английский: [Lurier, 1965].

² Ярким примером такого независимого провинциального архонта, по мнению Т. Шоукросс, может считаться Лев Сгур, оказавший сопротивление крестоносцам в период завоевания земель Южной Греции.

³ По мнению Х. Хокверды и В. Артса, архонтопулы являлись «знатью» («noblemen») [Aerts, Hokwerda, 2002, p. 47]. Д. Якоби придерживался мнения о том, что люди, именовавшиеся в тексте хроники как «τὰ ἀρχοντόπουλα», составляли низшую прослойку местной элиты и полноценными архонтами не являлись [Jacoby, 1989, p. 181–182]. В свою очередь, «ἀρχοντολόγυ» в «Lexicon on the Chronicle of Morea» определены как «коллективная знать» («collective nobles»), что не вызывает у нас возражений [Aerts, Hokwerda, 2002, p. 47].



При подсчете количества упоминаний и исследовании контекста употребления понятия «ἄρχων» в копенгагенском списке хроники использовался метод количественного контент-анализа. Для определения содержательного наполнения рассматриваемого понятия был проведен терминологический анализ. При изучении отдельных сюжетов, содержащихся как в среднегреческом, так и в старофранцузском и арагонском вариантах «Морейской хроники», был привлечен метод историко-сравнительного анализа.

Результаты и обсуждения

Содержательное наполнение терминов «ἄρχων», «ἀρχόντισσα», «ἀρχοντολόγι», «ἀρχοντόπουλο» (за исключением слов «архонтисса» и «архонтопул») существенно варьируется от сюжета к сюжету. Автор «Codex Havniensis» называет «архонтами» византийских василевсов, предводителей войск крестоносцев, ахейскую знать ромейского происхождения и представителей иных социальных групп. В целом, словом «ἄρχοντες» именуются люди из различных областей Средиземноморья, обладавшие в период «франкократии» военной или политической властью. Определение их этнической принадлежности связано с некоторыми трудностями и требует индивидуального подхода к анализу каждого фрагмента, содержащего искомые понятия.

Наиболее простыми для изучения представляются случаи употребления термина «ἄρχων» (и его дериватов) вкупе с прямым указанием на этнос архонта. Для описания происхождения знатных лиц автор греческой версии «Морейской хроники» неоднократно использует словосочетание «οἱ ἄρχοντες τοῦ+[название этноса]+φουσσάτου». Два раза мы сталкиваемся с конструкцией «οἱ ἄρχοντες τοῦ φράγκικου φουσσάτου» («архонты франкского войска») [Schmitt, 1904, v. 701, 754], дважды – с «οἱ ἄρχοντες τοῦ τούρκικου φουσσάτου» («архонты турецкого войска») [Schmitt, 1904, v. 5238, 5314].

Встречаются и простые словосочетания из двух слов типа «οἱ ἄρχοντες+[название этноса]». Например: «οἱ ἄρχοντες Ρωμαῖον» («ромейские архонты») [Schmitt, 1904, v. 1207, 1331, 1744], «οἱ ἄρχοντες ... τῶν Μελιγῶν» («архонты мелингов») [Schmitt, 1904, v. 3008, 3032], а также более длинные конструкции: «οἱ ἄρχοντες... ἡμεῖς, τὸ γένος τῶν Ρωμαίων» («архонты ромейского рода») [Schmitt, 1904, v. 2080, 2090].

Отметим и фрагменты греческой версии, в которых составитель не дает указания на этническую принадлежность архонтов, однако мы можем установить ее с помощью привлечения информации из аналогичных фрагментов старофранцузского и арагонского списков⁴. Первым примером такого рода может служить сюжет о разделении земель Морей Жоффруа де Виллардуэном, представленный в таблице 1:

Таблица 1
Table 1

Участие греческих архонтов в разделе морейских земель
The Greek Archons and the Division of the Lands in Morea

Греческая версия:	Старофранцузская версия:	Арагонская версия:
«... νὰ ἔχη μετ' αὐτὸν δύο ἀρχιερεῖς καὶ δύο φλαμουριαρίους καὶ ἄλλους πέντε ἄρχοντες , τοὺς τόπους νὰ ἰμερίσουν, νὰ δώσουν τὸ καθενὸς πρὸς τὴν οὐσίαν ὅπου ἔχει, πρὸς τὸν λαὸν καὶ τὰ ἄρματα ὅπου εἶχεν στὸ φουσσάτο» [Schmitt, 1904, v. 1830-1833] ⁵ .	«Si ordinerent que monseignor Goffroy de Villarduin, le marescal de Champagne, et .ij. evesques et .ij. barons et .iiij. arcondes grex dez plus sages dou pays deussent assener la terre qui estoit conquestée jusques a celui temps» [Longnon, 1911, § 120] ⁶ .	«Et tomaron en su companya dos Griegos muy discretos que sabian todas las tierras» [Morel-Fatio, 1885, § 116] ⁷ .

⁴ Перевод старофранцузского текста на английский: [van Arsdall, Moody, 2015].

⁵ «... что вместе с двумя архиереями, двумя баннеретами и пятью архонтами разделят земли, дав каждому согласно занимаемому (им) положению, а также количеству войск, имеющемуся в (его) войске».

⁶ «И поручили они сеньору Жоффруа де Виллардуэну, маршалу Шампани, и двум епископам, и двум баронам, и четырем мудрейшим архонтам страны разделить земли, завоеванные к тому времени».

⁷ «И взяли себе в компанию двух очень благоразумных греков, знавших все земли».

Вторым примером является описание прихода к власти Алексея V Дуки Мурзуфла ⁸:

Таблица 2

Table 2

Обстоятельства прихода к власти Алексея V Дуки Мурзуфла
Circumstances of the Beginning of the Reign of Alexios V Doukas

Греческая версия:	Старофранцузская версия:	Арагонская версия:
«... ἄρχων ἀπὸ τὴν Πόλιν, Μούρτζουφλον τὸν ἐλέγασιν» [Schmitt, 1904, v. 732-733] ⁹ .	«...riche homme grec que on appelloit Morchufle» [Longnon, 1911, § 53] ¹⁰ .	«Et vidiendo los varones griegos de Contastinoble que la huest de los Francos era partida, fue hun varon que se clamaua Marzoflo, qui era el grant senescal del dicho imperio» [Morel-Fatio, 1885, § 43] ¹¹ .

С существенными трудностями мы не сталкиваемся и в тех случаях, когда автор копенгагенского списка упоминает имя конкретного архонта. Так, в тексте содержится информация об обращении Флориса де Эно к двум своим «ἄρχοντες», имевшим типично франкские имена «Жан» и «Жоффруа»:

«Ἀρχοντες, φίλοι κι ἀδελφοί... (Ἀρχοντες = μισὶρ Ντζᾶ ντὲ Τζαντεροῦ καὶ τὸν μισὶρ Ντζεφρόη)» [Schmitt, 1904, v. 8510, 8513] ¹².

Практически все упомянутые составителем «архонтиссы», как и Жан с Жоффруа, вероятно, не принадлежали к ромейской знати («ἡ ἀρχόντισσα, ἡ ντάμα Μαργαρίτα») [Schmitt, 1904, v. 7624] ¹³. Исключением является Елена Ангелина Комнина. В строках 8030–8036 рассказывается о рождении и дальнейшей судьбе ее дочери Жанны:

«...ἡ ἀρχόντισσα ἐγγαστρώθηκεν κ' ἔποικεν θυγατέραν· Ντζανέτα τὴν ὀνόμασαν» [Schmitt, 1904, v. 8031–8032] ¹⁴.

Примечательно, что «архонтисса» Маргарита, Жан и Жоффруа носили типичные латинские титулы. Например: «дама Маргарита» (ἡ ντάμα Μαργαρίτα), «сир Жан и сир Жоффруа» (μισὶρ Ντζᾶ ντὲ Τζαντεροῦ καὶ τὸν μισὶρ Ντζεφρόη). При этом термин μισὶρ, описывающий социальный статус лица, в тексте источника ни разу не используется по отношению к знати греческого происхождения [Фролов, 2020]. Понятия ντάμα/μαντάμα, встречающиеся в тексте хроники 25 раз, и вовсе употребляются с двумя именами, имевшими хождение преимущественно в западноевропейской среде: Маргарита (Μαργαρίτα) и Изабелла (Ζαμπέα) [Schmitt, 1904, v. 5931].

Более сложными для анализа представляются случаи, в которых вместе с термином «ἄρχων» автор дает информацию исключительно о месте жительства того или иного знатного лица. Во фрагментах, посвященных периоду первых лет после завоевания франками западных областей Византии, упоминаются «ἄρχοντες» различных поселений и территорий: Адрианополя («οἱ ἄρχοντες οἱ Ἀνδριανοπολίτες») [Schmitt, 1904, v. 1115], Андравида («οἱ ἄρχοντες... τῆς χώρας Ἀνδραβίδου») [Schmitt, 1904, v. 1435], а также иных земель Южной Греции. При этом в большинстве описаний вслед за употреблением понятия рассматривается переход архонтов в подданство франков, что позволяет утверждать о ромейском происхождении описываемых в источнике представителей элиты. Например:

⁸ В данном случае имеется возможность определить этнос архонта и через указание на его ромейское имя и место жительства.

⁹ «...архонт из города, звавшийся Мурзуфлом».

¹⁰ «... богатый грек, звавшийся Мурзуфлом».

¹¹ «И когда греческие бароны увидели, что войско франков уходит из города, появился человек, звавшийся Мурзуфлом и являвшийся великим сенешалем упомянутой империи».

¹² «Архонты, друзья и братья...».

¹³ «Архонтисса, дама Маргарита».

¹⁴ «Архонтисса забеременела и родила дочь по имени Жанета».



«...οἱ ἄρχοντες καὶ τὸ κοινὸ τῆς χώρας Ἀνδραβίδου, καὶ ἦλθαν κ' ἐπροσκύνησαν τὸν Καμπανέση ἐκεῖνον» [Schmitt, 1904, v. 1435–1436] ¹⁵.

или:

«Ἀκούσων ταῦτα οἱ ἄρχοντες καὶ τὸ κοινὸν ὁμοίως, ἀρχίσασιν νὰ ἔρχωνται, μικροὶ τε καὶ μεγάλοι, ἀπὸ τὸ μέρος Δαμαλᾶ καὶ μέχρι εἰς τὸ Ἅγιον Ὅρος· ὅσοι τὸ ἀκούσαν ἦλθασιν μὲ προθυμίαν μεγάλην, τοῦ Καμπανέση ὠμόσασιν δοῦλοι του ν' ἀποθάνουν·» [Schmitt, 1904, v. 1496–1500] ¹⁶.

Не вызывает сомнений и этническая принадлежность архонтов Скорты, бунтовавших против франкской власти в более позднее время:

«Ἐπὶ τὴν αὔριον ἦλθασιν ὅλον τὸ ἀρχοντολόγι, ὅπου ἦσαν ἀπὸ τὰ Σκορτά, ὅλοι ροβολεμένοι» [Schmitt, 1904, v. 5469–5470] ¹⁷.

Автор греческой версии «Морейской хроники» упоминает и места жительства франкских архонтов («Ἐἰς τὸ Παρίσι τὸν ἤρηνεν μετὰ τοὺς ἄρχοντές του») [Schmitt, 1904, v. 2139] ¹⁸, а также знати с территорий, подконтрольных ромеям («τὰ ἀρχοντόπουλα τοῦ Δεσποτάτου») ¹⁹, («ὁ πρωτότερος ἄρχων τῆς Ρωμανίας») [Schmitt, 1904, v. 3056, 3786] ²⁰. Тем не менее в сюжетах, не связанных с принятием подданства ромеями, или описанием событий в городах Западной Европы и греческих государств мы сталкиваемся с определенными проблемами при идентификации этноса «ἄρχοντες». Ярким примером этому является фрагмент, посвященный сборе капитаном Андравида неких «архонтов» и свободных горожан:

«Κὶ ὁ κῆβιτᾶνος παρευτός, τὸ ἀκούσει τὸ μαντᾶτο, ἀπῆρεν ὅλον τὸν λαὸν ὅπου εἶχεν μετ' ἐκεῖνον, τοὺς ἄρχοντας καὶ βουρρησέους ὅλης τῆς Ἀνδραβίδας» [Schmitt, 1904, v. 2254–2256] ²¹.

Если мы предположим, что упомянутый капитан взял с собой именно греческих архонтов города (предки которых, как мы упоминали ранее, перешли во франкское подданство), то возникает вопрос: по какой причине эту высокопоставленную персону не сопровождали рыцари латинского происхождения, которые имели высший (относительно ромеев) статус и, несомненно, должны были находиться в важнейшем центре княжества? Действительно, в старофранцузской версии «Морейской хроники», где термин «arcondes» упоминается только вкупе с этническим определителем «gres», мы не находим подтверждения тому, что капитана сопровождала именно ромейская знать:

«Et quant li chapitaines d'Andreville sot ces nouvelles, liquelx estoit informés de tous ces affaires, si fist une grant joye pour semblant de la venue de Robert, le cousin dou conte de Champagne. Si leur fist delivrer chevaux. Il meisme prist toute **la bonne gent** qui la se troverent...» [Longnon, 1911, § 152] ²².

Наконец, в иных сюжетах содержится информация о подданстве тех или иных архонтов. Анализ упоминаний данного типа позволяет сделать однозначное заключение об этносе знатных лиц. Так, в тексте копенгагенского списка мы находим «ἄρχοντες», являв-

¹⁵ «...вышли архонты и простой люд Андравида навстречу шампанцу и принесли ему проскинезу».

¹⁶ «Услышав то, начали собираться архонты и простой люд, великие и малые, (жившие на землях) от Дамалы до Агионори: все, кто слышал о том, пришли с большим воодушевлением и поклялись Жоффруа быть его рабами до смерти».

¹⁷ «На следующий день пришли все архонты Скорты, участвовавшие в мятеже».

¹⁸ «Он нашел его в Париже со своими архонтами».

¹⁹ «Архонты деспотата».

²⁰ «Главный архонт Романии».

²¹ «И капитан, услышав сообщение, тотчас же взял все войска, что были в его распоряжении, а также архонтов и горожан всей Андравида».

²² «И когда капитан Андравида, осведомленный о ходе дел, услышал те новости, то сделал вид, что обрадован прибытию Роберта, кузена графа Шампани. Он приказал доставить им (т. е. Роберту и свите) лошадей и взял (с собой) всех добрых людей, что находились там...». Примечательно, что в арагонской версии, также содержащей данный сюжет, люди, сопровождавшие капитана на пути к Роберту, не упоминаются [Morel-Fatio, 1885, § 164–165].

шихся предводителями IV крестового похода или наиболее знатными представителями Венецианской республики, к которым обращался дож Энрико Дандоло:

«Ἄρχοντες, φίλοι κι ἀδελφοί, συντρόφοι, συγγενεῖς μου...» [Schmitt, 1904, v. 345]²³.

Иные же фрагменты посвящены описанию деятельности подданных различных византийских правителей:

«... τοῦ βασιλέως τὸν ἄρχοντα» [Schmitt, 1904, v. 4498]²⁴.

«Ὁ Μέγας ὁ Δεμέστικος ἐπίστευεν τοῦ Φράγκου· κράζει τοὺς πρώτους ἄρχοντας ὅπου εἶχε ἐκεῖ μετ' αὐτον»²⁵ [Schmitt, 1904, v. 4971–4972].

Заключение

Таким образом, на основании терминологического анализа текста греческой версии «Морейской хроники» следует сделать вывод о том, что этническая принадлежность лиц, именуемых автором источника словом «ἄρχων» и его дериватами, была различной. Архонтами могли называться ромеи, проживавшие на франкских и византийских территориях, сами франки, венецианцы, латиняне в целом, турки и славяне-мелинги. В одном случае встречается употребление рассматриваемого понятия по отношению к представителям нескольких этносов, в двух — происхождение архонтов установить невозможно, но они однозначно не являлись греками во франкском подданстве. В целом, количество упоминаний «ἄρχοντες» соответствующего этноса целесообразно представить в виде следующей диаграммы:

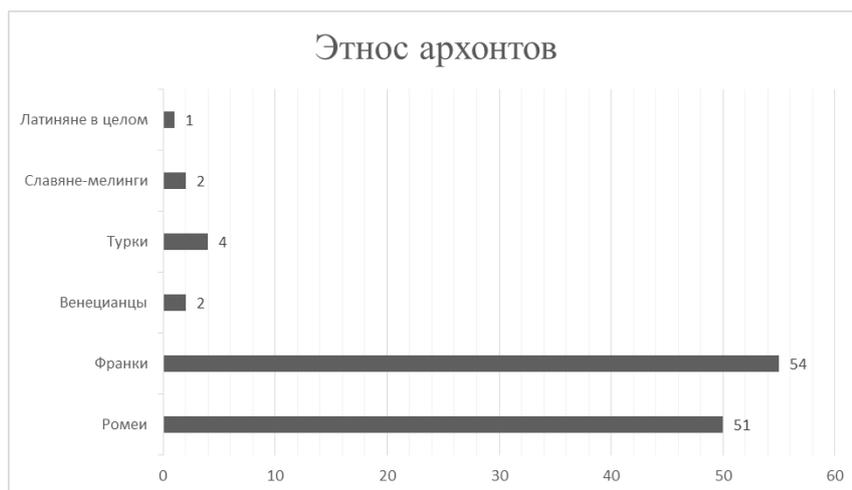


Рис. 1. Этническая принадлежность архонтов по данным греческой версии «Морейской хроники»

Fig. 1. Ethnicity of the archons according to the Greek version of the «Chronicle of the Morea»

Sources

Longnon J., Topping P. 1969. Documents sur le régime des terres dans la principauté de Morée au XIVe siècle. Paris, Mouton&CO, 326.

Longnon. J. 1911. Chronique de Morée. Paris, Librairie Renouard, 432.

Lurier. H.E. 1965. Crusaders as Conquerors. The Chronicle of Morea. New York – London, Columbia University Press, 1965, 346.

Morel-Fatio A. 1885. Libro de los fechos et conquistas del principado de la Morea compilado por comandamiento de Don Fray Johan Ferrandez de Heredia, maestro del Hospital de S. Johan de Jerusalem. Geneva, Imprimerie Jules-Guillaume Fick, 426.

Parmeggiani A. 1998. Libro dele uxanze e statuti delo Imperio de Romania. Spoleto, Centro Italiano di Studi Sull'Alto Medioevo, 250.

²³ «Архонты, друзья и братья, мои товарищи и сородичи».

²⁴ «Архонт василевса».

²⁵ «Великий domestik поверил франку и позвал первых среди архонтов, что были с ним».



- Schmitt J. 1904. *The Chronicle of Morea, a History in Political Verse Relating the Establishment of Feudalism in Greece by the Franks in the Thirteenth Century*. London, Methuen&Co, 789.
- Van Arsdall A., Moody H. 2015. *The Old French Chronicle of Morea. An Account of Frankish Greece after the Fourth Crusade*. Farnham, Ashgate, 282.

Список литературы

- Горянов Б.Т. 1958. К вопросу об общественно-политическом строе Латинской империи. *Византийский Временник*. Т. 14(39): 85–96.
- Карпов С.П. 2000. *Латинская Романия*. Санкт-Петербург, Алетейя, 256.
- Фролов Д.Л. 2020. Термин «ἄρχων» в «Морейской хронике» и «Ассизах Романии». *Вестник ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*. 2: 38–41.
- Aerts W.J., Hokwerda H. 2002. *Lexicon on the Chronicle of Morea*. Groningen, Egbert Forsten, 564.
- Angold M. 1984. *Archons and Dynasts: Local Aristocracies and the Cities of the Later Byzantine Empire. The Byzantine Aristocracy, IX to XIII centuries*, Oxford, B.A.R., 236–253.
- Carile A. 1974. *La rendita feudale nella Morea Latina del XIV secolo*. Bologna, Patron, 236.
- Ilieva A. 1991. *Frankish Morea, 1205–1262: Socio-Cultural Interaction between the Franks and the Local Population*. Athens, Historical Publications S.D. Basilopoulos, 307.
- Jacoby D. 1967. *Les archontes grecs et la féodalité en Morée franque*. Travaux et mémoires. T. II: 421–481.
- Jacoby D. 1973. *The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade*. *The American Historical Review*. Vol. 78, 4: 873–906.
- Jacoby D. 1989. *Social Evolution in Latin Greece. A History of the Crusades*. Madison, University of Wisconsin Press, Vol. 6: 175–221.
- Kordoses M. 1987. *Southern Greece under the Franks (1204–1262): A Study of the Greek Population and the Orthodox Church under the Frankish Dominion*. Ioannina, University of Ioannina, 127.
- Lock P. 1995. *The Franks in the Aegean: 1204–1500*. London – New York, Longman, 414.
- Shawcross T. 2009. *The Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece*. Oxford, Oxford University Press, 340.
- Topping P. 1977a. *Co-existence of Greeks and Latins in Frankish Morea and Venetian Crete*. *Studies on Latin Greece A.D. 1205–1715*. London, Variorum Reprints, XI: P. 3–23.
- Topping P. 1977b. *Le régime agraire dans le Péloponnèse latin au XIVe siècle*. *Studies on Latin Greece A.D. 1205–1715*. London, Variorum Reprints, III: 255–295.
- Κορδώσης Μ.Ε. 2017. Η κατάκτηση της νότιας Ελλάδας από τους Φράγκους. Αθήνα, Δ.Ν. Παπαδήμας, 208.

References

- Goryanov B.T. 1958. *K voprosu ob obshchestvenno-politicheskom stroe Latinskoy imperii [On the Question of the Socio-Political System of the Latin Empire]*. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine timeline]*. T. XIV(39): 85–96.
- Karpov S.P. 2000. *Latinskaya Romaniya [Latin Romania]*. Sankt-Peterburg, Aleteya, 256.
- Frolov D.L. 2020. *Termin «archon» v «Moreyskoy khronike» i «Assizakh Romanii» [The Term "Archon" in the "Chronicle of Morea" and "Assizes of Romania"]* *Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2: 38–41.
- Aerts W.J., Hokwerda H. 2002. *Lexicon on the Chronicle of Morea*. Groningen, Egbert Forsten, 564.
- Angold M. 1984. *Archons and Dynasts: Local Aristocracies and the Cities of the Later Byzantine Empire. The Byzantine Aristocracy, IX to XIII centuries*, Oxford, B.A.R., 236–253.
- Carile A. 1974. *La rendita feudale nella Morea Latina del XIV secolo*. Bologna, Patron, 236.
- Ilieva A. 1991. *Frankish Morea, 1205–1262: Socio-Cultural Interaction between the Franks and the Local Population*. Athens, Historical Publications S.D. Basilopoulos, 307.
- Jacoby D. 1967. *Les archontes grecs et la féodalité en Morée franque*. Travaux et mémoires. T. II: 421–481.
- Jacoby D. 1973. *The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade*. *The American Historical Review*. Vol. 78, 4: 873–906.
- Jacoby D. 1989. *Social Evolution in Latin Greece. A History of the Crusades*. Madison, University of Wisconsin Press, Vol. 6: 175–221.
- Kordoses M. 1987. *Southern Greece under the Franks (1204–1262): A Study of the Greek Population and the Orthodox Church under the Frankish Dominion*. Ioannina, University of Ioannina, 127.



- Lock P. 1995. *The Franks in the Aegean: 1204–1500*. London – New York, Longman, 414.
- Shawcross T. 2009. *The Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece*. Oxford, Oxford University Press, 340.
- Topping P. 1977a. Co-existence of Greeks and Latins in Frankish Morea and Venetian Crete. *Studies on Latin Greece A.D. 1205–1715*. London, Variorum Reprints, XI: P. 3–23.
- Topping P. 1977b. Le régime agraire dans le Péloponnèse latin au XIVe siècle. *Studies on Latin Greece A.D. 1205–1715*. London, Variorum Reprints, III: 255–295.
- Κορδώσης Μ.Ε. 2017. Η κατάκτηση της νότιας Ελλάδας από τους Φράγκους. Αθήνα, Δ.Ν. Παπαδήμας, 208.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.07.2023

Received 24.07.2023

Поступила после рецензирования 10.10.2023

Revised 10.10.2023

Принята к публикации 10.10.2023

Accepted 10.10.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фролов Денис Леонидович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, археологии и краеведения, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия

Denis L. Frolov, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of History, Archaeology and Local History, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia

 [ORCID: 0000-0001-5428-9506](https://orcid.org/0000-0001-5428-9506)



УДК 94 (393)
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-868-873
Оригинальное исследование

Оригенизм Дидима Александрийского: к вопросу о постановке проблемы

Абдулманова И.В. 

Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71
E-mail: zajcevil@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов александрийского интеллектуала Дидима Слепца в их взаимосвязи с учением Оригена Александрийского. Заявленная проблема исследуется в привязке к изучению интеллектуальной традиции Александрии III–VII вв. н. э. В работе автор приходит к выводу, что Дидим, находясь в русле классического интеллектуализма Александрийской школы богословия, пытался приспособить близкое ему по духу учение Оригена (особенно в части его взглядов на человеческую добродетель) к христианской морали. Подчеркивается, что подобный интеллектуальный опыт отличал не только Дидима, но практически всех крупных христианских интеллектуалов III–IV вв. н. э., чья образовательная парадигма вынуждена была приспособлять предыдущий языческий потенциал к новой христианской практике.

Ключевые слова: Дидим Александрийский, Дидим Слепец, Александрийская богословская школа, раннее христианство, христианство в Египте

Для цитирования: Абдулманова И.В. 2023. Оригенизм Дидима Александрийского: к вопросу о постановке проблемы. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 868–873. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-868-873

The Origenism of Didymus of Alexandria: to the Question of the Problem Statement

Irina V. Abdulmanova 

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation,
71 Gorkiy St., Belgorod 308024, Russia
E-mail: zajcevil@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the views of the Alexandrian intellectual Didymus the Blind in their relationship with the teachings of Origen of Alexandria. The stated problem is investigated in connection with the study of the intellectual tradition of Alexandria of the III–VII centuries AD. The author concludes that Didymus, being in line with the classical intellectualism of the Alexandrian school of theology, tried to adapt Origen's teachings close to him in spirit (especially in terms of his views on human virtue) to Christian morality. It is emphasized that such intellectual experience distinguished not only Didymus, but practically all major Christian intellectuals of the III–IV centuries AD, whose educational paradigm had to adapt the previous pagan potential to the new Christian practice.

Keywords: Didymus of Alexandria, Didymus the Blind, Alexandria Theological School, early Christianity, Christianity in Egypt

For citation: Abdulmanova I.V. 2023. The Origenism of Didymus of Alexandria: to the Question of the Problem Statement. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 868–873 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-868-873

Введение

Несмотря на то, что личность Оригена уже достаточно основательно изучена историками как России, так и Запада, пограничность его взглядов по-прежнему остается мало исследованной [Edwards, 1995; Edwards, 2002; Runia, 2003; Hanson, 2015]. Отдельные «белые лакуны» встречаются относительно того, как взгляды Оригена находили отражение в трудах последующих интеллектуалов поздней античности, особенности их трансформации и в конечном итоге то, почему Ориген, при жизни признанный авторитет церкви, был предан анафеме. Одним из таких мыслителей, чьи взгляды, напротив, традиционно принято оценивать как ортодоксальные, был Дидим Александрийский. Необходимо подчеркнуть, что личность Дидима также мало привлекала мировых ученых. На Западе есть только две полноценные работы, посвященные исследованию его жизни и взглядов, – труд Г.Д. Бэйлисса «The Vision of Didymus the Blind A Fourth-Century Virtue-Origenism» и Р. Лэйтона «Didymus the blind and his circle in late-antique Alexandria». В России о Дидиме написаны только небольшие заметки. В данной статье будет обозначена проблема «оригенизма» Дидима, которая в целом никогда не поднималась в российской исторической науке, определены точки соприкосновения взглядов Оригена и Дидима.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает интеллектуальная традиция позднеантичной Александрии, а в качестве предмета – взгляды Дидима Александрийского в привязке к учению Оригена. В качестве методов работы выбраны общенаучные методы анализа, синтеза, исторический метод. Отдельное внимание уделено использованию специального историко-биографического метода, поскольку работа опирается в том числе на исследование жизни Дидима Александрийского. Методология исследования основана на принципах объективности, историзма и комплексного подхода к источникам, позволяющим рассмотреть историческую реальность анализируемой проблемы без учета субъективного фактора и с использованием максимально достоверной информации. Не менее важным методологическим основанием данной статьи является концепция поздней античности с ее попыткой обратиться к ментальности Дидима-интеллектуала.

Результаты и их обсуждение

Дидим Александрийский вошел в круг маститых учителей Александрийской школы богословия наперекор многим жизненным обстоятельствам, в том числе вопреки наличию серьезного физического недуга – слепоты, за что и получил прозвище «Слепец» [Михайлов, 2007, с. 677]. Иероним сообщает, что Дидим смог освоить разные науки благодаря выдающимся интеллектуальным способностям [Hieron. De vir. illustr. 109]. О «широком пласте энциклопедических знаний» Дидима писал и Исидор Пелусиот [Isid. Pel. Ep. 331]. Как и остальные интеллектуалы своего времени, Дидим достаточно быстро перешел от изучения базовых наук к постижению основ Священного Писания, дословно выучив текст Ветхого и Нового Заветов [Pallad. Hist. Laus. 4.2]. В этой связи неудивительно, что его рекомендовал на должность руководителя Александрийской школы богословия сам Афанасий Александрийский, придерживающийся крайних догматических взглядов (по крайней мере, об этом говорит Руфин: Rufin. Hist. eccl. II, 7). Тот факт, что на ранних этапах становления личности Дидима он был близок в своих идеях к ортодоксальности Афанасия, подтверждает и Сократ Схоластик, описывая борьбу Афанасия с арианской ересью [Socr. Hist. eccl. IV, 25].

Дидим пользовался популярностью не только среди александрийских интеллектуалов. Благодаря своим способностям и подвижническому образу жизни он установил тесные связи с монахами Египта, в частности с Антонием Великим, который, по упоминанию Палладия, трижды посещал Дидима в Александрии в течение 338 года [Палладий Елено-



польский, 1992, с. 16–17]²⁶. Данный факт упоминается также Сократом Схоластиком [Socr. Hist. eccl. IV, 25]. Именно это обстоятельство дает основание ряду авторов делать вывод, что Дидим, по примеру египетских пустынножителей, отличался христианским аскетизмом и был далек от оригенизма, который к тому времени уже подвергся изрядной доле критики со стороны христианских интеллектуалов. На наш взгляд, более уместно полагать, что Дидим, будучи крупным христианским администратором, пытался отождествить аскетизм и христианский интеллектуализм как близкородственные, а не конкурирующие типы христианской философии. Это было важно для развития христианского интеллектуализма, учитывая то обстоятельство, что многие монашествующие пустынножители были безграмотными. С другой стороны, сближение с Антонием было выгодно Дидиму еще и потому, что таким образом он смог получить сторонников среди той части александрийского христианства, которое практиковало аскетический образ жизни, поскольку аскетизм к этому периоду становится определяющей характеристикой классического христианского учителя [Палладий Еленопольский, 1992, с. 181].

Попытаемся разобраться, насколько же Дидима можно причислить к числу последователей Оригена. В немногочисленных трудах отечественных исследователей (в частности, у Валерия Яковлевича Саврея) [Саврей, 2011, с. 562] предпринимается попытка отнести Дидима к представителям «новоалександрийской школы», которые избегали любых догматических отступлений, при этом пытаясь приспособить язычество к христианскому вероучению (в ущерб языческому знанию) [Bayliss, 2015, p. 17]. Однако в последнее время в западной исторической науке формируется «новый облик» Дидима. Так, один из немногочисленных исследователей личности Дидима на Западе Г. Д. Бэйлисс указывает, что антиоригеновская полемика возникла еще при жизни Дидима, а сам он был непримиримым оригенистом [Bayliss, 2015, p. 17, 19]. Это обстоятельство подтверждает и Р. Лейтон, отмечая, что Дидим был представителем «схоластического оригенизма» [Layton, 2004, p. 151–158], пытавшегося совместить христианство и язычество с целью снизить степень напряженности внутри богословской школы. По мнению Бэйлисса, Дидим не в полной мере понимал масштабные идеи Оригена и старался их интерпретировать через призму христианских текстов [Bayliss, 2015, p. 2]. По сути, это еще раз подтверждает тот факт, что в период жизни Дидима александрийский интеллектуализм продолжал развиваться эклектично – христиане интересовались языческими философскими идеями, что наложило отпечаток на особенности развития христианской веры в этой части северного Египта [Watts, 2006, p. 182].

Помимо обвинений в оригенизме, некоторые древние и современные авторы выдвигают обвинения в том, что Дидим не развил личных оригинальных идей [Bayliss, 2015, p. 24]. Однако при изучении корпуса сохранившихся фрагментов трудов Дидима мы видим, что он предпринял попытку предопределить ретроспективное развитие оригеновского учения. Так, например, одной из ключевых проблем учения Дидима была идея о существах, которые участвовали или могли участвовать в сотворении мира [Did. De Spiritu Sancto 17.5], что во многом соотносится со взглядами Оригена. У. Биннерт полагает, что Дидим поддерживал многие идеи Оригена, и соглашается с Иеронимом, когда тот упоминает, что именно из-за оригенизма Александрийская школа пришла в упадок [Bienert, 1972, s. 163]. На этот факт указывает и Бэйлисс, отмечавший, что Дидима нужно рассматривать как важную линию в рамках возвращения «обратно к интеллектуализму Оригена» [Bayliss, 2015, p. 239]. Бэйлисс, подробно исследуя концепт «добродетели» в учении Дидима, также пришел к выводу, что Дидим довольно последовательно во всех своих трудах отстаивал «оригенизм добродетели» (*прим.* – добродетель здесь рассматривается в платоново-аристотелевском контексте как совокупность моральных и интеллектуальных качеств), при этом некоторым образом отклоняясь от основных идей Оригена

²⁶ Помимо Палладия, на эти встречи указывают Сократ Схоластик [Socr. Hist. eccl. IV, 25] и Созомен [Sozom. Hist. eccl. III, 15].

[Bayliss, 2015, p. 3]. По Оригену, добродетель – это, прежде всего, нравственное действие и соблюдение заповедей. То есть ее роль значительна, но ограничена исполнением нравственного закона. У Дидима как содержание, так и цель добродетели расширяются. Добродетель рассматривается им как состояние бытия, а не список правильных поступков, которые можно взвесить и уравновесить с неправильными. Добродетель для него основана как на намерении и мотиве, так и на результате и представляет собой предрасположенность, которая стремится к миру и умиротворенности через участие в божественной простоте, которая должна быть активной и позитивной, а не просто стремящейся к избеганию зла. Стоит заметить, что и герменевтическая стратегия, предложенная Дидимом, в целом не идентична ни современным интерпретациям тройственного прочтения Писания Оригеном, ни более поздним моделям. Его основное предположение заключалось в том, что в библейском тексте есть глубина или диапазон, как в тени, отбрасываемой высшей реальностью, и что путешествие души – это восхождение по уровням этой глубины. В этом он верен первоначальному описанию Оригеном тройственного Священного Писания, но снова стремится углубить идею Оригена [Bayliss, 2015, p. 4].

Безусловно, при жизни ничего не предвещало последующего обращения Дидима в оригенизм. Да и после смерти вплоть до первой половины VI в. его продолжали называть «мерилом православия» [Socr. Hist. eccl. IV, 26], ставя в один ряд с Ефремом Сирийским [Theodoret. Hist. eccl. IV, 29]. Развернувшаяся борьба против учения Оригена на Пятом, Шестом и Седьмом Вселенских соборах привела к тому, что на их заседаниях в контексте оригеновской полемики обсуждалось и имя Дидима. Отсюда сформировалась версия, что Дидим находился в русле оригенизма, за что и был посмертно осужден. Иосаф (Морза) выдвинул версию о том, что Дидим не был подвергнут анафеме на соборах лично [Иосаф (Морза), архимандрит, 2007, с. 75]. В греческой «Религиозной и нравственной энциклопедии» упоминается, что «это осуждение (Дидима) снято последующими Соборами» [Иосаф (Морза), архимандрит, 2007, с. 75; ОНЭ, 1966, с. 126]. В. Яннопулос в монографии «Вселенские соборы и их учение» упоминает, что Седьмой Вселенский Собор не захотел дальнейшего анафематствования Феодора Мопсуэстийского, Оригена, Дидима и Евагрия и в своем постановлении не повторил их личной анафемы [Γιαννοπουλου, 1996, с. 37]. Это стало поводом к тому, что взгляды Дидима продолжают характеризоваться некоторой пограничностью, что, в целом, неудивительно для интеллектуала его эпохи.

Заключение

В заключение следует отметить, что отнесение Дидима к оригенистам, безусловно, не может быть в полной мере оправданным, поскольку ни он сам, ни его последователи никогда не делали подобных заявлений и вряд ли это вообще могло бы иметь место, учитывая, что к периоду жизни Дидима сформировалось устойчивое отношение к Оригену как к чело- веку, отошедшему от христианской веры, а Дидим все же был крупным христианским ад- министратором. Кроме того, к IV веку церковная иерархия представляла собой образова- нную элиту, которая стремилась распространить свое влияние и на светскую власть префек- тов города, что также не дает оснований предполагать наличия у Дидима стремления к осо- знанной демонстрации своей приверженности оригеновскому учению. При этом Ориген, безусловно, продолжал (как минимум среди интеллектуальных кругов Александрии) счи- таться выдающимся мыслителем, чьи идеи если и запрещено было прямо использовать, то как минимум можно на них опираться, разъясняя христианские истины на первых этапах погружения в них новообращенных. Следовательно, справедливой следует считать мысль, что Дидим использовал (и, возможно, сам втайне их придерживался) идею о христианской добродетели Оригена и его герменевтическую стратегию трактовки Священного Писания с целью украсить формирующийся христианский интеллектуализм, что являлось вполне тра- диционной практикой для интеллектуальной элиты Александрии этого периода.



Список литературы

- Иоасаф (Морза), архимандрит. 2007. Дидим Слепец как церковный писатель. Труды Минской Духовной Академии. 5: 75–82.
- Летопись Византийца Феодана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. 1884. В пер. с греч. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского; С предисл. О.М. Бодянского. М., Университетская типография, 370.
- Преп. Палладий Еленопольский. 2014. Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов. М., Сибирская благовонница, 493.
- Руфин Аквилейский. 2005. Церковная история. Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб., Издательство Олега Абышко: 230–284.
- Михайлов П.Б. 2007. Дидим Слепец. Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», Т. XIV: 677–686.
- Саврей В.Я. 2011. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М., КомКнига, 1008.
- Созомен. 1855. Церковная история. М., Типография Фишера, 636.
- Сократ Схоластик. 1999. Церковная история. М., Росспэн, 400.
- Творения блаженного Иеронима Стридонского. 1894. Книга IV. Часть II. Киев: Типография И.И. Чоколова, 433.
- Феодорит Киррский. 1993. Церковная история. С прим. М.А. Тимофеева. М., Росспэн, 240.
- Bayliss G.D. 2015. The Vision of Didymus the Blind A Fourth-Century Virtue-Origenism. Oxford University Press, 273.
- Bienert W.A. 1972. «Allegoria» und «Anagoge» bei Didymus dem Blinden von Alexandria. Berlin, 188.
- Edwards M.J. 2002. Origen against Plato. Ashgate, 191.
- Edwards M.J. 1995. Origen's Two Resurrections // Journal of Theological Studies, 46: 502–518.
- Hanson R. 2015. Origen's Doctrine of Tradition. Cambridge, Cambridge University Press, 260.
- Layton R.A. 2004. Didymus the Blind and his Circle in Late-Antique Alexandria. Virtue and Narrative in Biblical Scholarship. Urbana – Chicago, University of Illinois Press, 217.
- Runia D. 2003. Origen and Hellenism. Origeniana Octava. Origen and the Alexandrian Tradition / Ed. L. Perrone. Vol. I–II. Leuven, University Press, 43–48.
- Watts E.J. 2006. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 302.
- Γιαννοπουλου Β.Ν. 1996. Οικουμενικες Συνοδοι και η Διδασκαλία τους. Αθηνα, 210.
- ΘΗΕ. 1966. Τόμος Δ'. Αθηνα, 370.

References

- Ioasaf (Morza), arkhimandrit. 2007. Didim Slepets kak tserkovnyy pisatel' [Didymus the Blind as a Church Writer]. Trudy Minskoy Dukhovnoy Akademii. 5: 75–82.
- Letopis' Vizantiytsa Feofana ot Diokletiana do tsarey Mikhaila i syna ego Feofilakta. 1884 [The Chronicle of the Byzantine Theophanes from Diocletian to the Kings Michael and His Son Theophylact]. V per. s grech. V.I. Obolenskogo i F.A. Ternovskogo; S predisl. O.M. Bodyanskogo. M., «Universitetskaya tipografiya», 370.
- Prep. Palladiy Elenopol'skiy. 2014. Lavsaik, ili povestvovanie o zhizni svyatykh i blazhennykh ottsov [Lavsaik, or the Narrative of the Life of the Saints and Blessed Fathers]. M., «Sibirskaya blagozvonitsa», 493.
- Rufin Akvileyskiy. Tserkovnaya istoriya [Church History]. Tyulenev V.M. Rozhdenie latinskoy khristianskoy istoriografii. S prilozheniem perevoda «Tserkovnoy istorii» Rufina Akvileyskogo. 2005. SPb., «Izdatel'stvo Olega Abyshko»: 230–284.
- Mikhaylov P.B. 2007. Didim Slepets [Didymus the Blind]. Pravoslavnaya entsiklopediya. M.: Tserkovno-nauchnyy tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya», T. XIV: 677–686.
- Savrey V.Ya. 2011. Aleksandriyskaya shkola v istorii filosofsko-bogoslovskoy mysli [The Alexandrian School in the History of Philosophical and Theological Thought]. M., «KomKniga», 1008.
- Sozomen. 1855. Tserkovnaya istoriya [Church History]. M., «Tipografiya Fishera», 636.
- Sokrat Skholastik. 1999. Tserkovnaya istoriya [Church History]. M., «Rosspen», 400.



- Tvorenija blazhennogo Ieronima Stridonskogo. 1894 [The Works of Blessed Hieronymus of Stridon]. Kniga IV. Chast' II. Kiev, «Tipografiya I.I. Chokolova», 433.
- Feodorit Kirrskiy. 1993. Tserkovnaya istoriya [Church History]. S prim. M.A. Timofeeva. M., «Rosspen», 240.
- Bayliss G.D. 2015. The Vision of Didymus the Blind A Fourth-Century Virtue-Origenism. Oxford University Press, 273.
- Bienert W.A. 1972. «Allegoria» und «Anagoge» bei Didymus dem Blinden von Alexandria. Berlin, 188.
- Edwards M.J. 2002. Origen against Plato. Ashgate, 191.
- Edwards M.J. 1995. Origen's Two Resurrections // Journal of Theological Studies, 46: 502–518.
- Hanson R. 2015. Origen's Doctrine of Tradition. Cambridge, Cambridge University Press, 260.
- Layton R.A. 2004. Didymus the Blind and his Circle in Late-Antique Alexandria. Virtue and Narrative in Biblical Scholarship. Urbana – Chicago, University of Illinois Press, 217.
- Runia D. 2003. Origen and Hellenism. Origeniana Octava. Origen and the Alexandrian Tradition / Ed. L. Perrone. Vol. I–II. Leuven, University Press, 43–48.
- Watts E.J. 2006. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 302.
- Γιαννοπουλου Β.Ν. 1996. Οικουμενικες Συνοδοι και η Διδασκαλία τους. Αθηνα, 210.
- ΘΗΕ. 1966. Τόμος Δ'. Αθηνα, 370.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.09.2023

Received 20.09.2023

Поступила после рецензирования 28.10.2023

Revised 28.10.2023

Принята к публикации 28.10.2023

Accepted 28.10.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абдулманова Ирина Валерьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

Irina V. Abdulmanova, Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0001-5374-0510](https://orcid.org/0000-0001-5374-0510)



УДК 94(3)
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-874-880
Оригинальное исследование

Женское влияние в позднеантичной семье в письмах Павлина Ноланского

Анохина Е.В. 

Белгородский информационный фонд,
308024, г. Белгород, ул. Королёва, 2А, к. 8
E-mail: anokhina-elizavetav@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу случаев женского влияния в семье, изложенных в корреспонденции Павлина Ноланского, позднеантичного аристократа и епископа. В письмах, адресованных соратникам Павлина, женское влияние направлено главным образом на христианизацию мужчин, а его оценка обусловлена отношением автора к религии и аскетизму. Выделены основные типы такого влияния: воздействие женщины на взгляды супруга вплоть до принятия совместной аскезы, поддержка его духовных устремлений и укрепление религиозной решимости на протяжении совместной жизни, а также принятие женщиной на себя домашних обязанностей с целью освобождения времени мужа для дел веры. Кроме того, смерть христианки-жены выступает важнейшим фактором, побуждающим мужчину к пересмотру своих жизненных установок.

Ключевые слова: женщины, влияние, аскетизм, Поздняя античность, Павлин Ноланский

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-28-00284 «Социальные сети как механизм влияния в общественно-политической и духовной жизни латинского Запада в IV–VI вв.».

Для цитирования: Анохина Е.В. 2023. Женское влияние в позднеантичной семье в письмах Павлина Ноланского. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 874–880. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-874-880

Female Influence in the Late Antique Family in the Letters of Paulinus of Nola

Elizaveta V. Anokhina 

Belgorod Information Fund,
Building 8, 2A Korolev St., Belgorod 308024, Russia
E-mail: anokhina-elizavetav@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the cases of female influence in family in the correspondence of Paulinus of Nola. In letters addressed to his comrades, women's influence is aimed mainly at the Christianization of men, and its assessment is determined by the author's attitude to religion and asceticism. The main types of such influence are identified: a woman's influence on her husband's views up to the point of accepting joint asceticism, support of his spiritual aspirations and strengthening of religious determination throughout their life together, as well as the woman's taking on household responsibilities in order to free time of her husband for matters of faith. In addition, the death of a Christian wife is the most important factor prompting a man to reconsider his life attitudes.

Key words: women, influence, asceticism, Late Antiquity, Paulinus of Nola

Funding. The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 22-28-00284 “Social networks as a mechanism of influence in the socio-political and spiritual life of the Latin West in the 4th–6th centuries”.

© Анохина Е.В., 2023

For citation: Anokhina E.V. 2023. Female Influence in the Late Antique Family in the Letters of Paulinus of Nola. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 874–880 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-874-880

Введение

На сегодняшний день гендерный подход входит в число самых востребованных междисциплинарных подходов в сфере гуманитарного знания. Безусловно, в определённой мере это связано с активизацией женщин в управлении общественно-политическими процессами: они всё чаще занимают руководящие должности в политических партиях и в крупных компаниях, создают и поддерживают общественные организации. Но при этом нельзя не отметить изменения в восприятии самой гендерной системы, которая, по замечаниям современных исследователей, представляет собой, помимо всего прочего, систему власти. Следовательно, в гендерном анализе проблема доминирования выходит на первый план, а аспект влияния может рассматриваться в отношении не только между монархом и подданным, но также между мужем и женой [Репина, 2007, с. 5]. Переосмысление роли женщин в обозначенном ключе, актуализация гендерного подхода ориентируют исследователей на соответствующий анализ исторического материала. Перспективным для изучения в этом плане представляется римское общество периода Поздней античности, характеризующееся сложностью политических и социальных связей различного рода, включая взаимодействие между полами.

Исследование гендерных аспектов позднеантичной истории осложняется тем, что женщины не оставили каких-либо письменных свидетельств. Все сохранившиеся до нашего времени источники созданы представителями мужского пола. В такой ситуации первостепенное значение приобретают те сведения, которые отражают реальное, а не только теоретическое положение вещей, передают факты из повседневной жизни, позволяющие нам проанализировать конкретные случаи женского влияния, выявить их типы и установить способы женского воздействия. Перспективным в этом плане представляется изучение частной переписки. Известным автором эпистолярного жанра эпохи Поздней античности выступает Понтий Меропий Павлин, епископ Ноланский. Письма Павлина в значительной мере пронизаны духовной тематикой, поэтому их анализ позволяет пролить свет на выстраивание взаимоотношений между полами, в том числе в аспекте влиятельности, в контексте распространения христианской веры.

Следует отметить, что личность Павлина Ноланского не относится к числу тщательно исследованных: историография его деятельности в целом не очень обширна, а взгляды автора на проблематику гендера изучены ещё меньше. Учёные обращают внимание на некоторые особенности, присущие отношениям Павлина с супругой Терасией [Петровский, 1998; Van den Hoek, Herrmann, 2020], на перемены, которые вызвала его женитьба [Frend, 1969; Trout, 1999], а также анализируют личностные характеристики упоминаемых в его эпистолярном наследии женщин [Литовченко, 2019]. Однако случаи женского влияния, его способы и целевая направленность ранее не включались в проблемное поле исследований.

Предмет и методы исследования

Предметом данной статьи являются не столько сами женщины, сколько специфика их взаимодействия с мужчинами, выразившегося в различных способах женского влияния в частной жизни позднеантичного общества. Значительную роль мы отводим концепции Поздней античности, в соответствии с которой V в., время жизни Павлина Ноланского, характеризуется как транзитивный, то есть переходный период. Транзитивность обусловлена сосуществованием в ментальности индивидов традиций античности и христианства. Поскольку в данный период религиозный фактор выступает во многих отношениях решающим, то соот-



ношение античного и христианского определяет в том числе особенности гендерных представлений [Болгов, 2009, с. 14]. Методология работы базируется также на гендерном подходе, ориентированном на анализ социальных ролей, распределяемых социумом на основании половой принадлежности [Stoller, 1968]. Кроме того, в работе применяется историко-типологический метод, обусловленный необходимостью выделения типов женского влияния.

Результаты и их обсуждение

В первую очередь следует отметить, что Понтий Меропий Павлин, будучи воспитанным в условиях транзитивной эпохи Поздней античности, ощутил на себе влияние и античных, и христианских факторов. Как представитель сенаторской фамилии, Павлин получил классическое римское образование и, видимо, первоначально планировал построить светскую карьеру, вполне привычную для аристократа. В довольно молодом возрасте он занял должность консула, а затем и наместника в Кампании [Van den Hoek, Herrmann, 2000, p. 10]. Однако, как полагают исследователи, дальнейшая череда событий начиная с 383 г. значительно изменила мировоззрение Павлина [Frend, 1969, p. 4]. Смерть императора Грациана [Van den Hoek, Herrmann, 2000, p. 10], последовавший за этим отъезд в Испанию и женитьба на христианке Терасии [Петровский, 1998, с. 220], смерть новорождённого сына [Дуров, 2003, с. 93], чудеса у гроба Св. Феликса, свидетелем которых он стал [Литовченко, 2021, с. 569], – всё это содействовало ментальному перевороту, в результате которого Павлин принимает аскезу и полностью посвящает свою жизнь христианскому служению. Обратившись к посланию Павлина, мы увидим, что существенные изменения в своей жизни сам он объяснял вмешательством божественных сил:

Сам я открыто признал и сознался по собственной воле
В том, что я жизнь изменил не по собственному разуменью.
Мной руководит теперь новый разум, не прежний мой разум,
Но обратившийся в мой по воле Бога...

(Carm. 10, 140–143).

Е.В. Литовченко определяет тип мышления Павлина Ноланского как контрастно-нигилистический, что предполагает полный отказ от старых установок в пользу новых, обусловленных христианским вероучением [Литовченко, 2012, с. 2]. Отголоски античности при этом сохраняются в сознании Павлина, но проявляются не вполне очевидно.

Сосуществование античной и христианской традиций в мышлении Павлина Ноланского характерно в том числе для гендерных вопросов. Так, епископ Ноланский в целом транслирует античную установку во взгляде на женщину как на существо, по своей природе несовершенное и уступающее мужчине [Ксенофонтова, 2004, с. 10]. В одном из писем Павлин отмечает, что искушению подвержены «более слабые сосуды», так как змей-искуситель, согласно Писанию, обратился к Еве, а не к Адаму (Paul. Nol. Ep. 23.24). В другом месте, вновь апеллируя к Священному Писанию, указывает, что герой «Книги Судей», одолевший льва, не смог воспротивиться женщине, то есть «победив сильного, он потерпел поражение от слабости» (Ep. 23.11). Из слабости женщины вытекает её подчинённость по отношению к мужчине. Павлин именует мужа «главой во Христе», а супругу – его украшением (Ep. 44.3; 23.24). Демонстрируя дуализм мышления, Павлин оставляет для женщины возможность победить свою слабость и обрести определённое гендерное равенство, что сопряжено со служением Богу. Так, по указанию Павлина, во время молитвы женщина «выходит за пределы женской слабости и стремится к человеческому совершенству» (Ep. 23.25).

Интересно, что для Павлина женщина, приближаясь к Богу, вместе с тем обретает влияние на своего супруга. Возможно, Павлин учитывает собственный опыт, в котором на его становление как христианина и аскета в определённой степени воздействовала добродетельная жена. Поэт Авсоний, близкий друг и учитель будущего епископа Ноланского, в од-

ном из писем намекал на подверженность Павлина влиянию со стороны супруги, но оценивал его скорее негативно, оставляя следующее замечание: «Пусть твоя Танквиль ничего не знает об этом» (Aus. Ep. 28, 31). Довольно показательным выглядит сопоставление Терасии с жёсткой и властной Танакиль – супругой царя Тарквиния Древнего. Примечательно, что сам Павлин с такой оценкой не согласен и в ответном письме сравнивает свою жену с одной из самых добродетельных женщин античности – Лукрецией (Carm. 10. 191–192) [Литовченко, 2019, с. 41]. Разница в оценках женского влияния, вероятно, обусловлена разным отношением Авсония и Павлина к христианству и аскезе. Для поэта Авсония как человека абсолютно светского разрыв его ученика с миром вообще и с литературной деятельностью в частности представлялся своего рода трагедией [Беркова, 1967, с. 263]. Ответственность за этот разрыв, возложенная на христианку Терасию, и обусловила негативную оценку её воздействия на супруга. Павлин же, напротив, став глубоко религиозным христианином, отзывался о своей жене, вместе с которой они приняли аскезу, исключительно в положительных тонах (Green R.P.H., 1971, p. 24).

В обозначенном контексте обратимся также к письму Павлина, которое адресовано его друзьям – Евхерию и Галле. Супруги, как и Павлин с Терасией, совместно приняли монашество, при этом удалившись от мира на остров. Епископ Ноланский указывает, что Евхерий и Галла «выполняют деятельность своего замечательного призвания, занимаются учёбой и стремятся к небу с той же гармонией, с которой оставили позади мирские дела» (Ep. 51.1). Бесспорно, на основании данного фрагмента нельзя сделать однозначный вывод о влиянии женщины, но указание на «гармонию», в которой пребывают супруги в совместной аскезе, свидетельствует как минимум о поддержке Галлой решения её мужа о полной перемене образа жизни.

В других письмах аспект влияния жены на христианское становление супруга прослеживается более чётко. Примечательны две женщины, упоминаемые Павлином, – Паулина и Аманда. Паммахий, супруг Паулины, и Апер, муж Аманды, построившие вполне успешную светскую карьеру, стали аскетами, как следует из писем Павлина, во многом благодаря своим жёнам. Обе женщины на протяжении семейной жизни оказывали всестороннюю поддержку мужьям, в том числе в духовном плане. Как отмечает П.Г. Уолш, в период своей карьеры Паммахий – представитель патрицианского рода Фуриев и член римского сената, в котором на тот момент преобладали язычники, наверняка чувствовал себя обособленно ввиду своего выбора в пользу христианской религии [P.G. Walsh, 1966, p. 6]. Мы можем предположить, что в подобных непростых обстоятельствах, которые можно определить как своего рода изоляцию, поддержка жены-христианки приобретала особое значение и даже влияние, направленное на укрепление душевных сил и религиозной решимости её супруга. Обращаясь к Паммахию, Павлин отмечает важность такой поддержки, утверждая, что «благодать женщины завоёвывает славу своего мужа, когда она в его объятиях, и побеждает его тоску, когда её приводят перед ним» (Ep. 13.5).

В письме к Аперу – юристу и наместнику провинции, Павлин также указывает на положительное влияние его супруги Аманды, которую именует «благословенной среди женщин»: «Её вера удваивает вашу благодать... Ибо под руководством милости Господа вы оба были просто облечены в единство веры, а теперь вы еще больше облакаете друг друга в дела духовных добродетелей» (Ep. 44.3). В конечном счёте именно готовность Аманды разделить домашние обязанности мужа позволила ему стать аскетом. Павлин, обращаясь к Аперу и отдавая должное вкладу Аманды в духовный рост супруга, отмечает, что женщина «берёт на себя светские дела, чтобы вы о них забыли; она справляется с земным, чтобы вы могли справиться с Божьим» (Ibid.).

Более того, по мнению Е.В. Литовченко, смерть Паулины можно рассматривать как важнейший фактор, который повлиял на решение Паммахия окончательно отречься от земных благ в пользу аскетизма [Литовченко, 2019, с. 41]. Цитируя Священное Писание, Павлин указывает, что в период своей земной жизни Паулина «протянула руку к полез-



ным вещам, открыла уста свои к мудрости и сделала своего мужа добрым. Она увенчала вас славой и честью...» (Ер. 13.5). Соболезнуя Паммахию, Павлин при этом указывает, что влияние женщины на благополучие мужа продолжится и в жизни вечной: «В вашей жене вы теперь имеете великую клятву во Христе, того, кто будет прилагать усилия, чтобы добиться для вас поддержки» (Ibid.). Принимая во внимание факты из биографии Паммахия, мы можем провести аналогию и предположить, что смерть супруги повлияла и на аскетический выбор Сульпиция Севера. Павлин указывает, что приход Сульпиция к аскетизму состоялся вопреки его «холостой юности и свободе ко греху после супружества» (Ер. 5.5). Исследователи полагают, что брак Сульпиция Севера завершился со смертью добродетельной супруги. Возможно, кончина жены вызвала большие переживания в его душе, в значительной мере именно поэтому несколько лет спустя он обратился в монашество [Донченко, 1999, с. 213].

Заключение

Таким образом, мировосприятие Понтия Меропия Павлина как представителя Позднеантичной эпохи характеризуется синтезом античных и христианских элементов, что характерно в том числе для гендерных вопросов. С одной стороны, Павлин, следуя античной традиции, определяет женщину как существо более слабое и несовершенно по сравнению с мужчиной, а потому подчинённое ему. С другой, он предусматривает для женщин возможность эту слабость преодолеть посредством приобщения к христианскому служению.

Именно жена-христианка в изложении Павлина способна благотворно влиять на жизнь своего супруга. Можно определить следующие типы такого воздействия.

Во-первых, влияние добродетельной жены на взгляды мужа, следствием которого становится совместный уход супругов в аскезу.

Во-вторых, влияние женщины посредством моральной поддержки супруга, поощрение его духовного роста и укрепление христианской решимости в условиях враждебного окружения.

В-третьих, готовность жены разделить светские обязанности супруга, что позволило бы ему оставить мир ради аскетического служения.

В-четвертых, смерть высоко нравственной жены выступает фактором, вынуждающим её мужа пересмотреть свои взгляды на жизнь и самостоятельно встать на путь аскетизма.

Список источников

- Гаспаров М.Л. 1998. Послание Авсония к Павлину. Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. Москва, Наследие: 222–224.
Петровский Ф.А. 1998. Послание Павлина к Авсонию. Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. Москва, Наследие: 224–232.
Hartel W. 1894. Pontius Meropius Anicius Paulinus episcopus Nolanus Epistulae. Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum XXIX, Pars. 1–2. Wien, F. Tempsky. 462 p.

Список литературы

- Беркова Е.А. 1967. Поздняя римская эпистолагафия (IV–V вв. н. э.). Античная эпистолагафия: Очерки. Москва, Наука: 260–284.
Болгов Н.Н. 2009. Поздняя античность: история и культура. Белгород, Издательство Белгородского государственного университета. 88 с.
Донченко А.И. 1999. Сульпиций Север и его произведения. Сульпиций Север. Сочинения. Москва, РОССПЭН: 213–215.
Дуров В.С. 2003. Латинская христианская литература III–V веков. Санкт-Петербург, Издательство филологического факультета СПбГУ. 200 с.
Ксенофонтова Н.А. 2004. Война полов, или Поиск и обретение идентичности. Мужчина и женщина. Диалог или соперничество? Москва, ИА РАН, I: 9–48.

- Литовченко Е.В. 2012. Классическая и христианская традиции в ментальности позднеантичных интеллектуалов. Электронный научно-образовательный журнал «История». Москва, ООО Интеграция: Образование и Наука, 1(9): 2–3.
- Литовченко Е.В. 2019. *Femina Bona*: женские добродетели в позднеантичном обществе (IV–V вв.). ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие. Материалы научной сессии кафедры всеобщей истории к 40-летию начала антиковедческих исследований. Белгород, Издательство Белгородского государственного университета, 6: 36–44.
- Литовченко Е.В. 2021. Позднеантичная эпистолагафия в контексте медиализации и культурного континуитета на латинском Западе (IV–VI вв.): Дисс. ... д-ра. ист. наук. Белгород. 804 с.
- Петровский Ф.А. 1998. Павлин Ноланский. Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. Москва, Наследие: 220–232.
- Репина Л.П. 2007. От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте. Диалог со временем. Москва, Издательство ЛКИ, 19: 5–27.
- Frend W.H.C. 1969. Paulinus of Nola and the Last Century of the Western Empire. *The Journal of Roman Studies*. Cambridge, Cambridge University Press, 59: 1–11.
- Green R.P.H. 1971. *The Poetry of Paulinus of Nola: A Study of His Latinity*. Brussels, Latomus. 146 p.
- Stoller R. 1968. *Sex and Gender: on the Development of Masculinity and Femininity*. New York, Science House. 383 p.
- Trout D.E. 1999. *Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems*. Berkeley, University of California Press. 122 p.
- Van den Hoek A., Herrmann J. 2000. Paulinus of Nola, Courtyards and Canthari: a Second Look. *Harvard Theological Review*. Cambridge, Cambridge University Press, 93: 173–219.
- Walsh P.G. 1966. *Letters of St. Paulinus of Nola*. New York, Newman Press, I. Letters 1–22. 277 p.
- Walsh P.G. 1967. *Letters of St. Paulinus of Nola*. New York, Newman Press, II. Letters 23–51. 393 p.

References

- Berkova E.A. 1967. Pozdnjaja rimskaja jepistologafija (IV–V vv. n. je.) [Late Roman Epistolography (IV–V centuries AD)]. *Antichnaja jepistologafija: Oчерki*. Moscow, Nauka: 260–284.
- Bolgov N.N. 2009. Pozdnjaja antichnost': istorija i kul'tura [Late Antiquity: History and Culture]. Belgorod, Izdatel'stvo Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 88 p.
- Donchenko A.I. 1999. Sul'picij Sever i ego proizvedenija [Sulpicius Severus and His Works]. *Sul'picij Sever. Sochinenija*. Moscow, ROSSPJeN: 213–215.
- Durov V.S. 2003. Latinskaja hristianskaja literatura III–V vekov [Latin Christian Literature of the 3rd–5th Centuries]. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo filologicheskogo fakul'teta SPbGU. 200 p.
- Ksenofontova N.A. 2004. Vojna polov, ili poisk i obretenie identichnosti [War of the Sexes, or the Search and Acquisition of Identity]. *Muzhchina i zhenshhina. Dialog ili sopernichestvo?* Moscow, IA RAN, I: 9–48.
- Litovchenko E.V. 2012. Klassicheskaja i hristianskaja tradicii v mental'nosti pozdneantichnykh intellektualov [Classical and Christian Traditions in the Mentality of Late Antique Intellectuals]. *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija»*. Moscow, ООО Интеграция: Образование и Наука, 1(9): 2–3.
- Litovchenko E.V. 2019. *Femina Bona*: zhenskie dobrodeteli v pozdneantichnom obshhestve (IV–V vv.) [Femina Bona: Female Virtues in Late Antique Society (IV–V Centuries)]. ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие. Материалы научной сессии кафедры всеобщей истории к 40-летию начала антиковедческих исследований. Белгород, Издательство Белгородского государственного университета, 6: 36–44.
- Litovchenko E.V. 2021. Pozdneantichnaja jepistologafija v kontekste medievalizacii i kul'turnogo kontinuiteta na latinskom Zapade (IV–VI vv.) [Late Antique Epistolography in the Context of Medievalization and Cultural Continuity in the Latin West (IV–VI centuries)]. D. Sc. Thesis, General history, Belgorod State National Research University, Belgorod. 804 p.
- Petrovskij F.A. 1998. Павлин Ноланский [Paulinus of Nola]. *Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков*. Moscow, Наследие: 220–232.



- Repina L.P. 2007. От «domashnih del» k «delam gosudarstva»: gender i vlast' v istoricheskom kontekste [From “Household Affairs” to “State Affairs”: Gender and Power in Historical Context]. *Dialog so vremenem*. Moscow, Izdatel'stvo LKI, 19: 5–27.
- Frend W.H.C. 1969. Paulinus of Nola and the Last Century of the Western Empire. *The Journal of Roman Studies*. Cambridge, Cambridge University Press, 59: 1–11.
- Green R.P.H. 1971. *The Poetry of Paulinus of Nola: A Study of His Latinity*. Brussels, Latomus. 146 p.
- Stoller R. 1968. *Sex and Gender: on the Development of Masculinity and Femininity*. New York, Science House. 383 p.
- Trout D.E. 1999. *Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems*. Berkeley, University of California Press. 122 p.
- Van den Hoek A., Herrmann J. 2000. Paulinus of Nola, Courtyards and Canthari: a Second Look. *Harvard Theological Review*. Cambridge, Cambridge University Press, 93: 173–219.
- Walsh P.G. 1966. *Letters of St. Paulinus of Nola*. New York, Newman Press, I. Letters 1–22. 277 p.
- Walsh P.G. 1967. *Letters of St. Paulinus of Nola*. New York, Newman Press, II. Letters 23–51. 393 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 12.10.2023

Received 12.10.2023

Поступила после рецензирования 28.11.2023

Revised 28.11.2023

Принята к публикации 28.11.2023

Accepted 28.11.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анохина Елизавета Витальевна, специалист регионального центра развития цифровой образовательной среды, Белгородский информационный фонд, г. Белгород, Россия

Elizaveta V. Anokhina, Specialist of the Regional Center for the Development of the Digital Educational Environment, Belgorod Information Fund, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-1976-0742](https://orcid.org/0000-0002-1976-0742)



УДК 94/410 «1066/1154»

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-881-888

Оригинальное исследование

Образ святого короля в первом житии Эдуарда Исповедника

Лазарев С.С. 

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

E-mail: lazarevsergey01@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается механизм конструирования святости Эдуарда Исповедника в «Житии короля Эдуарда, который покоится в Вестминстере», текст которого сохранился благодаря единственной рукописи, хранящейся в Британской библиотеке (Harley MS 526). Анализ источника показывает, что автор первого жития Эдуарда Исповедника использует типичные средства для создания образа святого короля, такие как описание его праведной жизни, добродетелей и способности творить чудеса. Но ценность этого источника заключается в том, что автор жития через образ Эдуарда Исповедника демонстрирует новую модель королевской святости.

Ключевые слова: Эдуард Исповедник, святость, образ святого, агиография, жития святых

Для цитирования: Лазарев С.С. 2023. Образ святого короля в первом житии Эдуарда Исповедника. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 881–888.

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-881-888

The Image of the Saint King in the First Hagiography of Edward the Confessor

Sergey S. Lazarev 

Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

E-mail: lazarevsergey01@gmail.com

Abstract. Edward the Confessor is one of the most famous kings in the history of medieval England. His righteous life prompted the creation of hagiographic works and canonization in 1161. This article examines the mechanism of constructing the holiness of Edward the Confessor in «The Life of King Edward who rests in Westminster». The life is preserved due to the only manuscript kept in the British Library (Harley MS 526). The manuscript dates from the early 12th century. The analysis of the source shows that the author of the first hagiography of Edward the Confessor uses typical methods to create the image of the saint king. These methods are the description of righteous life, virtues and ability to perform miracles. The value of this source lies in the fact that the author of the life demonstrates a new model of the royal holiness through the image of Edward the Confessor. Previous Anglo-Saxon kings achieved holiness through martyrdom or the monastic lifestyle, but Edward the Confessor attains holiness through his righteous life, wise and just government.

Keywords: Edward the Confessor, sanctity, image of a saint, hagiography, lives of the saints

For citation: Lazarev S.S. 2023. The Image of the Saint King in the First Hagiography of Edward the Confessor. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 881–888 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-881-888



Введение

Эдуард Исповедник – один из известнейших королей в истории средневековой Англии. Известно, что при жизни он отличался глубоким благочестием, что стало основанием для его канонизации в 1161 г. папой Александром III, которая имела политические мотивы со стороны папства и английской короны. Первым источником, который заложил образ святого короля, является «Житие короля Эдуарда, который покоится в Вестминстере» (далее – «Житие»), созданный по заказу королевы Эдит. Исследователи на протяжении долгого времени, обращаясь к данному агиографическому сочинению, пытаются ответить на вопросы о дате, авторстве и истинных целях «Жития» [Southern, 1943; Heningham, 1975; Licence, 2015]. В данной статье будет проанализирован механизм конструирования образа святого короля Эдуарда Исповедника в тексте «Жития».

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются способы и сюжеты, с помощью которых автор «Жития» создает образ святого короля Эдуарда Исповедника. Особенности работы с рукописными средневековыми источниками обуславливают необходимость применения палеографической транскрипции для правильного чтения раннеготического письма и транскрибирования слов, а также герменевтической и текстологической критики источников для анализа содержания текста «Жития».

Результаты и их обсуждение

Текст «Жития» сохранился на латинском языке в единственной рукописи начала XII в., которая хранится в Британской библиотеке (Harley MS 526). Первым известным владельцем был рукописи был Ричард Бэнкрофт (1544–1610), казначей собора Святого Павла, канонник Вестминстерского аббатства, епископ Лондона, а с 1604 г. – архиепископ Кентерберийский. Такой вывод можно сделать благодаря надписи, датируемой позднее текста самой рукописи: «для доктора Бэнкрофта»²⁷. Далее рукопись перешла сэру Саймондсу Д'Юэсу (1602–1650) – 1-й баронет, антиквар, политик и друг сэра Роберта Коттона. Впоследствии рукопись унаследовал его внук Саймондс Д'Юэс (ок. 1670–1722), 3-й баронет, который позже продал вместе с остальной библиотекой Роберту Харли (1661–1724) 4 октября 1705 г. за 450 фунтов стерлингов [Wright, 1972, p. 131]. Эдуард (1689–1741), сын Роберта Харли, продолжал пополнять семейную библиотеку, которая по наследству перешла его жене Генриетте Кавендиш (1694–1755) и дочери Маргарет Кавендиш-Бентинк (1715–1755), продавшим её за 10 тыс. фунтов стерлингов в 1753 г. в соответствии с парламентским «Актом о Британском музее» (26 Geo. II) [Acts, 1814, p. 21–22]. В наши дни собрание рукописей Харли составляет одну из основных коллекций Британской библиотеки.

Особой сложностью в изучении «Жития» является его тематическая дискурсивность. С одной стороны, большая часть текста «Жития» представляет собой светскую биографию Эдуарда Исповедника, в которой внимание уделяется преимущественно не ему, а династии Годвинсонов, а с другой – оставшаяся часть текста «Жития» функционирует как агиографическое сочинение, в которой описаны чудеса и видения Эдуарда Исповедника. Тем не менее в обеих этих частях происходит процесс конструирования образа святого короля Эдуарда Исповедника.

При тщательном изучении текста «Жития» можно обнаружить описание нового типа королевской святости. Преимущественно английские короли достигали святости благодаря принятию мученической смерти или монашеского образа жизни. Но в чем выражалась и как конструировалась святость Эдуарда Исповедника?

²⁷ London, British Library, Harley MS 526. Fol. 57v.

Для понимания того, какой тип святости демонстрирует Эдуард Исповедник, обратимся к описанию, которое дает анонимный автор: «И, не говоря уже о его осанке и внешнем виде, он был весьма подходящей фигурой для мужчины – выдающегося роста, отличался молочно-белыми волосами и бородой, полным лицом и розовыми щеками, тонкими белыми руками и длинными полупрозрачными пальцами; во всем остальном своем теле он был безупречной королевской особой. Приятный, но всегда с достоинством, он ходил, опустив глаза, в высшей степени любезный со всеми. Если какая-то причина возбуждала его гнев, он казался страшным, как лев, но никогда не высказывал своего гнева дурным словом. Всем просителям он либо милостиво разрешал, либо милостиво отказывал, так что его милостивый отказ казался высшей щедростью. На публике он вел себя как настоящий король и лорд; наедине со своими придворными, как один из них, но с непоколебимым королевским достоинством. Он доверил дело Божье своим епископам и людям, сведущим в каноническом праве, предупредив их, чтобы они действовали согласно делу, и приказал своим светским судьям, лордам и королевским юристам проводить справедливое различие, чтобы, с одной стороны, праведность имела королевскую поддержку, а с другой – зло, где бы оно ни появлялось, заслуживало справедливого осуждения. Этот добрый король отменил скверные законы, а на утинагемоте установил славные законы и наполнил радостью всю Британию, которой он правил по милости Божьей и наследственному праву»²⁸. Из этого достаточного пространного описания, в котором переплетаются различные панегирические эпитеты, можно увидеть, что автор «Жития» первым изображает Эдуарда Исповедника справедливым и благочестивым правителем, заботящемся о благе своего народа, воплощая идеалы *rex bonus* и *rex justus*.

Помимо этого, «Житие» демонстрирует образ святого короля, который не был ни мучеником, ни монахом. Как отметила Э. Бозоки, именно такой идеал стал образцом нового типа королевской святости в XII веке [Bозоку, 2009, р. 174]. В последующем агиографы Эдуарда Исповедника вывели типологию английских святых королей. Наиболее полно это отражено у Элреда из Риво: «ибо некоторые увенчались вновь мученической смертью, поднявшись из земного царствования в небесное; другие выбрали изгнание из своей родины, предпочитая умереть паломниками за Христа; некоторые отказались от своих корон и приняли монастырскую дисциплину, а были те, кто правили справедливо и свято и стремились быть слугой своего народа больше, чем господином. Среди последних был славный король Эдуард, блестящее светило, который сиял, как утренняя звезда на облачном небе» [Migne, 1855, col. 737–738]. Почитание большого числа королей-мучеников было особенностью религиозной культуры средневековой Англии. Но признание святости короля за его качества стало новшеством, хотя и восходило к каролингской концепции христианского управления королевством [Nelson, 1994; Bозоку, 2009, р. 174]. Таким образом, Эдуард Исповедник обладал всеми качествами христианского короля, чья миссия заключалась в защите церкви, бедных, сирот, вдов и больных и, в целом, в сохранении мира, осуществлении справедливого правосудия и проявлении щедрости. Впервые новая модель королевской святости, когда функции христианского государя становятся критериями святости, была признана с канонизацией в 1083 г. венгерского короля Иштвана I, но папское подтверждение этого акта подтверждается лишь более поздними текстами [Szentpétery, 1938, р. 49–50; Klaniczay, 2000, р. 15–21]. Другим примером является император Генрих II Святой, который не был мучеником, но был канонизирован папством, подтверждая новую модель королевской святости [Vauchez, 1988, р. 27, 311].

Важным элементом в конструировании образа святого короля Эдуарда Исповедника является описание добродетелей в тексте «Жития». Большой интерес вызывает описание щедрости Эдуарда Исповедника. Анонимный автор «Жития» пишет, что «каждому из них [королям и их посланникам] в соответствии с рангом были посланы королевские дары,

²⁸ London, British Library, Harley MS 526. Fol. 40r–40v.



которые по щедрости нельзя было сравнить с другими королевскими дарами, отправленными Эдуарду Исповеднику»²⁹. При этом стоит отметить, что этот отрывок имеет не только важный агиографический потенциал, формирующий святость Эдуарда Исповедника, но и является типичным примером символической коммуникации дарения в Средние века, когда одариваемый ответными дарами стремится показать свой высокий статус во властной иерархии и даже превосходство над дарителем [Althoff, Stollberg-Rilinger, 2015, s. 3–11].

Другой добродетелью, которая играет одну из важнейших ролей в конструировании святости Эдуарда Исповедника, является целомудренная жизнь короля: «Он со святым целомудрием сохранил достоинство своего посвящения и прожил всю свою жизнь, посвященную Богу, в истинной невинности»³⁰. Соблюдение целомудрия Эдуардом Исповедником оказало влияние и на его отношения с королевой Эдит – он обращался с ней не как с женой, а как с дочерью³¹. Но, как отметила Д. Хантингтон, описание целомудренной жизни Эдуарда Исповедника в тексте «Жития» имеет некоторую неопределённость из-за проблемности понимания фразы *celebs vita*, которая может подразумевать как девственность, так и моногамность отношений [Huntington, 2003, p. 122]. Хотя более подробных сведений о браке Эдуарда и Эдит невозможно найти в тексте рукописи из-за отсутствия некоторых листов, но можно выявить, что автор стремился показать нежные отношения между ними. Одним из таких примеров является данный пассаж: «Хотя по обычаю и закону для нее [Эдит] всегда был приготовлен королевский трон рядом с королем, она предпочитала, за исключением церкви и королевского стола, сидеть у его ног, если только он случайно не протянет к ней руку или жестом руки не пригласит или не прикажет ей сесть рядом с ним»³². Она в глазах анонимного автора является идеальной спутницей святого короля, подчеркивая её ум и красоту. При описании образа Эдит автор заключает, что она была образцом «добродетели и честности»³³. Но описание такого положительного образа Эдит можно объяснить тем, что именно королева была заказчицей этого агиографического сочинения и стремилась сохранить своё влияние, несмотря на меняющиеся обстоятельства политического климата Англии [Barlow, 1970, p. 291–300; Keynes, Love, 2009, p. 199].

Следует отметить, что у Эдуарда Исповедника были также особенные отношения с апостолом Петром и Римом. Впервые это можно обнаружить в отрывке, где во сне Бритвольду, епископу Уилтшира, явился апостол Петр, освятивший нового избранного им короля, которому был начертан набожный образ жизни³⁴. В этом пассаже можно увидеть установление божественной легитимации королевской власти Эдуарда Исповедника еще до его фактического избрания [Калмыкова, 2010, с. 687]. Позже, когда Эдуард Исповедник стал королем, он перестраивает Вестминстерское аббатство в качестве *ex-voto*, чтобы заменить паломничество в Рим, которое не смог совершить, чтобы поблагодарить апостола Петра за помощь в получении английского трона и избавлении королевства от злых ненастий [Binski, 1995, p. 5–6]. Согласно тексту «Жития», Эдуард Исповедник обратил внимание за стенами Лондона на небольшой монастырь, посвященный апостолу Петру, для которого он приказал, чтобы из десятин доходов короля было перестроено это место. Строительство было закончено вовремя и без лишних затрат, а здание стало соответствовать князю апостолов³⁵.

Далее автор «Жития» переходит к описанию чудес, которые совершил Эдуард Исповедник. Отметим, что в критическом издании под редакцией Ф. Барлоу приведены пять

²⁹ London, British Library, Harley MS 526. Fol. 40r.

³⁰ London, British Library, Harley MS 526. Fol. 54r.

³¹ London, British Library, Harley MS 526. Fol. 53v.

³² London, British Library, Harley MS 526. Fol. 48v.

³³ London, British Library, Harley MS 526. Fol. 48v.

³⁴ London, British Library, Harley MS 526. Fol. 39v.

³⁵ London, British Library, Harley MS 526. Fol. 49r.

чудес и два видения, но в тексте привлеченной рукописи указаны истории только о двух чудесах. Кроме того, анонимный автор подчеркивает, что не был свидетелем этих чудес. В первом рассказе о чуде некая женщина страдала золотухой, которая поразила её горло и лицо. Во сне у неё было видение, в котором ей было сообщено, что она избавится от этой болезни, если король Эдуард омоет её водой. Король, услышав о сне этой женщины, окропил её лицо несколько раз водой и убрал гной. Затем он приказал кормить эту женщину ежедневно за королевский счет, пока она полностью не выздоровеет. И не прошло и недели, как она полностью излечилась, а также смогла побороть бесплодие из-за этой болезни³⁶. Примечательно, что автор «Жития» подчеркивает в конце этой истории, что Эдуард Исповедник излечивал от этой болезни ещё в юности, когда он был в Нормандии. Вильгельм Мальмсберийский также подтверждает это: «Те, кто знал его более близко, утверждают, что он часто излечивал эту болезнь в Нормандии; откуда видно, насколько ложно их представление, утверждающее в наше время, что лечение этой болезни происходит не от личной святости, а от наследственной добродетели королевского рода» [Hardy, 1840, p. 375]. Благодаря этим пассажам можно сделать вывод о том, что способность излечивать от золотухи становится важным инструментом в доказательстве святости Эдуарда Исповедника. Этот факт особенно важен тем, что именно отсутствие веских доказательств о святости были одной из причин, которые мешали канонизации короля Эдуарда [Лазарев, 2022б, с. 50–51].

Второе чудо произошло со слепым мужчиной, которому, как и в первой истории, во сне было видение об исцелении. Король, узнав об этом слепце, сначала возразил своим советникам и обвинил их в доверчивости, но они переубедили короля. Слуги короля омыли этого мужчину той же водой, которой ранее Эдуард Исповедник совершил утреннее омовение, и ему вернулось зрение. Королю доложили об этом, и он решил проверить. Король несколько раз задавал вопросы этому мужчине о том, что он делает со своими руками, и прозревший мужчина ответил на все³⁷.

Рассказы о чудесах Эдуарда Исповедника, которые сохранились в тексте рукописи, показывают, что исцеления происходят благодаря воздействию с водой. Это неудивительно, так как вода играет важную роль в различных религиях и культовых действиях. Не исключением стали и средневековые английские святые. Например, святая Фридесвида, обратившись с молитвами Богу, смогла создать источник с целительными свойствами, посвятив его святой Маргарите Антиохийской [Reames, 2003, p. 41]. Наиболее известна история с архиепископом Томасом Бекетом, который мученически был убит, защищая права церкви в ходе борьбы с королем Генрихом II Плантагенетом. Как указывают агиографы Томаса Бекета, его кровь смешивали с водой, которая обладала чудотворной силой [Лазарев, 2022а, с. 8]. Популярность «воды святого Томаса» привела к тому, что паломники могли купить оловянные ампулы с этой водой в Кентербери [Jordan, 2009, p. 483].

Необходимо отметить, что важную роль в конструировании образа святого короля Эдуарда Исповедника в тексте «Жития» играют античные и библейские аллюзии. В «Житии» неоднократно подчеркивается, что правление Эдуарда Исповедника – это не только восстановление законной Уэссекской династии, но и время гармонии и золотого века Англии: «С его приходом, подавив все горе, для английского народа наступил золотой век»³⁸. Примечательно, что топос о золотом веке перешел из Античности в Средние века, как отметила В.Б. Джордан, через четвертую эклогу из «Буколиков» Вергилия и сочинения более поздних неоплатоников [Jordan, 1998, p. 140]. Как видно, золотой век исходит из образа гармонии, при этом ему противостоит бронзовый век – эпоха разлада. Средневековые авторы переосмыслили дихотомию золотого и бронзового века, вызвав в виде ан-

³⁶ London, British Library, Harley MS 526. Fol. 54r–54v.

³⁷ London, British Library, Harley MS 526. Fol. 54v.

³⁸ London, British Library, Harley MS 526. Fol. 38r.



титезы земного и небесного. Поэтому правление Эдуарда Исповедника – это не только мирная эпоха, наступившая после политических катаклизмов, которые были вызваны датским завоеванием, но и время, сводящее к минимуму расстояние между небесным и земным. Кроме того, идея мира и процветания Англии при Эдуарде Исповеднике подкрепляется библейской аллюзией в сравнении короля с царем Соломоном: «Как после войн Давида, пришли Соломон и мир, которые потопили горестные стоны в потоке Леты»³⁹. Но это не просто сравнение. В глазах автора «Жития» Эдуард Исповедник и Соломон являются правителями, получившими свой трон благодаря божественному избранию.

Заключение

Подводя итоги, можно заключить, что «Житие короля Эдуарда, который покоится в Вестминстере», является уникальным и сложным источником, в котором впервые утверждается святость Эдуарда Исповедника. При этом в тексте «Жития» святость Эдуарда Исповедника конструируется не в соответствии с типичными моделями святости предыдущих англосаксонских королей, такими как принятие мученической смерти или монашеского образа жизни, а благодаря праведной жизни и справедливому правлению. Основными элементами, с помощью которых создается образ святого короля Эдуарда Исповедника в тексте рукописи, являются достаточно типичные для агиографической традиции описание добродетелей и рассказы о чудесах. Но именно эти сюжеты, проанализированные в статье, легли в основу последующих сочинений агиографов Эдуарда Исповедника, придавших им новые интерпретации. Кроме того, необходимо отметить, что использование в тексте «Жития» античных и библейских аллюзий позволяет как охарактеризовать работу и стиль автора, так и продемонстрировать интертекстуальность «Жития».

Список литературы

- Калмыкова Е.В. 2010. Образ Эдуарда Исповедника в агиографической и исторической традиции средневековой Англии. В кн.: *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад*. М., Кругъ: 684–716.
- Лазарев С.С. 2022а. «Вода святого Томаса»: способ легитимации святости Томаса Бекета (по материалам средневековых агиографических сочинений). В кн.: *Глобальные вызовы в меняющемся мире: тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания: 6-й молодежный конвент УрФУ: материалы международной конференции, Екатеринбург, 24–26 марта 2022 года*. Екатеринбург, Издательство Уральского университета: 8–10.
- Лазарев С.С. 2022б. Причины и стратегия первой попытки канонизации Эдуарда Исповедника. *Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского*, 6: 47–54.
- Acts and Votes of Parliament Relating to the British Museum: with the Statutes and Rules Thereof, and the Succession of Trustees and Officers. London, Printed by Cox and Baylis, 1814, 126.
- Althoff G., Stollberg-Rilinger B. 2015. Die Sprache der Gaben: Logik und Semantik des Gabentauschs im vormodernen Europa. *Jahebücher für Geschichte Osteuropas*. 63(1): 1–22.
- Barlow F. 1970. *Edward the Confessor*. Berkley, Los Angeles, University of California Press, 375.
- Binski P. 1995. *Westminster Abbey and the Plantagenets: Kingship and the Representation of Power, 1200–1400*. New Haven, Yale University Press, 241.
- Bozoky E. 2009. The Sanctity and Canonisation of Edward the Confessor. In: *Edward the Confessor: The Man and the Legend*. Woodbridge, Boydell Press: 173–186.
- Hardy T.D. (ed.). 1840. *Willelmi Malmesbiriensis Monachi Gesta Regum Anglorum, atque Historia novella*. Vol. 1. Londini, Sumptibus Societatis, 463.
- Heningham E.K. 1975. The Literary Unity, the Date, and the Purpose of the Lady Edith's Book: «The Life of King Edward Who Rests at Westminster». *Albion*, 7(1): 24–40.
- Huntington J. 2003. Edward the Celibate, Edward the Saint: Virginity in the Construction of Edward the Confessor. In: *Medieval Virginites*. Toronto: University of Toronto Press: 119–139.

³⁹ London, British Library, Harley MS 526. Fol. 38r.



- Jordan A.A. 2009. The «Water of Thomas Becket»: Water as Medium, Metaphor, and Relic. In: *The Nature and Function of Water, Baths, Bathing, and Hygiene from Antiquity through the Renaissance*. Vol. 11. Leiden, Boston, Brill: 479–500.
- Jordan V.B. 1998. Chronology and Discourse in *Vita Ædwardi Regis*. *The Journal of medieval Latin*, 8: 122–155.
- Klaniczay G. 2000. *Rex justus: The Saintly Institutor of Christian Kingship*. *The Hungarian Quarterly*, 41(158): 14–31.
- Keynes S., Love R. 2009. *Earl Godwine's Ship*. *Anglo-Saxon England*, 38: 185–223.
- Licence T. 2015. The Date and Authorship of the *Vita Ædwardi regis*. *Anglo-Saxon England*, 44: 259–285.
- Migne J.-P. (ed.). 1855. *Aelredus Rievallensis. Vita Sancti Edwardi Regis et Confessoris*. In: *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Tomus CXCIV*. Lutetia Parisiorum, Excudebat Migne: 737–790.
- Nelson J.L. 1994. Kingship and Empire in the Carolingian World. In: *Carolingian Culture: Emulation and Innovation*. Cambridge, Cambridge University Press: 52–87.
- Reames S. 2003. *Middle English Legends of Women Saints*. Kalamazoo, Medieval Institute Publications, 314.
- Southern R.W. 1943. The First Life of Edward the Confessor. *The English Historical Review*, 58: 385–400.
- Szentpétery I. (ed.). 1938. *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Vol. II. Budapest, Acad. Litter. Hungarica, 681.
- Vauchez A. 1988. *La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques*. Rome, Ecole française de Rome, 771.
- Wright C.E. 1972. *Fontes Harleiani: A Study of the Sources of the Harleian Collection of Manuscripts Preserved in the Department of Manuscripts in the British Museum*. London, British Museum, 480.

References

- Kalmykova E.V. 2010. *Obraz Eduarda Ispovednika v agiograficheskoy i istoricheskoy traditsii srednevekovoy Anglii [The Image of Edward the Confessor in the Hagiographic and Historical Tradition of Medieval England]*. In: *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad [Images of Time and Historical Representations: Russia – the East – the West]*. Moscow, Krugh: 684–716.
- Lazarev S.S. 2022a. «Voda svyatogo Tomasa»: sposob legitimatsii svyatosti Tomasa Beketa (po materialam srednevekovykh agiograficheskikh sochineniy) [«Water of Saint Thomas»: The Way of Legitimation of the Sainthood of Thomas Becket in Medieval England]. In: *Global'nye vyzovy v menyayushchemsya mire: tendentsii i perspektivy razvitiya sotsial'no-gumanitarnogo znaniya: 6-y molodezhnyy konvent UrFU: materialy mezhdunarodnoy konferentsii, Ekaterinburg, 24–26 marta 2022 goda [Global Challenges in a Changing World: Trends and Prospects for the Development of Social and Humanitarian Knowledge: 6th UrFU Youth Convention: Proceedings of the International Conference, Yekaterinburg, March 24–26, 2022]*. Yekaterinburg: Ural University Press: 8–10.
- Lazarev S.S. 2022b. *Prichiny i strategiya pervoy popytki kanonizatsii Eduarda Ispovednika [Reasons and Strategy of the First Canonization Attempt of Edward the Confessor]*. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*, 6: 47–54.
- Acts and Votes of Parliament Relating to the British Museum: with the Statutes and Rules Thereof, and the Succession of Trustees and Officers*. London, Printed by Cox and Baylis, 1814, 126.
- Althoff G., Stollberg-Rilinger B. 2015. *Die Sprache der Gaben: Logik und Semantik des Gabentauschs im vormodernen Europa*. *Jahebücher für Geschichte Osteuropas*. 63(1): 1–22.
- Barlow F. 1970. *Edward the Confessor*. Berkley, Los Angeles, University of California Press, 375.
- Binski P. 1995. *Westminster Abbey and the Plantagenets: Kingship and the Representation of Power, 1200–1400*. New Haven, Yale University Press, 241.
- Bozoky E. 2009. The Sanctity and Canonisation of Edward the Confessor. In: *Edward the Confessor: The Man and the Legend*. Woodbridge, Boydell Press: 173–186.
- Hardy T.D. (ed.). 1840. *Willelmi Malmesbiriensis Monachi Gesta Regum Anglorum, atque Historia novella*. Vol. 1. Londini, Sumptibus Societatis, 463.
- Heningham E.K. 1975. The Literary Unity, the Date, and the Purpose of the Lady Edith's Book: «The Life of King Edward Who Rests at Westminster». *Albion*, 7(1): 24–40.



- Huntington J. 2003. Edward the Celibate, Edward the Saint: Virginité in the Construction of Edward the Confessor. In: *Medieval Virginités*. Toronto: University of Toronto Press: 119–139.
- Jordan A.A. 2009. The «Water of Thomas Becket»: Water as Medium, Metaphor, and Relic. In: *The Nature and Function of Water, Baths, Bathing, and Hygiene from Antiquity through the Renaissance*. Vol. 11. Leiden, Boston, Brill: 479–500.
- Jordan V.B. 1998. Chronology and Discourse in Vita Ædwardi Regis. *The Journal of medieval Latin*, 8: 122–155.
- Klaniczay G. 2000. Rex justus: The Sainly Institutor of Christian Kingship. *The Hungarian Quarterly*, 41(158): 14–31.
- Keynes S., Love R. 2009. Earl Godwine's Ship. *Anglo-Saxon England*, 38: 185–223.
- Licence T. 2015. The Date and Authorship of the Vita Ædwardi regis. *Anglo-Saxon England*, 44: 259–285.
- Migne J.-P. (ed.). 1855. Aelredus Rievallensis. Vita Sancti Edwardi Regis et Confessoris. In: *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Tomus CXCIV*. Lutetia Parisiorum, Excudebat Migne: 737–790.
- Nelson J.L. 1994. Kingship and Empire in the Carolingian World. In: *Carolingian Culture: Emulation and Innovation*. Cambridge, Cambridge University Press: 52–87.
- Reames S. 2003. *Middle English Legends of Women Saints*. Kalamazoo, Medieval Institute Publications, 314.
- Southern R.W. 1943. The First Life of Edward the Confessor. *The English Historical Review*, 58: 385–400.
- Szentpétery I. (ed.). 1938. *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Vol. II. Budapest, Acad. Litter. Hungarica, 681.
- Vauchez A. 1988. *La saintété en Occident aux derniers siècles du Moyen Age d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques*. Rome, Ecole française de Rome, 771.
- Wright C.E. 1972. *Fontes Harleiani: A Study of the Sources of the Harleian Collection of Manuscripts Preserved in the Department of Manuscripts in the British Museum*. London, British Museum, 480.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.09.2023

Received 18.09.2023

Поступила после рецензирования 28.11.2023

Revised 28.11.2023

Принята к публикации 28.11.2023

Accepted 28.11.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лазарев Сергей Сергеевич, аспирант кафедры истории Средних веков, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт Петербург, Россия

Sergey S. Lazarev, postgraduate student of the Department of History of the Middle Ages, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0003-0593-6695](https://orcid.org/0000-0003-0593-6695)



УДК 94(73)"16"+277.2-9

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-889-900

Оригинальное исследование

Восстание Якоба Лейслера в колониальном Нью-Йорке (1689–1691 гг.): основные события и личность Лейслера в источниках и историографии

Макаров Я.Ф. 

Смоленская православная духовная семинария,
Россия, 214000, Смоленск, Смоленская обл., ул. Тимирязева, 5
E-mail: yan.makarov.2020@list.ru

Аннотация. В данной статье описываются основные события восстания Якоба Лейслера в колонии Нью-Йорк, которое уничтожило зачатки католической церкви, привело к расколу местных реформатских общин, а также стало причиной общественно-политического разделения. Начиная со второй половины XVIII в. Нью-Йоркское восстание начало активно изучаться англоязычными исследователями. Постепенно развивались различные концепции относительно произошедших событий и роли личности Лейслера в них. Пиком исследовательского интереса стала вторая половина XX в. Именно в это время историки начали выделять специфические причины (помимо религиозных и этнических), приведшие к революционным событиям. На сегодняшний день в российской исторической науке работа советского историка А.С. Самойло остается основополагающей по этому вопросу. Все последующие исследователи либо подчеркивали в своих трудах важность этого события, опуская его анализ, либо ссылались на монографию Самойло. Так как работа данного исследователя была написана в 1963 году, а основные концепции касательно причин и развития восстания начали складываться в основном после этого периода, исследование относительно восстания Лейслера в русскоязычных научных работах не получило своего развития.

Ключевые слова: антикатолические настроения в американских колониях, восстание в Нью-Йорке, Славная Революция в американских колониях, Якоб Лейслер, английские колонии Северной Америки XVII в.

Для цитирования: Макаров Я.Ф. 2023. Восстание Якоба Лейслера в колониальном Нью-Йорке (1689–1691 гг.): основные события и личность Лейслера в источниках и историографии. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 889–900. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-889-900

Jacob Leisler's Rebellion in Colonial New York (1689–1691): the Main Events and Personality of Leisler in Sources and Historiography

Yan F. Makarov 

Smolensk Orthodox Theological Seminary,
5 Timiryazev St., Smolensk region, Smolensk 214000, Russia
E-mail: yan.makarov.2020@list.ru

Abstract. The present article describes the main events of Jacob Leisler's Rebellion in colonial New York (1689–1691), which destroyed the rudiments of the Catholic Church, led to the split of local Reformed communities, and also caused the socio-political division of the colony into opponents and supporters of Leisler. Since the second half of the XVIII century, the New York Rebellion began to be actively studied

© Макаров Я.Ф., 2023



by English-speaking researchers. Gradually, various concepts were being developed regarding the events that had taken place and the role of Leisler's personality in them. The second half of the XX century became the peak of the research interest. It was at this time when historians began to identify specific reasons that had led to revolutionary events and socio-political disagreements of that period. To date, in Russian historical science, the work of the Soviet historian A.S. Samoilo remains the only and fundamental one on this issue. All subsequent researchers either emphasized the importance of this event in their writings, omitting its analysis, or referred to Samoilo's monograph and a few foreign translated works. Since the work of this researcher was written in 1963, and the basic concepts regarding the causes and development of the uprising began to take shape mainly after this period, the study of Leisler's Rebellion in the Russian-language scientific works did not receive its development.

Keywords: Anti-Catholic sentiments in the American colonies, The Rebellion in New York, the Glorious Revolution in the American Colonies, Jacob Leisler, the English colonies of North America of the XVII century

For citation: Makarov Ya.F. 2023. Jacob Leisler's Rebellion in Colonial New York (1689–1691): the Main Events and Personality of Leisler in Sources and Historiography. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 889–900 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-889-900

Введение

Восстание Якоба Лейслера (1689–1691) представляло собой политическую революцию в колонии Нью-Йорк, которая началась с внезапного падения королевского правительства и закончилась судом и казнью Джейкоба Лейслера, ведущего Нью-Йоркского торговца, ярого кальвиниста и офицера милиции. Имя Лейслера с самого начала было неотделимо от событий в Нью-Йорке, которые являлись частью потока восстаний, берущих свое начало в Европе, где в результате так называемой «Славной революции» в Англии в ноябре-декабре 1688 года король Яков II был свергнут голландским принцем Вильгельмом Оранским. Принц вскоре стал королем Вильгельмом III (отчасти легитимизированным его женитьбой на дочери Якова II, ставшей впоследствии королевой Марией). В то время как революция в Англии прошла довольно гладко, она вызвала сопротивление в Шотландии, гражданскую войну в Ирландии и войну с католической Францией. Это отвлекло короля Вильгельма от наблюдения за происходящим в Америке, где колонисты взяли события в свои руки [Haefeli, 2007, p. 357]⁴⁰.

Объекты и методы исследования

Объектами исследования являются основные события восстания Якоба Лейслера в колониальном Нью-Йорке (1689–1691 гг.), а также отношение участников данных событий (лейслерианцев и антилейслерианцев) и исследователей последующих периодов к личности Лейслера, неизменно менявшееся начиная с XVII в. Кроме того, специфические факторы, выделяемые англоязычными историками, оказавшие, по их мнению, решающее влияние на Нью-Йоркское восстание, также в фокусе нашего внимания. Исследование проводилось с применением историко-сравнительного метода. На основе сравнительного анализа автор смог проследить изменения, которые происходили в англоязычных работах относительно понимания личности Лейслера и ее влияния на Нью-Йоркские события 1689–1691 гг. Используя этот метод, нам также удалось выявить специфические факторы, выделяемые историками начиная со второй половины XX в., определившие характер восстания и его социально-политическую окраску.

Начало Нью-Йоркского восстания и назначение Якоба Лейслера главнокомандующим

В ноябре 1688 г. принц Оранский Вильгельм, stadхаудер Нидерландов и зять короля Якова II, вместе с голландским экспедиционным корпусом вторгся в Англию, что привело

⁴⁰ Итоги славной революции См.: [Сидоренко, 2013, 82–91; Stanwood, 2007, p. 481–508]

к «Славной революции». Новость о событиях в митрополии быстро распространилась по североамериканским английским колониям. Среди их жителей долгое время зрело недовольство политикой Лондона. Дальние границы Англии страдали от попыток католической реставрации, непопулярной в народе политики централизации и унификации. Поэтому, когда до колоний дошли известия, что католик Яков свергнут, во многих ее частях начались открытые выступления против ставленников короля-католика и созданию новых органов самоуправления [Black, 2017, p. 146–147].

18 апреля 1689 г. восстали жители Бостона. Они свергли Эдмунда Андроса, губернатора доминиона Новая Англия, частью которого тогда был Нью-Йорк, и провозгласили возвращение к порядкам, существовавшим до отмены хартии 1629 г., когда у них была значительная автономия [Barnes, 1923, p. 44]. Вскоре из видных членов старого правительства, которое управляло колонией до назначения Андроса, был сформирован «совет безопасности». По мере распространения слухов о действиях Массачусетса другие части доминиона последовали его примеру, и Новая Англия снова распалась на колонии Коннектикут, Род-Айленд, Плимут и Массачусетский залив [Болховитинов, 1987, p. 65].

Вице-губернатор Андроса, Фрэнсис Николсон, находящийся в Нью-Йорке, оказался в сложном положении. Весть о воцарении нового короля дошла до него в марте; 26 апреля стало известно о восстании в Бостоне, однако Николсон не предпринял никаких шагов, чтобы объявить новости об этом в колонии, опасаясь, что революционные настроения могут перекинуться и на сам Нью-Йорк [Hawke, 1966, p. 267]. В то время пока вице-губернатор отчаянно ждал каких-либо инструкций из Лондона, новости о свержении Андроса дошли и до местных жителей. За ними последовали и новые: Франция готова объявить войну Англии и в союзе с индейцами вторгнуться на северную границу колонии, город Олбани [Findling, Thackeray, 2000, p. 150]. Колония, как и все ее руководство, были к этому не готовы: войск не хватало, т. к. значительная часть нью-йоркского гарнизона была ранее отправлена губернатором Андросом для борьбы с нападавшими на округ Мэн индейцами, а главный форт города был в плачевном состоянии и требовал ремонта [Webb, 1966, p. 523–524]. Страх и слухи о предателях и измене быстро распространились по городу, приводя общественное сознание в состояние странного возбуждения: ходили слухи о папистских и республиканских заговорах; местные жители верили, что приспешники власти, решившись воспользоваться случаем, были заняты укреплением ее рук; поступали сообщения о людях, идущих на город Нью-Йорк с восточной границы Лонг-Айленда, чтобы захватить форт и удерживать его для принца Оранского. Поступали сообщения о католиках, уже находящихся в стенах города, которые в назначенный день поднимутся на людей, собравшихся в своих церквях, и путем всеобщей резни докажут свою приверженность свергнутому королю Якову [Sparks, 1844, p. 189].

Николсон попытался успокоить охваченных паникой людей, пригласив народное ополчение к армейскому гарнизону в Форт-Джеймсе для обороны Нью-Йорка от возможной опасности. Затем в течение двух недель он выпустил ряд предписаний. Первое из них передавало все доходы от таможенных сборов и акцизов на укрепление города. Второе и третье были направлены непосредственно против мятежа, подстрекательства к мятежу и бунтарству [Lovejoy, 1972, p. 255]. Однако эти шаги не смогли успокоить население и оказать должного влияния. Для обычных жителей вице-губернатор был олицетворением всего, чего они так боялись, а именно старой прокатолической бюрократии, которая «самым произвольным образом ниспровергла наши древние привилегии, сделав нас фактически рабами своей воли» [Brodhead, 1853, p. 583–584]. Кроме того, как впоследствии будет отражено в отчетах, многие сомневались в протестантских воззрениях вице-губернатора, готового, по их мнению, поддержать папистов ради удержания своей собственной власти [Hastings, 1901, p. 962, 971, 1000]⁴¹.

⁴¹ Одним из главных доказательств прокатолической политики Николсона, по мнению Лейслера и его сторонников, было пренебрежение вице-губернатором ремонтом городских укреплений. Кроме того,



Тем временем ситуация в городе накалялась. Несколько торговцев (один из них был сам Лейслер) отказались платить таможенные пошлины правительству, потому что сборщик налогов Мэтью Плаумэн был католиком и не мог, по их мнению, занимать должность с момента восшествия на престол Вильгельма [Ibid, pp. 983, 965]. Решающее разногласие проявилось 30 мая между «красными мундирами»⁴² Николсона и городской милицией по поводу размещения часового, что привело к ожесточенной ссоре. Это закончилось тем, что вице-губернатор пригрозил выстрелить в офицера милиции и взволнованно крикнул, что он скорее подожжет город, чем будет мириться с дальнейшим нарушением субординации. На следующий день его подстрекательские слова, сильно преувеличенные, прогремели по всему городу. Большая часть ополчения быстро отказала в повиновении и без особых проблем захватила форт [Аптекер, 1961, с. 92]. Для непосредственного руководства провинцией был создан «комитет безопасности», который подписал соглашение о приверженности принцу Оранскому и готовности ценой своей жизни поддержать протестантскую веру [Самойло, 1963, с. 186; Lovejoy, 1972, р. 255]. Затем, после нескольких дней беспокойства, 8 июня 1689 года комитет издал постановление, назначающее Якоба Лейслера капитаном форта «до тех пор, пока не поступят приказы от их величеств»; и далее комитет постановил, «чтобы упомянутый Лейслер получал всю помощь от города и графства для подавления внешних и внутренних врагов мира и сохранения порядка в провинции» [Morgan, 1849, р. 11]. Сам Лейслер сформировал цель своего назначения так: удержать Нью-Йорк для своих новых соверенов от «папистских собак и дьяволов», как иностранных, так и внутренних [Brodhead, 1853, р. 76]⁴³.

Массачусетс и Коннектикут поддержали руководство Лейслера, и его авторитет вскоре был общепризнан большинством [Самойло, 1963, с. 185]. Вице-губернатор Николсон бежал в Англию, а Кортланд, мэр Нью-Йорка, полковник Баярд и другие члены его совета, «видные джентльмены», не в силах смириться с господством человека, «низкого по способностям и низшего по званию» [Smith, 1829, р. 86], удалились в Олбани и, захватив городской форт, заявили, что они удерживают его для Вильгельма и Марии (короля и королевы), но не будут поддерживать никакой связи с Лейслером. Каждая сторона теперь заявляла о своей верности одному и тому же государю и одновременно осуждала другую как мятежную⁴⁴. Лейслер послал своего зятя Милборна в Олбани требовать сдачи форта, в чем ему было отказано⁴⁵. Впоследствии из Англии были получены распоряжения, адресованные Ни-

Николсон, судя по всему, боясь, что Яков II может вернуться на трон, медлил с признанием Вильгельма королем, что, естественно, протестантским населением воспринималось как предательство и вызывало только еще большее недоверие к нему.

⁴² Регулярные формирования колонии.

⁴³ Якоб Лейслер не был подготовлен к предстоящей должности. Родившийся в 1640 г. во Франкфурте-на-Майне, он происходил из знатной семьи, членами которой были известные реформатские священнослужители, а также высокопоставленные правительственные чиновники по всей Германии и Швейцарии. После окончания кальвинистской военной академии в Нюрнберге он переехал в Амстердам и устроился переводчиком к Корнелису Мелину. В 1660 году, вероятно, с помощью Мелина он был назначен офицером в войска Вест-Индской компании и возглавил контингент войск в Новый Амстердам. После Английского завоевания Лейслер остался. Занимаясь торговлей мехами и табаком, к середине 1670-х годов он стал одним из полудюжины богатейших людей Нью-Йорка. Однако Лейслер так и не попал в самый близкий круг англо-голландской аристократии. Одной из причин был неприятный, затянувшийся спор с Баярдами и Ван Кортландтами (видными руководителями города) по поводу имущества его жены, которая была родственницей обеих семей. Другим был его ярый кальвинизм и страстная преданность Оранскому дому, которые связывали его с антианглийскими элементами в Реформатской церкви. Более того, во время краткой голландской реконквисты 1673–74 годов Лейслер был тесно связан с голландским губернатором Колве, и впоследствии англичане никогда полностью ему не доверяли [Burrows, Wallace, 1999, pp. 98].

⁴⁴ Странников революции и ее противников в исторической литературе до сих пор называют лейслерианцами и антилейслерианцами. Сами они использовали термины «вильямины», сторонники короля Вильгельма, и «якобиты», сторонники короля Якова.

⁴⁵ Милборн вместо того, чтобы, как предполагалось, договориться с представителями комитета Олбани, открыто призывал местных жителей к мятежу против него и признанию Лейслера как их руководителя. Бунта не случилось, и Милборну пришлось вернуться ни с чем, только усугубив ситуацию.

колсону или в его отсутствие «тем, кто в настоящее время заботится о созерцании мира и отправления закона» [Osgood, Chauncey, Kirkland, 1868, p. 343] в Нью-Йорке. После некоторых колебаний со стороны посольного, вызванных попытками партии в Олбани получить доступ к депешам, они были доставлены Лейслеру. В них содержалось поручение Николсону «делать все, что относится к должности вице-губернатора, в соответствии с законами и обычаями Нью-Йорка до дальнейших распоряжений» [Ibid, pp. 343]. Так как Николсон к тому моменту уже покинул провинцию, Лейслер посчитал, что исполняет поручение, данное ему государем, и, соответственно, теперь он имеет законную королевскую санкцию управлять Нью-Йорком [Lawson, 1918, p. 514]. Поэтому 16 августа 1690 года, после очередного собрания «комитета безопасности», Лейслеру было позволено «воспользоваться ... полномочиями главнокомандующего указанной провинции для приведения народа к таким клятвам, выдачи таких приказов и распоряжений по таким вопросам, которые необходимо будет исполнять для сохранения и защиты мира, (и) жителей ... своевременно советуясь с милицией и гражданскими властями, как того потребует случай» [Morgan, 1849, p. 23]⁴⁶.

Деятельность Лейслера на посту главнокомандующего колонией и оппозиция его режиму

Первое, что сделал Лейслер после своего утверждения, – это распорядился как о выборах местных руководителей Нью-Йорка⁴⁷, так и созыве нового состава Ассамблеи, которая приступила к повышению налогов и отмене монополий и торговых привилегий, которыми каждый губернатор, начиная с Николсона, благоволил Нью-Йорку и его торговцам [Kammen, 1996, 123; Bugrows, Wallace, 1999, p. 100]. Вдобавок для поддержки порядка и обеспечения войск Нью-Йорка он приказал торговцам сдавать свои товары и врывался в их склады, если они этого не делали⁴⁸. Столкнувшись со значительной оппозицией со стороны чиновников, не исполняющих его предписаний, он объявил многих из них «папистами» и либо снимал с должностей, заменив своими ставленниками, либо заключал в тюрьму. Были выданы ордера на арест таких видных антилейслерианцев, как Ван Кортленд, Роберт Ливингстон и бывший губернатор Донган – их было так много, что на другом берегу Гудзона в Нью-Джерси возникла небольшая колония беглецов и беженцев. Затем на второй сессии Ассамблеи он и его сторонники потребовали возвращения всех недовольных лиц, бежавших из колонии, и назначили крупные штрафы для тех, кто отказывается от гражданской или военной работы в его правительстве [Bugrows, Wallace, 1999, p. 100]. В ответ на эти постановления 6 июня в Нью-Йорке на него напала небольшая толпа, которая потребовала освобождения политических заключенных и возвращения к прежней налоговой системе. К октябрю 1690 года многие общины от Гарлема до Олбани выступят против его правления. Поддержит недовольных и голландское реформатское духовенство. Оно будет выступать как с критикой Лейслера и его руководства, так и с критикой своих собственных прихожан, которые по большей части были преданными сторонниками Лейслера. Впоследствии это приведет к многолетнему внутрен-

⁴⁶ Впоследствии Лейслер объявит себя вице-губернатором и, распустив «комитет безопасности», учредит «губернаторский совет», что многими историками будет расцениваться как начало его личной диктатуры.

⁴⁷ В сентябре 1689 года «комитет безопасности» призовет жителей города ко всеобщим выборам местных должностных лиц: мировые судьи и капитаны милиции впервые должны были выбираться непосредственно избирателями, что привело к резкому изменению распределения политической власти в городе. Пекари, каменщики, плотники, владельцы гостиниц, рабочие, которых до сих пор считали непригодными для общественной ответственности, получили большинство мест в совете олдерменов. Плотник Йоханнес Джонсон стал шерифом, а каменщик Уильям Черчер – маршалом. Питер Деланой, гугенот, один из ближайшего окружения Лейслера, был избран мэром города. Все они впоследствии будут поддерживать Лейслера и станут «костяком» его власти. Те же, кто потеряют свои места, станут непримиримыми противниками Лейслера.

⁴⁸ Правда, надо отметить, что товары, которые были конфискованы, тщательно записывались, и руководство колонии в лице Лейслера возлагало на себя обязательство возместить весь финансовый ущерб.



нему расколу голландских конгрегаций Нью-Йорка [Ritchie, 1977, p. 225–226]. Пиком недовольства лейслеровским режимом станет неудачный пугч в округе Куинс, быстро остановленный приверженцами Лейслера [Kammen, 1996, p. 124–126; Schuyler 1909, p. 472–495]⁴⁹.

Тогда же проявилась главная проблема лейслеровского правления – все нарастающая угроза со стороны французской Канады. В феврале 1690 года, через шесть месяцев после начала войны Аугсбургской лиги (известной как война короля Вильгельма в колониях⁵⁰), смешанные силы французов и индейцев сожгли поселение Скенектади, убив около 60 его граждан [Pearson, 1883, p. 260]⁵¹. Лейслер незамедлительно начал организовывать ответный удар по французскому Монреалю, но после нескольких месяцев трудоемких, часто тяжёлых и ожесточенных приготовлений атака не состоялась. Экспедиция потерпела полный провал, растворившись среди болезней и трудностей с транспортом и снабжением [Burrows, Wallace, 1999, p. 100–101]⁵². Это событие окончательно подорвало авторитет Лейслера. По мере того как он направлял усилия своего правительства на атаку против французов, все большее число жителей Нью-Йорка начинало видеть в нем незаконного деспота. Его одержимость католическим заговором росла вместе с оппозицией. В борьбе с ней Лейслер все больше и больше полагался на произвольные аресты, жесткое налогообложение и конфискации, в результате чего некоторые из его наиболее доверенных сторонников потеряли самообладание и начали от него отдаляться. В свою очередь, его опора на «охоту» за папистскими заговорщиками только сделала его более иррациональным и произвольным для тех, кто сомневался в его легитимности. И если дополнительные налоги и репрессии подточили его власть как в самом Нью-Йорке, так и в отдаленных частях колонии, то итоги экспедиции окончательно подорвали его авторитет, и народ начал от него «уставать» [Haefeli, 2007, p. 358].

Конец восстания и смещение Лейслера и его сторонников

В сентябре 1689 года король Вильгельм назначил полковника Генри Слаутера губернатором в Нью-Йорк⁵³, однако целый ряд проблем, связанных с войной, погодными условиями и транспортом, задержали его отъезд из Англии. Поэтому раньше самого Слаутера в Нью-Йорк смог добраться небольшой контингент войск во главе с представителем губернатора майором Ричардом Ингольдсби [Аптекер, 1961, с. 93; Hawke, 1966, p. 269]. У майора не было никаких официальных документов, которые он мог бы предъявить Лейслеру, чтобы доказать свои полномочия. Однако несмотря на это он потребовал до прибытия губернатора передать ему всю полноту власти в городе. Лейслер отказался. Это привело к вооруженному конфликту и разделило город на два лагеря. Часть, поддерживающая Лейслера, заняла форт и оборонялась до прибытия губернатора 19 марта 1691 года. Другая, во главе с противниками Лейслера, сразу же перешла на сторону Ингольдсби. Вскоре было выдвинуто второе требование о сдаче форта, но Лейслер знал, что его враги добились определенного положения у нового руководства, и в попытке обеспечить свою собственную безопасность он все еще колебался, но послал гонцов к уже прибывшему на тот момент губернатору, которые были немедленно схвачены как мятежники. После этого, окруженный войсками, Лейслер покинул форт и был схвачен и брошен в тюрьму вместе с горсткой его приверженцев. Затем последовал быстрый суд и казнь самого Лейслера вместе с его зятем Милборном как мятежников [Самойло, 1963, с. 187; Lovejoy, 1972, p. 336–339].

⁴⁹ Отношение в разных регионах колонии к правлению Лейслера, было неоднозначным с самого начала его правления. См.: [Burke, 1989, pp. 405–430; Voorhees, 1997, pp. 5–27].

⁵⁰ Война Франции и Англии в североамериканских колониях.

⁵¹ Впоследствии названная в англоязычных источниках и литературе как «резня в Скенектади».

⁵² Относительно противостояния Англии и Франции в американских колониях см.: [Акимов, 2005, с. 576].

⁵³ Новость об этом не дошла до Нью-Йорка, и Лейслер почти до самого конца не знал об этом назначении [Brodhead, 1853, p. 623].

Отношение современников⁵⁴ и исследователей к Лейслеру и восстанию

Отношение исследователей к Лейслеру и его восстанию остается до сих пор во многом спорным. Сторонники Лейслера утверждали, что он был мучеником, пострадавшим, защищая протестантскую веру и людей, исповедующих ее [Osgood, Chauncey, Kirkland, 1868, p. 343]⁵⁵. Противники Лейслера доказывали, что Лейслер был человеком низкого происхождения, не гнушавшимся ради собственной выгоды подстрекать людей к мятежу⁵⁶ [Ibid, pp. 372–373]. Роялисты XVIII века рано приняли это понимание, превратив Лейслера в символ колониального бунтарства как пример того, что происходило с теми, кто пренебрегал английской властью⁵⁷. Демократы «джексоновской эпохи» перевернули представления роялистов и стимулировали интерес к Лейслеру как к «герою простого человека». Чарльз Фенно Хоффман подхватил эту тему в своем исследовании за 1844 год в массово продаваемой серии американских биографий Джереда Спаркса. Книга Хоффмана стала основополагающей биографией [Sparks, 1844; Purple, 1877]. Начиная с XX в. общепринятая интерпретация представляет личность Лейслера как отклонение от нормы в английском колониальном мире. Он выглядит человеком неуживчивым, сварливым, подозреваемым англичанами в коллаборационизме и озлобленным по отношению к проанглийской голландской элите Нью-Йорка. Многие исследования опирались на это изображение, чтобы подчеркнуть этнические факторы, стоящие за действиями Лейслера. Они рассматривают уроженца Германии Лейслера как аутсайдера, неспособного интегрироваться в новый порядок Нью-Йорка. Возмущенный своей политической и экономической изоляцией и незнанием английской политической культуры, Лейслер использовал неразбериху, созданную революцией в Англии, чтобы захватить контроль в попытке повысить свой социально-политический статус [Lovejoy, 1972; Archdeacon, 1976; Voorhees, 1994, p. 448]. Однако во второй половине XX в. исследователи все чаще выделяют не только личные и этнические взаимосвязи, но и 1) непростые религиозные представления [Balmer, 1989]; углубляясь в этническое поле: 2) тесные семейные связи [Reich, 1953] и фракционность⁵⁸, определявшую лояльность сторонников и противников Лейслера; 3) региональные проблемы [Burke, 1989; Oorhess, 1997; Haefeli, 2007]; 4) демократическое начало и прообраз

⁵⁴ После того как Лейслера арестовали, было организовано судебное разбирательство, где под присягой участники Нью-Йоркского восстания давали показания относительно личности и деятельности Лейслера. Эти показания сохранились и представляют собой важный источник для понимания как восстания, так и отношения современников к его лидерам. См.: Osgood S., Chauncey W., Kirkland C.P. 1868. Collections of the New-York Historical Society Vol. I. NY: Printed for Society, p. 458.

⁵⁵ Среди сторонников Лейслера его открыто называли мучеником. А после того как Лейслер был казнен, между собравшейся толпой началась давка за возможность взять кусочек его одежды или срезать прядь его волос [Osgood, Chauncey, Kirkland, 1868, pp. 343].

⁵⁶ Оппоненты Лейслера открыто говорили, что восстание, состоящее преимущественно из «черни», возглавляли «хамы и маслобойщики» [Hall, Leder, Kammen, 1964, pp. 132].

⁵⁷ К таким историкам можно отнести Уильяма Смита с его работой «The History of the Province of New-York: From the First Discovery to the Year 1732». London: Printed for Thomas Wilcox, 1757, p. 255 и Джорджа Чамерса «Political Annals of the Present United Colonies, from their Settlement to the Peace of 1763», London: Printed for the Author, 1780, p. 695. Данные исследователи считали Лейслера «торговцем низкого сословия и образования», который попытался атаковать бастион английской вольности. Их точка зрения доминировала в английской историографии вплоть до XIX в.

⁵⁸ Лоуренс Ледер рассматривал восстание в контексте напряженной внутренней борьбы, которая доминировала в политике Нью-Йорка в 1680-х годах, своего рода борьбы между правящей олигархией и не совсем лояльной, сплоченной оппозицией. Те, кто закрепился на политических постах, стойко сопротивлялись претендентам, и, когда вспыхнуло восстание и они были отстранены от должности в пользу повстанцев, бывшие руководители стали антилейслерианцами. Поддерживала такой взгляд, доказывая постоянную фракционность различных политических и социальных групп, в своей работе и Патриция Бономи. См.: [Lawrence, 1961, p. 336; Bonomi, 1971, p. 368].



Английской революции⁵⁹; 6) внешние [Andrews, 1915]⁶⁰ и внутривластные факторы [Ritchie, 1977; Steele, 1989]; 7) классовую и(или) экономическую борьбу элит и жителей между собой [Аптекаер, 1961; Самойло, 1963; Milton, 1974]. Несмотря на то, что многие из перечисленных факторов были известны и упоминались в более ранних работах [Schuyler, 1909, p. 640], отдельные исследования данных вопросов, их переплетение между собой и постановка выявленных при изучении аспектов на главенствующее место в процессе исторических событий так или иначе проявились только в англоязычных работах второй половины XX в. В советско-российской исторической науке работа А.С. Самойло, выпущенная в 1963 году, остается по данной теме основополагающей. Все последующие русскоязычные исследователи, подчеркивая важность Нью-Йоркского восстания для колониальной истории Англии, либо пропускали его подробный анализ, либо ссылались на работу Самойло. Поэтому многие аспекты и концепции относительно этого исторического события, изученные в англоязычной научной литературе, впоследствии не использовались в отечественных работах. Так, например, не рассматривались личные мотивы Лейслера, который до восстания судился с руководителями колонии за имущество умершего родственника его жены, находившейся в тесных семейных связях с мэром Нью-Йорка Ван Кортландом и полковником милиции Баярдом. Оба семейства были одними из самых влиятельных в Нью-Йорке. Не были полно раскрыты и религиозные аспекты, такой как раскол голландской реформатской церкви, чьим прихожанином и старейшиной были как сам Лейслер, так и его политические оппоненты. Таким образом, изучение восстания Якоба Лейслера остановилось в «границах» монографии Самойло, которая, не потеряв своей актуальности, все же выражает «одностороннюю» концепцию, пропуская важные с точки зрения исследования факторы. В данный момент активное изучение восстания Лейслера и непосредственно его персоны продолжается, как и споры относительно того, почему и как оно произошло⁶¹.

Заключение

Восстание Якоба Лейслера было политической революцией в Нью-Йорке, которая началась со смещения губернатора Андроса, бегства вице-губернатора Николсона и закончилась возвышением и смертью Якоба Лейслера. В период руководства Лейслера Нью-Йорком колония разделилась на два противоборствующих лагеря – лейслерианцев и антилейслерианцев, создавая общественное напряжение, усугублявшееся многочисленными репрессиями Лейслера против «католиков» и его политических врагов. Такая политика в конечном итоге приведет к смещению Лейслера и его казни. Однако смена власти и смерть «зачинщиков» восстания не привела к социально-политическому примирению. Немногочисленное католическое духовенство во время правления Лейслера было рассеяно по другим колониям, заставляя католиков переселяться в Пенсильванию, где была веротерпимость [O'Gorman, 1899, p. 233]. Голландская реформатская церковь, разделившись после смены вице-губернатора Николсона на духовенство – сторонников свергнутой

⁵⁹ Так, историк Джером Райх утверждал, что сторонники Лейслера были демократами, протестовавшими против произвола диктатуры короля Якова, а восстание в Нью-Йорке стало прообразом (если не планом) Американской революции [Reich, 1953, p. 194].

⁶⁰ Данный автор рассматривал события в Нью-Йорке как часть событий «большого мира». Чтобы понять часть этого мира, утверждал исследователь, необходимо изучить его целое, то есть события в Англии и Европе. Относительно недавняя работа, развивающая этот исследовательский курс: [Jaar, 2009, p. 238].

⁶¹ В 2014 году в Нью-Йорке открылся Институт Якоба Лейслера. Цель института – изучение как колониальной истории Нью-Йорка, так жизни и деятельности самого Лейслера. На официальном сайте института (<https://jacobleislerinstitute.org>) постоянно обновляется список научных работ с участием института по этой тематике. На момент написания работы последние исследования: [Wellenreuther, 2009, pp. 89–118], глава «Все руководство перевернуто с ног на голову»: идеологические истоки лейслерианской политической мысли»; [Rosenblatt, Rosenblatt, 2013, 207–227], глава «Английское право глазами голландцев: лейслерианское понимание английской правовой системы в Нью-Йорке».

власти, обвиненных в «папизме», и прихожан – лейслерианцев, в течение почти двух десятилетий будет расколота, остановив свое развитие. Лейслерианцы в большинстве своем были отстранены от высших политических должностей, но в течение долгих лет после восстания находились в оппозиции к антилейслерианцам, которые вновь заняли видные административные должности не только в Нью-Йорке, но и в соседних колониях. Подобный церковно-политический раскол будет продолжаться на протяжении почти двух десятилетий после суда над Лейслером. Будучи одним из важнейших событий в колониальной истории, Нью-Йоркское восстание стало активно изучаться исследователями начиная со второй половины XVIII века. С этого времени публиковались многочисленные работы относительно произошедших событий. С каждым столетием со стороны исследователей менялось как отношение к самому Лейслеру, так и отношение к причинам, приведшим к его правлению. На данный момент созданы институты и кафедры по изучению колониальной истории и непосредственно Нью-Йоркскому восстанию. Продолжается полемика о роли тех или иных внешних и внутренних факторов в изучаемых процессах. Это указывает на то, что точка в данной теме еще не поставлена. Впрочем, остается неизменным то обстоятельство, что события 1689–1691 гг. были поворотным моментом в американской колониальной истории Нью-Йорка XVII в., изменившим общественно-политическую и религиозную жизнь данной колонии.

Список источников

- Brodhead J.R. 1853. Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Holland, England and France. Vol. III. Albany: Weed, Parsons, 811.
- Hall M.G., Leder L.H., Kammen M.G. The Glorious Revolution in America: Documents on the Colonial Crisis. Chapel Hill: 1964, 234.
- Hastings H. 1901. Ecclesiastical Records State of New York. Vol II. Albany: James B. Lyon State Printer, 1442.
- Morgan C. 1849. The Documentary History of the State of New York. Vol II. Albany: Weed, Parsons and co, 1281.
- Osgood S., Chauncey W., Kirkland C.P. 1868. Collections of the New York Historical Society Vol. I. NY: Printed for Society, 458.

Список литературы

- Акимов Ю.Г. 2005. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII вв. СПб., СПб Университет, 576.
- Аптекер Г. 1961. История Американского народа. Колониальная Эра. Пер. Романова И.З. Москва, Наука, 432.
- Болховитинов Н. 1987. История США в 4 т. Т. 1. (1607–1877). Москва, Наука, 687.
- Самойло А.С. 1963. Английские колонии Северной Америки в XVII в. (Начальный период истории США). Москва, Академия наук СССР, 321.
- Сидоренко Л.В. 2013. Исторические последствия Славной революции: к вопросу о революционности событий 1688–1689 гг. Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3. Санкт Петербург, СПбГУ: 82–91.
- Albert M. Rosenblatt, Julia C. Rosenblatt. 2013. Opening Statements: Law, Jurisprudence, and the Legacy of Dutch New York, Albany: State University of New York Press: 207–227.
- Andrews C.M. 1915. Narratives of the Insurrections, 1675–1690. NY: Charles Scribners and Sons, 444.
- Archdeacon T.J. 1979. New York City, 1664–1710: Conquest and Change, NY: 1976, 200.
- Balmer R. 1989. A perfect Babel of Confusion Dutch Religion and English Culture in the Middle Colonie. NY: Oxford University Press, 278.
- Balmer R. 1989. Traitors and Papists: The Religious Dimensions of Leisler's Rebellion. New York History Vol. 70, No. 4, October 1989. Cornell University Press, 341–373.
- Barnes V.F. 1923. The Dominion of New England: A Study in British Colonial Policy. New Haven: Yale University Press, 304.



- Bonomi P.U. 1971. *A Factious People: Politics and Society in Colonial New York*. NY: Columbia University Press, 368.
- Burrows E.G., Wallace M. 1999. *A History of New York City to 1898*. NY: Oxford university press, 1416.
- Chalmers G. 1780. *Political Annals of the Present United Colonies, from their Settlement to the Peace of 1763*, London: Printed for the Author, 695.
- Findling J.E., Thackeray F.W. 2000. *Events that Changed America through the Seventeenth Century*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 150.
- Haefeli E. 2007. *A Scandalous Minister in a Divided Community: Ulster County in Leisler's Rebellion, 1689–1691 // New York History*. Vol. 88, No. 4. 2007. NY: Cornell University Press: 357–389.
- Hawke D.F. 1966. *The Colonial Experience*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 267.
- Jaap J. 2009. *Jacob Leisler's Atlantic World in the Later Seventeenth Century. Essays on Religions, Militia, Trade and Networks*. London: Lit, 238.
- Kammen M.G. 1996. *Colonial New York*. NY: Oxford University Press, 452.
- Lawrence H. 1961. *Leder, Robert Livingston and the Politics of Colonial New York, 1654–1728*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 336.
- Lawson J.D. 1918. *American State Trials: A Collection of the Imporyant and Interesting Criminal Trials Which Have Taken Place in the United States from the Beginning of Our Government to the Present Day*. NY: St. Louis, Thomas Law Book Co, 906.
- Lovejoy D.S. 1972. *The Glorious Revolution in America*. NY: Harper and Row Publishers, 424.
- Milton M.K. 1974. *The Politics of Diversity: Essays in the History of Colonial New York*. NY: National University Publication, 220.
- O'Gorman T. 1899. *History of the Roman Catholic Church in the United States*. American Church History. Vol. IX. NY: The Christian Literature Company, 515.
- Oorhees D.W. 1997. *To Assert our Right before it be Quite Lost the Leisler Rebellion in the Delaware River Valley*. *Pennsylvania History A Journal of Mid-Atlantic Studies* Vol. 64, No. 1, *Regional Perspectives On Early American History*. Penn State University Press: 5–27.
- Pearson J. 1883. *A History of the Schenectady Patent in the Dutch and English Times: Being Contributions Toward a History of the Lower Mohawk Valley*. Albany: Mac Murray, 446.
- Purple E.R. 1877. *Genealogical Notes Relating to Lieut.-Gov. Jacob Leisler, and His Family Connections in New York*, New York: Privately printed, 44.
- Reich R.J. 1953. *Leisler Rebellion: A Study of Democrecy in New York*. Chicago: University of Chicago Press, 194.
- Ritchie R.C. 1977. *The Duke's Province a Study of New York Politics and Society, 1664–1691*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 328.
- Schuyler V.R. 1909. *History of the City of New York in the Seventeenth Century* Vol. II. NY: The Macmillan Company, 640.
- Smith W. 1757. *The History of the Province of New York: From the First Discovery to the Year 1732*. London: Printed for Thomas Wilcox, 1757, 255.
- Sparks J. 1844. *The library of American biography*. Vol. III. Boston: Charles C. Little and James Brown, 468.
- Steele I. 1989. *Governors or Generals?: A Note on Martial Law and the Revolution of 1689 in English America*. *The William and Mary Quarterly* Vol. 46, No. 2 (Apr., 1989), Published by: Omohundro Institute of Early American History and Culture: 304–314.
- Thomas E. 1989. *Burke J.R. Leisler's Rebellion at Schenectady, New York, 1689–1710*. *New York History* Vol. 70, No. 4 (October 1989) NY: Cornell University Press, 405–430.
- Voorhees D.W. 1994. *The «Fervent Zeale» of Jacob Leisler*. *The William and Mary Quarterly* Vol. 51, No. 3, *Mid-Atlantic Perspectives* (Jul., 1994): 447–472.
- Webb S.S. 1966. *The Strange Career of Francis Nicholson*. *The William and Mary Quarterly*. Vol. 23, No. 4. *Williamsburg (Virginia): Omohundro Institute of Early American History and Culture* (Oct., 1966): 522–536.
- Wellenreuther H. 2009. *The Atlantic World in the Later Seventeenth Century. Essays on Jacob Leisler, Trade, and Networks* Goettingen University: 89–118.

References

- Akimov Yu.G. 2005. *Ot mezhkolonial'nykh konfliktov k bitve imperiy: anglo-frantsuzskoe sopernichestvo v Severnoy Amerike v XVII – nachale XVIII vv.* [From Inter-Colonial Conflicts to



- the Battle of Empires: Anglo-French Rivalry in North America in the XVII – Early XVIII Centuries]. St. Petersburg: St. Petersburg University, 576.
- Apteker 1961. *Istoriya Amerikanskogo naroda. Kolonial'naya Era* [The History of the American People. The Colonial Era. Trans]. Romanova I.Z. Moscow: Nauka, 432.
- Bolkhovitinov N. 1987. *Istoriya SShA v 4 t. T. 1. (1607–1877)* [History of the USA in 4 vols. Vol. 1. (1607–1877)]. Moscow: Nauka, 687.
- Samoilo A.S. 1963. *Angliyskie kolonii Severnoy Ameriki v XVII v. (Nachal'nyy period istorii SShA)* [The English Colonies of North America in the XVII Century. (The Initial Period of the History of the USA)]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 321.
- Sidorenko L.V. 2013. *Istoricheskie posledstviya Slavnoy revolyutsii: k voprosu o revolyutsionnosti sobytiy 1688–1689 gg.* [Historical Consequences of the Glorious Revolution: on the Question of the Revolutionary Nature of the Events of 1688–1689]. *Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 2. Issue 3.* St. Petersburg: St. Petersburg State University, 82–91.
- Albert M. Rosenblatt, Julia C. Rosenblatt. 2013. *Opening Statements: Law, Jurisprudence, and the Legacy of Dutch New York*, Albany: State University of New York Press: 207–227.
- Andrews C.M. 1915. *Narratives of the Insurrections, 1675–1690*. NY: Charles Scribners and Sons, 444.
- Archdeacon T.J. 1979. *New York City, 1664–1710: Conquest and Change*, NY: 1976, 200.
- Balmer R. 1989. *A perfect Babel of Confusion Dutch Religion and English Culture in the Middle Colonie*. NY: Oxford University Press, 278.
- Balmer R. 1989. *Traitors and Papists: The Religious Dimensions of Leisler's Rebellion*. *New York History Vol. 70, No. 4, October 1989.* Cornell University Press, 341–373.
- Barnes V.F. 1923. *The Dominion of New England: A Study in British Colonial Policy*. New Haven: Yale University Press, 304.
- Bonomi P.U. 1971. *A Factious People: Politics and Society in Colonial New York*. NY: Columbia University Press, 368.
- Burrows E.G., Wallace M. 1999. *A History of New York City to 1898*. NY: Oxford university press, 1416.
- Chalmers G. 1780. *Political Annals of the Present United Colonies, from their Settlement to the Peace of 1763*, London: Printed for the Author, 695.
- Findling J.E., Thackeray F.W. 2000. *Events that Changed America through the Seventeenth Century*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 150.
- Haefeli E. 2007. *A Scandalous Minister in a Divided Community: Ulster County in Leisler's Rebellion, 1689–1691 // New York History. Vol. 88, No. 4. 2007.* NY: Cornell University Press: 357–389.
- Hawke D.F. 1966. *The Colonial Experience*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 267.
- Jaap J. 2009. *Jacob Leisler's Atlantic World in the Later Seventeenth Century. Essays on Religions, Militia, Trade and Networks*. London: Lit, 238.
- Kammen M.G. 1996. *Colonial New York*. NY: Oxford University Press, 452.
- Lawrence H. 1961. *Leder, Robert Livingston and the Politics of Colonial New York, 1654–1728*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 336.
- Lawson J.D. 1918. *American State Trials: A Collection of the Imporyant and Interesting Criminal Trials Which Have Taken Place in the United States from the Beginning of Our Government to the Present Day*. NY: St. Louis, Thomas Law Book Co, 906.
- Lovejoy D.S. 1972. *The Glorious Revolution in America*. NY: Harper and Row Publishers, 424.
- Milton M.K. 1974. *The Politics of Diversity: Essays in the History of Colonial New York*. NY: National University Publication, 220.
- O'Gorman T. 1899. *History of the Roman Catholic Church in the United States. American Chirch History. Vol. IX.* NY: The Christian Literature Company, 515.
- Oorhees D.W. 1997. *To Assert our Right before it be Quite Lost the Leisler Rebellion in the Delaware River Valley. Pennsylvania History A Journal of Mid-Atlantic Studies Vol. 64, No. 1, Regional Perspectives On Early American History.* Penn State University Press: 5–27.
- Pearson J. 1883. *A History of the Schenectady Patent in the Dutch and English Times: Being Contributions Toward a History of the Lower Mohawk Valley*. Albany: Mac Murray, 446.
- Purple E.R. 1877. *Genealogical Notes Relating to Lieut.-Gov. Jacob Leisler, and His Family Connections in New York*, New York: Privately printed, 44.
- Reich R.J. 1953. *Leisler Rebellion: A Study of Democrecy in New York*. Chicago: University of Chicago Press, 194.



- Ritchie R.C. 1977. *The Duke's Province a Study of New York Politics and Society, 1664–1691*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 328.
- Schuyler V.R. 1909. *History of the City of New York in the Seventeenth Century Vol. II*. NY: The Macmillan Company, 640.
- Smith W. 1757. *The History of the Province of New York: From the First Discovery to the Year 1732*. London: Printed for Thomas Wilcox, 1757, 255.
- Sparks J. 1844. *The library of American biography. Vol. III*. Boston: Charles C. Little and James Brown, 468.
- Steele I. 1989. *Governors or Generals?: A Note on Martial Law and the Revolution of 1689 in English America. The William and Mary Quarterly Vol. 46, No. 2 (Apr., 1989)*, Published by: Omohundro Institute of Early American History and Culture: 304–314.
- Thomas E. 1989. *Burke J.R. Leisler's Rebellion at Schenectady, New York, 1689–1710. New York History Vol. 70, No. 4 (October 1989)* NY: Cornell University Press, 405–430.
- Voorhees D.W. 1994. *The «Fervent Zeale» of Jacob Leisler. The William and Mary Quarterly Vol. 51, No. 3, Mid-Atlantic Perspectives (Jul., 1994): 447–472*.
- Webb S.S. 1966. *The Strange Career of Francis Nicholson. The William and Mary Quarterly. Vol. 23, No. 4. Williamsburg (Virginia): Omohundro Institute of Early American History and Culture (Oct., 1966): 522–536*.
- Wellenreuther H. 2009. *The Atlantic World in the Later Seventeenth Century. Essays on Jacob Leisler, Trade, and Networks* Goettingen University: 89–118.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.05.2023

Received 20.05.2023

Поступила после рецензирования 19.08.2023

Revised 19.08.2023

Принята к публикации 19.08.2023

Accepted 19.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Макаров Ян Федорович, аспирант кафедры церковной истории, теологический факультет, Санкт-Петербургская Духовная Академия, г. Санкт-Петербург, Россия

Yan F. Makarov, Postgraduate Student of the Department of Church History, Faculty of Theology, St. Petersburg Theological Academy, St. Petersburg, Russia

 [ORCID: 0009-0004-3364-810X](https://orcid.org/0009-0004-3364-810X)



УДК 93/94

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-901-914

Оригинальное исследование

Российско-британские отношения и британская королевская семья

Золина О.М. 

Воронежский государственный университет,
Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1
E-mail: olgazolina@mail.ru

Аннотация. В статье изучаются контакты королевы Великобритании Елизаветы II и других членов британской королевской семьи с представителями Советского Союза и Российской Федерации в период с начала правления королевы до конца XX века. Рассматриваются официальные приемы королевой советских и российских политических деятелей, которые находились в Великобритании с официальными визитами в указанный период, а также поездки членов королевской семьи в СССР и Российскую Федерацию. Анализируются причины снижения и увеличения динамики двусторонних контактов, изучается влияние встреч на высшем уровне на состояние политического диалога между двумя странами, а также на двусторонние отношения в других сферах сотрудничества, рассматривается влияние британского политического руководства на решение королевы посетить СССР.

Ключевые слова: СССР, Великобритания, двустороннее сотрудничество, внешняя политика, Елизавета II, Принц Филипп, Принцесса Анна, М. Горбачев, М. Тэтчер, холодная война

Для цитирования: Золина О.М. 2023. Российско-британские отношения и британская королевская семья. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 901–914. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-901-914

Russian-British Relations and the British Royal Family

Olga M. Zolina 

Voronezh State University,
1 Universitetskaya pl., Voronezh 394018, Russia
E-mail: olgazolina@mail.ru

Abstract. The article studies the meetings of Queen of the United Kingdom and other Commonwealth realms Elizabeth II and other members of the British royal family with the representatives of the Soviet Union and its successor state the Russian Federation, beginning with the coronation of Elizabeth II in 1953 up to the end of the 20th century. The author researches the official receptions of Soviet and later Russian political leaders by the Queen and the visits of members of the British royal family to the Soviet Union and the Russian Federation. The author analyses the factors of the increase and decrease in the contacts in question, the influence of the high-level political meetings on the state of the political dialogue between the two countries, as well as the impact of these contacts on the development of bilateral relations in other spheres of cooperation. Furthermore, the author looks into the influence of British ruling authorities on the decisions of the Queen regarding her visit to the USSR.

Keywords: the USSR, Great Britain, bilateral cooperation, foreign policy, Elizabeth II, Prince Philip, Princess Anne, M. Gorbachev, M. Thatcher, the Cold War

For citation: Zolina O.M. 2023. Russian-British Relations and the British Royal Family. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 901–914 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-901-914



Введение

После смерти королевы Елизаветы II не утихают разговоры о кризисе монархии в Великобритании. Неоднозначное отношение к новому королю Великобритании Карлу III начало проявляться в начале 2023 года во время подготовки к его коронации. Отказ некоторых мировых звезд принять участие в праздничных торжествах, разговоры о неуместности возвращения священной реликвии Шотландии Камня Судьбы в Англию ради коронационных мероприятий на фоне возрастающих призывов к независимости Шотландии выявили негативное отношение к новому монарху, что ставит под сомнение место королевской семьи в современной Британии. Российский исследователь Н. Капитонова одной из первых спрогнозировала возможный кризис британской монархии после смерти королевы Елизаветы II [Москва24, 2022], чье правление в течение 70 лет, несмотря на кризисные явления, не только сохраняло положительный имидж королевской семьи внутри страны, но и способствовало укреплению позиций Британии в Содружестве наций и в целом в мире.

Уход королевы Великобритании Елизаветы II заставил вспомнить и по-новому оценить ее деятельность как политика, в том числе в развитии российско-британских отношений. Встречи российского высшего руководства с королевой Великобритании Елизаветой II и участие членов британской королевской семьи в мероприятиях, связанных с развитием российско-британского сотрудничества, занимали особое место в российско-британском политическом диалоге. Будучи главой монархии конституционной, в сфере государственной власти королева не обладала верховными полномочиями. А в XXI веке, спустя несколько десятилетий после окончания процесса деколонизации, британская монархия вообще может рассматриваться как институт номинальный, вот почему члены королевской семьи не занимаются политикой, а больше вовлечены в деятельность различных общественных и благотворительных организаций. Но тем не менее сама королева Елизавета активно участвовала в политической жизни Великобритании, принимая у себя в Вестминстерском дворце руководителей различных стран, когда те находились в Великобритании с официальными визитами. Эти встречи указывали на значимость для британских властей того или иного зарубежного деятеля, что, в свою очередь, говорило о приоритетах британской внешней политики. А принимая во внимание тот факт, что британская монархия в немалой степени определяет международный имидж Великобритании, можно сказать, что королева играла значительную роль во внешней политике Великобритании.

В последние годы правления в силу своего возраста (в июне 2022 года британцы отмечали 70-летие правления королевы Елизаветы II) британский монарх не принимала участие в зарубежных поездках, однако большую часть своего правления Елизавета II регулярно посещала различные страны с официальными визитами, и этот факт указывает на высокую степень вовлеченности британского монарха в политику в отличие от других королевских семей Европы. В Российскую Федерацию королева приезжала в 1994 году – спустя три года после распада Советского Союза. Хотя поездка королевы наметилась еще в конце 1980-х годов и планировалась как визит в СССР, посетила Елизавета уже новую страну, с новым политическим режимом и общественным строем. Данная работа имеет целью изучить контакты членов британской королевской семьи с СССР и Российской Федерацией в свете состояния двусторонних отношений и менявшейся политической реальности во второй половине XX века.

Объект и методы исследования

Объектом исследования научной работы являются контакты королевы Великобритании Елизаветы II и других членов британской королевской семьи с представителями Советского Союза и Российской Федерации в период с начала правления королевы до конца XX века. Хронологические рамки исследования включают период с 1953 года (коронация Елизаветы II) до конца 1990-х гг. – выбранный период характеризуется сменой политиче-

ских курсов Великобритании в отношении к СССР и Российской Федерации, менявшимся внешнеполитическим курсом СССР, что формировало и внешнюю политику Великобритании, а также геополитическими трансформациями, существенным образом повлиявшими на внешнюю политику обеих стран.

Методологической основой работы являются сравнительно-исторический принцип, системный анализ, метод ретроспективного анализа, принцип историзма. Хронологический анализ позволил изучить заявленную проблему в развитии. Принцип историзма дал возможность рассмотреть развитие советско-британских и российско-британских отношений во взаимосвязи с другими тенденциями и явлениями.

Результаты и их обсуждение

Говоря о влиянии британских монархов на развитие отношений между Великобританией и СССР, многие исследователи отмечают, что существенным препятствием в выстраивании взаимопонимания стала гибель в 1918 году семьи Романовых, которые имели родственные связи с британскими монархами (правлящий в это время британский король Георг V, дед Елизаветы II, приходился двоюродным братом Николаю II). Например, посол СССР в Великобритании в 1980-х годах В.И. Попов писал, что даже в конце 1980-х гг., когда советско-британские отношения активно восстанавливались, «формально камнем преткновения для визита Елизаветы II в Москву была судьба царской семьи» [Попов, 1996, с. 207]. Однако после революционных событий в России, свержения монархии и убийства царской семьи позиция британских монархов не повлияла на выстраивание отношений между Великобританией и СССР. Так, в 1921 году коалиционное правительство Британии во главе с либералом Ллойд Джорджем первым из всех западноевропейских стран заключило англо-советский торговый договор, что являлось признанием страны с социалистическим режимом де-факто. А через три года, 2 февраля 1924 года, лейбористское правительство Макдональда признало Советский Союз де-юре. Однако в 1926 году эти договоренности были нарушены английской стороной, которая инициировала разрыв дипломатических отношений с СССР. Через три года, 17 июля 1929 года, была достигнута новая договоренность, и дипломатические отношения между странами снова были восстановлены [АВП РФ, Ф. 69, Оп. 72, П. 281, Д. 8, л. 16].

Улучшения советско-британских отношений часто сменялись кризисами, разрывами в сотрудничестве. На момент вступления на престол Елизаветы II страны входили в холдную войну. Однако политическое сотрудничество не сворачивалось отчасти благодаря сближению стран в недавно закончившейся войне. Вторая мировая война сплотила народы Британии и СССР в их борьбе против общего врага – германского фашизма. Вот почему на коронации Елизаветы II советская делегация была желанным гостем, а в военноморском параде по случаю коронации Елизаветы II принял участие советский военный корабль. Парад прошел 2 июня 1953 года в Лондоне на Спитхедском рейде, и среди 22 иностранных судов, приветствовавших королеву, был советский головной новейший крейсер «Свердлов», возглавляемый советским контр-адмиралом Олимпием Рудаковым. В советском руководстве этому событию придавалось особое значение еще и потому, что это был первый зарубежный поход советских кораблей после Второй мировой войны. Перед отходом крейсера военно-морской министр СССР адмирал Н.Г. Кузнецов обратился к экипажу со словами: «Вам поручено ответственное задание правительства и, выполняя его, вы или поможете правительству делать политику, или помешаете. Выражаю уверенность в успехе вашего похода!» [Зайцев, 2017]. Олимпий Рудаков стал первым русским, который присутствовал на официальном приеме у Елизаветы II. От советского правительства Рудаков преподнес королеве горностаевую мантию [Комсомольская правда, 2022].

Первая официальная встреча британской королевы с советским руководством состоялась в апреле 1956 года – тогда с официальным визитом в Великобританию прибыл Пер-



вый Секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев и Председатель Совета Министров СССР Николай Булганин. Н. Капитонова отмечает, что этот «визит имел историческое значение: это была не только первая в истории поездка руководителей СССР в Великобританию, но и первый после Октябрьской революции официальный визит делегации такого уровня на Запад» [Капитонова, 2010, с. 112]. СССР стремительно развивался технологически и в военном плане (незадолго до этого визита в ноябре 1955 года прошло испытание советской термоядерной бомбы) и тем самым усиливал свои позиции на международной арене. Международные позиции Великобритании же, наоборот, становились слабее по мере того, как одна за другой британские колонии получали независимость. Великобритании тяжело было терять статус «владычицы морей», ведь эта геополитическая роль была для страны крайне важна – Великобритания в своей внешней политике следовала идеям А. Мэхэна о том, что морская мощь определяет исторические судьбы стран и народов. Концепция, которая разрабатывалась А. Мэхэном для США, была основана на опыте как раз Великобритании конца XIX века, эталоне державы, получившей наибольшие преимущества за счёт «морской силы» [Федоров, 2013]. Сейчас же Великобритания все больше следовала за политикой США в международных вопросах, теряя свое былое величие. Советское руководство, понимая эти тенденции, тщательно готовилось к встрече. Вместе с политиками в Британию прибыли советские деятели науки и культуры, прошел ряд важных переговоров по укреплению сотрудничества.

Примечательно, что приглашение советским руководителям посетить Великобританию поступило от британского премьер-министра А. Идена. Великобритания, испытывавшая экономические трудности и стремившаяся развивать свою собственную ядерную программу, стремилась заручиться поддержкой СССР в вопросах безопасности, укрепить экономическое сотрудничество и добиться, чтобы «Англия не осталась в стороне в общей системе советско-американского сближения» [Капитонова, 2010, с. 113]. Очевидно, Великобритании, еще несколько лет назад называвшей себя «империей», было нелегко выбрать для себя такую роль, тем более что было известно, что Хрущев, незадолго до этого побывавший в Индии, Бирме и Афганистане, высказывался там против колониализма.

22 апреля советская делегация была приглашена на чаепитие в резиденцию королевы Елизаветы II в Виндзоре, где представители СССР встретились с членами королевской семьи. Визит Хрущева и Булганина запомнился, помимо прочего, роскошными подарками, которые советские гости подарили принимавшей стороне. Подарки вручили широкому кругу лиц, включая 6 членов Королевской семьи, 10 членов Кабинета министров, других членов правительства, руководителей парламента, мэров городов, принимавших советскую делегацию, а также других деятелей. Безусловно, самые дорогие подарки предназначались для членов семейства Виндзоров. Это были редкие ювелирные украшения, арабские скакуны, изделия из меха, картины Айвазовского и т. п. [Капитонова, 2010, с. 134]

Начавшийся в октябре 1956 года Суэцкий кризис отдалил СССР от Великобритании, поставив под вопрос достигнутые ранее договорённости. Страны заняли противоположные позиции в конфликте, СССР приобрел новых союзников, а Великобритания, проявив свою зависимость от США, окончательно потеряла статус сверхдержавы. СССР выступил с критикой действий Великобритании, Франции и Израиля в Суэцком кризисе, холодная война набирала обороты, и политическое сотрудничество между Британией и Советским Союзом на какое-то время было приостановлено. И только в июле 1961 года советскую делегацию снова приняли в Букингемском дворце. Это было во время поездки Юрия Гагарина в Великобританию. Первый космонавт имел несколько встреч с британскими общественными и политическими деятелями, а Букингемский дворец посетил по личной просьбе королевы. Позднее, вспоминая ту встречу, Елизавета говорила, что стать первопроходцем в космосе страшно, но очень важно. Королева отметила: «Я думаю, тот факт, что он был первым космонавтом, делал его (Гагарина) особенно очаровательным» [Российская газета, 2021].

Случившийся в октябре 1962 года Карибский кризис не только повлиял на обострение международной обстановки в целом, но и оказал воздействие на двусторонние отношения между Великобританией и СССР. Великобритания все больше укрепляла свои «особые отношения» с США, вступила в гонку ядерного вооружения, стала строить свою внешнюю политику, исходя из своего статуса ядерной державы. С Советским Союзом отношения развивались напряженно, и в течение долгого времени контакты королевской семьи с советской стороной не наблюдались, что говорит о снижении двусторонних политических обменов в целом. Своего рода кульминацией этих событий и одновременно финалом напряженности в отношениях стал дипломатический кризис – в 1971 году английское правительство Эдварда Хита единовременно выслало из Великобритании более 100 советских дипломатов, обвинив их в шпионаже. Это событие негативно повлияло на уровень экономического сотрудничества. По мнению Ал. Громыко, именно снизившиеся в этот период экономические связи между СССР и Великобританией объясняют дальнейшие скачки в двусторонних отношениях, зависимость отношений между странами от политической конъюнктуры [Громыко, 2006, с. 95–96].

Тем не менее начавшаяся разрядка международной напряженности возымела свое действие и на советско-британские отношения, сотрудничество в различных сферах начало возрождаться, и в этот же период состоялся первый визит членов британской королевской семьи в Советский Союз. В сентябре 1973 года муж королевы принц Филипп, герцог Эдинбургский, посетил Советский Союз с неофициальным визитом в качестве президента Международной федерации конного спорта. Прилетел Филипп на собственном самолете, который сам же и пилотировал. В ходе этого визита принц посетил Москву, Ленинград и Киев. Хотя визит и не был официальным – принц Филипп формально прилетел для посещения чемпионата Европы по конному спорту в Киеве, – в Москве у принца была насыщенная программа, которая включала в себя не только мероприятия, относившиеся к конному спорту (например, посещение Московского конного завода), но и встречи, имевшие политическое значение. В честь принца был устроен прием в Кремле, где он провел беседы с первыми лицами государства: Брежневым, Косыгиным и Подгорным. Также в Киев для участия в чемпионате прибыла принцесса Анна, дочь принца Филиппа и королевы Елизаветы, чемпионка Европы по конному троеборью [The New York Times, 1973].

Газета «The New York Times» назвала этот визит прецедентом, событием, «служащим политике», которое может говорить об улучшении отношений между Великобританией и Советским Союзом [The New York Times, 1973]. Советская пресса также привлекала внимание к этому событию, – предвосхищая визит принца Филиппа, еще за 2 недели до его прилета, появилась статья о наметившемся улучшении отношений между СССР и Великобританией. Эта тенденция, которая была результатом разрядки, способствовала расширению двустороннего сотрудничества и в других сферах. Например, за 5 месяцев до приезда принца Филиппа Москву посетил британский министр торговли и промышленности Питер Уокер [The New York Times, 1973]. Все это способствовало развитию советско-британских отношений. Уже в 1975 году прошли советско-британские переговоры на высшем уровне и был подписан ряд двусторонних соглашений: совместная декларация о нераспространении ядерного оружия, программа сотрудничества в области науки и техники, медицинской науки и здравоохранения, а также долгосрочная программа развития экономических и политических связей. В.И. Попов отмечал, что в середине 1970-х годов между Великобританией и Советским Союзом «было заключено больше договоров и соглашений, чем за последующие 10 лет» [Попов, 1991, с. 51].

Таким образом, принц Филипп первым из членов королевской семьи посетил СССР. Визит принца Филиппа можно считать удачным политическим событием еще и потому, что сотрудничество в сфере спорта продолжилось. В 1979 году по приглашению Оргкомитета Олимпиады-80 принц Филипп снова приехал в Советский Союз. Как президент Международной федерации конного спорта принц Филипп оценил готовность спортивных



сооружений для проведения Олимпиады. В интервью советской прессе он отметил высокий уровень спортивного комплекса в Москве и Олимпийской деревни [Попов, 1991, с. 62]. Визит в рамках сотрудничества в сфере спорта был инициативой Великобритании, подхваченной исходя из успеха «пинг-понговой дипломатии» (дипломатической практики, за несколько лет до этого реализованной Г. Киссинджером, по использованию неформальных поводов, например, спортивных мероприятий, для восстановления политического диалога между США и КНР). И определенное улучшение отношений между Великобританией и СССР в 1970-х гг. позволяет говорить об успешности этой практики.

Однако приезды принца Филиппа не приблизили визит королевы Елизаветы II в Советский Союз. К концу 1970-х гг. разрядка международной напряженности начала угасать. Следует отметить, что улучшению советско-британских отношений в середине 1970-х во многом способствовал политический курс лейбористского правительства Великобритании во главе с Г. Вильсоном. В продолжение договоренностей, достигнутых Г. Вильсоном и Л. Брежневым в 1975 году, 10 октября 1977 года было подписано соглашение между правительствами СССР и Великобритании о предотвращении случайного возникновения ядерной войны [АВП РФ, Ф. 69, Оп. 72, П. 281, Д. 8, л. 16]. Лейбористское правительство было настроено на дальнейшее сотрудничество с СССР. В своем послании Л. Брежневу сменивший Г. Вильсона на посту премьер-министра Дж. Каллагэн заявил, что придает очень большое значение развитию стабильных отношений с СССР, призывая к открытому и откровенному политическому диалогу [АВП РФ, Ф. 69, Оп. 71, П. 279, Д. 9, л. 1–3]. Однако с приходом к власти в 1979 году консервативной партии во главе с Маргарет Тэтчер наметилась смена внешнеполитического курса Великобритании.

Основными направлениями внешней политики правительства Тэтчер стали развитие «особых отношений» с США, продвижение идеи усиления взаимодействия западных стран в рамках НАТО, а также культивирование статуса Великобритании как посредника между США и европейскими странами. Антисоветская риторика снова зазвучала в речах консервативных политических деятелей – министр обороны Ф. Пим в своем интервью по случаю 40-летней годовщины начала Второй мировой войны заявил, что от Советского Союза исходила угроза, которая может быть приравнена к угрозе, которая исходила от фашизма в 1930-х годах [Трухановский, 1985, с. 178–179].

Начало боевых действий Советского Союза в Афганистане стало событием, кардинально повлиявшим на состояние советско-британского сотрудничества. Правительство Великобритании расценило ввод советских войск в Афганистан как агрессию, лидер британского правительства Тэтчер осудила действия СССР, антисоветская направленность политики консерваторов начала усиливаться. Британское правительство в одностороннем порядке начало вводить меры, направленные на сворачивание советско-британского политического диалога. Были приостановлены обмены на высшем и министерских уровнях, отменены уже намеченные встречи, усилен контроль за передвижениями по территории Англии работников посольства и других советских учреждений в Лондоне [АВП РФ, Ф. 69, Оп. 72, П. 281, Д. 8, л. 36]. Было решено сократить число визитов, отказаться от продления англо-советского кредитного соглашения, ужесточить условия обмена технологиями [Thatcher, 1993, р. 88]. Пострадали также обмены в сфере науки и культуры. Политика консервативного правительства Тэтчер была направлена на разрыв двусторонних контактов, которые так долго выстраивались в 1970-х годах.

Британские власти присоединились к кампании США по бойкотированию Олимпийских игр 1980 года в Москве [State Department brief on Olympic boycott]. Принц Филипп, который несколькими месяцами ранее побывал в Советском Союзе в рамках подготовки к Олимпиаде и который остался очень доволен поездкой, теперь тоже подключился к антисоветской кампании. В своем интервью американскому журналу принц Филипп отметил, что усиление международной напряженности происходило из-за «военной агрессии Кремля и вмешательства СССР в дела других стран повсюду в мире». В.И. Попов, быв-

ший в то время советским послом в Великобритании, отмечал, что такие заявления были нетипичны для членов британской королевской семьи, которые по традиции воздерживаются от собственных политических заявлений [Попов, 1991, с. 66–67]. Отступление от правил, тем более в такой консервативной стране, как Британия, говорит о большом влиянии рассматриваемых событий на членов королевской семьи.

1980-е годы были периодом взлетов и падений в советско-британских отношениях. После нескольких лет заморозки политического сотрудничества и контактов в других сферах во второй половине десятилетия страны постепенно начали восстанавливать двусторонние отношения. Большую роль в этом сыграл М. Горбачев и его «новое мышление». Вместе с М. Тэтчер, которая после второй победы консерваторов на выборах в 1983 году смягчила свою антисоветскую риторику, Горбачев сумел восстановить политический диалог Советского Союза и Великобритании. Именно Горбачев стал советским лидером, который после долгого перерыва был приглашен на прием к королеве Елизавете II и ее семье. Это произошло в апреле 1989 года в ходе советско-британской встречи на высшем уровне.

Визит советской делегации в Великобританию в апреле 1989 года стал кульминацией советско-британского сотрудничества в 1980-х гг., своего рода подведением итогов усилий сторон в восстановлении отношений. Был проведен ряд переговоров на разных уровнях и подписаны соглашения, закрепившие восстановленный к тому времени политический диалог и заложившие основы для сотрудничества в будущем. По итогам визита Горбачева в Великобританию были предусмотрены политические обмены, межмидовские консультации, активизация двусторонних контактов по тематике «общеевропейского дома», а также участие делегации Парламентской группы СССР в конференции и заседаниях органов Межпарламентского Союза в Лондоне [АВП РФ. Ф. 69, Оп. 81, П. 304, Д. 8, л. 94, 96, 102]. Приглашение советским представителям посетить загородную резиденцию английских королей Виндзор говорило о том, что британская сторона придавала большое значение приезду советской делегации.

Михаила Горбачева и его супругу Раису Максимовну принимали королева Великобритании Елизавета II и ее супруг герцог Эдинбургский, принц Филипп. В честь гостей королева дала завтрак, после чего состоялась беседа М. Горбачева с Елизаветой II, в ходе которой Горбачев передал приглашение королеве посетить Советский Союз с официальным визитом [Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, 1989, с. 47]. К этому событию стороны долго шли. В СССР уже дважды побывал герцог Эдинбургский, приезжала на спортивные соревнования в Советский Союз и принцесса Анна, дочь королевы. В ситуации, когда советско-британские отношения интенсивно развивались, визит королевы мог бы стать событием, поставившим точку в многолетней напряженности между СССР и Великобританией.

В Великобритании о планах советского руководства пригласить королеву в СССР знали еще в 1988 году. Дискуссия разгорелась, когда стало известно, что Горбачев в декабре 1988 года, возвращаясь из своей поездки в США, сделает остановку в Великобритании и что его пригласили на обед в Букингемский дворец [Los Angeles Times, 1988]. Британские СМИ, обсуждая этот вопрос, вспомнили о давнем препятствии в выстраивании взаимопонимания между странами – трагедии семьи Романовых. Журнал «The Economist» писал: «Наследник убийц семьи Романовых собирается пригласить внука кузена (короля Георга V) убитого царя» [The Economist, 1988]. Всплеск антисоветской риторики очевидно говорил о недовольстве в праволиберальных кругах (чьи интересы представляет The Economist) активно восстанавливающимися отношениями между СССР и Великобританией. Другие издания подхватили эту тему. Писали о том, что визиты монарших особ носят исключительно политический характер. Обсуждая, является ли судьба Романовых препятствием для визита королевы в СССР, журналисты леволиберальной газеты The Guardian вспомнили, что царская семья была расстреляна после того, как король Георг V отклонил



предложение британского премьера Ллойд Джорджа дать Романовым политическое убежище [The Guardian, 1989].

Открытая полемика в британской прессе в отношении возможного визита королевы в СССР говорила не столько о критике этого события британской общественностью, сколько о том, что вопрос родственных связей британских монархов и российского императора получил достаточно внимания, был «проработан» и уже не мог быть препятствием в дальнейшем выстраивании двусторонних отношений. Действительно, судьба царской семьи уже не могла рассматриваться как причина отказа от визита – прошло уже более 70 лет со времени этого трагического события. Но пока на тот момент пресс-секретарь британского премьер-министра Бернард Ингэм, комментируя спекуляции в британской прессе на тему возможного визита королевы в СССР, сделал заявление, что если приглашение королеве действительно последует, то Тэтчер не поддержит его. Поясняя заявление, пресс-секретарь добавил, что было бы «неправильным со стороны королевы посетить Москву, прежде чем Горбачев всерьез не займется проблемой прав человека в Советском Союзе» [Los Angeles Times, 1988].

Официально после получения приглашения королева «выразила надежду, что сможет воспользоваться им в удобное время» [Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, 1989, с. 47]. Пресса же поспешила заявить, что королева сказала «да»; в американских СМИ напомнили, что отец Елизаветы Георг VI ответил отказом на предложение Сталина посетить СССР, да и сама королева 20 лет назад уже отвечала отказом на приглашение А. Косыгина. Газета «Чикаго Трибьюн» назвала приглашение Елизавете «щекотливой темой», предположив, что, приняв предложение советского лидера, королева вывела бы ситуацию из тупика и обозначила бы, что она видит в Горбачеве лидера, отличного от большевистского режима, который сверг царя в 1917 году [Chicago Tribune, 1989].

Тэтчер официально положительно отреагировала на приглашение. По другим данным, Тэтчер не одобрила идею посещения Советского Союза королевой. Официальная причина отказа была выражена в том, что «визит королевы стал бы «пропагандистским успехом СССР» и ослабил бы прогресс в достижении прав человека в Советском Союзе» [Попов, 1996, с. 208]. Получалось так, что, несмотря на прогресс в восстановлении советско-британских отношений, достигнутый Горбачевым и Тэтчер, между странами сохранялось недоверие. В.И. Попов не исключал, что неодобрение премьером визита королевы в Советский Союз объяснялось тем, что «Тэтчер предпочитала, чтобы развитие советско-английских отношений связывалось только с ее именем, а не Елизаветы II» [Попов, 1996, с. 208].

Как выяснилось позднее, Тэтчер наложила вето на визит Елизаветы в Советский Союз. По конституции английский монарх только «может иметь собственное мнение по вопросам политики» и обязан «принимать решения правительства и действовать соответствующим образом» [Брэдфорд, 1998, с. 395]. Несмотря на сделанное Горбачевым предложение, визит так и не состоялся. Через несколько лет, уже при новом хозяине Даунинг стрит, 10 и других политических обстоятельствах, приглашение повторилось и было принято британской стороной. Официальный визит королевы Великобритании Елизаветы II в Российскую Федерацию состоялся в октябре 1994 года.

Однако другие члены королевской семьи все же посетили СССР сразу после визита Горбачева в Великобританию. Младший сын королевы Эдвард приезжал в СССР в 1989 году. Это был неофициальный визит, и об этой поездке мало что известно, кроме того, что принц приезжал в рамках гастролей Национального молодежного театра Великобритании в Советском Союзе [Chicago Tribune, 1989]. В мае 1990 года СССР посетила принцесса Анна, и этот визит был более значимым и широко освещался в прессе. В руководстве СССР была информация, что данный визит рассматривался британской стороной как продолжение диалога, который был начат в Виндзоре между главами СССР и Великобритании в апреле 1989 года [Докладная записка А.С. Черняева].

В Великобритании поездка принцессы Анны в СССР воспринималась как репетиция визита ее матери, королевы Елизаветы II, которая, как было известно, годом ранее получила приглашение от М. Горбачева посетить СССР. Официальный визит принцессы Анны не ограничился посещением столицы. Проведя 3 дня в Москве, принцесса отправилась в тур по Сибири. В Иркутске она имела беседу с экологами-активистами, которые боролись за сохранение природы Байкала от выбросов целлюлозного завода, также принцесса посетила столицу Туркмении Ашхабад и Волгоград. В конце своей поездки принцесса Анна приехала в Киев, где проходило крупное мероприятие «Дни Великобритании в Советском Союзе». Принцесса открыла ряд выставок, знакомящих киевлян с экономикой и культурной жизнью Великобритании. Западная пресса отмечала, что «визит принцессы совпал с возрождением интереса к монархии среди советских людей, – в стране к тому времени было сформировано несколько политических партий, имеющих целью возрождение монархии в России» [Princess Anne visits Soviets].

Визит принцессы Анны, несомненно, имел политический характер. Он был встроен в ряд двусторонних встреч на высшем уровне – за несколько недель до этой поездки Советский Союз посетил министр иностранных дел Д. Хэрд, а месяцем позднее, в июне 1990 года, М. Тэтчер совершила свой последний в качестве британского премьера визит в СССР. То есть визит члена королевской семьи рассматривался как неотъемлемая часть советско-британского политического диалога, кульминацией которого стало бы посещение Советского Союза королевой. Но события 1991 года в СССР не позволили этому событию свершиться так скоро.

После распада СССР встречи российских и британских политиков стали более частыми – в новой международной реальности требовалась работа по определению принципов двусторонних отношений. Великобритания признала Россию в качестве государства-преемника СССР, способствовала разработке этой международно-правовой формулы, выступала за сохранение российского контроля за советским ядерным оружием. По мнению Н. Капитоновой, в начале 1990-х гг. Лондон придавал развитию отношений с Россией приоритетное значение, целью Великобритании стало создание партнерских отношений, что означало поддержку британской стороной проводимых в России реформ [Капитонова, 1999, с. 108]. Вот почему важно было продолжать политический диалог между странами.

В 1992 году президент Российской Федерации Борис Ельцин дважды побывал в Великобритании. Уже в конце января 1992 года (чуть более месяца спустя после подписания Беловежских соглашений, завершивших распад СССР) Ельцин прилетел в Великобританию для подписания декларации «Партнерство на 90-е годы», в которой Великобритания и СССР обязывались установить дружеские и партнерские отношения в международном сообществе [Капитонова, 1999, с. 109]. А в ноябре 1992 года состоялся официальный визит Президента РФ в Великобританию.

Во время этого визита были подписаны документы, определяющие взаимоотношения двух стран. Ельцин выступил в парламенте Великобритании, а также провел встречу с представителями деловых кругов страны. В конце визита в честь президента России был организован королевский прием. Газета «Коммерсант» со ссылкой на британскую «Times» писала, что это был «вечер на Темзе, достойный русского царя». В зале Королевской морской коллегии российского президента приветствовали триста гостей, среди которых были члены правительства, бывшие премьеры и представители королевской семьи. В речах спикеров подчеркивалось, «что, следуя примеру Петра I, они "прорубили окно в Европу" и растопили лед непонимания» [Коммерсант, 1992]. Действительно, поездка Ельцина в Великобританию сигнализировала о положительных сдвигах в двусторонних отношениях, и то, какое значение этому визиту придавала британская сторона, говорило о намерении Великобритании развивать и дальше партнерские отношения с Россией.

В 2017 году газетой «The Daily Telegraph» был опубликован доклад, который повествует о том, что встреча в ноябре 1992 года могла спровоцировать «дипломатический



инцидент» из-за того, что Ельцин не совсем следовал протоколу, по которому нельзя прикасаться к королевским особам. Согласно переводчику с британской стороны, «во время прощания в Гринвиче ему (Ельцину) даже удалось приобнять его королевское высочество герцога Йоркского, что вполне могло закончиться полноценными объятиями, если бы герцог не успел уклониться» [ИноТВ, 2017]. Это наблюдение было задокументировано британской стороной с целью предупредить подобные ситуации в свете уже тогда готовившегося визита королевы в Россию.

В мае 1994 года Россию посетил наследник английского престола принц Чарльз (ныне – король Карл III). В прессе вспомнили о династических связях между Великобританией и Российской Империей. Газета «Коммерсант» писала, что визит Чарльза «состоялся почти век спустя после посещения столицы Российской Империи дедушкой Принца Чарльза – будущим королем Георгом V, прибывшим на похороны Александра III и коронацию Николая II» [Коммерсант, 1994, 21 мая]. Принц Чарльз прибыл по официальному приглашению мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака. Наряду с другими мероприятиями Принц Уэльский принял участие в торжественном открытии офиса Британского совета в Санкт-Петербурге [Коммерсант, 1994, 21 мая].

Исторический визит королевы Елизаветы II и ее супруга принца Филиппа в Россию состоялся с 17 по 20 октября 1994 года. Визит королевы носил даже не официальный, а государственный характер – это высшее определение в существующей классификации. Программа визита была очень насыщенной и включала в себя около 50 официальных мероприятий в Москве и Санкт-Петербурге [Коммерсант, 1994, 18 октября]. В беседах с российским руководством королеву сопровождал министр иностранных дел Великобритании Д. Хэрд (это был его 3-й визит в Россию за 1994 год; в ходе предыдущих визитов были подписаны договоры о сотрудничестве в военной области, в сфере науки, образования и культуры). Обсуждение международных вопросов выявило «близость подходов России и Великобритании к таким вопросам, как укрепление европейской безопасности, урегулирование кризисных ситуаций в бывшей Югославии и зоне Персидского залива» [Капитонова, 1999, с. 114]. Также королева открыла мемориальный камень у строившегося здания британского посольства и приняла участие в семинаре по вопросу расширения британских инвестиций в российскую экономику. Во время визита королевы в Россию был проведен ряд мероприятий «Дни британской культуры в России» [Капитонова, 1999, с. 114].

Приезд королевы Елизаветы II в Россию консолидировал политические отношения между Россией и Великобританией, что оказало значительное воздействие на российско-британское сотрудничество по всем другим направлениям. Уже в декабре 1994 года в Эдинбурге был подписан протокол о сотрудничестве в культурной сфере, в котором особое внимание уделялось усилению молодежных обменов [Капитонова, 1999, с. 121]. После этого последовал ряд совместных договоренностей о расширении сотрудничества в других сферах.

Визит королевы Елизаветы II и принца Филиппа в Россию был «закреплен» поездками других членов королевской семьи. В июне 1995 года Россию посетила принцесса Диана. Этот приезд был связан с благотворительной деятельностью принцессы: Диана посетила Тушинскую детскую больницу и одну из московских школ. Диана презентовала больнице новое оборудование, а также провела мастер-класс для студентов-медиков. Затем принцесса посетила школу № 751, где она открыла филиал Фонда «Уэйверли Хаус» для помощи детям-инвалидам. Завершилась поездка в посольстве Великобритании, где лидер Российской партии социальной демократии Александр Яковлев вручил принцессе Уэльской Международную премию Леонардо – высокое признание социальной и гуманитарной деятельности [The trip you didn't know about, 2017].

Из всех членов британской королевской семьи больше всего визитов в нашу страну совершил супруг королевы Великобритании Елизаветы II принц Филипп. Дважды посетив Советский Союз в 1970-х гг. в качестве президента Международной федерации конного

спорта и приняв участие в официальном визите королевской семьи в Россию в 1994 году, он еще два раза приезжал в страну с миссией экологической. В 1995 году принц побывал в Сибири в качестве президента Всемирного фонда дикой природы – WWF (Признан Минюстом РФ НКО-иноагентом). В Якутии принц принял участие в церемонии открытия Международной биологической станции «Лена-Норденшельд» [World Wildlife Fund. Official site]. А в 1997 году принц Филипп побывал на Камчатке и Хабаровске уже в роли почетного президента этого фонда (принц сложил с себя полномочия президента WWF в 1996 году). В ходе этой поездки принц Филипп посетил Большехехцирский государственный природный заповедник, встретился с губернатором региона и экологическими активистами.

Выводы

Как показывает анализ контактов членов британской королевской семьи с советскими и российскими политическими лидерами, эти встречи часто были не просто отражением состояния политического сотрудничества и отношений между двумя странами вообще, но и сами способствовали новым двусторонним контактам, экономическому сотрудничеству, культурным обменам.

Динамика и характер этих встреч, как правило, определялись международной повесткой, ситуацией на международной арене, внешнеполитическим курсом и приоритетами как России, так и Великобритании. Часто эти встречи были призваны консолидировать достигнутые ранее договоренности в политическом сотрудничестве между странами. В советский период наибольший подъем в контактах между членами королевской семьи с нашей страной наблюдался в 1970-х гг. (как результат периода разрядки) и в конце 1980-х – 1990-м году (как следствие политики Горбачева и восстановления политического диалога между СССР и Великобританией после преодоления «афганского фактора» и других сложностей, обостривших отношения в первой половине этого десятилетия). После распада СССР, когда Великобритания взяла курс на развитие партнерских отношений с Россией, в течение 1990-хх гг. контакты были регулярными и затрагивали различные сферы сотрудничества.

Список литературы

- Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 69, Оп. 71, П. 279, Д. 9.
АВП РФ. Ф. 69, Оп. 72, П. 281, Д. 8.
АВП РФ. Ф. 69, Оп. 81, П. 304, Д. 8.
Брэдфорд С. 1998. Елизавета II. Биография Ее величества королевы. М., Вагриус, 510 с.
Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.С. Горбачева в Великобританию, 5–7 апреля 1989 г.: Документы и материалы. 1989. М., Политиздат, 79 с.
Громыко Ал. А. 2006. Российско-британские отношения во второй половине XX века. В кн.: Россия и Британия. Вып. 4: Связи и взаимные представления XIX–XX века. Отв. ред. А.Б. Давидсон. Институт всеобщей истории РАН. М., Наука: 95–99.
Докладная записка А.С. Черняева о возможности встречи с принцессой Анной (Великобритания). Архив Горбачев-Фонда. Ф. 2, Оп. 1.
Зайцев Ю.М., Шугалей И.Ф. 2017. Военно-морские парады российского флота. Военно-исторический журнал. Издание Министерства обороны России. URL: <http://history.milportal.ru/voenno-morskije-parady-rossijskogo-flota-2/> (дата обращения 06.08.2022).
ИноТВ. 2017. 31 декабря. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2017-12-31/Telegraph-ot-obyatij-Elcina-v> (дата обращения 05.08.2022).
Капитонова Н.К. 2010. Визит Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в Великобританию в 1956 году (по архивам Президента РФ и МИД РФ). Новая и новейшая история, 6: 112–136.
Капитонова Н.К. 1999. Приоритеты внешней политики Великобритании (1990–1997 гг.). М., РОССПЭН, 144 с.



- Коммерсант. 1992. 11 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/29497> (дата обращения 13.08.2022).
- Коммерсант. 1994. 21 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/79140> (дата обращения 14.08.2022).
- Коммерсант. 1994. 18 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/92722> (дата обращения 13.08.2022).
- Комсомольская правда. 2022. 06 февраля. URL: <https://www.kp.ru/daily/27360.5/4541907/> (дата обращения 09.08.2022).
- Москва24. 2022. 09 сентября. URL: <https://www.m24.ru/news/za-rubezhom/09092022/499606> (дата обращения 12.03.2023).
- Попов В.И. 1996. Жизнь в Букингемском дворце. Елизавета II и королевская семья. 2-е изд., доп. М., ТОО «Новина», 496 с.
- Попов В.И. 1991. Меняется страна традиций (Заметки посла и ученого о Британии 80-х). М., Международные отношения, 336 с.
- Российская газета. 2021. 13 марта. URL: <https://rg.ru/2021/03/13/elizaveta-ii-podelilas-vozpominaniiami-o-vstreche-s-iuriem-gagarinym.html> (дата обращения 10.08.2022).
- Трухановский В.Г. 1985. Английское ядерное оружие. Историко-политический аспект. М., Международные отношения, 230 с.
- Федоров Н.В. 2013. Идеи А.Т. Мэхэна и военно-морская политика великих держав на рубеже XIX–XX вв. Военно-исторический журнал. Издание Министерства обороны России. URL: <http://history.milportal.ru/idei-a-t-mexena/> (дата обращения 16.10.2023).
- Chicago Tribune. 1989. April 08. URL: <https://www.chicagotribune.com/news/ct-xpm-1989-04-08-8904020249-story.html> (дата обращения 12.08.2022)
- The Guardian. 1989. April 7.
- Los Angeles Times. 1988. Nov. 23. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1988-11-23-mn-540-story.html> (дата обращения 06.08.2022)
- The New York Times. 1973. Sept. 3. URL: <https://www.nytimes.com/1973/09/03/archives/a-soviet-landing-for-prince-philip-moscow-arrival-is-the-first-by.html> (дата обращения 10.08.2022)
- Prince Philip's visit to Russia's Far East in 1997 debunked. Russia Beyond. 2021. Aug. 10. URL: <https://www.rbth.com/history/334088-prince-philips-visit-to-russias> (дата обращения 12.08.2022)
- Princess Anne visits Soviets. UPI Archives. URL: <https://www.upi.com/Archives/1990/05/24/Princess-Anne-visits-Soviets/5172643521600/> (дата обращения 12.08.2022).
- The Queen: rumours denied. The Economist. 1988. November 26. P. 42.
- State Department brief on Olympic boycott. Margaret Thatcher Foundation Archive. URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/110483> (дата обращения 11.08.2022)
- Thatcher M. 1993. The Downing Street Years. New York, HarperCollins, 914 p.
- The trip you didn't know about: Princess Diana's two days in Moscow. Russia Beyond. 2017. Aug. 31. URL: https://www.rbth.com/arts/history/2017/08/31/the-trip-you-didnt-know-about-princess-dianas-two-days-in-moscow_831766 (дата обращения 14.08.2022)
- World Wildlife Fund. Official site. URL: https://wwf.panda.org/wwf_news/?200541/The-important-work-of-the-Lena-Delta-Research-Station (дата обращения 13.08.2022)

References

- Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation]. F. 69. Op. 71. P. 279. D. 9.
- Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation]. F. 69. Op. 72. P. 281. D. 8.
- Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation]. F. 69. Op. 81. P. 304. D. 8.
- Bredford Sarah. 1998. Elizaveta II. Biografiya Ee velichestva korolevy [Elizabeth. A Biography of Her Majesty the Queen]. Translated from English by Chkhartishvili, G. Moscow, Vagrius publ., 510 p.
- Vizit General'nogo sekretarya TsK KPSS, Predsedatelya Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR M.S. Gorbacheva v Velikobritaniyu, 5–7 aprelya 1989g.: Dokumenty i materialy [The Visit of the General Secretary of the Communist Party of the Soviet Union, the Chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR M. S. Gorbachev to Great Britain, 5–7 April 1989: Documents and Materials]. 1989. Moscow, Politizdat publ., 79 p. (in Russian)



- Gromyko A.I.A. 2006. Russian-British relations in the second half of the XXth century. V kn.: Russia and Britain. Vol. 4: Links and mutual perceptions. 19th-20 centuries. Otv. red. A.B. Davidson. Institut vseobshchey istorii RAN. Moscow, Publ. Nauka: 95–99 (in Russian).
- Dokladnaya zapiska A.S. Chernyaeva o vozmozhnosti vstrechi s printsessoj Annoi (Velikobritaniya) [The Memorandum from Chernyaev on the Possibility of Meeting with Princess Ann (Great Britain)]. Arkhiv Gorbachev-Fonda. F. 2, Op. 1.
- Zaitsev Yu.M., Shugalei I.F. 2017. Voenno-morskie parady rossiiskogo flota [Military Navy Parades of the Russian Fleet]. Voenno-istoricheskii zhurnal. Izdanie Ministerstva oborony Rossii. Electronic resource. Available at: <http://history.milportal.ru/voenno-morskie-parady-rossijskogo-flota-2/> (accessed: 06 August 2022).
- InoTV. 2017. 31 dekabrya. Electronic resource. Available at: <https://russian.rt.com/inotv/2017-12-31/Telegraph-ot-obyatij-Elcina-v> (accessed: 05 August 2022) (in Russian).
- Kapitonova N.K. 2010. Vizit N.S. Hrush'eva i N.A. Bulganina v Velikobritaniyu v 1956 godu (po arhivam Prezidenta RF i MID RF) [The Visit of N.S. Khrushchev and N.A. Bulganin to Great Britain in 1956 (on the Archives of the President of the Russian Federation and Foreign Office of the Russian Federation)]. Novaya i noveishaya istoriya, 6: 112–136.
- Kapitonova N.K. 1999. Prioritety vneshnei politiki Velikobritanii (1990–1997 gg.) [The Priorities of Foreign Policy of Great Britain (1990–1997)]. Moscow, ROSSPEN publ., 144 p.
- Kommersant. 1992. 11 noyabrya. Electronic resource. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/29497> (accessed 13 August 2022) (in Russian).
- Kommersant. 1994. 21 maya. Electronic resource. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/79140> (accessed 14 August 2022) (in Russian).
- Kommersant. 1994. 18 oktyabrya. Electronic resource. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/92722> (accessed 13 August 2022) (in Russian).
- Komsomolskaya pravda. 2022. 06 fevralya. Electronic resource. Available at: <https://www.kp.ru/daily/27360.5/4541907/> (accessed 09 August 2022) (in Russian).
- Moscow24. 2022. 09 sentyabrya. Electronic resource. Available at: <https://www.m24.ru/news/zarubezhom/09092022/499606> (accessed 12 March 2022) (in Russian).
- Popov V.I. 1996. Zhizn v Buckinghamском дворце. Elizaveta II i korolevskaya semya [Life in the Buckingham Palace. Elizabeth II and the Royal Family]. Moscow, TOO Novina publ., 496 p.
- Popov V.I. 1991. Menyaetsya strana tradicii (Zametki posla i uchenogo o Britanii 80-h) [The Country of Tradition is Changing (Notes of the Ambassador and Researcher on Britain of the 80s)]. Moscow, Mezhdunarodnie otnosheniya publ., 336 p.
- Rossiiskaya gazeta. 2021. 13 marta. Electronic resource. Available at: <https://rg.ru/2021/03/13/elizaveta-ii-podelilas-vospominaniami-o-vstreche-s-iuriem-gagarinym.html> (accessed 10 August 2022) (in Russian).
- Truhanovskii V.G. 1985. Angliiskoe yadernoe oruzhie. Istoriko-politicheskii aspekt [English Nuclear Weapon. Historical and Political Aspects]. Moscow, Mezhdunarodnie otnosheniya publ., 230 p.
- Fedorov N.V. 2013. Idei A.T. Mjehjena i voenno-morskaja politika velikih derzhav na rubezhe XIX–XX vv. [Ideas of A.T. Mahan and Military and Naval Policy of Great Powers at the Turn of the 20th Centuries]. Voenno-istoricheskij zhurnal. Izdanie Ministerstva oborony Rossii. Electronic resource. Available at: <http://history.milportal.ru/idei-a-t-mexena/> (accessed: 16 October 2023).
- Chicago Tribune. 1989. April 08. URL: <https://www.chicagotribune.com/news/ct-xpm-1989-04-08-8904020249-story.html> (дата обращения 12.08.2022)
- The Guardian. 1989. April 7.
- Los Angeles Times. 1988. Nov. 23. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1988-11-23-mn-540-story.html> (дата обращения 06.08.2022)
- The New York Times. 1973. Sept. 3. URL: <https://www.nytimes.com/1973/09/03/archives/a-soviet-landing-for-prince-philip-moscow-arrival-is-the-first-by.html> (дата обращения 10.08.2022)
- Prince Philip's visit to Russia's Far East in 1997 debunked. Russia Beyond. 2021. Aug. 10. URL: <https://www.rbth.com/history/334088-prince-philips-visit-to-russias> (дата обращения 12.08.2022)
- Princess Anne visits Soviets. UPI Archives. URL: <https://www.upi.com/Archives/1990/05/24/Princess-Anne-visits-Soviets/5172643521600/> (дата обращения 12.08.2022).
- The Queen: rumours denied. The Economist. 1988. November 26. P. 42.



- State Department brief on Olympic boycott. Margaret Thatcher Foundation Archive. URL: <http://www.margarethatcher.org/document/110483> (дата обращения 11.08.2022)
- Thatcher M. 1993. *The Downing Street Years*. New York, HarperCollins, 914 p.
- The trip you didn't know about: Princess Diana's two days in Moscow. *Russia Beyond*. 2017. Aug. 31. URL: https://www.rbth.com/arts/history/2017/08/31/the-trip-you-didnt-know-about-princess-dianas-two-days-in-moscow_831766 (дата обращения 14.08.2022)
- World Wildlife Fund. Official site. URL: https://wwf.panda.org/wwf_news/?200541/The-important-work-of-the-Lena-Delta-Research-Station (дата обращения 13.08.2022)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.10.2023

Received 17.10.2023

Поступила после рецензирования 28.11.2023

Revised 28.11.2023

Принята к публикации 28.11.2023

Accepted 28.11.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Золина Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

 [ORCID: 0000-0003-2427-4877](https://orcid.org/0000-0003-2427-4877)

Olga M. Zolina, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Translation and Professional Communication, Voronezh State University, Voronezh, Russia



УДК 94(4)

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-915-927

Оригинальное исследование

Формирование системы президентских библиотек и институт президентства в США в середине XX века

Василенко В.В. 

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, ул. Победы, 85, Белгород
E-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается формирование системы американских президентских библиотек в Соединенных Штатах Америки в середине XX века. Цель исследования – изучить особенности формирования первых президентских библиотек, Библиотеки Ф.Д. Рузвельта и Библиотеки Гарри Трумэна и учреждение системы президентских библиотек в США в контексте эволюции американской президентской власти. Автор подчеркивает, что президент Рузвельт инициировал создание своей Библиотеки как единичный проект, который тем не менее был частью его работы по институционализации президентской власти в США. Эта противоречивая основа и дальнейшая логика повышения символической значимости президентской власти на фоне развертывания конфронтации Холодной войны позволила его преемнику Трумэну, несмотря на значительно меньший вес в американском политическом истеблишменте, не только добиться создания своей президентской библиотеки, но и способствовать учреждению Конгрессом системы президентских библиотек как типовых учреждений.

Ключевые слова: президентские библиотеки, Соединенные Штаты Америки, XX век, Ф.Д. Рузвельт, Гарри Трумэн, Национальное агентство по архивам и документации США, институт президентства

Благодарности: Статья подготовлена на основе квалификационной работы по итогам программы профпереподготовки МВШСЭН (Шанинки). Автор признателен канд. ист. наук М.Б. Гнедовскому за конструктивные комментарии.

Для цитирования: Василенко В.В. 2023. Формирование системы президентских библиотек и институт президентства в США в середине XX века. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 915–927. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-915-927

The Origins of the Presidential Libraries System and the Evolution of the U.S. Presidency

Victoria V. Vasilenko 

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia,
E-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Abstract. The article deals with the emergence of the presidential museums and libraries system in the United States of America in the mid-twentieth century. The aim of the article is to investigate two cases of the first institutions of this type, Franklin D. Roosevelt Library and Museum and the Harry S. Truman Library and Museum, and, based on that, the establishment of the presidential museums and libraries system in the USA against the backdrop of the evolution of the American presidency. The research design of this article is based on the understanding of a museum as an institution created to meet a certain



demand of the state and the society. It is highlighted that while the President Roosevelt initiated his Library as a unique project, this institution was part of his efforts to institutionalize the American presidency. This contradictory basis and the rise of the confrontation in the early years of the Cold War that elevated the symbolic significance of the presidency in the U.S. allowed the President Truman, who had, in contrast to his predecessor, less political weight, not only to create his own Library, but also to facilitate the establishment of the system of presidential libraries and museums by Congress that enabled the emergence of other institutions of this type in the USA.

Keywords: presidential library and museum, United States of America, twentieth century, Franklin D. Roosevelt, Harry S. Truman, National Archives and Records Administration, presidency

Acknowledgements: This article is based on the qualification thesis during the professional development program at the Moscow School of Social and Economic Sciences. The author is grateful to Dr. Mikhail B. Gnedovskiy for his helpful comments.

For citation: Vasilenko V.V. 2023. The Origins of the Presidential Libraries System and the Evolution of the U.S. Presidency. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 915–927 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-915-927

Введение

Интерес к теме формирования системы президентских библиотек в США обусловлен двумя основными факторами. Во-первых, данная модель музея – президентская библиотека / presidential library and museum – является любопытной разработкой, которая под зонтиком музея сочетает и архив, и библиотеку, и исследовательский центр. Музеи такого типа продемонстрировали способность функционировать на разных уровнях, от локального до международного, и решать различные задачи, от популяризации наследия отдельного президента и исследовательской работы по анализу его деятельности до развития туристического потенциала конкретной местности. Во-вторых, эта модель оказалась востребованной и за рубежом, в частности в России. Отчасти на ее основе – точнее, представлений о ней⁶² – в Екатеринбурге создан Ельцин-центр для популяризации и изучения наследия первого президента нашей страны. Представляется, что анализ опыта американских библиотек-музеев позволит более точно соотносить американский и российский проекты⁶³.

Цель исследования – изучить особенности формирования первых библиотек-музеев на примере кейсов Библиотеки Ф.Д. Рузвельта и Библиотеки Гарри Трумэна и учреждение системы президентских библиотек в США в середине XX века в контексте эволюции американского института президентской власти.

Основными источниками для исследования выступают новостные материалы, официальные документы и источники личного происхождения. Среди официальных документов стоит выделить насыщенный разнообразной фактической информацией «Доклад об альтернативных моделях президентских библиотек во исполнение PL 110-404», подготовленный по запросу Конгресса в 2009 году [Report on Alternative Models]. Из источников личного происхождения представляют особый интерес интервью Джорджа Элси, помощника президентов Ф.Д. Рузвельта и Гарри Трумэна⁶⁴, о деятельности, связанной с соответствующими библиотеками-музеями, а также интервью Джеймса Фукса, архивиста Библиотеки Трумэна, который участвовал в ее создании с самого начала проекта [Interview with George M. Else; Interview with James R. Fuchs]. Дополнительно привлечены источни-

⁶² Показательны различные интерпретации сути института президентских библиотек в ходе экспертных дискуссий о проектировании Ельцин-центра в 2011 году [Зорин; Зуев; Ослон; Прудникова; Ревзин].

⁶³ Термины «библиотека-музей», «президентская библиотека» и «библиотека» используются в данной работе в качестве взаимозаменяемых.

⁶⁴ В соответствии с отечественной традицией имя президента Трумэна указывается без инициала С. В этом же русле опускаются инициалы для имен, которые не получили устоявшегося написания с инициалом.

ки, которые можно обозначить в качестве визуальных (особенности дизайна рассматриваемых библиотек-музеев, главным образом представленные на их сайтах), а также источники по российским дискуссиям об интерпретации американского опыта.

Исследовательская литература представлена работами разного плана ввиду комплексной проблематики. Привлечен массив доступных, главным образом англоязычных работ по различным аспектам функционирования президентских библиотек-музеев в США, их роли в историописании, а также специфике общественных дебатов о данном институте (это преимущественно статьи в журналах «The Public Historian», «American Libraries» и др.). Наибольший интерес представили труды Р. Гезельбрахта, Дж. Лантцера, Ш. Фосетт, Л. Кокрэйна и Б. Хафбауэра [Cochrane, 2002; Lantzer, 2003; Cochrane, 2006; Fawcett, 2006; Geselbracht, 2006; Hufbauer, 2006a; Hufbauer, 2006b]. В отечественной исследовательской литературе рассматриваемая проблематика привлекла на удивление незначительный исследовательский интерес. Фактически единственным российским автором является Н. В. Стришенец, которая рассмотрела институт библиотек-музеев в аспекте развития библиотечного дела в США [Стришенец, 2004]. Стоит отметить исследования Е.М. Болтуновой, посвященные рассмотрению эволюции отечественной мемориальной традиции на примере кейса Ельцин-центра отчасти в контексте американского опыта [Болтунова, 2017a; Boltunova, 2017b]. Подспорьем в ходе исследования также послужила литература по исследованию национальных процессов, памяти сообществ и политическому процессу в США [Гринфельд, 2012; Малинова, 2015; Kernell and Jacobson, 2006], а также работы об общих подходах и принципах музейного проектирования [напр., Музейное проектирование].

Объект и методология исследования

Объектом данного исследования является институт президентских библиотек в США. В аспекте методологии исследования значимо представление о музее как о социальном институте, «который рассказывает о настоящем и отвечает на жгучие вопросы дня сегодняшнего; в этом смысле музей всегда создается под решение каких-то задач современности, в первую очередь социальных и социокультурных» [Музейное проектирование, с. 16]. Исследования памяти социальных групп показывают, что коллективные представления в той или иной мере являются объектом воздействия со стороны различных стейкхолдеров, прежде всего государства, что закономерно, поскольку представления о прошлом являются основой идентичности сообществ [см., напр., Малинова, 2015; Шестов, 2005]. При этом музей нередко служит инструментом для такого рода воздействия. Работы по анализу данного воздействия (например, в аспекте исторической политики) посвящены главным образом анализу целенаправленных действий основного стейкхолдера – государства. При этом часто упускается из виду многообразие стейкхолдеров, в том числе представляющих государство, и, как следствие, сложность и непредсказуемость взаимодействия между ними, а также возможность отсутствия продуманной стратегии у политиков, но наличие важных символических последствий их действий и высказываний. Данные соображения представляются значимыми в изучении практик внедрения рассматриваемого социального института в США.

Результаты и их обсуждение

Библиотека Ф.Д. Рузвельта как первая президентская библиотека федерального значения

Историю института библиотек-музеев Соединённых Штатах Америки прослеживают со времени второго президентства Ф.Д. Рузвельта. В 1937 г. Рузвельт выступил с инициативой организовать систематическое хранение документов и материалов президентов,



ушедших в отставку, в одном месте для исследования их деятельности и в целом на пользу обществу и государству.

Ранее президенты после выхода в отставку забирали с собой свои документы и материалы, которые имели статус их личной собственности. Впоследствии данные коллекции могли храниться в семье, распродаваться полностью или частично (самым значимым покупателем с 1830-х гг. была Библиотека Конгресса); часть материалов была утеряна, в основном в пожарах; отдельные документы были уничтожены покинувшими свой пост президентами; некоторые коллекции передавались университетам и библиотекам, где они могли быть доступны для изучения [Стришенец, 2004]. Рузвельт таким образом предлагал принципиально новый подход – изменение статуса президентской документации и создание института федерального значения для их хранения, обработки и обеспечения доступа населению под управлением Национальной службы архивов и документации.

Президент посчитал целесообразным смешанное финансирование нового института: строительство на частные пожертвования, функционирование на федеральные средства. Помимо привлечения частных средств, Рузвельт внес и личный вклад в создание проекта: он предоставил для строительства здания часть территории своего поместья в Гайд-Парке неподалеку от Нью-Йорка. В своих разработках президент опирался на два существовавших к тому времени прототипа – учрежденную в 1914 г., в основном на средства штата Огайо, Мемориальную библиотеку Р. Хейса и созданную в 1919 г. Гуверовскую библиотеку (впоследствии институт) войны, революции и мира на базе Стэнфордского университета. Один из членов комитета, который занимался разработкой проекта вместе с президентом, предложил назвать его «библиотекой» на основе кейса последней; этот вариант поддержал и Рузвельт. Несмотря на возражения президента называть данное учреждение его именем, за неимением лучшего варианта в итоге было утверждено название «Библиотека Франклина Д. Рузвельта» [Cochrane, 2002, p. 60].

В 1939 году проект Рузвельта получил одобрение Конгресса: 18 июля был принят Закон о Библиотеке Рузвельта [Cochrane, 2006, p. 144]. Библиотека Ф.Д. Рузвельта поступила на баланс государства в июле 1940 года, включая и ряд президентских материалов. В ходе официальной церемонии ее передачи в июле 1941 года Рузвельт произнес такие слова:

«Чтобы собрать документы прошлого и поместить их в здания, где они будут сохранены для их использования мужчинами и женщинами в будущем, Нация должна верить в три вещи.

Она должна верить в прошлое.

Она должна верить в будущее.

Она, прежде всего, должна верить в способность своего народа таким образом учиться у прошлого, чтобы обрести опору для создания именно своего будущего [Цит. по: Report on Alternative Models, p. 6. Перевод автора статьи].

Рузвельт предусмотрел и небольшое музейное пространство, которое было открыто для посещения после упомянутой выше церемонии. В последующие годы президент нередко бывал в Библиотеке и порой использовал ее для проведения своих известных «бесед у камина». Открытие собственно библиотеки (то есть архива) было отложено в связи с событиями Второй мировой войны и участием в ней США, а также избранием Рузвельта на пост президента еще на два срока. Фактически библиотека была открыта в 1947 году; тогда исследователям стали доступны часть материалов Белого дома и допрезидентского периода деятельности Рузвельта. Это был беспрецедентно короткий срок для открытия материалов такого рода [Стришенец, 2004].

Таким образом, изначально суть проекта «библиотеки» составлял именно архив, в основные функции которого входили хранение и систематизация переданных президентских материалов, а также обеспечение к ним доступа исследователей и представителей общественности. Очевидно, что данная инициатива также подчеркивала значимость поста президента в государственном управлении и в то же время подразумевала его открытость

народу США и готовность к непосредственной коммуникации с ним. Можно сказать, что такой подход в целом был характерен для президентства Рузвельта: здесь можно упомянуть такие разноплановые аспекты, как его умелое выстраивание прямой коммуникации с народом, например, посредством транслировавшихся по радио «бесед у камина», так и стремление выступать центром принятия решений по различным вопросам в обход соответствующих ведомств, что наиболее ярко было заметно в области внешней политики [см., напр., Печатнов, 2006].

Нередко в литературе система президентских библиотек изображается как некий единый, поступательно развивавшийся во времени замысел [см., напр., Cochrane, 2006]. Однако Библиотека Рузвельта задумывалась президентом как уникальный проект. Он отражал особенности мышления и видения Рузвельта, который был, по признанию большинства современников и исследователей, одним из наиболее масштабно мыслящих государственных деятелей США.

В то же время данный проект также был одним из признаков того, что институт президентства в стране заметно эволюционировал от позиции «главного клерка» правительства, как его трактовал Авраам Линкольн [Kernell and Jacobson, 2006, p. 261]. Именно Рузвельт сделал значительный вклад в данную эволюцию. С периодом его нахождения на президентском посту связывают возникновение так называемого «институционального президентства», то есть учреждение различных институтов для помощи и более эффективной работы президента. Так, в то время был учрежден Исполнительный офис президента США (его нередко называют Администрацией президента) [Ibid, p. 290–291]. Можно сказать, что создание Библиотеки было и в русле политики Рузвельта по расширению институциональной структуры в поддержку президентской власти.

Вероятно, три фактора обусловили успешное тиражирование проекта Библиотеки Рузвельта в дальнейшем. Первый – высокий авторитет 32-го президента США у своих преемников, Гарри Трумэна и Дуайта Эйзенхауэра, которые во многом стремились проводить политику в продолжение курса Рузвельта и при этом в чем-то сравняться со своим блестящим предшественником [см., напр., Miscamble, 2007]. Второй – успех проекта, прежде всего в аспекте своего рода «инобытия» президента, то есть данный институт оказался достаточно эффективным инструментом для бывшего главы государства и его близкого круга в формировании представлений о наследии его президентства⁶⁵. Третий – усиление роли президента в США, который в условиях Холодной войны нередко становился символом противостояния.

Библиотека Гарри Трумэна и учреждение института президентских библиотек в США

В рассмотрении формирования института президентских библиотек в США стоит уделить особое внимание Библиотеке Гарри Трумэна. Несмотря на то, что ей предшествовало создание Библиотеки Рузвельта, именно в процессе создания Библиотеки-музея Трумэна были заложены основы для формирования системы президентских библиотек.

Создание Библиотеки Гарри Трумэна

История создания Библиотеки Гарри Трумэна началась с идеи о музее, которую уже с лета 1945 года озвучивали 33-му президенту США различные деятели штата Миссури, где он родился и долгое время работал. Родным городом Трумэна считался Индепенденс, расположенный неподалеку от Канзас-Сити. Отклик президента последовал в 1949 году – на инициативу мэра Индепенденса Роджера Сермона о создании посвященного президенту музея в его родном городе. Трумэн отнесся к данной идее неоднозначно: с одной стороны, его смущало, что таким образом он фактически оказывался «в компании с Франклином Д. Рузвельтом, который создал себе национальное место поклонения» [Цит. по:

⁶⁵ Термин С.Э. Зуева в отношении Ельцин-центра; в оригинальном контексте подразумевается рассказ о президенте после его смерти [Зуев].



Geselbracht, 2006, p. 38]; с другой стороны, данная идея все-таки импонировала Трумэну, так как в итоге он предоставил Сермону карт-бланш на создание проекта [Ibid.].

Кампания мэра Индепенденса и видных деятелей штата по сбору средств для создания музея достаточно быстро провалилась. В начале 1950 г. Сермон умер, что привело к фактическому прекращению проекта. Через несколько месяцев новый мэр Индепенденса Роберт Везерфорд обратился к Трумэну с просьбой пояснить его намерения.

К этому времени президент, выслушав различные точки зрения, принял решение создавать Библиотеку по модели своего предшественника. В 1950 году Трумэн предпринял ряд важных шагов, которые свидетельствовали о его намерении обеспечить эффективное создание и развитие проекта. Так, он содействовал формированию инициативной группы, которая включала его близких друзей, для учреждения частной организации «Гарри С. Трумэн Лайбрери Инк.» по сбору средств на сооружение Библиотеки; он избрал одного из личных помощников Джорджа Элси для руководства проектом в качестве своего представителя; он выбрал архитектора Эдварда Нейлда, с которым ранее успешно работал в Канзас-Сити, для разработки дизайна здания Библиотеки; Трумэн объявил, к удивлению многих, что намерен построить свою президентскую библиотеку на территории фермы своей семьи в Грэндвью, в двадцати милях от Индепенденса [Ibid.; см. также: Harry S. Truman Library].

Реализация проекта Библиотеки Гарри Трумэна длилась семь лет, с 1950 по 1957 годы. В этот период команда проекта, несмотря на наличие Библиотеки Рузвельта в качестве прототипа, вырабатывала решения для многих вопросов впервые, а решения по нескольким из них стали основой для учреждения института президентских библиотек. Как отметил Дж. Лантцер в 2003 г., каждая библиотека-музей своеобразна так же, как и отдельный президент [Lantzer, 2003], хотя к тому времени практики тиражирования данного института отчасти вошли в рутину. А в начале 1950-х гг. весьма значимую роль играло то, что решения по проекту Библиотеки Рузвельта принимались *ad hoc*, и перспектива их тиражирования для проекта Трумэна была достаточно призрачной.

В команду проекта по созданию Библиотеки Трумэна входило достаточно много людей, однако стоит выделить троих, которые определяли его развитие. Это упоминавшийся выше ассистент президента Элси, который имел историческое образование; ранее он принимал участие в разработке проекта Библиотеки Рузвельта; кроме того, Элси не только эффективно контактировал с Национальной службой архивов и документации (НСАД), но и был дружен с руководителем последней [Interview with George M. Elsey, p. 3]. Это сменивший Элси после его ухода из штата Белого дома в 1951 г. Дэвид Ллойд, а также Архивист США (глава НСАД) Вейн Гровер [Geselbracht, 2006, p. 40].

Одним из ключевых вопросов было создание необходимой правовой базы для того, чтобы НСАД могла принять в свою структуру Библиотеку Трумэна и документацию президента; закон 1939 года регулировал только функционирование Библиотеки Рузвельта в качестве федерального объекта. Элси и Гровер совместно разработали дополнения в Закон о федеральной документации, который был утвержден в 1950 году [Overview of the Federal Records Act]. Уже на этом этапе было принято универсальное правовое решение: дополнения позволяли НСАД принимать президентские документы и материалы не только Трумэна, но и иного гражданина, который занимал пост высшего должностного лица государства. Однако вскоре стало ясно, что не урегулированы вопросы передачи на баланс государства здания Библиотеки и соответствующего земельного участка. Как следствие, возникла необходимость в новом законодательном решении. Однако в команде проекта Библиотеки Трумэна были значительные опасения, что Конгресс может отклонить необходимый акт как влекущий дополнительные расходы для федерального бюджета. Один из советников Трумэна выступил с предложением не инициировать новое законодательство до окончания президентских выборов 1952 г. [Geselbracht, 2006, p. 41–42].

С принятием акта 1950 года был также связан важный вопрос о том, какие именно президентские документы Трумэн намеревался поместить в архив своей Библиотеки. Элси

рекомендовал президенту забрать только ту документацию, которая непосредственно проходила через его офис (office file), а большую часть, примерно 80 % материалов, передать НСАД. Оставшихся документов, аргументировал Элси, будет вполне достаточно для организации экспозиций и иных вариантов информирования общественности о деятельности президента. Цель такого решения, которое Трумэн вначале поддержал, состояла в том, чтобы обеспечить в НСАД в Вашингтоне централизованный архив президентских материалов для более эффективной работы исследователей [Ibid., p. 41].

Препятствием для реализации такой модели формирования архива Библиотеки стал вопрос о доступе президента к своим документам и материалам после выхода в отставку. Закон о федеральной документации, в случае изменения статуса документов президентом, находящимся у власти, предусматривал возможность ограничения доступа к своей документации для экс-президента, а также возможность открытия раннего доступа к ней третьих лиц из федеральных структур. Вставал вопрос и административного подчинения Библиотеки Трумэна в системе федеральных агентств: НСАД была готова принять президентскую документацию, но были сомнения относительно целесообразности включения в данную структуру президентской библиотеки [Ibid.].

Иным, но также значимым вопросом, который продвигал Элси, был дизайн Библиотеки. Он считал важным создать «ауру президентства», предполагавшую достаточный размах, масштаб и открытость людям, что должны транслировать и общественные пространства. Для того, чтобы продемонстрировать Трумэну необходимый масштаб, его помощник с помощью Гровера организовал подготовку президенту списка и краткого описания тех многочисленных вещей и материалов, которые стоило разместить в Библиотеке [Interview with George M. Else, p. 3].

При этом Трумэн в проектировании Библиотеки стремился совместить противоречащие друг другу подходы: с одной стороны, результатом проекта не должно было стать нечто грандиозное, что означало бы лишний пафос и стремление подражать Рузвельту, с другой стороны, его Библиотека должна была стать важной исследовательской организацией для всего Среднего Запада, транслировать значимость института президентства, а также знакомить посетителей с политикой и основными достижениями Трумэна. Как следствие, команда проекта столкнулась с весьма непростой задачей. Однако внешние трудности и ограничения нередко «работали» в качестве факторов оптимизации концепции Трумэна, а амбициозные планы президента о крупном региональном центре порой способствовали продвижению своих идей руководителями проекта. Так, Элси, используя замысел Трумэна об исследовательском центре для Среднего Запада в качестве аргумента, смог убедить архитектора Нейлда спроектировать здание, которое впоследствии можно было легко расширить за счет пристроек, предусмотреть достаточное пространство для музейных экспозиций, работы исследователей и размещения не менее двухсот человек на территории Библиотеки (например, жителей ближайшего населенного пункта на национальные праздники); помощник президента также считал важным создать копию Овального кабинета Трумэна на территории здания как символическое «место поклонения» институту президентства [Geselbracht, 2006, p. 42–43]. Все советы Элси в итоге, хотя и в разное время, нашли воплощение в проекте [Report on Alternative Models, p. 64]. Таким образом, помощник президента смог сделать концепцию проекта более реалистичной и при этом масштабной, задав ряд изменяемых характеристик Библиотеки, что во многом определило дальнейшее развитие проекта, способного работать с различными аудиториями под эгидой символической фигуры президента.

В ноябре 1951 г. Элси передал дела по проекту Библиотеки Ллойд, который вскоре стал еще большим его энтузиастом. Ключевым расхождением во взглядах Элси (его точку зрения разделял и Гровер) и Ллойда было отношение к объему забираемой президентом с собой документации. Тогда как Элси считал, что большую часть следует оставить в Вашингтоне в НСАД, Ллойд полагал, что президент должен забрать с собой всю документа-



цию, в соответствии со сложившейся ранее традицией, и затем, поместив их в свою Библиотеку, передать весь объект государству. Как только Ллойд озвучил свою точку зрения Трумэну в начале 1952 г., подчеркнув, что в противном случае президент поставит под вопрос «полезность Библиотеки Трумэна», она была сразу принята [Geselbracht, 2006, p. 43]. Дополнительным аргументом была возможность неограниченного доступа президента, собиравшегося писать мемуары, к своей документации, хотя впоследствии, в ходе работы над ними, Трумэн нечасто обращался к своим документам [Interview with James R. Fuchs].

Нужно отметить, что Ллойд активно выступал в поддержку института президентских библиотек в целом. Его центральный аргумент был основан на вышеупомянутом противоречии относительно президентской документации. В то время как федеральное архивное ведомство настаивало на аккумуляции президентской документации в НСАД на основе принципа разделения личных и официальных документов высшего должностного лица государства, Ллойд, отмечая право президента распоряжаться своими материалами согласно традиции и проблематичность такого принципа разделения документов, считал, что именно президентская библиотека способна решить данное противоречие. Он подчеркивал, что документации президента будет обеспечено надлежащее хранение и систематизация, а затем и доступ народа в его Библиотеке, которую он передаст государству; при этом в данной организации будут реализованы и иные полезные для общества функции [Geselbracht, 2006, p. 45–47].

Однако, несмотря на весомые аргументы в пользу проекта, его развитие продвигалось нелегко. Значимую роль играли интриги со стороны республиканцев, которые использовали проект Библиотеки для критики Трумэна. Так, весной 1952 г., в разгар предвыборной кампании, президент узнал, что распространяются слухи о том, что он намерен использовать президентскую библиотеку, которую собирался возводить на территории семейной фермы, для получения дохода от посетителей. Вместе с тем это был дополнительный аргумент в пользу иного места для строительства Библиотеки в русле концепции Элси. Стоит отметить, что еще осенью 1951 г. некорректно сформулированные письма, призывающие к финансовой поддержке проекта, вызвали такой негативный резонанс, что Трумэн был вынужден вообще приостановить сбор средств, объявив о возобновлении кампании после его выхода в отставку [Harry S. Truman Library].

Особенно важным было то, что это создавало неблагоприятный фон для инициирования законодательного акта, необходимого для передачи Библиотеки Трумэна государству, обновленный проект которого был подготовлен весной 1952 г. В итоге Трумэн, несмотря на обеспокоенность перспективами своей Библиотеки, и в этот раз решил отложить данный вопрос – уже на усмотрение последующего президента [Geselbracht, 2006, p. 44].

В последние часы своего президентства Трумэн, по совету своих помощников, оставил письмо о намерении передать свою президентскую документацию и Библиотеку государству и высказал просьбу о выделении нескольких архивистов для работы с документами [Ibid.]. В начале января 1953 г. его документы и материалы были вывезены из Вашингтона в Канзас-Сити [Interview with James R. Fuchs].

В первые постпрезидентские годы продвижению проекта препятствовала неурегулированность вопроса о месте возведения Библиотеки. Трумэн, отказавшись от ее строительства на территории семейной фермы, долго не мог подобрать альтернативу. Поступившие от ряда университетов предложения о ее размещении в пределах кампуса не устроили Трумэна, и в 1954 г. он обратился к мэру Индепенденса Везерфорду. Выделенный мэром участок весьма понравился президенту. Как отметил его помощник Том Эванс: «...он был довольнее и счастливее по этому поводу, чем в ночь выборов 1948-го...» [Цит. по: Harry S. Truman Library]. Здание Библиотеки было достаточно быстро возведено в Индепенденсе – уже в начале 1957 г. была завершена большая часть работ. По всей видимости, проект Библиотеки Трумэна пользовался значительной поддержкой местного сообщества. Достаточно показательно то, что подрядчики порой выполняли работы за мини-

мальную оплату либо совсем без нее, что помогло снизить стоимость проекта примерно на 400 тыс. долларов [Ibid.].

Закон 1955 года: учреждение института президентских библиотек

В начале 1955 г., в период президентства Эйзенхауэра, Ллойд посчитал целесообразным вернуться к вопросу об инициировании необходимого законодательства о передаче Библиотеки Трумэна государству. Подготовленный им законопроект прошел вначале серьезное обсуждение среди экспертов и ключевых стейкхолдеров, к которым на данном этапе присоединился и Фонд Эйзенхауэра по созданию подобной президентской библиотеки в его родном городе Абилине в штате Канзас. Сотрудники федерального архивного ведомства скорректировали текст документа таким образом, чтобы он был применим не только к Библиотеке Трумэна, но и иным организациям такого типа [Geselbracht, 2006, p. 48].

Итоговый документ был представлен Конгрессу в начале июня 1955 г. Соответствующий комитет Палаты представителей, внося некоторые правки в законопроект, сделал вывод о необходимости учреждения системы президентских библиотек в стране, поскольку отсутствие систематической работы в этом направлении «привело к невозможной потере либо рассеиванию значительной части президентских документов в ходе 166 лет существования Нации» [Цит. по: Ginsberg et al., p. 9]. В резолюции по итогам рассмотрения также было предусмотрено «размещение в одной организации ... всех типов материалов» [Цит. по: Ibid., p. 10]. По итогам рассмотрения данного законопроекта в Сенате были внесены лишь технические правки, и он был подписан Эйзенхауэром уже в августе 1955 г.

В соответствии с Законом о президентских библиотеках, «администратор [агентства] общих служб», частью которого было и архивное ведомство, имел право принимать документы и иные материалы от любого президента или бывшего президента США и, кроме того, от иных чиновников, в том числе бывших, если последние имеют отношение к какому-либо президенту страны; также он имел право принимать на баланс государства «землю, строения и оборудование от лица Соединенных Штатов». Закон оговаривал обеспечение хранения и функционирования пожертвований в «президентском архивном хранилище» как «части системы национальных архивов». При этом предусматривалась предварительная обязательная процедура рассмотрения Конгрессом конкретного кейса дарения и возможность его отклонения. Также данный закон предусматривал возможность заключения соглашений с каким-либо «штатом, политическим подразделением, университетом, учреждением высшего образования, институтом или фондом» по использованию их ресурсов (например, земли) для какой-либо президентской библиотеки без передачи права собственности федеральному правительству. Кроме того, данный законодательный акт оговаривал возможность принятия денежных и иных пожертвований в пользу какого-либо «президентского архивного хранилища» [The Presidential Libraries Act of 1955].

Таким образом, данный законодательный акт учреждал систему президентских библиотек в США. Согласно данному документу, президентская библиотека понималась прежде всего как «архивное хранилище».

Библиотека Трумэна была передана государству в июле 1957 года; стоимость проекта составила 1 млн 670 тыс. долл. [Report on Alternative Models, p. 64]. Трумэн бывал в Библиотеке почти каждый день. Он работал с документами, писал мемуары, принимал посетителей и, по свидетельству сотрудников, особенно любил общаться с молодыми посетителями музея или читального зала на темы американской истории и порой пояснял свою политику [Harry S. Truman Library]. Также 33-й президент учредил Институт Трумэна – организацию, которая занимается исследовательской деятельностью и привлечением средств; она послужила образцом для других президентских библиотек в создании модели партнерства с частной организацией [Report on Alternative Models, p. 7]. На важные события, организованные сотрудниками Библиотеки, в маленький Индепенденс приезжали



люди, которых местные жители могли только видеть по телевизору. Как отмечал один репортер по поводу такого опыта, «...в те дни мало что могло меня поразить, но внезапно натолкнуться на Президента Гувера, миссис Рузвельт, Сэма Рэйберна, Главного судью Уоррена, всех вместе, сидящих рядом, произвело именно такой эффект» [Цит. по: Harry S. Truman Library]. В соответствии с пожеланием четы Трумэнов, он и через десять лет его жена были похоронены на территории Библиотеки.

В сводной таблице посещаемости президентских библиотек начала 2000-х гг. Библиотека Трумэна – одна из лидеров, несмотря на неудобное расположение; при этом посетителей музея больше, чем исследователей, на два порядка – общий тренд для всех библиотек-музеев [Lantzer, 2003].

Таким образом, Трумэн был первым президентом, который смог воспользоваться возможностями, который давала библиотека-музей высшему должностному лицу государства в отставке. Вряд ли можно сказать, что ее официальные функции как «архивохранилища» определяли основную деятельность президентской библиотеки. С самого начала Библиотека Трумэна стала и одним из центров для местного сообщества, и ключевой туристической достопримечательностью, а затем и музеем, а также архивом национального уровня.

Заключение

Институт президентских библиотек в Соединенных Штатах возник в конкретно-исторических условиях, которые характеризовались увеличением роли президента в управлении страной и при этом реинтерпретацией значения президента как символа власти и государства в новых условиях, что выразалось в решениях относительно новых президентских институтов, которые совмещали традиции и новации. Данные условия задали базовые исходные параметры президентских библиотек: контроль Конгресса; принцип частно-государственного партнерства; передача всей президентской документации президенту при выходе в отставку с ее последующим даром вместе с библиотекой-музеем государству. Прототипом для тиражирования института президентской библиотеки послужили обе рассмотренные библиотеки-музея – Библиотека Рузвельта и Библиотека Трумэна. Кейс Библиотеки Трумэна ярко продемонстрировал более широкие, востребованные экс-президентом и местным сообществом возможности данного института, нежели заданные законодательством. Помимо прочего, библиотека выступила институтом, который обеспечил условия достаточно плавного ухода президента от государственных дел за счет частичного сохранения своих привычных ролей и личного участия в формировании своего наследия, чему способствовали социокультурные, в том числе символические возможности Библиотеки.

Базовые параметры библиотек-музеев, а также практики их функционирования заложили основы как для дальнейшего развития института президентских библиотек, так и для последующих противоречий между различными стейкхолдерами.

Список источников

- Зорин А. Мирное освобождение. 05.10.2011. URL: <https://polit.ru/article/2011/10/05/zorin/> (дата обращения: 20.08.2022).
- Зуев С. Центр инобытия. 24.09.2011. URL: <https://polit.ru/article/2011/09/24/zuev/> (дата обращения: 20.08.2022).
- Ослон А. Первый Центр в длинной традиции. 28.09.2011. URL: <https://polit.ru/article/2011/09/28/oslon/> (дата обращения: 20.08.2022).
- Прудникова А. 14.10.2011. Город героев. URL: <https://polit.ru/article/2011/10/14/prudnikova/> (дата обращения: 20.08.2022).
- Ревзин Г. Центр осмысления. 19.10.2011. URL: <https://polit.ru/article/2011/10/19/revzin/> (дата обращения: 20.08.2022).



- Franklin D. Roosevelt National Historic Site. June 24, 1999. 106th Congress, 1st Session. Senate. Report 106-94. URL: <https://www.congress.gov/106/crpt/srpt94/CRPT-106srpt94.pdf> (дата обращения: 20.08.2022)
- Ginsberg W.R. et al. The Presidential Libraries Act and the Establishment of Presidential Libraries. Congressional Research Service Report. 6 February 2015. URL: <https://sgp.fas.org/crs/secrecy/R41513.pdf> (дата обращения: 20.08.2022)
- Harry S. Truman Library. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/education/student-resources/places/independence/harry-s-truman-library> (дата обращения: 20.08.2022)
- Interview with Larry Hackman. August 20, 2014. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/oral-histories/hackman1> (дата обращения: 20.08.2022)
- Interview with James R. Fuchs. June 20, 1979. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/oral-histories/fuchsj4> (дата обращения: 20.08.2022)
- Interview with George M. Elsey. 3 November 1972. P. 3. URL: https://www.archives.gov/files/about/history/images/elsey_george_1973.pdf (дата обращения: 18.08.2022)
- Overview of the Federal Records Act. URL: <https://presidentialtransition.org/wp-content/uploads/sites/6/2020/11/Federal-Records-Act-Overview.pdf> (дата обращения: 18.08.2022)
- The Presidential Libraries Act of 1955. URL: <https://www.archives.gov/presidential-libraries/laws/1955-act.html> (дата обращения: 20.08.2022)
- Report on Alternative Models for Presidential Libraries Issued in Response to the Requirements of PL 110–404. 25.09.2009. URL: <https://www.archives.gov/files/presidential-libraries/reports/report-for-congress.pdf> (дата обращения: 20.08.2022)

Список литературы

- Болтунова Е. 2017а. Пространство (ушедшего) героя: образ лидера, историческая память и мемориальная традиция в России (на примере Ельцин-центра). Новое литературное обозрение. Т. 2 (144): 154–173.
- Гринфельд Л. Национализм. 2012. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 528 с.
- Малинова О.Ю. 2015. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 207 с.
- Музей и регион. Отв. ред. А.А. Лебедев. М.: Лаборатория музейного проектирования, 2011, 336.
- Музейное проектирование. 2009. Отв. ред. А.А. Щербакова. М.: Лаборатория музейного проектирования, 252 с.
- Печатнов О.В. 2006. От союза – к холодной войне: советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М.: МГИМО-Университет, 182 с.
- Стришенец Н.В. 2004. Президентские библиотеки США. Научные и технические библиотеки. № 6. URL: <https://ellib.gpntb.ru/subscribe/index.php?journal=ntb&year=2004&num=6&art=5> (дата обращения 15.07.2022).
- Шестов Н.И. 2005. Политический миф теперь и прежде. М.: ОЛМА-Пресс, 414 с.
- Boltunova E. 2017b. The President Has Entered the Building! The Boris Yeltsin Presidential Center and Memorial Tradition in Contemporary Russia. *Ab Imperio*. No. 3. P. 164–193.
- Craig R.B. 2006. Presidential Libraries and Museums: Opportunities for Genuine Reform. *The Public Historian*. Vol. 28. No. 4. P. 75–84.
- Cochrane L.S. 2002. Presidential Libraries: Presidential, Yes; Libraries, Not Really. *American Libraries*. Vol. 33. No. 5. P. 58–62.
- Cochrane L.S. 2006. Is There a Presidential Library Subsystem? *The Public Historian*. Vol. 28. No. 3. P. 143–164.
- Fawcett Sh.K. 2006. Presidential Libraries: A View from the Center. *The Public Historian*. Vol. 28. No. 3. P. 13–36.
- Geselbracht R.H. 2006. Creating the Harry S. Truman Library: The First Fifty Years. *The Public Historian*. Vol. 28. No. 3. P. 37–78.
- Hackman L.J. 2006. Toward Better Policies and Practices for Presidential Libraries. *The Public Historian*. Vol. 28. No. 3. P. 165–184.



- Hufbauer B. 2006a. Spotlights and Shadows: Presidents and Their Administrations in Presidential Museum Exhibits. *The Public Historian*. Vol. 28. No. 3. P. 117–132.
- Hufbauer B. 2006b. Is There “Noncontroversial” History at Presidential Libraries? *The Public Historian*. Vol. 28. No. 4. P. 85–86.
- Kernell S. and Jacobson G.C. 2006. *The Logic of American Politics*. 3rd edition. Washington, D.C.: CQ Press.
- Lantzer J.S. 2003. The Public History of Presidential Libraries: How the Presidency is Presented to the People. *Journal of the Association of History and Computing*. Vol. 6. No. 1. URL: <https://quod.lib.umich.edu/j/jahc/3310410.0006.101/--public-history-of-presidential-libraries-how-the-presidency?rgn=main;view=fulltext> (дата обращения 15.08.2022)
- Miscamble W.D. 2007. *From Roosevelt to Truman. Potsdam, Hiroshima, and the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Responses to Presidential Libraries: Programs, Policies, and the Public Interest. 2007. *The Public Historian*. Vol. 29. No. 1. P. 5–7.

References

- Boltunova E. 2017a. Prostranstvo (ushedshego) geroia: obraz lidera, istoricheskaiia pamiat' i memorial'naia traditsiia v Rossii (na primere El'tsin-tsentra) [The Space of a (Gone) Hero: an Image of the Hero, Memorial Tradition in Russia Based on the Yeltsin Center Example]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 2, 144: 154–173.
- Greenfeld L. 2012. *Natsionalizm. Piat' putei k sovremennosti* [Nationalism. Five Roads to Modernity]. Moscow: PER SE, 528 s.
- Malinova O.Iu. 2015. Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaiia politika vlastvuiushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti [Acute Past: The Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Russian Identity Dilemmas]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 207 s.
- Muzei i region [Museum and Region]. 2011. Ed. by A.A. Lebedev. Moscow: Laboratoriia muzeinogo proektirovaniia, 336 s.
- Muzeinoe proektirovanie [Projecting Museums]. 2009. Ed. by A.A. Shcherbakova. Moscow: Laboratoriia muzeinogo proektirovaniia, 252 s.
- Pechatnov O.V. 2006. *Ot soiuza – k kholodnoi voine: sovetsko-amerikanskii otnosheniia v 1945–1947 gg.* [From the Alliance to the Cold War: Soviet-American Relations in 1945–1947]. Moscow: MGIMO-University, 182 s.
- Strishenets N.V. 2004. Prezidentskie biblioteki SSHa [Presidential Libraries of the USA]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* 6. Retrieved from <https://ellib.gpntb.ru/subscribe/index.php?journal=ntb&year=2004&num=6&art=5> (accessed 15.07.2022).
- Shestov N.I. 2005. *Politicheskii mif teper' i prezhde* [A Political Myth at Present and in the Past]. Moscow: OLMA-Press, 414 s.
- Boltunova E. 2017b. The President Has Entered the Building! The Boris Yeltsin Presidential Center and Memorial Tradition in Contemporary Russia. *Ab Imperio*. No. 3. P. 164–193.
- Craig R.B. 2006. Presidential Libraries and Museums: Opportunities for Genuine Reform. *The Public Historian*. Vol. 28. No. 4. P. 75–84.
- Cochrane L.S. 2002. Presidential Libraries: Presidential, Yes; Libraries, Not Really. *American Libraries*. Vol. 33. No. 5. P. 58–62.
- Cochrane L.S. 2006. Is There a Presidential Library Subsystem? *The Public Historian*. Vol. 28. No. 3. P. 143–164.
- Fawcett Sh.K. 2006. Presidential Libraries: A View from the Center. *The Public Historian*. Vol. 28. No. 3. P. 13–36.
- Geselbracht R.H. 2006. Creating the Harry S. Truman Library: The First Fifty Years. *The Public Historian*. Vol. 28. No. 3. P. 37–78.
- Hackman L.J. 2006. Toward Better Policies and Practices for Presidential Libraries. *The Public Historian*. Vol. 28. No. 3. P. 165–184.
- Hufbauer B. 2006a. Spotlights and Shadows: Presidents and Their Administrations in Presidential Museum Exhibits. *The Public Historian*. Vol. 28. No. 3. P. 117–132.



- Hufbauer B. 2006b. Is There “Noncontroversial” History at Presidential Libraries? *The Public Historian*. Vol. 28. No. 4. P. 85–86.
- Kernell S. and Jacobson G.C. 2006. *The Logic of American Politics*. 3rd edition. Washington, D.C.: CQ Press.
- Lantzer J.S. 2003. The Public History of Presidential Libraries: How the Presidency is Presented to the People. *Journal of the Association of History and Computing*. Vol. 6. No. 1. URL: <https://quod.lib.umich.edu/j/jahc/3310410.0006.101/--public-history-of-presidential-libraries-how-the-presidency?rgn=main;view=fulltext> (дата обращения 15.08.2022)
- Miscamble W.D. 2007. *From Roosevelt to Truman. Potsdam, Hiroshima, and the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Responses to Presidential Libraries: Programs, Policies, and the Public Interest. 2007. *The Public Historian*. Vol. 29. No. 1. P. 5–7.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.09.2023

Received 25.09.2023

Поступила после рецензирования 28.11.2023

Revised 28.11.2023

Принята к публикации 28.11.2023

Accepted 28.11.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Василенко Виктория Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный университет, г. Белгород, Россия.

Victoria V. Vasilenko, Candidate of Science in History, Associate Professor in the Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-7749-215X](https://orcid.org/0000-0002-7749-215X)



УДК 94:327.811

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-928-935

Оригинальное исследование

Центральноазиатская стратегия внешней политики первой администрации Дж. Буша – младшего

Комлякова Ю.Ю. 

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: komlyakova@bsu.edu.ru

Аннотация. Целью данной статьи является изучение новой американской политики в регионе, основанной на политике преемственности в условиях смены американского руководства, а также анализ направления вектора политического курса, стремящегося не только к установлению, сохранению контроля над государствами региона и борьбе с терроризмом, но и к противостоянию внешним вызовам (прежде всего России) в регионе. Таким образом, статья затрагивает новые аспекты американской вовлеченности в регион, которые сформировались после терактов 11 сентября 2001 года и основывались на географическом положении региона и борьбе с терроризмом, а также на попытках сохранить инициативы, начатые предыдущей администрацией Клинтона, такие как демократизация и гуманитарная политика в различных ее аспектах.

Ключевые слова: Внешняя политика США, Центральная Азия, страны Центральной Азии, внешняя политика США, центральноазиатская геополитика, центральноазиатское сотрудничество

Для цитирования: Комлякова Ю.Ю. 2023. Центральноазиатская стратегия внешней политики первой администрации Дж. Буша – младшего. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 928–935. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-928-935

The Central Asian Foreign Policy Strategy of the George W. Bush First Administration

Yulia Yu. Komlyakova 

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia,
E-mail: komlyakova@bsu.edu.ru

Abstract. The subject of the research is the foreign policy of the United States of America in the Central Asian region at the beginning of the 21st century. The author examines in detail such aspects as the factors of American policy activation in the Central Asian direction, the importance of Central Asia in US foreign policy at the beginning of the 21st century and the diplomatic line of US foreign policy in Central Asia. A new look on the role and importance of Central Asia was enshrined in the fundamental document in the context of determining the direction of the American foreign policy the US National Security Strategy. The paper asserted that Central Asia is the focus of "challenges and opportunities" for America in the new century. The former included transnational terrorism, the radicalization of Islam and drug trafficking. The second is the presence in the region of large (albeit unproven) hydrocarbon reserves. At the same time, the "target concept" of the political line being implemented in Central Asia has changed, and got the name of the "aggressive realism".

Key words: United States foreign policy, Central Asia, international relations, regional issues, dynamics of foreign policy, foreign policy priorities of the United States, Central Asian countries, United States foreign policy, Central Asian geopolitics, Central Asian Cooperation

© Комлякова Ю.Ю., 2023

For citation: Komlyakova Yu.Yu. 2023. The Central Asian Foreign Policy Strategy of the George W. Bush First Administration. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 928–935 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-928-935

Введение

С момента окончания «холодной войны» центральноазиатский вектор внешней политики представлял серьезный интерес для Соединенных Штатов. Возникновение непосредственной заинтересованности регионом Центральной Азии в США с начала 90-х гг. было обусловлено рядом факторов. Соединенные Штаты стали единственной сверхдержавой, которая вступала в качественно новые постбиполярные международные отношения. После распада Советского Союза Вашингтону было необходимо в корне изменить свои внешнеполитические приоритеты, направленные на биполярное противостояние. Это было благоприятное время для «мягкого» американского вторжения в постсоветские республики, которые, оставшись без руководящего и направляющего центра, нуждались во внешней помощи. Единственным условием, которое выдвигалось перед государствами Центральной Азии со стороны США, было их номинальное присоединение к демократическому лагерю.

В целом в период 1991–2001 гг. основным направлением сотрудничества США с государствами Центральной Азии была гуманитарная политика, с помощью которой удалось решить лишь отдельные локальные задачи, но не удалось сформировать цельную эффективную систему.

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования является политическая трансформация центральноазиатского вектора внешней политики США с приходом к власти Дж. Буша – мл. Целью данного исследования является выявление особенности политической стратегии Дж. Буша – мл. в государствах Центральной Азии. Методологической базой данного исследования, прежде всего, выступают принципы историзма и объективности. Они предусматривают беспристрастный анализ собранной информации, рассмотрение конкретных исторических обстоятельств в их естественной среде, воссоздание целостной картины прошлых событий и выявление объективных причин, способствовавших активизации тех или иных процессов. Автор прибегает также к таким общенаучным методам, как анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, обобщение, систематизация.

Результаты и их обсуждение

Соединенные Штаты, внешнеполитическая стратегия которых постулирует идеи «международного либерализма», при этом преследуя цель достижения американского мирового господства, прибегают к разного рода политическим, экономическим, военным, культурным тактикам, в которые вовлечены как американские войска, так и дипломаты по всему миру. Безусловно, что и Центральная Азия, как часть «хартленда», как регион, богатый нефтью и газом, расположенный вблизи Персидского залива, имеющий уникальное геополитическое и геоэкономическое положение, вызвал интерес американского Государственного департамента.

На рубеже веков Соединенные Штаты пережили трансформацию как во внутренней политике (приход к власти правительства консерваторов во главе с Дж. Бушем – младшим), так и во внешней (вынужденная борьба с глобальным терроризмом).

И если изначально можно утверждать, что политика Дж. Буша – мл. в отношении стран Центральной Азии продолжала начатый его предшественником Б. Клинтонот путь демократизации, то после событий 11 сентября 2001 года безопасность стала главным



приоритетом американской внешней политики. Стало очевидно, что США будут бороться против Усамы бен Ладена в Афганистане и режима талибов, который его укрывал. Однако для ведения войны в Афганистане США нуждались в центральноазиатских республиках, потому что ни Китай, ни Иран не сотрудничали с американскими военными, а Пакистан мог предложить лишь незначительную помощь из-за широко распространенных антиамериканских настроений и поддержки военных и разведывательных служб «Талибана». Как часть своей общемировой контртеррористической политики Соединенные Штаты искали способы нарастить свое военное присутствие путем размещения собственных военных баз в государствах региона, а также используя уже существующие в государствах объекты инфраструктуры для военных целей. Благодаря активной дипломатической деятельности США добились желаемого. Казахстан и Туркменистан предоставил США права на использование своего воздушного пространства, Узбекистан и Кыргызстан подписали базовые соглашения, а в середине октября Таджикистан предоставил разрешение на пролеты, высадки и базирование американских войск. В пользование США были предоставлены аэропорты Таджикистана (Душанбе и Курган-Тюбэ) и Казахстана (Луговой). Однако основным интересом по вопросу концентрации американского присутствия в регионе представлял Узбекистан, у которого, в свою очередь, также были определенные цели в регионе – заменить Казахстан на позиции государства-лидера в Центральной Азии. В рамках реализации указанных политических целей Узбекистан приобрел статус решительного сторонника операции «Несокрушимая свобода» (комплекс военных мероприятий, которые США проводили после 11 сентября 2001 г.), подписал с США ряд договоренностей, которые оговаривали некоторые формы гарантийных обязательств в отношении Ташкента. В свою очередь, Узбекистан предоставил в американское пользование авиабазу Ханабад, которая стала сильнейшим плацдармом в Центральной Азии.

Администрация Дж. Буша – мл., в отличие от администрации его предшественника, уделяла более пристальное внимание трансформациям, которые происходили в регионе, так как, несмотря на политическую консервативность, за десять лет независимости государства претерпели разного рода трансформации. Это подчеркивалось тем, что стратегическое партнерство между Соединенными Штатами и государствами центральноазиатского региона не было ограничено исключительно операцией «Несокрушимая свобода», а должно было развиваться для обеспечения стабильности. В декабре 2001 г. Государственный секретарь Колин Пауэлл сказал, что американский интерес в Центральной Азии простирается далеко за пределы текущего кризиса в Афганистане [Hassan]. Заместитель государственного секретаря Джеймс Вулфовиц отмечал, что, развивая военное присутствие в регионе, Соединенные Штаты, таким образом, стремятся на практике донести государствам региона, а в особенности Узбекистану, сообщение, что они не забыты [Hassan]. Однако задекларированные принципы касательно поддержки свободы и независимости центральноазиатских стран на практике сводились к борьбе с терроризмом, а также распространению и торговле наркотиками.

Центральноазиатские режимы, и особенно те, которые приняли однозначно проамериканскую политику, выиграли от укрепления своих партнерских отношений с Вашингтоном в трех основных областях. Начнем с того, что в обмен на поддержку военных операций США в Афганистане были предоставлены существенные финансовые льготы: в период с 2001 по 2002 год общая помощь США Кыргызстану и Таджикистану удвоилась, а объем помощи США, направленной на Узбекистан, – самый важный союзник Вашингтона в регион – увеличился примерно на 463 процента [U.S. Assistance to Europe and Eurasia]. Во-вторых, правительство США предложило государствам Центральной Азии материально-техническую поддержку в разработке ответов на транснациональные угрозы безопасности [Declaration on the Strategic Partnership and Cooperation], связанные преимущественно с предполагаемым возрождением воинственности исламистов в регионе. Местные элиты вскоре использовали появление общего фронта против международного терроризма

[Akbarzadeh, 2005] в качестве предлога для усиления подавления внутреннего инакомыслия [Olcott, 2009]. В-третьих, возвращение Вашингтона на региональную арену косвенно предоставило местным элитам беспрецедентный шанс реализовать свои политические цели, связанные с диверсификацией их соответствующих внешнеполитических курсов и последующим ослаблением гегемонистского влияния, которое тогда оказывала Российская Федерация на Центральную Азию.

При этом Соединенные Штаты настаивали на том, что их вовлеченность в центральноазиатскую политику не преследует целью преднамеренного исключения или вытеснения России из данного региона. Напротив, США утверждали, что их присутствие в регионе преследует единственную цель – борьбу с терроризмом.

США продолжили использовать стратегию сотрудничества не напрямую, а через различные международные организации, которая проявила себя как весьма состоятельная и в предыдущее десятилетие. Основной такой организацией было Агентство США по международному развитию (USAID). После ввода американских войск в Афганистан страны Центральной Азии использовались как источник продовольственной безопасности для американского военного контингента. Эндрю Нациос, администратор Агентства США по международному развитию, регулярно информировал президента о гуманитарной деятельности в Афганистане и об использовании дополнительных 11,2 млн долларов, выделенных президентом, на закупку пшеницы и других продуктов питания в странах региона. Общая сумма закупок составила 320 млн долл. США [Press Briefing by Ari Fleischer, 2001].

Но главный акцент в новой Стратегии национальной безопасности Соединенные Штаты делают на необходимости сотрудничества с другими странами по проблемам противодействия разработок и приобретения врагами оружия массового уничтожения. Первоочередным приоритетом внешней политики Соединенные Штаты называют глобальную безопасность [The National Security Strategy of the United States, 2002].

Помимо военного развертывания в регионе, одним из наиболее ярких признаков приверженности США государствам Центральной Азии явилась двусторонняя американо-узбекская декларация, подписанная в марте 2002 г., в которой Соединенные Штаты подтвердили, что «они будут с серьезной обеспокоенностью относиться к любой внешней угрозе безопасности и территориальной целостности Республики Узбекистан». Однако наравне с этим правительство США осознавало, что без модернизации инфраструктуры региона и инвестиций в экономику будет невозможно развить и военный потенциал финансово несостоятельных на тот момент режимов [Declaration on the Strategic Partnership and Cooperation Framework Between the United States of America and the Republic of Uzbekistan].

Однако, помимо наращивания военного присутствия в регионе, Соединенные Штаты не могли допустить, чтобы слабые государства Центральной Азии пали под натиском как военной мощи, развертывающейся внутри республик, так и угроз безопасности, существующих вблизи границ региона. Поэтому администрация Дж. Буша была вынуждена продолжить некоторые формы сотрудничества в экономическом и социальном контексте, начатые его предшественником – Клинтоном. В этой связи в странах региона выделялась одна общая проблема – распространение и реализация в обществе политических прав и свобод. Все центральноазиатские государства не были склонны к изменениям, и такая тенденция сохранялась на протяжении всего периода с момента распада Советского Союза. Таким образом, имевшая место еще в первое десятилетие независимости тенденция по формализации реформ и сведению их к сугубой декларативности без претворения в жизнь сохранилась и в рассматриваемый нами период. Причину такой тенденции американский политиком усматривал в закоренелости политических традиций, которые все еще тяготеют к советскому укладу. Поэтому основу для эффективного претворения в жизнь реформ Соединенные Штаты усматривали с одной стороны в создании благоприятной социальной среды, которая позволит сменить правительство, а с другой – в опоре на традиционные



исламские ценности. Но достичь этого возможно было только путем выработки у общества нового способа мышления, которое поможет им реформировать самих себя в социальном, политическом и экономическом контексте [Karatnysky, Ackerman]. Еще одну угрозу для формирования монохромности в регионе Соединенные Штаты усматривали в стремлении Узбекистана к установлению своего доминирования в регионе. Еще с момента распада Советского Союза у Узбекистана сложились отношения недоверия со своими соседями. Его экономическая и оборонная политика, способ осуществления контроля границ существенно ухудшили политический и экономический климат в Центральной Азии. И в этой связи проблемой для Соединенных Штатов было как осуществить ряд политических и экономических реформ для усиления Узбекистана и при этом не подстегнуть его гегемонистских амбиций. Еще одним элементом американской политики стало сосредоточение на экономических реформах, а также борьбе с бедностью и коррупцией.

С целью реализации намеченных реформ администрация Дж. Буша – младшего взяла курс на «ускоренную демократизацию» Центральной Азии. 14 января 2003 г. Конгресс США принял резолюцию Маккейна – Либермана, предусматривавшую расширение финансирования демократических организаций в центральноазиатских государствах.

Данные события, начавшиеся в период первой администрации Дж. Буша – младшего, заложили основу и оставались характерными для двусторонних отношений США со странами Центральной Азии на протяжении всего периода его президентства с 2001 по 2009 гг. и получили название «наступательного либерализма».

Тем не менее, несмотря на очевидные планы США относительно военного сотрудничества с государствами Центральной Азии, государственный департамент США в своей официальной риторике касательно целей центральноазиатской политики США основной акцент делал на улучшение приграничного сотрудничества в областях, важных для экономического и политического успеха Центральной Азии, а также для содействия безопасности; на борьбе с коррупцией, изоляцией, нерациональностью границ, экологическими катастрофами, которые оставляют каждое новое государство без инфраструктуры или опыта, который им потребуется для существования в качестве независимых государств. Кроме того, регион является также основным транзитным маршрутом для героина и других наркотиков, поступающих из Афганистана, что создает серьезную угрозу безопасности, а также проблемы для общественного здравоохранения. Региональные программы Соединенных Штатов сфокусированы на пяти задачах: совершенствование систем производства и распределения энергии, расширение торговли, развитие свободных средств массовой информации, инновационное высшее образование и укрепление сотрудничества в области безопасности в целях борьбы с международным терроризмом и торговлей наркотиками. Эти цели решаются в региональном портфеле, поскольку успех в каждой области потребует значительного трансграничного сотрудничества и координации, а также потому, что эти проблемы не могли быть решены в достаточной степени только в рамках двусторонних проектов [Rumer, 2002].

Деятельность включала работу, направленную на то, чтобы помочь Центральной Азии избежать своей традиционной изоляции путем расширения торговых отношений в новых экономически целесообразных направлениях, содействие координации между региональными сотрудниками правоохранительных органов в целях лучшей борьбы с угрозами международного терроризма и наркотиками и программы помощи американскому Университету Центральной Азии (АУЦА), который получил аккредитацию в США [Central Asia Regional Programs].

Безусловно, что Соединенные Штаты в этот период не могли не учитывать роль Российской Федерации в данном регионе. В первое десятилетие после распада Советского Союза основной упор США делали на осуществление внутренних преобразований в России всеми способами, находящимися в дипломатическом американском арсенале, без существенных финансовых затрат, и конечной целью данных преобразований была демо-

кратизация России и, следовательно, полная идеологическая победа США на постсоветском пространстве, более того, абсолютное нивелирование возможной военной угрозы, ведь демократии не воюют друг с другом.

Подобные идеи сохранились и продолжили свое дальнейшее развитие и с приходом к власти президента Дж. Буша – младшего. Описывая состояние двусторонних американо-российских отношений, он заявлял, что президент Владимир Путин ясно понимает, что «холодная война» закончилась и что Соединенные Штаты и Россия могут сотрудничать. Среди основных векторов будущего сотрудничества Дж. Буш – младший называл проблемы безопасности и центральноазиатское направление [Bush].

Однако заявления Дж. Буша – младшего в таком контексте были несколько далеки от истины. Фактически наращивание американского военного присутствия в центральноазиатском регионе вместе с квазिवыполнением политических обещаний стали приносить проблемы. Китай и в большей степени Россия были обеспокоены и раздражены интенсивностью и объемами американского внедрения в регион и отмечали, что численность американских солдат, базировавшихся в исследуемый период на территории государств Центральной Азии, в три раза больше числа военных у границ Советского Союза в разгар «холодной войны».

В целом заметное усиление местной авторитарной стабильности стало ключевым непреднамеренным последствием политики, проводимой Соединенными Штатами в Центральной Азии в период с конца 2001 г. по начало 2005 г. Помимо очевидных преимуществ, таких как увеличение американской помощи, а также сближение с Вашингтоном, можно выделить и реализацию таких американских стремлений в регионе, как повышение своей международной легитимности посредством участия в войне с терроризмом, усиление своего контроля над внутренней политикой посредством уничтожения остаточных форм инакомыслия и уменьшение зависимости стран Центральной Азии от России, не подвергаясь риску «возможное усиление их международной изоляции» [Anceschi, 2010].

Прагматическая направленность политики США привела не только к постепенному отказу от условности инициатив сотрудничества, распространяемых на центральноазиатские республики, но и к существенному смягчению требований касательно вопросов политической либерализации в Центральной Азии. Дополнительный вес последнему предложению можно придать, проанализировав выступления высших должностных лиц США перед региональной аудиторией в период с конца 2001 по 2005 год. Так, министр обороны Дональд Рамсфельд во время визита в Узбекистан в ноябре 2001 г., в отличие от практики, установленной его предшественниками, не поднял вопрос о правах человека [Akbarzadeh, 2005], а Государственный секретарь Кондолиза Райс в конце 2005 г. удостоила похвалы усилия «убежденных лидеров» Казахстана по разрыву с «недемократическим» прошлым [Rice].

Заключение

Рассматривая роль США в противодействии мировому терроризму, следует уделить особое внимание тому, как Соединенные Штаты позиционировали себя и свою значимость на международной арене. Президент Дж. Буш – младший в своей риторике отмечал, что главной ценностью является жизнь и свобода людей.

Соединенные Штаты посредством своего политического участия, становясь гарантами безопасности в регионе, брали на себя и определенные риски. Опасность заключалась в отсутствии гарантий того, что достаточно ретроградные центральноазиатские режимы могут сопротивляться политическим и экономическим реформам, навязанным Соединенными Штатами. Американскому правительству не представлялось возможным использование своего военного присутствия как рычага воздействия для продвижения реформ в Центральной Азии. Отсюда опасность того, что региональные режимы могли использовать свою роль в борьбе с терроризмом в качестве предлога для сопротивления пе-



ременам. Однако у Соединенных Штатов на тот момент времени просто не было альтернативы сохранению своего долгосрочного присутствия в регионе и исполнения роли гаранта безопасности. Отсутствие значительного прогресса в вопросах демократизации центральноазиатских государств не рассматривалось Соединенными Штатами как провал своей политики в регионе. Особую важность представляет тот факт, что американский политиком признавал, что и у них есть пределы ресурсов для воздействия на мировой арене. Также в американской официальной риторике подчеркивалось, что США осуществили весомый вклад в обеспечение безопасности и стабильности в регионе.

Еще одна важная черта, которая характеризовала политику администрации Дж. Буша – младшего в регионе и была не типична для его предшественника Б. Клинтона, – это практически полный отказ от политики «мягкой силы», достигаемой средствами публичной дипломатии и обращение к исключительно милитаристским формам сотрудничества.

Таким образом, несмотря на изменившийся контекст международных и региональных отношений, угрозы глобального терроризма, качественные изменения, произошедшие внутри государств Центральной Азии, Соединенные Штаты не выпускали данный регион из контекста своей внешней политики, более того, интенсифицировали свое как политическое, так и экономическое присутствие.

Sources

- Bush G. Remarks on United States Financial Sanctions Against Terrorists and Their Supporters and an Exchange With Reporters. The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=64040&st=central+asia&st1=> (дата обращения: 18 марта 2023).
- Central Asia Regional Programs. Bureau Of European And Eurasian Affairs FY 2008 U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia Report. U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/p/eur/rls/rpt/eurasiafy08/117323.htm> (дата обращения: 16 марта 2023).
- Declaration on the Strategic Partnership and Cooperation Framework between the United States and Uzbekistan. Federation of American Scientists www.fas.org/terrorism/at/docs/2002/US-UzbekPartnership.htm. (дата обращения: 15 февраля 2023).
- Declaration on the Strategic Partnership and Cooperation Framework Between the United States of America and the Republic of Uzbekistan. U.S. Department of State. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/or/2002/11711.htm> (дата обращения: 30 января 2023).
- Joint Declaration by President George W. Bush and President Vladimir V. Putin on the New Strategic Relationship Between the United States of America and the Russian Federation. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/joint-declaration-president-george-w-bush-and-president-vladimir-v-putin-the-new-strategic> (дата обращения: 18 марта 2023).
- Joint Statement by President George W. Bush and President Nursultan Nazarbayev on Kazakhstan-American Relationship. The American Presidency Project. December 21, 2001. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=64803&st=central+asia&st1=> (дата обращения: 18 марта 2023).
- Joint Statement by President George W. Bush and President Vladimir V. Putin on Counterterrorism Cooperation. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/joint-statement-president-george-w-bush-and-president-vladimir-v-putin-counterterrorism> (дата обращения: 18 марта 2023).
- Press Briefing by Ari Fleischer, October 31, 2001. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/press-briefing-ari-fleischer-40> (дата обращения: 1 марта 2023).
- Rice C. Remarks at Eurasian National University, October 13, 2005. URL: <http://merln.ndu.edu/archivepdf/centasia/State/54913.pdf>. (дата обращения: 15 марта 2023).
- The National Security Strategy of the United States of America. September, 2002. The US Department of State. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (дата обращения: 24 февраля 2023).

References

- Akbarzadeh S. Uzbekistan and the United States: Authoritarianism, Islamism and Washington's Security Agenda / London and New York: Zed Books, 2005, p. 82.
- Anceschi L. Integrating Domestic Factors and Foreign Policy Making: The Cases of Turkmenistan and Uzbekistan // Central Asian Survey. – 2010. – P. 143–158
- Hassan S. Politics of Continuity and US Foreign Policy Failure in Central Asia // E-international relations. URL: <https://www.e-ir.info/pdf/86959> (дата обращения: 15 сентября 2023).
- Karatnycky A., Ackerman P. How Freedom Is Won: From Civic Resistance to Durable Democracy / Washington, D.C.: Freedom House, May 2005, p. 2. – URL: www.freedomhouse.org/research/specereports/civitrans/index.htm (дата обращения: 15 сентября 2023).
- Olcott M.B. U.S. Policy in Central Asia: Looking Ahead. Written Testimony U.S. Senate Committee on Foreign Relations Subcommittee on Near Eastern and South and Central Asian Affairs December 15, 2009. URL: https://carnegieendowment.org/files/Martha_Brill_Olcott_-_Testimony_-_Final.pdf (дата обращения: 15 февраля 2023).
- Rumer E. Flashman's Revenge: Central Asia after September 11. Strategic Forum. Institute for National Strategic Studies National Defense University. December 2002. № 195
- U.S. Assistance to Europe and Eurasia: Fact Sheets 2009. Bureau of European and Eurasian Affairs URL: www.state.gov/p/eur/ace/c11609.htm (дата обращения: 11 марта 2023).
- Фененко А. Центральнаяазиатская стратегия Обамы. Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=697#top-content (дата обращения: 20 марта 2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.09.2023

Received 25.09.2023

Поступила после рецензирования 28.11.2023

Revised 28.11.2023

Принята к публикации 28.11.2023

Accepted 28.11.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Комлякова Юлия Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Yulia Yu. Komlyakova, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0001-2587-026X](https://orcid.org/0009-0001-2587-026X)



УДК 902/904; 94(3)
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-936-948
Оригинальное исследование

Шведские археологические исследования на Кипре

Болгов Н.Н. , Шелудченко Ю.В. 

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14
E-mail: bolgov@bsu.edu.ru, sheludchenko@bsu.edu.ru

Аннотация. В работе предпринята попытка дать систематический очерк археологических исследований древностей Кипра шведскими археологами. Работа Шведской Кипрской экспедиции под руководством Эйнара Гьёрстада в 1927–1931 гг. представляет собой один из наиболее успешных проектов такого рода, не имеющих себе равных в классической археологии как по замыслу, так и по исполнению и полученным и опубликованным результатам, по своей масштабности и интенсивности. Второй цикл связан с раскопками 1940-х гг. под руководством А. Фюрюмарка. Наконец, с 1970-х гг. продолжается третий цикл работ на памятнике Дромолаксия (Хала-Султан-Текке), продолжающийся и поныне. Конечно, третий этап можно считать наиболее длительным, но он сосредоточен на изучении лишь одного памятника, тогда как первая экспедиция Гьёрстада исследовала большое количество памятников, находящихся в хронологическом диапазоне от бронзового века до римского времени.

Ключевые слова: Кипр, античность, римский период, ранневизантийское время, археология, город, Шведская экспедиция

Для цитирования: Болгов Н.Н., Шелудченко Ю.В. 2023. Шведские археологические исследования на Кипре. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 936–948. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-936-948

Swedish Archaeological Research in Cyprus

Nikolay N. Bolgov , Yulia V. Sheludchenko 

Belgorod State National Research University,
14 Studencheskaya St., Belgorod 308007, Russia
E-mail: bolgov@bsu.edu.ru, sheludchenko@bsu.edu.ru

Abstract. The work attempts to give a systematic outline of the archaeological research of the Cypriot antiquities by Swedish archaeologists. The work of the Swedish Cyprus Expedition under the leadership of Einar Gjerstad in 1927–1931 represents one of the most successful projects of this kind, unrivaled in classical archeology both in design and execution and in the scale and intensity of the results obtained and published. The second cycle is associated with excavations in the 1940s. under the leadership of A. Furumark. Finally, since the 1970s. The third cycle of work on the Dromolaxia monument (Hala Sultan Tekke) continues. Of course, the third stage can be considered the longest, but it is focused on the study of only one monument, whereas the first Gjerstad expedition examined a large number of monuments located in the chronological range from the Bronze Age to Roman times. This article continues the earlier work on the history and archeology of the island.

Key words: Cyprus, antiquity, Roman period, early Byzantine times, archeology, city, Swedish expedition

For citation: Bolgov N.N., Sheludchenko Yu.V. 2023. Swedish Archaeological Research in Cyprus. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 936–948 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-936-948

Введение

Фундаментальные работы Шведской Кипрской экспедиции (SCE) способствовали превращению кипрской археологии в систематическую академическую дисциплину и привлекли внимание и интерес нескольких исследователей и учреждений по всему миру [Leridou, 2007, p. 20], став образцовыми работами такого рода как по объему и рекордным срокам, так и по качеству публикаций. При этом классическая археология в Швеции имела давние традиции, заложенные еще в предшествующие столетия [Жестоканов, 2013, с. 454–455].

Результаты и их обсуждение

Своеобразной разведкой боем и подготовительным этапом здесь следует считать поездку археолога Эйнара Гьёрстада на Кипр по приглашению шведского консула Луки З. Пиеридеса, члена Археологического Совета Кипра, для изучения культуры и археологии острова и его первые исследования в 1923–1924 гг. Кипр в это время был британской колонией и нуждался в новых современных научных раскопках, а не грабительских поисках сокровищ подобно деятельности Л. Чеснолы.

Гьёрстад провёл небольшие разведки и шурфовки в следующих местах: Аламбра, Калопсидха, Николидес и Френарос. После этого был создан комитет для формирования и руководства Кипрской археологической экспедицией под председательством наследного принца Густава Адольфа [Vougiannis, 2021, p. 66].

Основной цикл, собственно работы SCE, охватывает время с 1927 по 1931 гг. В 1927 г. экспедиция, включавшая, помимо руководителя, археологов Альфреда Вестхольма (1904–1996), Эрика Шёквиста (1903–1975) и архитектора Йона Линдроса (1898–1961) начала раскопки в Лапифе. По сути, эта команда специалистов отвечала всецело за научную часть, так как землекопами выступали местные жители.



Рис. 1. Шведская Кипрская экспедиция 1930 г., слева направо: Йон Линдрос, Альфред Вестхольм, Эрик Съёквист и Эйнар Гьёрстад

Fig. 1. Swedish Cyprus Expedition 1930, from left to right: Jon Lindros, Alfred Westholm, Erik Sjöqvist and Einar Gjerstad

Экспедиция была направлена на максимально полное изучение древней культуры Кипра [Göransson, 2012, p. 399–421]. Экспедицией руководил Эйнар Гьёрстад – выдающийся шведский археолог (1897–1988), который специализировался на средиземноморской древности и наиболее известен своими работами на Кипре и исследованиями раннего Рима.



Рис. 2. Эйнар Гьёрстад
Fig. 2. Einar Gjørstad

Результат был впечатляющим: за четыре года экспедицией было раскопано 22 объекта: это *Амафунт*, Айя Ирины, Айос Иаков, Айос Фока, *Энкоми*, *Идалион*, *Китион*, Кунтура Трахония, *Хитры (Кифрея)*, *Ланиф*, *Марион*, Мерсинаки, Милия, Нета, Нитовикла, Оура, Палеоскутелла, Петра-ту-Лимнити, *Солы*, Стилли, Трахонас и *Вуни*⁶⁶.

Поскольку некоторые памятники состояли из нескольких отдельных мест раскопок, то результаты SCE становятся еще более выдающимися.

подавляющее большинство памятников, раскопанных ГЭК в 1927–1931 гг., были изучены и надлежащим образом опубликованы на самом современном уровне тогдашней науки. Из этого общего правила эффективности есть лишь четыре исключения: Айос Фокас, Милия, Нета и Оура, не дошедшие до стадии публикации, в том числе и потому, что в некоторых случаях находки были слишком повреждены и распались (Оура). Они известны либо по спискам находок в архивах SCE, либо по представлению очень небольшого количества артефактов, в основном скульптур, в каталоге музея Medelhavsuseet 2003 г. [Bourogiannis, 2021, p. 68].

Поэтому неудивительно, что раскопки SCE заложили основу почти для всех аспектов кипрской археологии и до сих пор являются центром внимания современных исследований. Более того, тот факт, что SCE исследовала некоторые памятники, раскопанные Чеснолой за несколько десятилетий до того, такие как Китион и Идалион, также помогло восстановить их археологические особенности и раннюю историю.

Все раскопки SCE проливают свет на новые или малоизвестные аспекты кипрской археологии. Поэтому их археологическое и историческое значение было решающим. Трудно и, конечно, неправильно пытаться выделить какой-либо из них как более достойный внимания.

Тем не менее можно отметить самое главное:

- археологические исследования *Петра-ту-Лимнити* обнаружили остатки неолитической культуры Кипра;
- погребения *Энкоми* отражали богатство и коммерческую жизнеспособность острова в эпоху поздней бронзы;
- погребения *Ланифа* оказались основным источником кипрских керамических изделий бронзового и железного веков;
- *Китион* помог прояснить финикийский элемент Кипра;

⁶⁶ Курсивом выделены городские центры и дворцовый комплекс Вуни.

– *Марион* представил очень хороший пример греческого культурного влияния в западной части острова;

– *дворец Вуни* дал наиболее впечатляющий пример административной архитектуры начала V вв. до н. э. [Bourogiannis, 2021, p. 68].

Однако самой выдающейся находкой SCE стало открытие загородного святилища некоего хтонического божества в **Айя-Ирини** (на северо-востоке острова), раскопанное шведскими археологами в 1929 г. Оно знаменито, прежде всего, своей «терракотовой армией» эпохи архаики [Hill, 1940, t. 1, p. 61], представленной в Кипрском музее в Никосии. Было обнаружено практически неповрежденными *in situ* более 2 000 терракотовых фигур, расположенных концентрическими полукружиями перед жертвенником. Среди фигур есть совсем крошечные, а есть статуи в человеческий рост. Есть быки, воины на боевых колесницах, раненые и здоровые, все поклоняющиеся неизвестному божеству. Айя Ирини предоставила уникально сохранившийся (и раскопанный) пример «сельской» культовой архитектуры Кипра, а также уникальную парадигму того, как такие культовые места могли помочь сформировать политическую географию Кипра раннего железного века [Bourogiannis, 2021, p. 69].

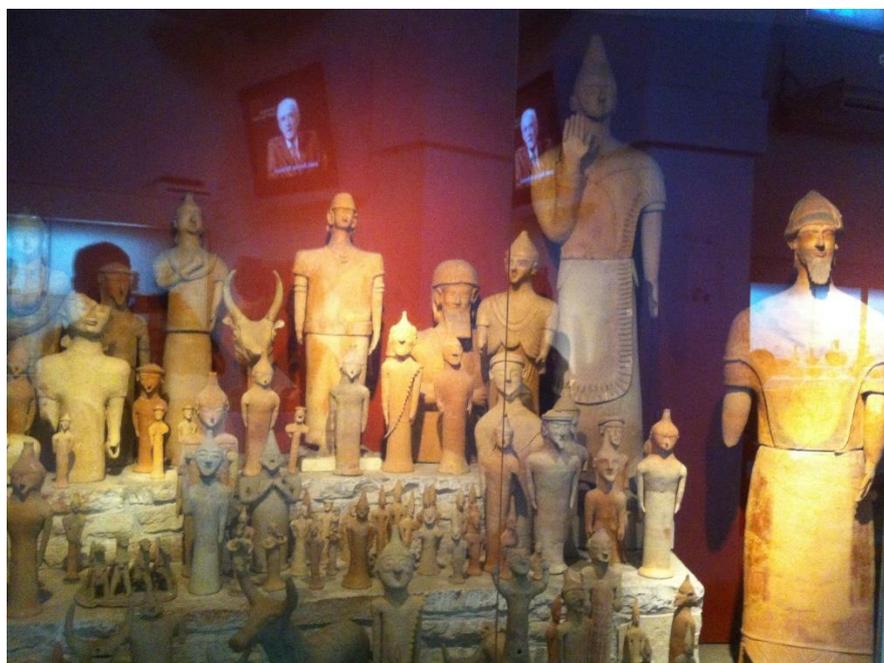


Рис. 3. «Терракотовое войско» из Айя-Ирини. Кипрский музей. Фото Н.Н. Болгова
Fig. 3. “Terracotta Army” from Ayia Irini. Cyprus Museum. Photo by N.N. Bolgov

Краткая характеристика прочих памятников целесообразнее всего может быть построена в их примерном хронологическом порядке.

На островке **Петра-ту-Лимнити** в заливе Морфу на северо-западе острова обнаружено поселение *докерамического неолита*, датируемое 5800–5250 гг. до н. э. Это один из наиболее ранних по хронологии объектов, исследованный шведскими археологами. Обитатели поселения жили в круглых в плане домах и хоронили умерших в ямах под полом своих жилищ.

Крепость **Нитовикла** обнаружили в результате работ Шведско-кипрской экспедиции на полуострове Карпасия на северо-востоке острова. Время постройки крепости относят к *середине бронзового века*, а точнее к XVII–XV векам до н. э. В 1725–1450 гг. до н. э. крепость защищала прилегавшие к ней районы от набегов «народов моря». Ее можно назвать одной из самых необычных древних крепостей мира. Это один из важных памят-

ников архитектуры этеокиприотов. Предположительно крепость была разрушена и потом построена заново в XVI в. до н. э.

Крепость располагалась на невысоком холме. Некоторые наиболее крупные камни всегда были видны на поверхности, а само место носило явно выраженный фортификационный характер. В 1928 г. Шведская Кипрская экспедиция обнаружила небольшое захоронение. В 1929 г. начались раскопки некрополя, в результате которых обнаружили 12 погребений. К сожалению, погребения были разграблены ранее. Лишь три из них оказались нетронутыми. Все они датировались периодом средней бронзы (1725–1600 гг. до н. э.).

Далее археологические изыскания были продолжены на фортификационном сооружении. Первым было открыто квадратное здание циклопической кладки. В целом крепость Нитовикла представляла собой массивное прямоугольное строение с четырьмя башнями. Три мощные сторожевые башни размещались в углах. Еще одна дополняла угловую башню и возвышалась непосредственно у входа в крепость, прочно оберегая его от нападения врагов [Steel, 2012, p. 810]. Функцию крыши выполняли, по всей видимости, деревянные платформы, где располагались стражи.

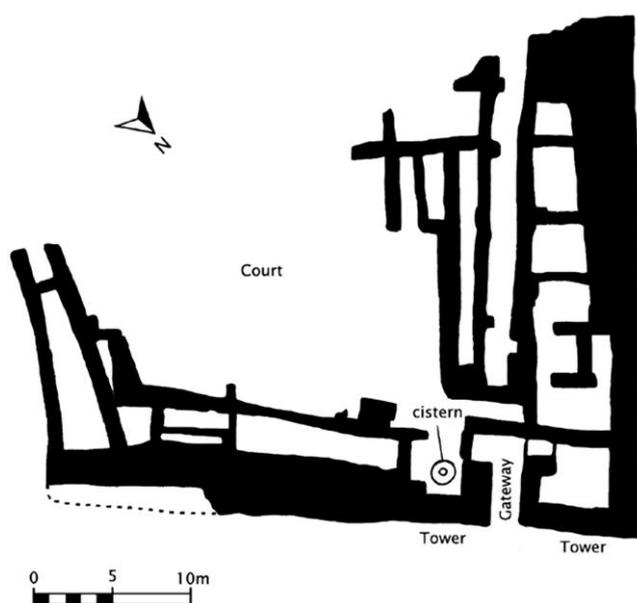


Рис. 4. План крепости Нитовикла [Steel, 2012, p. 810]
Fig. 4. Plan of the Nitovikla fortress [Steel, 2012, p. 810]

Крепость Нитовикла имела очень выгодное расположение. Она защищала морской берег на пересечении южных и северных дорог, по которым поставлялась медь.

К настоящему времени раскопаны участки стен в восточной части комплекса, руины входных ворот и остатки башен. Основные укрепления лежат на западе и располагаются на самой высокой точке комплекса. Хотя стены представляют из себя руины, но и сегодня можно увидеть большую перемышку, которая была над главными воротами. Внутри можно увидеть большой двор с входами в комнаты с плоскими крышами, выступающими в качестве платформ для стражей, охранявших стены [Peltenburg, 2008, p. 145–157].

Энкоми – важнейший памятник Кипра эпохи *поздней бронзы*. Это место было обнаружено в 1870 г. братьями Пальма ди Чеснола. После примерно десятилетия разграбления систематические раскопки начались здесь (на некрополе) в 1896 г. английским археологом А. Стюартом Мюрреем. Было исследовано более 100 погребений. Раскопки возобновились в 1913 г. Дж. Майерсом и М. Маркидесом. Таким образом, шведы здесь лишь включились в исследования большого и многослойного памятника. Тем не менее и здесь они смогли внести свою важную лепту. Само городище со стенами, святилищами и домами

было открыто в 1930-е гг. французской экспедицией К.Ф.А. Шеффера (а затем П. Дикайоса [Dikaios, 1969; Dikaios, 1971]) [Коровина, Сидорова, 1973, с. 24–31], так что шведы в его исследованиях практически не участвовали.

Лапиф. Раскопки шведских исследователей, сосредоточенные на ряде погребений *раннего бронзового века и геометрического периода* [Diakou, 2013], начались в 1927 г., однако вскоре здесь шведские археологи вступили в конкуренцию с американскими (с 1931 г.) и в конечном итоге уступили им поле деятельности.

Амафунт. В 1930 г. шведская экспедиция обнаружила 26 гробниц (вдобавок к открытым ранее) своеобразной формы и конструкции, состоящих из прямоугольной вырубленной в скале шахты, перекрытой каменными плитами. Эти шахтные могилы датируются *от кипро-геометрического I до кипро-архаического I*.

Исследователи сравнили эти гробницы с камерами в микенском стиле, которые считались нормой на большинстве кипрских некрополей во время кипро-геометрического I–II периода, и предположили, что амафунтские гробницы были старше по типологическим признакам. Следовательно, их следует отнести к древнейшим обитателям острова. Этот вывод подкреплялся ссылками на древнегреческие тексты, в которых утверждалось, что амафунтцы составляли автохтонное население Кипра.

Было высказано предположение о значительной дифференциации между двумя этническими группами на раннем уровне взаимодействия. Считалось, что постепенное смягчение этого контраста в архитектуре погребений, которое было проиллюстрировано появлением этеокипрских шахтных гробниц в Кастресе, означает постепенную ассимиляцию микенской и этеокипрской культур.

Первоначально рассматриваемые Э. Гьёрстадом как культурно сильное и сопротивляющееся большинство, этеокиприоты в конечном итоге стали рассматриваться как «остатки прошлого, которое было радикально изменено превосходящими греческими колонизирующими силами в эпоху поздней бронзы»⁶⁷.

Идалион. С 1927 г. шведская экспедиция проделала большую работу в Идалионе. Была раскопана большая часть западного акрополя и остатки крепостной стены. Они определили шесть различных периодов строительства. Периоды 1–3 датируются *позднекипрским III* периодом, когда, по-видимому, сформировалось городское царство Идалиона. Считалось, что периоды 4–6 принадлежат времени от *кипро-геометрического III до кипро-архаического II*.

Дворец на западной террасе, первоначально обнаруженный в конце раскопок шведской кипрской экспедиции, был доследован американскими археологами. Очевидно, его расцвет приходится на V–IV вв. до н. э., и он был, вероятно, административным центром Идалиона [Tatton-Brown, 2002, p. 244].

Китион (Ларнака). Первые систематические раскопки участка *Бамбула (Китион I)* были предприняты шведской Кипрской археологической экспедицией в 1929 г. под руководством Гьёрстада [Gjerstad, 1979, p. 230–254]. Участок расположен примерно в 50 м к северу от музея Ларнаки и ныне составляет с ним единый комплекс. Бамбула находится несколько к северу от нынешнего центра Ларнаки и в нескольких сотнях метров от современной береговой линии. В древности участок находился на южной и западной окраинах защищенной гавани. Главное достижение – открытие храма Мелькарта-Геракла *финикийского (архаического) времени*.

Хитры. В Никосии хранится 40 небольших (32×18×8 см) ящиков с неопубликованными материалами шведской Кипрской экспедиции. В ящиках были обнаружены скульптуры из камня, терракоты и глиняной посуды. Черепки и стиль скульптуры относят материал к железному веку. Для большинства датированных артефактов можно предположить

⁶⁷ Вместе с тем этеокипрская гипотеза, несмотря на абсолютную логичность, остается гипотезой, в которой иногда сомневаются [Petit, 1999, p. 108–120].



архаическую датировку. Скульптуры принадлежат к типам, известным из святилищ железного века; их преобладание в комплексе свидетельствует о святилище. Маркировка на всех коробках гласит: «Теменос Кифреи» (Хитр) [Kosi, 1993].

15 июня 1927 г. экспедиция получила разрешение на проведение раскопок. Теменос Кифреи был лишь поверхностно обследован, вероятно, самим Гьёрстадом.

Сведений о полевых исследованиях этого объекта нет. В письме от 31 июля 1991 г. Альфред Вестхольм указал, что он не помнит места, которое было раскопано на Кифрее, кроме энеолитической деревни.

По архивным материалам известно, что Эйнар Гьерстад 7 ноября 1929 г. обратился к министру по делам колоний с просьбой провести раскопки от имени Шведского археологического общества Стокгольма в районе Айос-Деметрианос недалеко от деревни Кифрея. 21 октября 1930 г. было дано разрешение на проведение раскопок сроком на два года, начиная с 21 октября 1930 г. и заканчивая 20 октября 1932 г. [Göransson, 2012, p. 399–421].

Район исследования шведской экспедиции был указан следующим образом: «Район деревни Кифрея, местность Айос Деметрианос». Отсутствие дополнительной стратиграфической информации позволяет предположить, что материал был получен в результате разведочной наземной съемки. В Айос Деметрианос, в полумиле к западу на юго-запад от кипрской деревни Кифрея, исследователи помещали древний город Хитры. Этот район был хорошо известен своим богатством археологических материалов – «поверхностным покрытием из черепков и других предметов, не говоря уже о разбросанных камнях и терракотовых черепицах от разрушенных домов». Хитры привлекли внимание экспедиции, потому что из исследований XIX в. было известно, что она богата археологическими находками [Болгов, 2023, с. 52].

Однако вскоре от планов полноценных раскопок здесь по какой-то причине отказались [Gjerstad, Schaeffer, 1931, p. 58–66].

Вуни. Знаменитый дворцовый комплекс начала V в. до н. э. в Вуни на северо-западе острова (*конец кипро-архаического времени и рубеж кипро-классического*) был открыт раскопками 1928 г. [Савельев, 1965, с. 79–86; Коровина, Сидорова, 1973, с. 42–49; Майер, 2017, с. 363; Gjerstad, 1932, p. 145–171]. Это один из наиболее ярких образцов раскопок в классической археологии.

Шведы также раскопали *кипро-архаическое и эллинистическое* святилище Аполлона и Афины в **Мерсинаки**, которое находится между холмами ниже Вуни и к западу от городища Сол.

Марион был также частично исследован шведской экспедицией в *доэллинистической* части (в эллинистическое время город был переоснован как Арсиноэ). Однако теперь эти работы в большой мере перекрыты американскими раскопками 1984–2005 гг.

Солы. Раскопки шведской Кипрской экспедиции в Солах начались в октябре 1927 г. с приоритетом поиска храма Афродиты и Исиды, о которых упоминал Страбон. Археологи сделали несколько пробных траншей, но не нашли вышеупомянутого храма. В других районах города пробные траншеи показали, что существовал теменос с очень плохо сохранившимся храмом, а к северу от ворот теменоса был открыт еще один большой ров. Были обнаружены многочисленные прямые стены, в которых археологи предположили часть дворцового комплекса, подобного тому, что в Вуни, и, вероятно, датируемого тем же периодом. Однако это место никогда не подвергалось тщательному исследованию.

Шведам удалось проследить большую часть так называемой стены «акрополя» и сооружения гавани. На вершине «акрополя» были обнаружены остатки очень плохо сохранившегося *эллинистического или римского времени* – храма, а чуть ниже – римский театр, открытый в 1930 г. и который затем был исследован кипрским Департаментом древностей. Это единственный римский театр, который был раскопан на Кипре. Он кажется римским с самого начала и относится к концу II или началу III в.

Шведы вели наиболее интенсивную работу к западу от самого города, в храмах, расположенных на соседнем холме Холадес [Papantoniou, 2012, p. 166]. Район был обследован с ноября 1930 до конца февраля 1931 г. Археологи обнаружили ряд храмов под номерами А–F, несколько раз перестроенных в течение 4-х периодов. Находки скульптуры из мрамора и известняка особенно выразительны. SCE сделал вывод из находок, что храмы А и В были синхронны и посвящены Афродите и Кибеле. Храмы С и D были посвящены Исиде, а храм Е – Серапису, Каноусу и Эросу. Храм F, вероятно, был посвящен Митре. Храмы датируются эллинистическим и римским периодами. Сегодня на этом месте ничего не видно, так как с тех пор участок был засыпан [Supern och Kreta; Papantoniou, 2012, p. 167–171].

Не менее, если не более важным для систематических раскопок, проводимых SCE, была оперативная публикация материалов, полученных за четыре года экспедиции.

Результаты работ были опубликованы в четырех томах с 1934 по 1972 г. [SCE I. 1934; SCE. II. 1935; SCE. III. 1937; SCE. IV, 2. 1948; SCE. IV, 1A. 1962; SCE. IV, 1B. 1972; SCE. IV, 1C. 1972; SCE. IV, 1D. 1972; SCE. IV, 3. 1959].

Большая часть находок сейчас хранится в Музее Кипра в Никосии и Музее искусств Медельхавсмузет в Стокгольме [Winbladh, 1994]. Всего было раскопано 30 поселений и 375 погребений, было обнаружено около 18 тысяч находок. И все это было системно опубликовано, получив прозвище «Библии кипрской археологии».

С 1935 по 1940 г. Гьёрстад работал директором Шведского института классических исследований в Риме. С 1953 по 1973 г. он опубликовал важную сводку в 6 томах археологических материалов, обнаруженных в археологической зоне старого форума Рима, дав датировку и теорию основания Рима. Ему во многом принадлежит заслуга доказательств историчности наиболее ранней истории Рима.

Но к кипрской тематике исследователь продолжал обращаться и в дальнейшем. Основные работы Гьёрстада по Кипру включают отдельные статьи [Gjerstad, 1928, p. 189–191; Gjerstad, 1932, p. 145–171; Gjerstad, 1944, p. 107–123; Gjerstad, 1979, p. 89–93; Gjerstad, 1979, p. 230–254; Åström, 1985, p. 9–14] и обобщающие исследования [Gjerstad, 1926; Gjerstad, 1977], мемуары [Gjerstad, 1980].

Вторая волна шведских археологических исследований имела место в 1940-е гг., когда А. Фюрюмарк (1903–1982) провел важные раскопки поселения Синда микенского времени на равнине Месаории [Furumark, 1965, p. 99–116], продолжив шведские исследования. Это небольшое поселение дало большое количество микенской керамики III:1b местного производства. Она была типичной для Греции в 1200–1150 гг. до н. э. [Adelman, 2003].

В 1970-х гг. работы шведских археологов на Кипре возобновились под руководством Пауля Острёма (1929–2008) [Åström, 1994]. Их можно считать *третьим этапом* исследований. После его безвременной кончины руководство работами перешло к Петеру Фишеру, имевшему опыт работ в Иордании и Палестине.

Дромолаксия (Хала-Султан-Текке). В ходе раскопок последнего цикла, ведущихся Гётеборгским университетом в Дромолаксии-Визакии (район мечети Хала-Султан-Текке южнее Ларнаки) исследуется крупное портовое поселение позднего бронзового века площадью не менее 50 гектаров, которое процветало с 1600 по 1100 гг. до н. э.

В сезоне 2023 г. обнаружены три гробницы, предварительно датируемые XIV в. до н. э. «Разумно предположить, что это были царские гробницы», – считает руководитель экспедиции Петер Фишер. Предположительно, в гробницах были погребены правители расположенного в этих местах города, который был центром торговли медью в период с 1500 по 1300 г. до н. э.



Более подробная информация содержится пока лишь в информационных сообщениях СМИ, полноценные научные публикации еще не вышли. Тем не менее предварительно можно отметить следующее.

Погребения с сокровищами, открытые в 2023 г., содержали более 500 артефактов из керамики, слоновой кости и драгоценных камней, в их числе изделия из Балтийского региона. Гробницы, расположенные за пределами города бронзового века площадью 50 гектаров, состоят из подземных камер, доступ к которым осуществляется через узкий проход с поверхности.

Почти половина найденных предметов инвентаря – привозные. В частности, золото и слоновая кость были завезены из Египта, лазурит, сердолик и бирюза – из Афганистана, Индии и с Синая. Предметы из янтаря – с Балтики, керамические сосуды – из Греции и Малой Азии, Сирии, Палестины и Египта. Кроме того, в гробницах найдены хорошо сохранившиеся скелеты мужчин, женщин и годовалого ребенка с керамической игрушкой. На некоторых были надеты диадемы, на других – ожерелья с подвесками, сделанными в Египте во времена Тутмоса III и Аменхотепа IV. Диадемы украшают рельефные изображения быков, газелей, львов и цветов.

К числу ценных находок относятся целиком сохранившиеся керамические сосуды с росписями, среди которых, в частности, изображения животных и религиозные символы. На одном из сосудов изображены люди, сидящие в колеснице, запряженной парой лошадей, на одной из ваз – женщина в разукрашенном платье, возможно, богиня. Часть сосудов была привезена из материковой Греции, они датируются 1500–1300 гг. до н. э. Изображение женщины относится к минойской культуре, но сосуд привезен из материковой Греции. Другой важной находкой оказались египетские скарабеи. На одном из них было вырезано изображение фараона и надпись: «Мен-хепер-Ра», одно из имен Тутмоса III.

Археологи также обнаружили в Хала-Султан-Текке доказательство того, что в городе существовало производство тканей, которые окрашивались в пурпурный цвет.

Ученые считают, что богатством правители города были обязаны находившимся неподалеку, в горах, медным рудникам. Медь перерабатывали в городе, а затем продавали.

При раскопках памятника были также найдены остатки зданий античного времени, VI–I вв. до н. э.

Выводы

Со временем растет понимание того, что шведская Кипрская экспедиция была одной из наиболее хорошо организованных и тщательно и интенсивно проведенных. За 4 сезона работ были получены важнейшие научные результаты, а последующие исследования в значительной мере их только развивают.

Подтверждением этого служит то обстоятельство, что с конца XX в. активно публикуются работы о первой шведской экспедиции Гьёрстада (SCE) [Winbladh, 1997; Winbladh, 2016].

«В эпоху, когда эфемерные публикации стали пропуском к научному процветанию, работы Эйнара Гьёрстада и SCE останутся вечными вехами на пути к исторической истине» [Vourogianis, 2021, p. 72].

Список литературы

- Болгов Н.Н. 2023. Город Хитры на Кипре и его изучение. В: Церковно-исторические чтения. Круглый стол-3. Белгород, Эпицентр: 47–55.
- Жестоканов С.М. 2013. Классическая археология в Швеции. В: Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 13. СПб., СПбГУ: 447–458.
- Коровина А.К., Сидорова Н.А. 1973. Города Кипра. М., Искусство, 216.
- Майер Ф.-Г. Кипр и Финикия. 2017. В: Кембриджская история древнего мира. Т. VI, ч. 1. М., Ладомир, 358–401.



- Савельев Ю.А. 1965. Дворец в Вуни на Кипре. В: ВДИ. 1965. 2: 79–86.
- Adelman Ch.M. 2003. Swedish Excavations at Sinda, Cyprus: Excavations Conducted by Arne Furumark 1947–1948. Stockholm, Paul Åströms Förlag, 238.
- Åström P. 1985. Einar Gjerstad's Cypriote Publications. A Bibliography by Paul Åström. In: *Archaeologia Cypria*. I: 9–14.
- Åström P. 1994. The Fantastic Years on Cyprus: The Swedish Cyprus Expedition and its Members. Stockholm, Publ. P. Åström, 55.
- Bourogiannis G. 2021. The Swedish Cyprus Expedition. A Unique Landmark in the Archaeology of Cyprus. In: *Cyprus. Crossroad of Civilizations*. Turin; London, Musei Reali: 64–72.
- Суперн och Kreta. Arkeologi & Konst. The Sites of the Swedish Cyprus Expedition – http://cypernochkreta.dinstudio.se/text1_100.html [дата обращения 22.11.2022]
- Diakou S. 2013. Lapithos: the Upper Geometric Cemetery. PhD Diss. Bryn Mawr College, 213.
- Dikaios P. 1969. Enkomi, Excavations 1948–1958. Vol. I: The Architectural Remains. The Tombs. Mainz, Philipp von Zabern, 438.
- Dikaios P. 1971. Enkomi, Excavations 1948–1958. Vol. II: Chronology, Summary and Conclusions, Catalogue and Appendices. Mainz, Philipp von Zabern, 502.
- Furumark A. 1965. The Excavations at Sinda. Some Historical Results. In: *Opuscula Atheniensia*. 6: 99–116.
- Gjerstad E. 1979. A Cypro-Greek Royal Marriage in the 8th Century B.C. In: *Studies Presented in Memory of P. Dikaios*. Nicosia, Lions Club, 89–93.
- Gjerstad E. et al. 1977. Greek Geometric and Archaic Pottery Found in Cyprus. Swedish Institute in Athens, Acta, Series in 4°, XXVI. Stockholm, Swedish Institute in Athens, 86.
- Gjerstad E. 1926. Studies on Prehistoric Cyprus. Uppsala, Univ. Arsskrift, 342.
- Gjerstad E. 1944. The Colonization of Cyprus in Greek Legend. In: *Opuscula Archaeologica*. 3: 107–123.
- Gjerstad E. 1932. The Palace at Vouni, A Study in Architectural History. In: *Corolla archaeologica principi hereditaria regni Suediae Gustavo Adolpho dedicata*, Skrifter utg. av Svenska institutet i Rom. Lund, Åkerström: 145–171.
- Gjerstad E. 1979. The Phoenician Colonization and Expansion in Cyprus. In: *Report of the Department of Antiquities Cyprus*. Nicosia, 230–254.
- Gjerstad E. 1928. The Swedish Excavations in Cyprus. In: *Antiquity*. 2: 189–191.
- Gjerstad E., Schaeffer F.-A. 1931. Summary of Swedish Excavations in Cyprus. In: *Syria*. T. 12, fasc. 1: 58–66.
- Gjerstad E. 1980. Ages and Days in Cyprus. *Studies in Mediterranean Archaeology*, Pocket-book 12. Göteborg, Paul Åström, 174.
- Göransson K. 2012. The Swedish Cyprus Expedition, The Cyprus Collections in Stockholm and the Swedish Excavations after the SCE. In: *Cahiers du Centre d'Etudes Chypriotes*. Vol. 42: 399–421.
- Hill G. 1940. *History of Cyprus*. T. 1. Cambridge, University Press, 418.
- Ikosi G. Kythrea Temenos. 1993. Unpublished Material from the Swedish Cyprus Expedition. – <https://medium.com/@gloriaikosi/kythrea-temenos-32f77d587fe1>
- Leriu A. 2007. The Hellenisation of Cyprus: Tracing its Beginnings (an Updated Version). In: *Patrimoines culturels en Méditerranée orientale: recherche scientifique et enjeux identitaires*. 1^{er} atelier (29 novembre 2007): Chypre, une stratigraphie de l'identité. Rencontres scientifiques en ligne de la Maison de l'Orient et de la Méditerranée, Lyon, 20–28.
- Papantoniou G. 2012. Religion and Social Transformations in Cyprus: from the Cypriot Basileis to the Hellenistic Strategos. Leiden; Boston, Brill, 347.
- Peltenburg E. 2008. Nitovikla and Tell el-Burak: Cypriot Mid-Second Millennium B.C. forts in Levantine Context. In: *Report of the Department of Antiquities of Cyprus*. Nicosia, 145–157.
- Petit T. 1999. Eteocypriot Myth and Amathousian Reality. In: *Journal of Mediterranean Archaeology*, 12: 108–120.
- Steel L. 2012. Cyprus. In: *The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean*. Oxford, University Press: 804–819.
- Tatton-Brown V. 2002. The Kingdom of Idalion. Lang's Excavations in the British Museum. In: *Cahiers du Centre d'Etudes Chypriotes*. Vol. 32. Lyon, 243–256.
- The Swedish Cyprus Expedition: Finds and Results of the Excavation in Cyprus 1927–1931. Vol. I. 1934. Stockholm, SCE, 664.



- The Swedish Cyprus Expedition: Finds and Results of the Excavation in Cyprus 1927–1931. Vol. II. 1935. Stockholm, SCE, 978.
- The Swedish Cyprus Expedition: Finds and Results of the Excavation in Cyprus 1927–1931. Vol. III. 1937. Stockholm, SCE, 779.
- The Swedish Cyprus Expedition: Vol. IV. Part 2. 1948. Stockholm, SCE, 543.
- The Swedish Cyprus Expedition. Vol. IV. Part 1A. 1962. The Stone Age and the Early Bronze Age in Cyprus. Lund, SCE, 446.
- The Swedish Cyprus Expedition. Vol. IV. Part 1B. 1972. The Middle Cypriote Bronze age. Lund, SCE, 307.
- The Swedish Cyprus expedition. Vol. IV. Part 1C. 1972. Architecture and pottery. Lund, SCE, 472.
- The Swedish Cyprus Expedition. Vol. IV. Part 1D. 1972. Other Arts and Crafts. Lund, SCE, 402.
- The Swedish Cyprus Expedition. Vol. IV. Part 3. 1959. The Hellenistic and Roman Periods in Cyprus. Stockholm, SCE, 264.
- Winbladh M.-L. Adventuring with Cyprus. A Chronicle of the Swedish Cyprus Expedition 1927–1931. 1997. Stockholm, Medelhavsmuseet, 224.
- Winbladh M.-L. 1994. The Cyprus collections in the Medelhavsmuseet. In: The Swedish Cyprus Expedition. The Living Past. Medelhavsmuseet Memoir 9. Stockholm, Medelhavsmuseet: 19–44.
- Winbladh M.-L. 2016. Adventuring Cyprus. Past and present of the Swedish Cyprus Expedition (1927–1931). In: The Northern Face of Cyprus. New Studies in Cypriot Archaeology and Art History. Istanbul, Ege Yayinlari: 299–326.

References

- Bolgov N.N. 2023. Gorod Hitry na Kipre i ego izuchenie [The Town of Khitrae in Cyprus and its Exploration]. V: Cerkovno-istoricheskie chteniya. Kruglyj stol-3 [Church Historical Readings. Round Table-3]. Belgorod, Epicentr: 47–55.
- Zhestokanov S.M. 2013. Klassicheskaya arheologiya v Shvecii [Classical Archeology in Sweden]. V: Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira [Mnemon. Research and Publications on the History of the Ancient World]. Vyp. 13. SPb., SPbGU: 447–458.
- Korovina A.K., Sidorova N.A. 1973. Goroda Kipra [Cities of Cyprus]. M., Iskusstvo, 216.
- Majer F.-G. Kipr i Finikiya [Cyprus and Phoenicia]. 2017. V: Kembridzhskaya istoriya drevnego mira [CAH]. T. VI, ch. 1. M., Ladomir, 358–401.
- Savel'ev Yu.A. 1965. Dvorec v Vuni na Kipre [Palace in Vouni in Cyprus]. V: VDI [Herald of Ancient History]. 1965. 2: 79–86.
- Adelman Ch.M. 2003. Swedish Excavations at Sinda, Cyprus: Excavations Conducted by Arne Furumark 1947–1948. Stockholm, Paul Åströms Förlag, 238.
- Åström P. 1985. Einar Gjerstad's Cypriote Publications. A Bibliography by Paul Åström. In: Archaeologia Cyprica. I: 9–14.
- Åström P. 1994. The Fantastic Years on Cyprus: The Swedish Cyprus Expedition and its Members. Stockholm, Publ. P. Åström, 55.
- Bourogianis G. 2021. The Swedish Cyprus Expedition. A Unique Landmark in the Archaeology of Cyprus. In: Cyprus. Crossroad of Civilizations. Turin; London, Musei Reali: 64–72.
- Cypern och Kreta. Arkeologi & Konst. The Sites of the Swedish Cyprus Expedition – http://cypernochkreta.dinstudio.se/text1_100.html [дата обращения 22.11.2022]
- Diakou S. 2013. Lapithos: the Upper Geometric Cemetery. PhD Diss. Bryn Mawr College, 213.
- Dikaios P. 1969. Enkomi, Excavations 1948–1958. Vol. I: The Architectural Remains. The Tombs. Mainz, Philipp von Zabern, 438.
- Dikaios P. 1971. Enkomi, Excavations 1948–1958. Vol. II: Chronology, Summary and Conclusions, Catalogue and Appendices. Mainz, Philipp von Zabern, 502.
- Furumark A. 1965. The Excavations at Sinda. Some Historical Results. In: Opuscula Atheniensia. 6: 99–116.
- Gjerstad E. 1979. A Cypro-Greek Royal Marriage in the 8th Century B.C. In: Studies Presented in Memory of P. Dikaios. Nicosia, Lions Club, 89–93.
- Gjerstad E. et al. 1977. Greek Geometric and Archaic Pottery Found in Cyprus. Swedish Institute in Athens, Acta, Series in 4°, XXVI. Stockholm, Swedish Institute in Athens, 86.
- Gjerstad E. 1926. Studies on Prehistoric Cyprus. Uppsala, Univ. Arsskrift, 342.
- Gjerstad E. 1944. The Colonization of Cyprus in Greek Legend. In: Opuscula Archaeologica. 3: 107–123.

- Gjerstad E. 1932. The Palace at Vouni, A Study in Architectural History. In: *Corolla archaeologica principi hereditaria regni Suediae Gustavo Adolpho dedicata*, Skrifter utg. av Svenska institutet i Rom. Lund, Åkerström: 145–171.
- Gjerstad E. 1979. The Phoenician Colonization and Expansion in Cyprus. In: Report of the Department of Antiquities Cyprus. Nicosia, 230–254.
- Gjerstad E. 1928. The Swedish Excavations in Cyprus. In: *Antiquity*. 2: 189–191.
- Gjerstad E., Schaeffer F.-A. 1931. Summary of Swedish Excavations in Cyprus. In: *Syria*. T. 12, fasc. 1: 58–66.
- Gjerstad E. 1980. Ages and Days in Cyprus. *Studies in Mediterranean Archaeology*, Pocket-book 12. Göteborg, Paul Åström, 174.
- Göransson K. 2012. The Swedish Cyprus Expedition, The Cyprus Collections in Stockholm and the Swedish Excavations after the SCE. In: *Cahiers du Centre d'Etudes Chypriotes*. Vol. 42: 399–421.
- Hill G. 1940. *History of Cyprus*. T. 1. Cambridge, University Press, 418.
- Ikosi G. Kythrea Temenos. 1993. Unpublished Material from the Swedish Cyprus Expedition. – <https://medium.com/@gloriaikosi/kythrea-temenos-32f77d587fe1>
- Leriu A. 2007. The Hellenisation of Cyprus: Tracing its Beginnings (an Updated Version). In: *Patrimoines culturels en Méditerranée orientale: recherche scientifique et enjeux identitaires*. 1^{er} atelier (29 novembre 2007): Chypre, une stratigraphie de l'identité. *Rencontres scientifiques en ligne de la Maison de l'Orient et de la Méditerranée*, Lyon, 20–28.
- Papantoniou G. 2012. Religion and Social Transformations in Cyprus: from the Cypriot Basileis to the Hellenistic Strategos. Leiden; Boston, Brill, 347.
- Peltenburg E. 2008. Nitovikla and Tell el-Burak: Cypriot Mid-Second Millennium B.C. forts in Levantine Context. In: Report of the Department of Antiquities of Cyprus. Nicosia, 145–157.
- Petit T. 1999. Eteocypriot Myth and Amathousian Reality. In: *Journal of Mediterranean Archaeology*, 12: 108–120.
- Steel L. 2012. Cyprus. In: *The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean*. Oxford, University Press: 804–819.
- Tatton-Brown V. 2002. The Kingdom of Idalion. Lang's Excavations in the British Museum. In: *Cahiers du Centre d'Etudes Chypriotes*. Vol. 32. Lyon, 243–256.
- The Swedish Cyprus Expedition: Finds and Results of the Excavation in Cyprus 1927–1931. Vol. I. 1934. Stockholm, SCE, 664.
- The Swedish Cyprus Expedition: Finds and Results of the Excavation in Cyprus 1927–1931. Vol. II. 1935. Stockholm, SCE, 978.
- The Swedish Cyprus Expedition: Finds and Results of the Excavation in Cyprus 1927–1931. Vol. III. 1937. Stockholm, SCE, 779.
- The Swedish Cyprus Expedition: Vol. IV. Part 2. 1948. Stockholm, SCE, 543.
- The Swedish Cyprus Expedition. Vol. IV. Part 1A. 1962. The Stone Age and the Early Bronze Age in Cyprus. Lund, SCE, 446.
- The Swedish Cyprus Expedition. Vol. IV. Part 1B. 1972. The Middle Cypriote Bronze age. Lund, SCE, 307.
- The Swedish Cyprus expedition. Vol. IV. Part 1C. 1972. Architecture and pottery. Lund, SCE, 472.
- The Swedish Cyprus Expedition. Vol. IV. Part 1D. 1972. Other Arts and Crafts. Lund, SCE, 402.
- The Swedish Cyprus Expedition. Vol. IV. Part 3. 1959. The Hellenistic and Roman Periods in Cyprus. Stockholm, SCE, 264.
- Winbladh M.-L. Adventuring with Cyprus. A Chronicle of the Swedish Cyprus Expedition 1927–1931. 1997. Stockholm, Medelhavsmuseet, 224.
- Winbladh M.-L. 1994. The Cyprus collections in the Medelhavsmuseet. In: *The Swedish Cyprus Expedition. The Living Past*. Medelhavsmuseet Memoir 9. Stockholm, Medelhavsmuseet: 19–44.
- Winbladh M.-L. 2016. Adventuring Cyprus. Past and present of the Swedish Cyprus Expedition (1927–1931). In: *The Northern Face of Cyprus. New Studies in Cypriot Archaeology and Art History*. Istanbul, Ege Yayinlari: 299–326.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.



Поступила в редакцию 10.11.2023
Поступила после рецензирования 01.12.2023
Принята к публикации 01.12.2023

Received 10.11.2023
Revised 01.12.2023
Accepted 01.12.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Болгов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-0478-5565](https://orcid.org/0000-0003-0478-5565)

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Шелудченко Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-3179-2402](https://orcid.org/0000-0003-3179-2402)

Yulia V. Sheludchenko, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer in the Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 93/94:(02):(655.4/.5):(930.253)

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-949-956

Оригинальное исследование

Воспитательные паттерны в детской литературе XVIII века как просветительский дискурс для дворянских отпрысков

Истомина И.В. , Шаповалова С.П. 

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: istimina_iv@bsu.edu.ru, shapovalova_s@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям воспитания молодых дворян в XVIII веке, где важную роль для формирования правильного поведенческого паттерна играла детская литература. Собственно, это являлось новацией в педагогическом дискурсе благородного сословия. Особенное место занимал нравоучительный рассказ, часто положенный на басенную основу, который был самой популярной формой детских произведений. С помощью простых сюжетов молодым людям показывали правильные и неверные решения, которые принимали герои, в основном тоже дети. Развитие нравственных качеств было центральной темой в этих произведениях. Благодаря незамысловатым сюжетным линиям поднималась важная тема взаимоотношений с родителями, другими взрослыми и сверстниками. Детская литература в XVIII веке была распространенным и очень эффективным элементом воспитания, привития тех нравственных качеств, которые культивировались в дворянской среде. Но ее сохранность была недостаточной, очень много произведений являются утерянными для исследователей.

Ключевые слова: нравоучительный рассказ, детская литература, молодой дворянин, нравственность

Для цитирования: Истомина И.В., Шаповалова С.П. 2023. Воспитательные паттерны в детской литературе XVIII века как просветительский дискурс для дворянских отпрысков. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 949–956. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-949-956

Educational Patterns in Children's Literature of the 18th Century as an Educational Discourse for Noble Offspring

Irina V. Istomina , Svetlana P. Shapovalova 

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: istimina_iv@bsu.edu.ru, shapovalova_s@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of young nobles in the 18th century, where children's literature played an important role in the formation of the correct behavioral pattern. Actually, this was an innovation in the pedagogical discourse of the noble class. A special place was occupied by the moral story, often based on a fable, which was the most popular form of children's works. With the help of simple plots,

© Истомина И.В., Шаповалова С.П., 2023



young people were shown the right and wrong decisions made by heroes, mostly children. The development of moral qualities was a central theme in these works. Through the simple storylines, the important topic of relationships with parents, other adults and peers was raised. Children's literature in the 18th century was a widespread and very effective element of education, instilling those moral qualities that were cultivated among the nobility. But its preservation was insufficient; many works are lost to researchers.

Keywords: moral story, children's literature, young nobleman, morality

For citation: Istomina I.V., Shapovalova S.P. 2023. Educational Patterns in Children's Literature of the 18th Century as an Educational Discourse for Noble Offspring. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 949–956 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-949-956

Введение

Данное направление исследования активно рассматривается в различных исторических трудах. В первую очередь необходимо отметить объемное исследование, вышедшее в 1927 году под ред. А.К. Покровской и Н.В. Чехова «Материалы по истории русской детской литературы» [Материалы по истории..., 1927]. Здесь представлен всесторонний анализ детской литературы с конца XVIII до середины XIX вв. Также особого внимания заслуживают труды А.Ю. Самарина, Е.Б. Кудрявцевой, М. Костюхиной [Костюхина, 2008; Кудрявцева, 2010; Самарин, 2015]. В них отражено отношение к книгам и культура воспитания молодых дворян, что является очень ценной информацией для нашего исследования. Отдельно стоит выделить сборник трудов «Собиратели книг в России», где представлен опыт библиофилов и можно ознакомиться с уникальными изданиями [Собиратели книг в России, 1988]. Таким образом, мы видим интерес к данной теме в различные исторические периоды. Но акцентуация литературы на мировоззрение дворянских отпрысков рассмотрена фрагментарно. Это, собственно, и обуславливает актуальность данного исследования.

Объекты и методы исследования

В качестве объекта настоящего исследования выступает детская литература XVIII века. Конкретным предметом для изучения послужили воспитательные паттерны в детской литературе XVIII века и их влияние на становление личности молодого дворянина.

Методологическая база исследования основывается на принципах историзма, предполагающих рассмотрение исторических явлений с позиций объективности, связи и преемственности процессов.

В ходе работы применялись следующие специальные методы исторического исследования: историко-генетический метод позволил рассмотреть сюжеты в детской литературе через призму от единичного к особенному; историко-сравнительный метод дал возможность сопоставить сюжеты переводные и оригинальные, а также рассмотреть процентное соотношение различных литературных произведений, публикуемых в XVIII веке, и выявить самые распространенные литературные формы.

Результаты и их обсуждение

В первой половине XVIII в. целью светских учебных заведений было дать профессиональное образование. Тогда не стоял вопрос о понимании и конструировании внутреннего мира ребенка и о его значимости. Важной была лишь подготовка к социальной роли. Необходимо отметить, что педагогика как наука в первой половине XVIII века в России находилась в зачаточном состоянии. Выходили работы В.Н. Татищева и И.Т. Посошкова, и хотя там отмечалась роль и образования, и воспитания, но внутренний мир ребенка опять же особо не рассматривался [Кудрявцева, 2010, с. 21].

Вопрос о зарождении детской литературы в России дискуссионный, но большинство исследователей сходятся во мнении, что она является социально-педагогическим фактором лишь во второй половине XVIII века. Но только с распространением французской модели воспитания детей и иностранцев-воспитателей тиражируются первые книги, предназначенные специально для детей и юношества из благородного сословия. Эти книги были исключительно на иностранных языках. И то не сразу создавались именно детские произведения, а шли по пути адаптации произведений для взрослых.

Первой такой книгой, вышедшей в 1776 году, считается сочинение Ф.Э. Рохова «Друг детей», а второй труд – И.Г. Кампе «Детская библиотека». Но уже в 1783 году А.С. Шишков сделал русский перевод «Детской библиотеки».

С. Аксаков в произведении «Детские годы Багрова-внука» восхищенно оценивает эту книгу: «Александр Семенович Шишков, без сомнения, оказал великую услугу переводом этой книжки, которая, несмотря на устарелость языка и нравоучительных приемов, до сих пор остается лучшею детской книгою...» [Аксаков, 1858, с. 68]

Необходимо детально рассмотреть, какие воспитательные аспекты присутствуют в этой книге. Важно отметить эталон отношений детей к родителям через литературных героев. Например, в лаконичном произведении из книги А.С. Шишкова «Брат и сестра» приведен диалог мальчика и девочки о тех подарках-игрушках, которые им подарили родители. И они очень дорожат этими подарками. Их диалог заканчивается фразой: «О, наши любезные родители, мы вас еще больше любим, нежели подарки, которыми вы нас так охотно увеселяете; мы вас больше всего любим» [Самая первая детская..., 2012, с. 11]. Воспитательный паттерн направлен на возвышение духовных связей и отношений к родителям, а не на принципе меркантильности. Необходимо отметить, что данный воспитательный дискурс имел глубокую традицию, но в литературном контексте он появляется именно в это время. Так, в 1717 году впервые было опубликовано наставление «Юности честное зеркало», в котором есть определенный свод правил для юного дворянина, где отношение к родителям является ключевой темой:

«У родителей речей перебивать не надлежит, и ниже прекословить, и других их сверстников в речи не впадать, но ожидать, пока они выговорят...»

«Когда родители или кто другие их спросят позовут, то должны они к ним отозваться и отвечать тотчас, как голос услышат. И потом сказать: «Что изволите, государь батюшка или государыня матушка...» [Юности честное зеркало, 1717, с. 3–4].

Стоит отметить, что взаимоотношения между родителями и детьми строились на основе определённого этикета. Отношения выстраивались по вертикали: старший – младший, властитель – подвластный [Мартианова, 2023, с. 47]. По воспоминаниям Е.П. Яньковой, дети «не смели прийти, когда вздумается, а приходили поутру здороваться, к обеду, к чаю, к ужину или когда позовут за чем-нибудь» [Рассказы бабушки, 1989, с. 24]. В.А. Соллогуб часто вспоминал правила взаимоотношений детей и взрослых, принятые в их доме. Он писал, что дети в присутствии родителей «держались почтительно и никогда не смели говорить «ты» ни отцу, ни матери» [Соллогуб, 1998, с. 31]. Вслед за родителями дети обязаны были почитать взрослых родственников и общаться с ними в исключительно уважительной манере, даже если между родителями и этими родственниками были натянутые отношения. Е.П. Янькова указывала, что ее отец был в ссоре со своей сестрой М.М. Волконской и не разговаривал с ней. Однако, невзирая на это, он посылал своих детей в праздники и именины поздравлять ее, говоря им, что «она ваша родная тетка, вы обязаны ее чтить, уважать и оказывать ей почтение, а что между нами, то нам двум и известно» [Рассказы бабушки, 1989, с. 24]

По ходу взросления детей суть их взаимоотношений с родителями не менялась. Поэтому можно утверждать, что все дворяне, чьи родители были живы, считались детьми независимо от возраста. Российская империя в XVIII веке – это страна с позднефеодальным жизненным укладом, а для феодального общества характерны подобные отношения



между поколениями [Мартианова, 2023, с. 49]. Детская литература была инструментом для закрепления таких взаимоотношений между родителями и детьми в дворянской среде. Но сами корни этих взаимоотношений можно увидеть еще в «Домострое».

В дворянской ментальности была своя четкая структура иерархии важнейших понятий. Сначала Бог, потом царь и за ним уже отец. Примечателен пример из воспоминаний Т.П. Пассек о том, как отец, наказав взрослого сына, сказал ему: «Кто не чтит родителей, тот не будет чтить ни Бога, ни долга» [Пассек, 1963, с. 17]. С появлением детской нравоучительной литературы этот паттерн послушания и иерархия важнейших ценностей укреплялись в сознании молодого дворянина.

Е.Б. Кудрявцева проанализировала 23 книги для детского чтения, чтобы выявить, какие нравственные ценности там доносили. В качестве исследовательского приема в процессе анализа источников условно ею было выделено 198 понятий, норм и чувств, и их она разделила на 6 групп. Более трети всех проблем, затрагиваемых детской литературой, относилась к проблемам нравственности. К этой группе были отнесены также психологические состояния человека, которые культивировали педагоги-просветители. Еще треть – воспитание чувств [Кудрявцева, 2010, с. 63].

Частота обращения к понятиям, ценностям, нормам, чувствам
Frequency of reference to concepts, values, norms, feelings

№	Группы ценностей, понятий, норм и чувств	Частота обращений	%
1	Нравственность и добродетель	1 308	40
2	Отношение к положению в обществе и богатству	726	22
3	Социальность и формы поведения	543	17
4	Отношение к разуму и знанию	358	12
5	Отношение к здоровью	235	7
6	Эстетические	71	2
7	Итого	3 241	100 %

Как мы видим, нравственность и добродетель активно пропагандировались молодому дворянскому поколению посредством детской литературы. В данном контексте необходимо дать определение понятию «нравственность». Нравственность – это внутренне состояние человека, выражающееся в отношении к другим [Кудрявцева, 2010, с. 64]. Для детской литературы это выражено в отношении к родителям, сверстникам, другим взрослым и окружающим. Необходимо дать и определение «добродетели»: добродетель – положительное нравственное качество, высокая нравственность [Толковый словарь С.И. Ожегова].

Основным жанром ранней детской литературы стал нравоучительный рассказ, напоминающий басню своей четко выраженной моралью. Герой его – ребенок, и его основная характеристика дается уже в заголовке: «Непослушное дитя», «Разумное дитя» и т. д. Такое название предполагает рассказ о поступке и его оценку. Другие сведения здесь излишни. О мухе, падающей в молоко, о ребенке, свалившемся в погреб, достаточно знать только то, что они были безрассудны. Главное отличие нравоучительного рассказа от басни состоит в том, что он предназначенся ребенку.

В книге А. Шишкова приводится стихотворение «Ягненок»:

Ягненок был резов,
Ягненка мать журила
И говорила:
«Не будь, мой сын, таков;
Когда ни есть во время грозно
Беды тебе не миновать»;

Тогда ты вспомнишь мать,
Да вспомнишь поздно». Ягненок был упрямым,
Не веря сим словам;
И там и сям
По камням, по кустам,
Он прыгал и скакал дотолле,
Покуда с горем и стыдом,
Бедняжка, ставши хром,
Уселся поневоле.

О дети, помните, что скорби и беды

Суть часто лишнего веселия плоды [Самая первая детская..., 2012, с. 20].

Здесь воспитательный паттерн весьма прямолинеен и положен на басенную основу нравоучительного рассказа. Родители являются авторитетом для детей, у них больше жизненного опыта и они желают своим детям добра, когда что-то запрещают. На примере ягненка демонстрируется ситуация негативного исхода для ребенка, который может слушаться родителей. В последних двух строках мы видим наставление автора о том, что излишнее детское веселие – это опасно. Дети должны соблюдать правила поведения. Басенная основа нравоучительного рассказа была удобна и отвечала установке детской литературы на обучение и воспитание: принести пользу книгой было главным желанием авторов и переводчиков [Костюхина, 2008, с. 16].

Отдельным сюжетом можно выделить дискурс о помощи нуждающимся, благотворительность. В «Детской библиотеке выделяется» рассказ-диалог «Разговор между Наташей, матерью и няней Наташиной»:

«Мать. Куда ты деньги свои девала?

Наташа. Я их отдала, матушка.

Мать. Кому?

Наташа. Одному мальчику.

Мать. Разве он тебе какую услугу оказал, или ты сжалилась над бедным его состоянием?

Наташа. Нет, сударыня.

Мать. Так ты наградила его за какое-нибудь доброе дело?

Наташа. Напротив, матушка; я для того отдала ему их, чтоб он впредь худого не делал. Ведь все птички принадлежат Богу?

Мать. Конечно, равно как и все прочие твари, им созданные.

Наташа. Ну так этот мальчик унес у Бога птицу и мне ее продать хотел. Бедная эта птичка билась у него в руках и кричала, а он зажимал ей носок, видно опасаясь, чтоб Бог не услышал и на него за этого не разгневался.

Мать. Что же ты сделала?

Наташа. Я отдала этому мальчику все свои деньги, а птичку отпустила на волю. Тот, чай, она теперь радуется! (Прыгает сама от радости).

Мать. Так, душа моя; и тебе одолжена она своей свободой.

Наташа. Может быть, мальчик принуждён был от недостатка это сделать.

Мать. Может быть.

Наташа (няне своей). Так я и хорошо сделала, что все деньги ему отдала.

Няня (матери). Мы между собой сорим. Наташа без счета все свои деньги отдала мальчику, не спросив, чего он за птичку хочет, а я говорю, что ей сего делать не надлежало.

Наташа. Кто из нас прав, матушка?



Мать. Ты не совсем права, душа моя; ну если б после того попался тебе другой мальчик с такой же птичкой, а у тебя бы денег уже больше не было?

Наташа. Тогда бы я к вам пришла, матушка.

Мать. А если б у меня не было?

Наташа. Ну тогда...

Мать. Надобно и для того иногда беречь, чтоб больше можно было сделать добра. Впрочем, вот тебе твои деньги назад.

Наташа. Благодарю, матушка.

Мать. И вот тебе еще поцелуй за то, что ты так жалостлива» [Самая первая детская..., 2012, с. 35]

Безусловно, это яркий пример нравственного поведения. По сути, нравственность здесь очень связана с понятием «совесть». А совесть иногда описывали как «глас Божий» внутри человека. На примере данного рассказа детям доносили важность таких качеств, как честность и нравственность. Важно, что мать не бранит Наташу за отданные по спорной причине мальчику деньги, а наоборот, хвалит ее и называет «жалостливой». Таким образом, мы видим, что такое поведение в дворянском обществе поощрялось и идеи добродетелей активно пропагандировались.

Отдельно следует выделить такую яркую историческую личность, как Г.Н. Теплов. Он был видным сановником при дворе Елизаветы Петровны и Екатерины II, также являлся статс-секретарём Академии наук. В 1760 году он опубликовал «Наставление сыну». Это документ историко-педагогического значения, который написан в форме поучений. Принцип изложения похож на «Юности честное зерцало»:

«Правило 1-е: будь добросердечен. Первое и главное для всей жизни человеческой счастье – сердце праводушное, благополучен тот будет навеки, кто с добросердечием родился и кто сей природы не токмо худыми примерами не потерял, но еще воспитанием в душе своей паче утвердил...» [Антология педагогической мысли, 1985, с. 203].

«Наставление сыну» – это своеобразный кодекс нравственных норм и правил поведения. Теплов выделяет 21 правило, и, как мы видим, самым первым, а значит, и самым важным он отмечает добросердечие.

Таким образом, и детская литература, и педагогические взгляды в России в этот период работали «в одной связке» для единой цели – воспитать нравственного и добродетельного дворянина.

Необходимо отметить не только книги для детей, но и еженедельный журнал «Детское чтение для сердца и разума», который в конце XVIII века имел колоссальную популярность среди молодого поколения. Это был первый детский журнал. Его издание не имело зарубежных аналогов. «Детское чтение» выходило в течение 5 лет, с 1785 по 1789 год. Всего вышло 20 частей. Интересно, что здесь были не только переводные статьи, но и оригинальные. Текст написан очень ярким и простым языком, что сразу понравилось детям. Переводные статьи составляли более 80 %. Это были переводы с французского и немецкого. В произведениях, которые печатались в журнале Н.И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума», отдельное место занимало нравственное воспитание молодежи. Давались необходимые установки для почитания Бога, монарха, отца, ближних своих. Отдельным блоком идет информация о сохранении здоровья и полезных привычках. Также печаталась информация энциклопедического плана (об известных людях, природе, других странах) [Детское чтение для сердца и разума].

В «Материалах по истории русской детской литературы» проанализированы произведения для детей, которые выходили в России с 1747 по 1799 гг. В процентном соотношении 40 % – это нравоучительные рассказы, т. е. они составляли основу русской детской литературы. Всего их насчитывалось 83 (оригинальных из них 20, остальные переводные). 33 % составляли научно-популярные статьи, 15 % – повести и рассказы. Басни составляли

всего 3 %. Остальное приходилось на сказки, драматические произведения, игры и забавы [Материалы по истории..., 1927, с. 27].

Вероятнее всего, эти данные объективны лишь частично, так как исследователи столкнулись с заметной проблемой при анализе количества книг. Детские книги в XVIII веке ценились очень мало и никем особо не собирались. Они были дешевы, не очень качественны и какой-либо ценности для современников не представляли. Таким образом, многие книги были просто утеряны для исследователей. Сведения об авторах этих книг тоже фрагментарны.

Заключение

Таким образом, прослеживается устойчивая связь между традиционным воспитанием в дворянских семьях, которое поддерживалось с помощью педагогической мысли и детской литературы. Последняя демонстрировала молодым дворянам правильные жизненные установки поведения в различных ситуациях. Литература была дополнительным инструментом для влияния на мировоззрение детей с помощью нравоучительных рассказов, герои которых тоже были детьми и показывали верный вектор поведения в дворянском обществе. Книги для детей оказали большое влияние на формирование необходимых ценностей, т. к. были очень доступны и популярны. К сожалению, работа с данным видом источников сложна из-за их определенной утраченности. Поэтому большое количество детских литературных произведений XVIII в. на сегодня неизвестно. В то же время необходимо отметить, что детская литература стала заметным культурным и педагогическим феноменом именно в середине – конце XVIII в. До этого периода ее не существовало.

Список источников

- Аксаков С.Т. 1858. Детские годы Багрова-внука. М., «АСТ», 416 с.
- Детское чтение для сердца и разума. 1819. Ч. 1–2. Изд. 2-е. М., типография С. Селивановского, 239 с. Ч. 1 и 2 сплетены в один том.
- Детское чтение для сердца и разума. 1789. Ч. XIX. [№ 27–39]. М., Унив. тип., у Новикова, 206 с.
- Детское чтение для сердца и разума. 1789. Ч. XIX. [№ 40–52]. М., Унив. тип., у Новикова, 208 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 2000. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., Азбуковник, 940 с.
- Пассек Т.П. 1905. Из дальних лет: В 2 т. СПб., Издательство А. Маркса, 432 с.
- Рассказы бабушки. 1989. Из воспоминаний пяти поколений. Записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Подгот. Т.И. Орнатская. Л., Наука, 471 с.
- Самая первая детская книга. 2012. Книга о книге «Детская библиотека» Александра Шишкова. Сост. А.С. Русаков. СПб., Образовательные проекты; М., ЛИНКА-ПРЕСС, 128 с.
- Соллогуб В.А. 1998. Воспоминания. М., Слово, 384 с.
- Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов. 1976. Факсимильное издание. М., Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина; Художественная литература, 88 с.

Список литературы

- Антология педагогической мысли России XVIII в. 1985. Сост. И.А. Соловков. М., Педагогика, 480 с.
- Костюхина М.С. 2008. Золотое зеркало: Русская литература для детей XVIII–XIX веков. М., ОГИ, 224 с.
- Кудрявцева Е.Б. 2010. Для сердца и разума: Детская литература в России XVIII в. СПб., Нестор-История, 180 с.
- Мартианова И.Ю. 2023. Дворянское детство в императорской России. М., Наука, 2023. 295 с.
- Материалы по истории русской детской литературы (1750–1855). 1927. Под. ред. А.К. Покровской и Н.В. Чехова. Вып. 1. М., [ИМВР], 304 с.
- Самарин А.Ю. 2015. Типографчики и книгочеты: очерки по истории книги в России второй половины XVIII века. 2-е изд., испр. и доп. М., Пашков дом, 414 с.
- Собиратели книг в России. 1988. Сост. Л.М. Равич. М., Книга, 296 с.



References

- Antologiya pedagogicheskoy mysli Rossii XVIII v [Anthology of Pedagogical Thought in Russia in the 18th Century]. 1985. Sost. I.A. Solovkov. M., Pedagika, 480 s.
- Kostyukhina M.S. 2008. Zolotoe zerkalo: Russkaya literatura dlya detey XVIII–XIX vekov [Golden Mirror: Russian Literature for Children of the 18th – 19th Centuries]. M., OGI, 224 s.
- Kudryavtseva E.B. 2010. Dlya serdtsa i razuma: Detskaya literatura v Rossii XVIII v. [For the Heart and Mind: Children's Literature in Russia in the 18th Century]. SPb., Nestor-Istoriya, 180 s.
- Martianova I.Yu. 2023. Dvoryanskoe detstvo v imperatorskoy Rossii [Noble Childhood in Imperial Russia]. M., Nauka, 2023. 295 s.
- Materialy po istorii russkoy detskoj literatury (1750–1855) [Materials on the History of Russian Children's Literature (1750–1855)]. 1927. Pod. red. A.K. Pokrovskoy i N.V. Chekhova. Vyp. 1. M., [IMVR], 304 s.
- Samarin A.Yu. 2015. Tipografshchiki i knigochety: ocherki po istorii knigi v Rossii vtoroy poloviny XVIII veka [Typographers and Book Readers: Essays on the History of Books in Russia in the Second Half of the 18th Century]. 2-e izd., ispr. i dop. M., Pashkov dom, 414 s.
- Sobirатели knig v Rossii [Book Collectors in Russia]. 1988. Sost. L. M. Ravich. M., Kniga, 296 s.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.12.2023

Поступила после рецензирования 05.12.2023

Принята к публикации 05.12.2023

Received 01.12.2023

Revised 05.12.2023

Accepted 05.12.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Истомина Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-1744-2468](https://orcid.org/0000-0002-1744-2468)

Шаповалова Светлана Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9305-8564](https://orcid.org/0000-0002-9305-8564)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Istomina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Svetlana P. Shapovalova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia



УДК 94.47.082+083

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-957-967

Оригинальное исследование

Мемориальная проповедь православного духовенства в епархиях Центрального Черноземья в день памяти спасения императорской семьи 17 октября 1888 года как опыт конструирования коммеморативного нарратива

Козлов К.В. 

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: kozlov@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования процесса формирования представления о чудесном спасении царской семьи 17 октября 1888 г как факте исторической действительности в мемориальной проповеди. Мемориальная проповедь рассматривается как коммеморативный нарратив, складывавшийся на протяжении 1888–1916 гг. Наполнение его новыми смыслами осуществлялось в связи с событиями, которые были связаны как с персоналиями императоров Александра III и Николая II, так и с событиями общественно-политической жизни страны. Локализация исследования этого процесса была осуществлена территорией епархий Центрального Черноземья. Выявлены особенности его складывания в условиях осуществления государственной и церковной политики памяти.

Ключевые слова: крушение царского поезда 17 октября 1888 г., мемориальная проповедь, исследования памяти, историческая память, православное духовенство, Центральное Черноземье

Для цитирования: Козлов К.В. 2023. Мемориальная проповедь православного духовенства в епархиях Центрального Черноземья в день памяти спасения императорской семьи 17 октября 1888 года как опыт конструирования коммеморативного нарратива. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 957–967. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-957-967

Memorial Sermon of the Orthodox Clergy in the Central Chernozem Region Dioceses on the Day of the Emperor's Family Rescue Remembrance on October 17, 1888 as an Experience in Constructing a Commemorative Narrative

Konstantin V. Kozlov 

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: kozlov@bsu.edu.ru

Abstract. The article deals with the mechanism of commemorating in Russian history the event of Emperor Alexander III and his family's rescue during the train wreck near Borki station on October 17, 1888. This day was included into the calendar of memorable dates and its perpetuation was the result of an active state and church policy of remembrance. Every year on October 17, a thanksgiving prayer service was served in Orthodox churches in memory of this event. In this connection, there appeared a special kind of Orthodox sermon, known as memorial, the subject of which was the religious interpretation of this event. The preaching of the Central Chernozem region Orthodox clergy was not only one of the acts of commemoration, but also a historical

© Козлов К.В., 2023



narrative in which the conceptualization of this event was carried out. From 1888 to 1916 this narrative was being reconsidered by gaining new meanings. Originally the royal family rescue (as well as the ruling dynasty preservation) was interpreted as a miracle comparable in scale to the events of the Time of Troubles in Russia. Later on, this interpretation was supplemented with the concept of «recovery as the second miracle of Tsar Alexander III's salvation» in connection with his illness in 1894, and the concept of «two gifts of God's love», concerning the release of the manifesto «On the improvement of the state order» on this day in 1905.

Keywords: the Tsar's train wreck on October 17, 1888, memorial sermon, memory studies, historic memory, Orthodox clergy, the Central Chernozem region

For citation: Kozlov K.V. 2023. Memorial Sermon of the Orthodox Clergy in the Central Chernozem Region Dioceses on the Day of the Emperor's Family Rescue Remembrance on October 17, 1888 as an Experience in Constructing a Commemorative Narrative. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 957–967 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-957-967

Введение

Крушение поезда, в котором ехал император Александр III со своей семьей возле станции Борки Курско-Харьковско-Азовской железной дороги 17 октября 1888 г. получило широкий резонанс в информационном пространстве Российской Империи. Но, наш взгляд, это событие вышло далеко за рамки информационного повода. Это событие по своему значению для современников стало историческим, что было связано с рядом следующих обстоятельств:

– во-первых, масштабы катастрофы были таковы, что пострадавших было 68 человек, из которых 21 умерший [Постников, 2009, с. 141]. И гибель императора и его семьи в этой ситуации являлись совершенно вероятным событием. Тем более что вагон, в котором они находились на момент крушения, был фактически разрушен. Поскольку вместе с императором были и его дети, в том числе будущий император Николай II, то в случае реализации этого сценария речь могла идти о пресечении царствующей династии Романовых;

– во-вторых, значимость этого события была определена государственным актом – Высочайшим манифестом «О чудесном сохранении жизни Государю Императору, Государыне императрице, Наследнику Цесаревичу и всем Детям Их Императорских Величеств» от 23 октября 1888 года и опубликованного во всех периодических изданиях страны. В этом документе было дано обоснование значимости факта спасения не только для современников, но и для потомков;

– в-третьих, указом от 12 ноября 1888 г. этот день был включен в число праздничных дней «в память чудесного спасения жизни Их Императорских величеств и Августейшего Их Семейства» [Высочайшее повеление, 1888, с. 279]. Причем в годовом церковном календаре только два события гражданской отечественной истории (не считая высокаторжественных дней рождения членов императорской семьи) получили мемориальное закрепление – победоносное завершение Отечественной войны 1812 года («день Рождества Христова и воспоминания избавления церкви и Державы Российския от нашествия галлов и с ними двадцати языков») и чудесное спасения императорской семьи во время крушения поезда.

В этот день ежегодно в православных храмах должны были совершаться божественная литургия, а после – по особому чину – благодарственный молебен с коленопреклонением. Эта традиция существовала на протяжении следующих 27 лет. Как удалось установить, последний раз такой молебен был отслужен 17 октября 1916 г. И в этой связи, на наш взгляд, корпус проповедей, сложившихся на протяжении рассматриваемого периода, можно определить как мемориальный, то есть вид тематической проповеди, создание и обновление которой осуществлялось в практике коммеморации, связанной с ежегодным празднованием дня памяти спасения царской семьи от «смертной» опасности.

Осмысление этого события вошло в отечественную православную гомилетическую практику. Обращение к проповедническим опытам православного духовенства епархий

Центрального Черноземья (Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской) обещает значимые научные результаты в связи с тем, что:

– во-первых, эти регионы располагались территориально близко к месту трагедии, Харьковской губернии – либо были соседними губерниями, как Курская и Воронежская, либо относительно недалеко;

– во-вторых, эти регионы были включены в единую железнодорожную сеть. Крушение поезда произошло между станциями Тарановка и Борки Курско-Харьковской железной дороги (с 1907 г. – Южная железная дорога), построенной в 1869 г., которая проходила по территории Орловской, Курской и Харьковской губернии, и, более того, ее управление находилось в городе Харькове. Населенные пункты Тамбовской и Воронежской губерний были связаны с Харьковом поездным сообщением по Юго-Восточной железной дороге. Смеем предположить, что в дискурсе жителей Центрального Черноземья Харьковская губерния являлась регионом, знакомым и территориально близким, который был включен в их систему ментальных пространственных представлений. Так, в дневнике гофмаршала императора Александра III В.С. Оболенского было зафиксировано, что во время возвращения в Москву после крушения были сделаны остановки на территории Курской губернии (Белгород, Курск) и Орловской (Поныри, Орел), где были организованы торжественные встречи и обеды [Плех, Черников, 2023, с. 165];

– в-третьих, проповедь является актом творчества, и привлечение материала четырех епархий на протяжении четверти века позволяет проследить общественный и зачастую политический контекст, оказывавший влияние на ее содержание в разные годы. В этой связи Центральное Черноземье представляет безусловный исследовательский интерес как регион, в котором в конце XIX – начале XX вв. в концентрированном виде были сфокусированы все общенациональные катаклизмы двух последних царствований (голод, эпидемия, аграрные беспорядки и революционные события).

Безусловно, такое крупное событие, сразу включенное в официальный праздничный календарь Российской Империи, требовало наличия концептуальных положений, которые могли быть положены в основу мемориальной проповеднической традиции.

В исторической литературе наибольшее внимание было уделено исследованию технических причин крушения царского поезда [Кунавин, 2010; Кудрина, 2018; Брагина, Несмианов, 2019; Архипова, Антонов, 2020], а также государственной пропагандистской кампании, развернувшейся сразу же после случившегося [Постников, 2009; Яновский, 2014]. «Царская тема» в православной проповеди Центрального Черноземья также стала предметом исторического осмысления исследователей [Пишикин, 2020; Наумов, 2021]. Исследование истории освещения крушения царского поезда в епархиальной периодической печати осуществлено только на материале харьковского журнала «Вера и разум» [Kizilova, 2020].

Объект и методы исследования

Объектом исследования является практика концептуального осмысления и гомилетической презентации в публичном пространстве Центрального Черноземья чудесного спасения царской семьи 17 октября 1888 года как факта отечественной истории и концепта национальной и региональной исторической памяти. Проповедь, являясь по определению жанром публицистики, реагирующим на текущие события, в данном случае рассматривается как исторический метатекст для исследования процесса формирования представлений о коммеморируемом событии, в данном случае спасении царской семьи, в дихотомии «настоящее – прошлое». Своего рода элемента устной традиции транслирования информации о прошлом, письменная фиксация и публикация которой позволяет рассматривать ее как исторический источник и предмет настоящего анализа. Ежегодное появления проповедей в православном публичном пространстве региона не позволяло этому событию быть преданным забвению.



Исследование осуществлено в рамках методологического подхода *memory studies*, следование которому обеспечило возможность продуктивного рассмотрения православной гомилетической практики коммеморации в дискурсе «память – забвение». Это позволило установить наличие в проповеди, наряду с назиданием и порицанием, еще и мемората (рассказа об историческом прошлом).

Выявление коммеморативных концептов в текстах мемориальных проповедей осуществлялось с привлечением эвристических возможностей следующих методов:

– во-первых, текстологический анализ опубликованных в региональных церковных периодических изданиях – епархиальных ведомостях – текстов проповедей, который позволил выявить содержательные концепты складывания и эволюции исторического представления об этом событии;

– во-вторых, историко-генетический метод позволил выявить появление новых смысловых концептов в коммеморативном нарративе события 17 октября на всем протяжении рассматриваемого периода.

Результаты и их обсуждение

Первым концептом мемориальной проповеди стало встраивание этого события по степени его значимости в хронологическую цепь подобных по значимости исторических событий отечественной истории. Причем, социальный статус участников этого события – императора и его семьи – определил его включение в число существенных фактов российской истории.

Поскольку существовала угроза гибели всей царской семьи, то первая аналогия, которая возникла у авторов проповедей, была связана с событиями Смутного времени. Для духовенства Центрального Черноземья этот концепт был представлен в перепечатанной «Воронежскими епархиальными ведомостями» из № 44 «Литовских епархиальных ведомостей» проповеди протоиерея И. Котовича, которая была произнесена им в 1888 г. [Котович, 1889]. Эту же мысль о возможном пресечении царствующей династии продолжил священник Иоанно-Богословской церкви при Воронежской духовной семинарии В. Бучнев в 1889 г., определивший этот день «знаменательным, поучительным и незабвенным в истории русской летописи» [Бучнев, 1889, с. 889]. Иеромонах Геронтий в проповеди, сказанной на внебогослужебном собеседовании в Задонском Богородицком монастыре Воронежской епархии в 1889 г., солидаризировался со своим коллегой в оценке этого события: «беспримерное, в летописях по своему страшному действию и вместе благополучному исходу событие» [Геронтий, иером., 1889, с. 900]. Протоиерей А. Булгаков в проповеди, произнесенной 26 февраля 1889 г. в Троицком соборе города Ливны Орловской губернии, обозначил этот день как «страшный, но славный и чудодейственный» [Булгаков, 1889, с. 657].

Тамбовский священник П. Орлов в том же 1889 году призывал к сохранению в исторической памяти этого события и указывал на то, что этот день должен быть включен в национальный календарь знаменательных дат: «Мы сохраним память о дивном спасении Царя – поборника благочестия из рода в род, как призыв Божий к нам; мы передадим это чудо грядущим поколениям» [Орлов, 1889, с. 944–945]. Законоучитель Воронежского реального училища священник К. Чернышов к этому же призывал своих воспитанников: «Запомните и вы, юноши и дети, чудесное событие, по случаю которого вы собрались теперь на молитву» [Чернышов, 1889, с. 898].

В 1889 г. в «Воронежских епархиальных ведомостях» было перепечатано из газеты «Новое время» стихотворение М. Майкова «17 октября» [Майков, 1889, с. 899–902]. На наш взгляд, отбор этого стихотворения для публикации был связан с тем, что его автор не просто подчеркивал значимость произошедшего события, он рассматривал и памятный день как праздник:

Отчего сегодня, мама,
Все звонят колокола
И лампадку, словно в праздник,
Пред иконой ты зажгла?
Разве праздник?!
Да, мой милый! –
В этот день, потрясена –
Словно громом – Божьим чудом,
Наша вздрогнула страна.

Ректор Курской духовной семинарии И. Новицкий в слове, сказанном в 1892 г., отмечал, что «в истории народов бывают события, которые навсегда должны оставаться незабвенными. К числу таких событий, совершившихся в наше время, достойных вечной памяти, должно быть отнесено и это» [Новицкий, 1892, с. 710]. И одновременно обращал внимание своих слушателей на действие механизма забвения: «Четыре года прошло уже с тех пор. Увлекаемые незаметно течением времени и событий, мы могли бы и по малу утратить живое воспоминание об этом дивном посещении Божиим. Таково свойство человеческой памяти: и самые сильные и глубокие впечатления по малу забываются нами, уступая место в светлой области сознания новым впечатлениям и интересам» [Новицкий, 1892, с. 710].

В этой связи обращают на себя внимание два события, которые произошли в Курской и Воронежской епархиях с разницей в восемь лет.

В 1890 г. в селе Красная Яруга Грайворонского уезда Курской губернии праздновали 25-летие со дня открытия народного училища. Причем день празднования юбилея учебного заведения совпал с двухлетней годовщиной спасения царской семьи. Законоучитель Краснояружского народного училища священник П. Попов указал на это обстоятельство в своей речи. Обращаясь к собравшимся участникам торжества 17 октября 1890 года, он сказал: «Нашему юбилею в благознаменательный день великого торжества русского народа – день чудесного спасения от смертной опасности 17 октября 1888 г. драгоценной жизни Государя Императора и Его Августейшего Семейства. Совпадение нашего скромного торжества с великим торжеством русского народа по своей знаменательности надолго остается в нашей памяти!» [Попов, 1891, с. 39]. Показательным в этой речи является тот факт, что ее автор соотнес день создания училища с днем спасения царской семьи.

На наш взгляд, это может служить свидетельством того, что активная реализация государственной и церковной политики памяти по увековечиванию этого дня дала свои результаты, и священник в своей торжественной речи обратил внимание на это событие, а не на жития святых, поминаемых 17 октября, как смысловой и исторический маркер сопряжения создания школы с христианским календарем. Дополнительными факторами этого могли быть хронологический и территориальный. С момента крушения царского поезда прошло два года, и воспоминания об этом были достаточно свежи. Грайворонский уезд находился на юго-западе Курской губернии и граничил с Харьковской губернией.

В 1898 г. в Архангельской церкви села Сенного Задонского уезда Воронежской губернии был освящен новый иконостас. Торжественные мероприятия проходили в течение двух дней. Вечером 17 октября было совершено всенощное бдение, а 18 октября – литургия и освящение иконостаса [Щербаков, 1899, с. 169–178].

Данное событие обращает на себя внимание в связи со следующими обстоятельствами: во-первых, торжества освящения нового иконостаса совпали с десятилетней годовщиной спасения царской семьи; во-вторых, новый иконостас не был освящен в честь этого события; в-третьих, на проповеди не было упомянуто о данном хронологическом совпадении.

На наш взгляд, данный случай забвения в условиях осуществления государственной и церковной политики памяти мог быть связан со следующими причинами: во-первых, с момента крушения поезда и спасения царской семьи прошло уже десять лет; во-вторых, прак-



тика служения благодарственного молебна 17 октября за прошедшее десятилетие стала обязательной для кафедральных соборов и в первую очередь в губернских городах и крупных уездных городах, а также в домовых храмах учебных заведений. Для сельских храмов эта практика не стала традиционной. Об этом может свидетельствовать тот факт, что 18 октября литургию в Архангельском храме сослужили местному священнику А. Щербакову священники из окрестных сел: из села Конь-Колодец – А. Никитин, из села Карачун – Д. Петров, из села Манина – Н. Марковский, из села Излегоща – И. Писарев, из села Савицкого – М. Успенский, из села Горожанки – С. Матвеев [Щербаков, 1899, с. 169]. Но никто из присутствовавших священников не обратил внимание на то, в какой день происходило освящение нового иконостаса. В-третьих, освящение иконостаса в Архангельской церкви происходило спустя четыре года после вступления на престол нового императора Николая II. Это наблюдение представляется важным в связи с тем, что чудо спасения царской семьи в официальной памяти было связано в первую очередь с личностью Александра III. В официальном наименовании памятного дня 17 октября на всем протяжении с 1889 по 1916 годы было зафиксировано имя только императора, иногда – и императрицы, а дети были включены в понятие «Августейшая семья», и их имена никогда в официальной риторике не упоминались. Возможно, это и стало причиной того, что именно Александр III стал центральной фигурой складывания меморативного нарратива, включая предание о том, как он удержал падающую крышу разбитого вагона. В-четвертых, Задонский уезд был самым северным уездом Воронежской губернии, а ее общая граница с Харьковской губернией проходила на юге.

В 1904 г., вероятно под влиянием подобных наблюдений, орловский священник В. Фиалкин посвятил свое «Поучение на 17 октября» подробному изложению истории этого события. Причем обращает на себя внимание, что начало его выступления может свидетельствовать о том, что произошедшее событие спустя 16 лет рассматривается уже как часть исторического предания: «чуде милости Божией, явленной православному русскому народу в спасении царской семьи, происшедшему шестнадцать лет тому назад в этот самый день и в те же, приблизительно часы дня. Перенесемся же мыслию к этому дивному событию» [Фиалкин, 1904, с. 971–972].

Жанровым приемом, обращающим на себя внимание исследователя, активно использовавшимся в мемориальных проповедях, было описание эсхатологического ужаса, сопровождавшего воспоминания о случившемся 17 октября 1888 г. На наш взгляд, этот прием, неизменно использовавшийся всеми авторами исследованных проповедей, имел мнемоническое значение – способствовал эмоциональному закреплению в памяти слушателей и читателей сведений об этом событии. Это создавало эмоциональную окрашенность памяти об этом событии как о страшной катастрофе и сопровождавшем ее ужасе. Можно рассматривать как типичные картины, нарисованные в своих проповедях иеромонахом Геронтием в 1889 г: «Теперь при одном воспоминании этой ужасной потрясающей картины разрушения сжимается сердце от ужаса и чувство радости объемлет душу в сознании минувшей грозы» [Геронтий, иером., 1889, с. 900], а также иеромонахом Германом в 1895 г: «Всем нам памятен подробности этого события. Воображению нашему живо рисуется и теперь страшная картина разрушения, крови, стонов, гибели и смерти» [Герман, иером., 1895, с. 687].

В 1894 г. в связи с болезнью императора Александра III, обострившейся именно в октябре и завершившейся его смертью 20 октября, в мемориальной проповеднической риторике зазвучали новые смыслы – о выздоровлении государя и уповании на еще одно чудесное спасение его жизни. И неслучайно этот день именовался в проповедях, сказанных 17 октября 1894 года, «священным торжеством», отсылая слушателя к таинственности встречи человека и Бога в момент смерти. И. Новицкий тонко конкретизировал сложность происшедшего момента: «Император, чудом милости Божией спасенный от смертельной опасности шесть лет тому назад, ныне – на одре опасной болезни, не поддающейся доселе искусству опытейших врачей» [Новицкий, 1894, с. 866]. В содержании его речи фиксируется эволюция представления об этом дне: уже не столько как праздничном дне спасения, сколько дне мо-

литвы о выздоровлении Александра III, когда все верующие должны совершать «смирненные моления об исцелении Государя от постигшей его тяжкой болезни» [Новицкий, 1894, с. 868]. Эту мысль автор проповеди сопровождал экскурсом в библейскую историю о царе Иудейском Езекии, который получил исцеление от неизлечимой болезни по молитвам к Богу.

После смерти Александра III событие 17 октября 1888 г. получило первое историософское осмысление в региональной гомилетической традиции. Так, в 1895 г., через год после смерти Александра III и спустя семь лет после произошедшего события, в слове воронежского иеромонаха Германа прозвучала следующая оценка его масштаба: «Исторические события, подобные дивному спасению Царского Семейства от смертельной опасности, всегда имеют две характерные особенности: во-первых, они не могут быть объяснены с точки зрения обычных исторических причин и следствий, и, во-вторых, они глубоко затрагивают нравственную сторону народной жизни и налагают великую нравственную ответственность и на современников, и на потомков» [Герман, иером., 1895, с. 683–684].

Историческая значимость этого события спустя семь лет виделась уже не только в том, что могла быть пресечена правящая династия, а еще и в том, что внутривластическое развитие страны могло получить другое направление. И реформаторская деятельность Александра III осталась бы незавершенной: «с гибелью государя погубило бы навсегда и бесследно: обновление русской народной и государственной жизни в духе истинно русских преданий, великий подъем русского самосознания и та слава России, которая вновь создана была в Бозе почившим Государем Императором Александром III и которая окончательно расшатана была смутными брожениями, вызванными эпохой шестидесятых годов» [Герман, иером., 1895, с. 688].

В рассмотрении контекста, повлиявшего на смысл мемориальной проповеди как части политики памяти, посвященной событию 17 октября, особое место занимает «Поучение в память чудесного спасения от смерти Государя Императора Александра Александровича и Его Августейшего семейства 17 октября», опубликованное в «Курских епархиальных ведомостях» в 1898 без указания автора. Это поучение представляет интерес в силу двух обстоятельств. Во-первых, в его названии нет указания на год чудесного спасения, а указан только день – 17 октября. Это, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что данный памятный день был включен в историческое сознание современников – в данном случае жителей города Курска – как праздничный день, несущий собственную смысловую нагрузку без указания конкретной хронологической привязки, как и остальные памятные дни государственного и церковного праздничного календаря. Тем более в содержании поучения нет даже упоминания имени спасенного государя и событий, связанных с этим днем.

В этой связи представляет интерес и «Слово на 17 октября» законоучителя Ливенского реального училища священника И. Виноградова, сказанное в 1898 г., в котором на 11 страницах опубликованного текста содержится единственное упоминание о событии, которое стало исторического основой праздника в завершении: «возблагодарим Господа Бога, явившего 10 лет тому назад чудо спасения Царственной Семьи от грозившей ей опасности смерти» [Виноградов, 1898, с. 1626]. О справедливости этого наблюдения может свидетельствовать слово, сказанное законоучителем Орловского Александровского реального училища протоиереем Т. Чижовым в 1909 г.: «Вспоминая ныне посильным своим пастырским словом это дивное событие, которое, надо полагать, известно даже и в подробностях большинству верных сынов России, мы хотели бы остановить ваше внимание не на подробностях крушения, которые, несомненно, интересны» [Чижов, 1909, с. 1068].

Во-вторых, автор поучения определяет место этого дня в хронологическом перечне чудес – «в наше время особенно много», – явленных по промыслу Божию в современной истории России.

Этот перечень начинается с указания на чудеса, совершенные святыми Митрофаном Воронежским и Тихоном Задонским, на наш взгляд, в связи с тем, что эти святые были единственными прославленными к моменту произнесения проповеди в Центральном Чер-



ноземье, и открытие мощей святого Тихона Задонского состоялось относительно недавно, «на нашей памяти» – в 1861 г.

Следующим чудом, упоминаемым в этом поучении, было исцеление, полученное по молитвам к иконе Козельщанской Божией Матери в Полтавской губернии. Чудо исцеления у этой иконы произошло в 1881 г., но для автора оно было, вероятно, актуализировано созданием в 1891 г. в селе Козельщаны – месте свершившегося чуда – Рождество-Богородицкого женского монастыря.

Чудесное спасение иконы «Всех Скорбящих радость» с грошиками во время пожара в Стекольном городке Петербурга произошло 23 июля 1888 года, а в 1898 г., когда была произнесена проповедь, было завершено строительство Скорбященской церкви, в которой была помещена эта икона. Далее автор поучения упоминал чудеса, совершаемые о. Иоанном Кронштадтским, и чудесное спасение иконы Божией Матери «Знамение» во время взрыва ее киота в Знаменском кафедральном соборе г. Курска в 1898 году: «в этом самом храме какое великое чудо совершила Икона Знамения Божией матери, Хранительницы и Покровительницы нашего города!» [Почтение..., 1898, с. 579].

Отбор сведений для данного перечня, на наш взгляд, позволяет определить константы механизма функционирования исторической памяти. Во-первых, территориальная близость актора памяти, в данном случае автора поучения, относительно места совершения исторических событий. Как это было в случае со святыми Митрофаном Воронежским и Тихоном Задонским, прославленными в соседней Воронежской губернии, а также Козельщанской иконой Божией Матери, находившейся в соседней Полтавской губернии. Упоминание Иоанна Кронштадтского, вероятно, было актуализировано его посещением Курска в 1893 г. Во-вторых, коммеморативная актуализация сведений об историческом событии. Об этом может свидетельствовать упоминание автором иконы «Всех Скорбящих радость» с грошиками и Козельщанской иконы Божией Матери. И уникальным примером синергического действия этих констант может служить завершение автором своего перечня чудесным спасением иконы Божией Матери «Знамение». Это событие произошло в том же храме, в котором полгода спустя звучали слова этого поучения.

В 1905 году памятный день чудесного спасения царской семьи неожиданно получил новое смысловое наполнение. В этот день – 17 октября 1905 года – императором Николаем II был издан Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Этот документ, открывший новую страницу в российской истории, символически оказался связанным с событиями семнадцатилетней давности, поскольку Николай II, будучи еще наследником царского престола, остался невредим в железнодорожной катастрофе на станции Борки. И спустя семнадцать лет в этот день он принял решение об изменении характера государственной власти в Российской Империи. Памятный день получает гомилетическое осмысление как «благознаменитый и вечнопамятный для нас день спасения жизни Государя и его отца и дарования народу своему гражданской свободы» [Горьковский, 1906, с. 968].

И с этого момента 17 октября рассматривался в православной гомилетической традиции как двойной праздник, связанный, во-первых, со спасением жизни царской семьи в 1888 году, а во-вторых, с началом нового этапа в общественно-политической жизни России в 1905 году.

Воронежский протоиерей В. Горьковский в 1906 г. отмечал, что «настоящий день надлежит священный долг помянуть благодарной к Господу Богу памятью два особенной важности события из жизни русского народа» [Горьковский, 1906, с. 962]. Священник М. Девицкий в слове на архиерейском богослужении в Благовещенском соборе Митрофанова монастыря г. Воронежа 17 октября 1908 г. назвал данный день днем «двух даров любви Божией» [Девицкий, 1908, с. 1024].

Заключение

День памяти спасения жизни императора Александру III и членов его семьи во время крушения поезда 17 октября 1888 года был включен в коммеморативный календарь Российской Империи и Российской Православной церкви. Мемориальные проповеди, которые были созданы по этому случаю, ежегодно звучали во время торжественного богослужения в православных храмах в этот день. Эти проповеди являлись актами коммеморации, осуществляемыми в русле государственной и церковной политики памяти. Содержание мемориальных проповедей позволяет исследовать процесс конструирования с их помощью коммеморативного нарратива и формирования представлений об этом событии в исторической памяти православных жителей Российской Империи в целом и Центрального Черноземья в частности. В основу признания историчности данного события было положено нормативное закрепление его значимости в истории Российской Империи как события, в ходе которого была сохранена наследственная преемственность власти внутри правящей династии Романовых. В проповеди это получило выражение в утверждении чудесности спасения, то есть свершившегося по Промыслу Божию и обязательного для сохранения в памяти потомков. На протяжении рассматриваемого периода происходило дополнение коммеморативного нарратива как религиозными концептами «дня молитвы о выздоровлении царя Александра III», так и государственными «день дарования гражданских свобод». В этой связи в православной гомилетике произошло складывание понимания дня памяти спасения жизни царской семьи 17 октября 1888 года как исторического события, которое занимает важное место в национальной исторической памяти.

Список источников

- Булгаков А. 1889. Слово в день рождения Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича. Орловские епархиальные ведомости, 10, Отдел неофициальный: 653–658.
- Бучнев В. 1889. Слово на 17-е число октября. Воронежские епархиальные ведомости, 21, Часть неофициальная: 889–895.
- Виноградов И. 1898. Слово на 17 октября (день храмового праздника в церкви Ливенского реального училища). Орловские епархиальные ведомости, 43–44, Отдел неофициальный: 1616–1626.
- Высочайшее повеление «Об установлении ежегодного церковного празднования 17 октября в память чудесного в этот день спасения жизни Их Императорских величеств и Августейшего Их Семейства» от 12 ноября 1888 г. 1888. Церковные ведомости, 51: С. 279.
- Герман, иером. 1895. Слово на день, посвященный воспоминанию о чудесном спасении Их Императорских Величеств с Августейшим Семейством от смертельной опасности 17 октября 1888 года. Воронежские епархиальные ведомости, 21, Часть неофициальная: 683–693.
- Геронтий, иером. 1889. Речь на семнадцатое октября. Воронежские епархиальные ведомости, 21, Часть неофициальная: 899–902.
- Горьковский В. 1906. Слово в день воспоминания чудесного спасения Государя Императора Александра III и Августейшего Семейства от смертельной опасности 17 октября 1888 года и годовщины дарования Высочайшего манифеста 17 октября 1905 года. Воронежские епархиальные ведомости, 22, Часть неофициальная: 962–968.
- Девицкий М. 1908. Слово на 17 октября – день спасения Царской семьи в 1888 г. Воронежские епархиальные ведомости, 21, Часть неофициальная: 1023–1028.
- Котович И. 1889. Слово в день Казанской Божией Матери 1888 г. 22 октября. Воронежские епархиальные ведомости, 19, Часть неофициальная: 797–802.
- Майков М. 1889. 17 октября. Воронежские епархиальные ведомости, 22, Часть неофициальная: 899–902.
- Новицкий И. 1892. Слово в день воспоминания о чудесном избавлении от смертельной опасности Государя Императора и Августейшего Семейства Его 17 октября 1888 г. Курские епархиальные ведомости, 43, Часть неофициальная: 709–716.



- Новицкий И. 1894. Речь перед молебном в день воспоминания о чудесном спасении от опасности Их Императорских Величеств 17 октября 1888 г. Курские епархиальные ведомости, 42, Часть неофициальная: 865–868.
- Орлов П. 1889. Поучение в день чудесного события 17 октября 1888 г. Тамбовские епархиальные ведомости, 20, Часть неофициальная: 941–945.
- Плех О.А., Черникова Н.В. 2023. Крушение императорского поезда у станции Борки в 1888 г. глазами очевидца. Вестник архивиста, 1: 159–171.
- Попов П. 1891. Речь, произнесенная в день двадцатипятилетия Краснояружского народного училища, 1890 года, октября 17 дня. Курские епархиальные ведомости, 3, Часть неофициальная: 39–43.
- Поучение в память чудесного спасения от смерти Государя Императора Александра Александровича и Его Августейшего семейства 17 октября. 1898. Курские епархиальных ведомости, 39, Часть неофициальная: 577–580.
- Фиалкин В. 1904. Поучение на 17 октября (День памяти чудесного спасения Царской семьи при крушении поезда в 1888 году). Орловские епархиальные ведомости, 42, Отдел неофициальный: 971–974.
- Чернышов К. 1889. Несколько слов, сказанных перед молебном в Воронежском реальном училище в годовщину (1889 года 17 октября) чудесного спасения Государя Императора и Его Августейшей Семьи при крушении Царского поезда. Воронежские епархиальные ведомости, 21, Часть неофициальная: 895–899.
- Чижов Т. 1909. Слово в день чудесного спасения Государя Императора и Его Августейшей Семьи 17 октября 1888 года. Орловские епархиальные ведомости, 45, Отдел неофициальный: 1067–1070.
- Щербачев А. 1899. Торжество освящения иконостаса при Архангельской церкви села Сенного Задонского уезда и годичный отчет Архангельского церковно-приходского попечительства. Воронежские епархиальные ведомости, 4, Часть неофициальная: 169–178.

Список литературы

- Архипова Л.В., Антонов М.С. 2020. Ошибка технического прогресса в крушении императорского поезда 17 октября 1888 года. В кн: Инновационные технологии на железнодорожном транспорте: Труды XXIV Всероссийской научно-практической конференции (г. Красноярск, 25–27 ноября 2020), Т. 2, Красноярск, Иркутский государственный университет путей сообщения: 239–242.
- Брагина Е.Е., Несмиянов А.С. 2019. Роль и гражданская позиция А.Ф. Кони в расследовании крушения царского поезда, произошедшего 17 октября 1888 года. Юридическая наука: история и современность, 12: 98–102.
- Кудрина Ю. 2018. Крушение царского поезда: разгильдяйство или теракт. Родина, 12: 102–106.
- Кунавин К.С. 2010. Крушение императорского поезда 17 октября 1888 г.: опыт исторической реконструкции. Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер», 36: 19–20.
- Наумов Д.В. 2021. Влияние региональной церковной периодической печати на формирование общественного мнения православного духовенства во второй половине XIX века (на материале воронежских и курских «епархиальных ведомостей»): дисс. ... канд. ист. наук. Белгород: 278.
- Пишикин А.А. 2020. Структурные и языковые особенности проповеди на царскую тему: на примере публикаций духовенства в журнале «Тамбовские епархиальные ведомости» XIX – начала XX века. Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии, 2(19): 173–193.
- Постников В.В. 2009. Крушение царского поезда 17 октября 1888 г. в восприятии дальневосточников (к вопросу о действии монархической идеологии в Российской империи в конце XIX в.). Ойкумена, 1: 141–144.
- Яновский А.С. 2014. Любовь к монарху и крушение царского поезда 17 октября 1888 г. Путь и путевое хозяйство, 5: 29–32.
- Kizilova A. 2020. Remembrance of the Borki Train Disaster in the Eparchial Part of «Faith and Reason». University of Bucharest Review: Literary and Cultural Studies Series, 3: 48–62.

References

- Arkhipova L.V., Antonov M.S. 2020. Oshibka tekhnicheskogo progressa v krushenii imperatorskogo poezda 17 oktyabrya 1888 goda [The Technological Fault in the Tsar's Train Wreck on October 17, 1888]. V kn: Innovatsionnye tekhnologii na zheleznodorozhnom transporte: Trudy XXIV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Krasnoyarsk, 25–27 noyabrya 2020), T. 2, Krasnoyarsk, Irkutskiy gosudarstvennyy universitet putey soobshcheniya: 239–242.
- Bragina E.E., Nesmiyanov A.S. 2019. Rol' i grazhdanskaya pozitsiya A.F. Koni v rassledovanii krusheniya tsarskogo poezda, proizoshedshego 17 oktyabrya 1888 goda [A.F. Koni's Role and Civic Position in the Investigation of the Tsar's Train Wreck that Occurred on October 17, 1888]. Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost', 12: 98–102.
- Kudrina Yu. 2018. Krushenie tsarskogo poezda: razgil'dyaystvo ili terakt [The Tsar's Train Wreck: Sloppiness or Terrorist Attack]. Rodina, 12: 102–106.
- Kunavin K.S. 2010. Krushenie imperatorskogo poezda 17 oktyabrya 1888 g.: opyt istoricheskoy rekonstruktsii [The Wreck of the Tsar's Train on October 17, 1888: Experience of Historical Reconstruction]. Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter», 36: 19–20.
- Naumov D.V. 2021. Vliyaniye regional'noy tserkovnoy periodicheskoy pechati na formirovaniye obshchestvennogo mneniya pravoslavnogo dukhovenstva vo vtoroy polovine XIX veka (na materiale voronezhskikh i kurskikh «eparkhial'nykh vedomostey») [The Influence of Regional Church Periodicals on the Formation of the Orthodox Clergy's Public Opinion in the Second Half of the XIX Century (Based on Voronezh and Kursk «Diocesan Bulletins»): dis. ... kand. ist. nauk. Belgorod: 278.
- Pishikin A.A. 2020. Strukturnye i yazykovye osobennosti propovedi na tsarskuyu temu: na primere publikatsiy dukhovenstva v zhurnale «Tambovskie eparkhial'nye vedomosti» XIX – nachala XX veka [Structural and Linguistic Features of the Sermon on the Tsar Theme: (Based on Clergy's Publications in the Magazine «Tambov Diocesan Vedomosti» in XIX – Early XX Century)]. Bogoslovskiy sbornik Tambovskoy dukhovnoy seminarii, 2(19): 173–193.
- Postnikov V.V. 2009. Krushenie tsarskogo poezda 17 oktyabrya 1888 g. v vospriyatii dal'nevostochnikov (k voprosu o deystvii monarkhicheskoy ideologii v Rossiyskoy imperii v kontse XIX v.) [The Wreck of the Tsar's Train on October 17, 1888 through the Eyes of the Far East Residents (in Addition to the Issue of the Monarchist Ideology Functioning in the Russian Empire at the End of the XIX Century)]. Oykumena, 1: 141–144.
- Yanovskiy A.S. 2014. Lyubov' k monarkhu i krushenie tsarskogo poezda 17 oktyabrya 1888 g. [Love for the Monarch and the Tsar's Train Wreck on October 17, 1888]/ Put' i putevoe khozyaystvo, 5: 29–32.
- Kizilova A. 2020. Remembrance of the Borki Train Disaster in the Eparchial Part of «Faith and Reason». University of Bucharest Review: Literary and Cultural Studies Series, 3: 48–62.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.11.2023

Received 15.11.2023

Поступила после рецензирования 02.12.2023

Revised 02.12.2023

Принята к публикации 02.12.2023

Accepted 02.12.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Козлов Константин Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Konstantin V. Kozlov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

[ORCID: 0000-0001-6759-0904](https://orcid.org/0000-0001-6759-0904)



УДК 656.12:94

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-968-976

Оригинальное исследование

Гужевой транспорт как средство обеспечения здоровой санитарно-эпидемиологической обстановки в городах России в начале XX века

Логинова Д.В. 

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, Большая Морская, 18

E-mail: dianalog2010@mail.ru

Аннотация. Извозный промысел в России занимал весьма значимое место в жизни многих людей, работавших на извозе временно или на постоянной основе. Большое значение имело и то, каким видом извоза занимался человек – легковым, где имелся свой карьерный рост от ваньки до лихача; ломовым, где требовалась особая физическая выносливость от лошади и от извозчика. И особое место среди извозчиков занимали золотари, которые впоследствии стали называться ассенизаторами. Под этим красивым названием скрывается выемка и вывоз на поля отходов человеческой жизнедеятельности как ценного удобрения, так необходимого для увеличения урожайности, – своего рода «золото». К этому типу извозчиков предъявлялись такие же требования, как и к ломовикам; кроме того, они должны были быть весьма невосприимчивыми к неприятным запахам, являвшимся неременным спутником данного типа извоза. Профессия золотаря отличалась и особым риском, поскольку вредоносные газы могли нанести непоправимый вред здоровью извозчика. Городскими властями особо регламентировались пункты дислокации ассенизационных обозов (дворы), способы герметизации, окрашивания и осмоливания бочек и ящиков для вывозки нечистот. Также строгой регламентации подлежали временные рамки работы извозчиков-золотарей – это была глубокая ночь и раннее утро, позволявшие избавить жителей населенных пунктов от созерцания не самой чистой, но вместе с тем очень нужной работы. Труд золотарей-извозчиков стоил на порядок выше, чем труд их коллег по цеху извозчиков, что, конечно, объяснялось специфическими особенностями данного типа извоза и было оправданным, поскольку не каждому такая работа была под силу.

Ключевые слова: извоз, золотарь, ассенизатор, ассенизационный обоз, нечистоты, выгребные ямы, бочки, парашник, нуждарь, соровщик, дерьмопрят

Для цитирования: Логинова Д.В. 2023. Гужевой транспорт как средство обеспечения здоровой санитарно-эпидемиологической обстановки в городах России в начале XX века. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 968–976. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-968-976

Horse-Draw Transport as a Means of Providing Healthy Sanitary and Epidemiological Conditions in the Cities of Russia at the Beginning of the XX Century

Diana V. Loginova 

Saint Petersburg University of Industrial Technologies and Design,
18 Bolshaya Morskaya St., Saint Petersburg 191186, Russia

E-mail: dianalog2010@mail.ru

Abstract. Carriage trade in Russia occupied a very significant place in the lives of many people who worked on a cart either temporarily or on a permanent basis. Of great importance was also the type of

© Логинова Д.В., 2023

transport a person was engaged in – passenger transport, where there was a career growth from a simple man to a daredevil driver; or load-carrying transport, where special physical endurance was required both from the horse and the carriage driver. A special place among the cabbies was occupied by nightmen (or ‘zolotar’, derives from Russian word ‘zoloto’ – gold), who would later be called in Russian ‘assenizators’. Under this beautiful name, the excavation and export of human waste was cut as a valuable fertilizer, exported to the fields, so necessary to increase productivity - a kind of «gold». This type of carriage drivers had to have the same requirements as for load-carrying carriage drivers, and besides, life was very immune to all sorts of unpleasant odors, which was an indispensable companion of this type of cab. The profession of a zolotar was also distinguished by a special risk, since harmful gases could cause irreparable harm to the health of the driver. The city authorities specifically regulated the points of deployment of sewage carts (in the yards), methods of sealing, staining and tarnishing barrels and boxes for the removal of sewage. The time frame for the work of gold cab drivers was also subject to strict regulation – it was deep night and early morning, which made it possible to save residents of settlements from vision is not the purest, but at the same time very necessary work. The work of nightmen cost an order of magnitude higher than their colleagues, which, of course, was explained by the specific features of this type of carting and was justified, since not everyone was able to do such work.

Keywords: horse-drawn carriage, nightman, flusher, sewage convoy, sewage, cesspools, barrels, zolotar, assenizator

For citation: Loginova D.V. 2023. Horse-Drawn Transport as a Means of Providing Healthy Sanitary and Epidemiological Conditions in the Cities of Russia at the Beginning of the XX Century. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 968–976 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-968-976

Введение

Извозный промысел, который давал возможность заработка многим, в том числе и крестьянам, прибывавшим в города, позволял заниматься различными видами извоза, ни один из которых не был легким. Так, легкой извоз был сопряжен с почти круглосуточной работой при любых погодных условиях, ломовой – с требованием большой выносливости и физического здоровья как извозчика, так и лошади. Среди извозчиков особое место занимали золотари, которые впоследствии стали называться ассенизаторами. Специфика работы золотарей заключалась в вывозе отходов человеческой жизнедеятельности. Не каждый мог работать на таком «ароматном» извозе, несмотря на то, что работа очень хорошо оплачивалась. Вместе с тем в условиях роста городов Российской империи это была очень нужная профессия, чтобы обеспечивать здоровую санитарно-эпидемиологическую обстановку в них. Исследованию именно этого направления жизни *извозчиков-золотарей* посвящена данная статья.

Объекты и методы исследования

Историографический обзор материалов, посвященных золотарному извозному промыслу, начинается с общих работ, которые показывают развитие гужевого промысла в целом. Это работа Барановой Е.В., посвященная быту городских извозчиков XIX – начала XX века. Самарина Л.А. рассматривала извозный промысел в городах Российской империи с точки зрения создания единого правового пространства извозного промысла. Исторический очерк Гольца Г.А. посвящен гужевому транспорту, создавшему коммуникационное пространство для развития всех сфер жизнедеятельности России.

Объем исследований, посвященный непосредственно извозному промыслу, занимавшемуся только вывозом нечистот, невелик. Так, исследователь Белова А. изучила проблему «исчезновения» важнейшей профессии золотарей [Белова, 2015], а статья Поповой Ю. объясняет причину переименования золотарей в ассенизаторов [Попова, 2015].



В отдельную группу выделяются исследования регионального характера. Среди них можно отметить материалы и публикации, посвященные Санкт-Петербургу, поскольку город отличался значительной занимаемой территорией и количеством проживающих. Так, исследования Лапина В.В. обращают внимание на «запахи и звуки» Петербурга в разные периоды [Лапин, 2007]. Санитарно-гигиеническому состоянию Петрограда в феврале-октябре 1917 года посвящена статья Бобровникова В.В. [Бобровников, 2022]. Глава «Канализация» посвящена утилизации отходов человеческой жизнедеятельности в книге Юхнёвой Е.Ю. «Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта» [Юхнёва, 2007]. Изучению проблем утилизации бытовых отходов в волго-камском регионе посвящены работы Громовой Т.А., обратившей внимание на данный вопрос в дореволюционном Симбирске [Громова, 2017]. Эколого-санитарные проблемы Казани второй половины XIX – нач. XX века рассмотрены в исследовании Кисленко А.О. и Малышевой С.Ю. [Кисленко, 2021]. Истории ассенизационных обозов в одной из центральных областей России (Тульской) посвящена работа Беспалова Г.А. [Беспалов, 2022]. Вопросам развития санитарной очистки в Сибири посвящены исследования Татарниковой А.И., обратившей внимание на санитарное состояние и благоустройство крупных городов Западной Сибири в конце XIX – нач. XX века [Татарникова, 2016], а историк Ярославцева Т. проанализировала развитие системы санитарно-экологической безопасности в городском хозяйстве на Дальнем Востоке России [Ярославцева, 2017]. Сюда же можно отнести публикацию Голодяева К.А., посвященную данной тематике в Новосибирске в XIX–XX вв. [Голодяев, 2019].

Резюмируя вышеуказанные исследования, следует отметить, что большинство из них посвящены общей оценке санитарно-эпидемиологического состояния исследуемого региона и в меньшей степени роли извозчиков-золотарей в них.

Источниковой базой при исследовании темы утилизации нечистот и роли гужевого транспорта в нём являются опубликованные материалы «Курса гигиены» Эрисмана Ф.Ф., где представлен исторический экскурс различных способов удаления нечистот [Эрисман, 1887], а также издание главного врачебного инспектора МВД «Водоснабжение и способы удаления нечистот в городах России», где дана весьма подробная характеристика утилизации и вывоза нечистот по всем губерниям Российской империи [Водоснабжение и способы..., 1912]. В изданных трудах V съезда Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова также можно ознакомиться с проблемами утилизации нечистот в городах России и способами их разрешения [Труды V Съезда..., 1984].

Большую помощь в понимании специальных названий извозчиков оказывают различные издания «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля [Даль, 1865] и Д.Н. Ушакова [Толковый словарь..., 1935]. Особую эмоциональную окраску профессии извозчика-золотаря дают описания В. Гюго в его романе «Отверженные», события в котором происходят во Франции [Гюго, 1826].

Также среди источников есть группа материалов, посвященных влиянию вредных условий труда на здоровье извозчиков-золотарей, – это работы Никитина А.Н. [Никитин, 1847] и Шраубе О. [Шраубе, 1867].

Несомненную помощь в изучении вопросов о роли гужевого транспорта в вывозе нечистот играли источники, посвященные разным городам и губерниям Российской империи в рассматриваемый период, например, Петербургу в работе Бахтиярова А.А. с весьма ярким названием «Брюхо Петербурга» [Бахтияров, 1888], Москве – в исследованиях Сытина П.В. «Коммунальное хозяйство (благоустройство) Москвы» [Сытин, 1926], в памятной книжке Московской губернии [Памятная книжка..., 1903], Красноярску – в обзоре хозяйства [Красноярская городская дума..., 1909], Владивостоку [Справочная книга..., 1902], Тифлису [Съезд представителей..., 1912].

Объектом нашего исследования является гужевой транспорт специального назначения как составная часть транспортной системы России в начале XX века.

При написании работы в методологическом плане применялась совокупность общенаучных и специально-исторических методов, таких как анализ-синтез, с помощью которых удалось собрать и проанализировать собранный материал по истории извозного промысла; логический, позволивший выстроить линейку рассматриваемых исторических событий; системный, с помощью которого удалось создать единую историческую картину социально-экономических процессов, происходивших в извозном промысле в рассматриваемый период.

Актуальность данного исследования продиктована наличием существенного пробела в исторических трудах, которые в большей степени направлены на изучение гужевых пассажирских перевозок, реже – ломовых (грузовых), и почти полным отсутствием материалов, посвященных специальным гужевым извозчикам: золотарям-ассенизаторам, водовозам и проч.

Результаты и их обсуждение

С развитием урбанизационных процессов в России весьма насущными являлись вопросы водоснабжения, водоотведения и канализации, поскольку обеспечение чистой (незараженной) питьевой воды и отведение и утилизация нечистот способствовали сохранению здоровой эпидемиологической ситуации.

Очистка отхожих мест и вывоз нечистот за пределы городов всегда считалась одной из самых трудных проблем. До XIX века профессию извозчиков, занимавшихся выемкой и вывозом нечистот из города, называли *золотарями*. В словаре Д.Н. Ушакова указывается, что термин «золотарь» употребляется в качестве разговорного эвфемизма или шуточного выражения, означающего профессионала по очистке отхожих мест, ассенизатора [Толковый словарь..., 1935, стб. 1113]. В словаре В.И. Даля можно найти и иные названия этой профессии, такие как *нуждарь* [Даль, 1865, стб. 1143], *парашник*, *дермовщик*, *дермопрят*, *соровщик* [Даль, 1865, с. 13]. Значение этих слов было одинаковым – человек, который занимался вывозом отходов человеческой жизнедеятельности.

В большинстве случаев регламентом очистки выгребных ям не оговаривалось наличие защитной одежды для извозчиков. Тем не менее в Нижнем Новгороде ассенизаторы должны были иметь фартук с нагрудниками [Водоснабжение и способы..., 1912, с. 88], а в Оренбурге – прочные кожаные рукавицы, на ногах высокие сапоги, поверх одежды брезентовую рубаху [Водоснабжение и способы..., 1912, с. 97]. В Орловской губернии и в некоторых городах Кавказа ассенизаторам предписывалось иметь пояса с бубенчиками: обвязанный веревками золотарь, опускавшийся в выгребную яму, мог быть в любую минуту вытащен, если бубенчики перестанут звенеть [Там же, с. 98]. И, едва только опускающийся в яму золотарь чувствовал малейшие признаки удушья, его немедленно поднимали наверх, на свежий воздух, приводили в чувство, освобождая от сдавливающих частей одежды и даже проводя искусственное дыхание [Шраубе, 1867, с. 368].

Виктор Гюго в своем романе «Отверженные» писал: «Ремесло золотаря было так же опасно и внушало народу такое же отвращение, как и ремесло живодера. <...> Нужно было дорого заплатить ..., чтобы он решился пуститься в зловонное подземелье, и колодезные мастера неохотно запускали туда свои лестницы; сложилась пословица: «спуститься в выгребную яму, значит лечь в могилу» [Гюго, с. 109].

Надобно отметить, что в ассенизационные обозы шли далеко не все. Здесь, кроме особой физической выносливости, требовалось еще и умение быть невосприимчивым к разным запахам, газам, поскольку приходилось заниматься и выемкой, и транспортировкой нечистот до места свалки. Доктором медицины Александром Никитиным было указано, что у работников, очищающих сточные трубы, отхожие места и подвергающихся влиянию вредоносных газов, происходит множество болезненных явлений. Но, испытывая на себе действие этих газов, люди привыкают к ним и, можно сказать, защищаются ими от эпидемий, что особенно было замечено в Париже, где из числа золотарей ни один не умер от холеры [Никитин, 1847, с. 248].



Вывозка нечистот осуществлялась как городскими ассенизационными обозами, так и частными лицами. В первом случае ассенизаторские конюшни предписывалось создавать вне населенных пунктов на особом отдалении, но не рядом с источниками водоснабжения (реками, ручьями и т. д.) [Водоснабжение и способы..., 1912, с. 4]. Площадки дворов должны быть ровными и не иметь уклонов, чтобы остатки нечистот не могли попасть в почву. С этой целью в Москве ассенизационные дворы предписывалось асфальтировать, или покрывать каким-нибудь непроницаемым материалом, или вымостить булыжным камнем [Там же, с. 81]. В Коломне они еще должны быть обнесены плотным дощатым забором высотой не менее трех аршин (2,1 м), поскольку, несмотря на требования мыть и чистить после свалки нечистот, бочки и инструменты (черпаки) вид имели не самый приятный [Там же, с. 85].

По правилам перевозки нечистот в городах ассенизационные бочки должны иметь знак или штемпель, наложенный городской управой. Вместимость бочек в разных городах варьировалась. Указывалось, что бочка должна быть не менее 15–30 ведер [Там же, с. 15], а максимум – до 80 ведер. В случае признания бочек годными к эксплуатации им выдавался знак с обозначением года и номер бочки. Эти знаки возобновлялись каждый год после осмотра. Все принадлежности ассенизационного обоза – бочки, дроги, мусорные ящики – должны быть исправны, прочны и содержаться в чистоте, для чего должны быть обмываемы на свалках по опорожнении. Для этого все извозчики должны были иметь раствор хлорной извести, который разводили из расчета 1 фунт (400 г) на ведро воды [Там же, с. 10]. Бочки, мусорные ящики, кроме того, должны быть выкрашены масляной краской (например, в Мариуполе они должны были быть обязательно красного цвета), ящики внутри оббиты железом. Бочки должны иметь герметические затворы, не допускающие просачивания жидкостей и выходения газов, а ящики снабжены плотными затворами [Памятная книжка..., 1903, с. 121]. В зимнее время нечистоты могли вывозить и без бочек – в ящиках или санях, но обязательно закрытых рогожей [Водоснабжение и способы..., 1912, с. 15].

Очистку отхожих мест золотари должны были производить в сухую погоду, предварительно оставив ямы открытыми не менее чем на сутки до очищения. Перед входом в яму золотари опускали в нее горящую свечу, которая свидетельствовала о наличии или отсутствии вредных для человека газов. Выемка нечистот производилась исключительно в ночное время, варьировавшееся с 10–11 часов ночи до 4–6 часов утра в разных населенных пунктах, а в зимнее время замерзшие нечистоты разрешалось вывозить и днем [Там же, с. 3].

Парашные обозы должны были двигаться только шагом и следовать по улицам без остановок [Там же, с. 7]. Во время перевозки нечистот бочки должны быть обсыпаны дезинфицирующим порошком. Таким же порошком (обычно это был железный купорос) обрабатывали очищенную выгребную яму [Там же, с. 6].

Особо отметим работу ассенизационных обозов в крупнейших городах Российской империи – Санкт-Петербурге и Москве. В Петербурге «золото» вывозилось извозчиками-золотарями, которые за 100–200 руб. в год нанимались чистить отхожие места в ряде домов. Чаще всего это были чухонцы, которые приезжали в Петербург по ночам, чтобы не беспокоить обывателей. С вечера тянулись в столицу непрерывные вереницы чухонских лошадей, запряженных в сани, на которых стояли чаны [Бахтиаров, 1888, с. 219].

До 15 тыс. крестьян Шлиссельбургского уезда занимались в Петербурге извозом, вывозкой нечистот, снега и «золота». В крестьянских хозяйствах Шлиссельбургского уезда «золото» распространялось в качестве удобрения и вываливалось на скудные пашни. Употребление петербургского «золота» было распространено в ближайших к столице волостях: Рябовской, Колтушевской, а также Ивановской и Путиловской. Степень распространения удобрения полей «золотом» по местностям уезда вполне определяется расстоянием от Петербурга: чем ближе местность к столице, тем более в ней распространено удобрение «золотом». Например, в Рябовской волости на десятину пара при трехпольной системе

клали от 30 до 50 ящиков (возов) золота; в Колтушевской волости – в десятину под картофель от 50 до 60 ящиков; в деревне Ерочмино – ежегодно до 80 бочек на 1 десятину. Годовая потребность Рябовской и Колтушевской волостей в петербургском «золоте» для пополнения недостатков в навозном удобрении равнялось 35 тыс. ящиков или 700 тыс. пудов для Рябовской волости и 45 тыс. ящиков или 900 тыс. пудов для Колтушевской волости [Бахтитаров, с. 218–219].

Вывозились нечистоты до 1912 г. в Санкт-Петербурге исключительно на свалки, главной и старейшей из которых была Глухозерская свалка за Обводным каналом, у Николаевской железной дороги. Иногда на нее вывозили в день до 2 000 возов нечистот, которые в виду низкого положения местности летом собирались в целые озера, а зимой – в горы. Зловоние отсюда разносилось на далекое расстояние. Кроме нее, в разных частях города было еще пять свалок, тоже неблагоустроенных: нечистоты на них не распределялись равномерно и не запахивались землей, а лежали горами и совершенно открыто. Свозили нечистоты и в особые лодки и баржи, которые отвозили их на взморье. В 1912 г. город устроил фекалеприемник на Васильевском острове, рассчитанный на ежедневный прием всего количества 62 тыс. пудов нечистот из выгребных ям. На нем одновременно принималось и разгружалось до 20 ассенизационных бочек [Сытин, 1926, с. 119].

В Москве до 1911 г. нечистоты вывозились главным образом частными ассенизационными обозами на три городские свалки – за Семеновской, Спасской и Калужской заставами и на две частных – за Пресненской и Бутырской заставами. На первых имелись специальные устройства – возвышенные сливные помосты, приемные рвы, отстойные земляные бассейны в несколько ярусов и поля впитывания. Вторые представляли собой просто земельные участки, на которые выливались из бочек нечистоты. На московские свалки шло слишком много нечистот, поры почвы были забиты ими, и нечистоты стекали необезвреженными в реки. Вонь и заражение воздуха микробами были неизбежным следствием такого состояния свалок [Там же, с. 121].

Несмотря на то, что существовали строгие предписания вывозки нечистот преимущественно по ночам, золотари нарушали их. Кроме того, часто бочки имели дефекты, что приводило к разливу нечистот прямо на улицах [Красноярская городская дума..., 1909, с. 526]. В зимнее время, когда дороги портились, ассенизаторы не особенно старались доставить нечистоты до «места», а прямо лили по дороге или же, пользуясь ночным временем и дождливой погодой, разливали по улицам, что, конечно, не добавляло привлекательности виду российских городов [Съезд представителей..., 1912, с. 221].

Услуги золотарей всегда стоили немало, это объясняется тем, что неподготовленному человеку не под силу выполнить данную работу. Очень хорошо о стоимости работ золотарей написано в «Недоконченных беседах» М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Давеча дядя Николай говорил: не понимаю я, дядя Павел, как вы, золотари, это делаете: и должность свою справляете, и хлеб едите? А я ему: не твоего разума эта задача, дядя Николай! Зато мы в день целковый получаем, а тебе и вся цена – на грош» [Салтыков-Щедрин, с. 93]. Оплата производилась за бочку вывозимых нечистот. И регламентом чаще всего оговаривалась взаимная договоренность между ассенизаторами-вывозчиками и домовладельцами о стоимости их работы. Так, например, в Тифлисе в 1912 г. плата за вывоз нечистот была 60–75 коп. с бочки [Съезд представителей..., 1912, с. 84]. В среднем вывозная цена за бочку составляла от 40–50 коп. до 1 руб. 50 коп за бочку [Водоснабжение и способы..., 1912, с. 117]. Такой «разбег» стоимости в основном был связан с вместимостью бочки.

В издании главного врачебного управления МВД от 1912 г. указывалось, что в преобладающем большинстве населенных пунктов Российской империи практиковалась вывозная система удаления нечистот, из которых в 474 (44 %) пунктах нечистоты вывозились на свалку, в 202 (19 %) – для удобрения полей, огородов, садов и т. п., в 98 пунктах (9 %) нечистоты удалялись через канализацию, вывозились в море, реки, овраги и пр., в 114 (11 %) – нечистоты или вовсе не вывозились, или вывозились бессистемно. Соответ-



ственно, ассенизационные обозы имелись в 395 населенных пунктах нашей страны, что составляло 37,2 % от общего числа. Из этого числа в 84 имелись только обозы, принадлежащие городским общественным управлениям, в 175 пунктах обозы принадлежали частным предпринимателям. В населенных пунктах, в которых не имелись ассенизационные обозы, вывоз нечистот производился большей частью крестьянами, живущими недалеко от городов, или частными ассенизаторами, имеющими для этой цели примитивные ассенизационные приспособления [Там же, с. 16]. Так, например, в Санкт-Петербурге, где только 15 тыс. крестьян Шлиссельбургского уезда занималось этим видом промысла (см. выше, *Д. В.*), тогда как общее количество городских извозчиков числилось порядка 16 тыс. [Извозчики]. Таким образом, надо отметить, что услуги извозчиков-золотарей в России были не самым популярным видом извоза: меньше чем в половине населенных пунктов Российской империи не имелись городские ассенизационные обозы, и большей частью это частный вывоз, так сказать, утилизация отходов своими силами. Отметим, что регламентом не возбранялось и самим жителям проводить очистку и вывоз нечистот, но при условии устройства соответствующих телег и вывоза на указанные Управой места [Справочная книга..., 1909, с. 146]. Да и регламентация вывоза нечистот обязательными постановлениями имела только в 340 населенных пунктах России, что составляло 32 % от общего числа населенных пунктов [Водоснабжение и способы..., 1912, с. 17], – это еще раз подтверждало незначительное внимание к вывозу нечистот и, соответственно, к обеспечению должного санитарно-эпидемиологического контроля.

Заключение

Таким образом, в извозном промысле, занимавшимся очень трудным, в большей степени опасным, малоприятным во всех смыслах вывозом нечистот, находилась значительная группа людей, но большей частью этим занимались крестьяне из близлежащих деревень. Несмотря на значимые урбанизационные процессы в России в начале XX века, вывоз нечистот не занимал ведущего места среди способов утилизации отходов жизнедеятельности человека, а соответственно, и не было значимой роли извозчиков-золотарей (ассенизаторов). Вместе с тем в растущей городской среде все более возникала необходимость в регламентации отчистки выгребных ям, а заодно и профессиональных обязанностей извозчиков, занимавшихся этим делом. Регламентации подлежала организация ассенизационных дворов, бочек, инструментария. Все это свидетельствовало о возрастающей роли извозчиков-золотарей (ассенизаторов) в обеспечении здоровой санитарно-эпидемиологической обстановки в городах и иных населенных пунктах Российской империи в начале XX века, что, бесспорно, еще раз доказывает большую роль извозного промысла в России в рассматриваемый период, требующую более детального рассмотрения и изучения с технической и исторической стороны.

Список источников

- Бахтиаров А.А. 1888. Брюхо Петербурга: общественно-физиологические очерки А. Бахтиарова. Санкт-Петербург, Ф. Павленков, 316 с.
- Водоснабжение и способы удаления нечистот в городах России. 1912. Санкт-Петербург, Управление главного врачебного инспектора М.В.Д., 215 с.
- Гюго В. 1826. Собрание сочинений Виктора Гюго. Ч. 5. Санкт-Петербург, типография братьев Пантелеевых, 312 с.
- Даль В.И. 1865. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 2. И. – О. Москва, о-во любителей российской словесности, 629–1351 стб.
- Даль В.И. 1865. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 3. Москва, изд. общ-ва любителей Российской словесности, 508 с.
- Красноярская городская дума. Обзор хозяйства города Красноярска. 1909. Красноярск, 680 с.

- Никитин А.Н. 1847. Болезни рабочих, с указанием предохранительных мер, описанные доктором медицины Александром Никитиным. Санкт-Петербург, тип. Э. Праца, 249 с.
- Памятная книжка Московской губернии. 1903. Москва, Московский столичный и губернский статистический комитет, 810 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е. 1885. Недоконченные беседы: «Между делом». Санкт-Петербург, Н.П. Карбасников, 206 с.
- Справочная книга г. Владивостока с дополнительными сведениями о Дальнем Востоке. 1902. Хабаровск, Матвеев, 474 с.
- Съезд представителей кавказских городов. 1912. Труды 1-го Съезда представителей кавказских городов в г. Тифлисе 26–29 мая 1911 года. Тифлис, 287 с.
- Сытин П.В. 1926. Коммунальное хозяйство (благоустройство) Москвы. Москва, 230 с.
- Шраубе О. 1867. Учение о здоровье: популярное изложение гигиенических и медицинских наставлений для всех возрастов и различных родов трудовой жизни. Санкт-Петербург, Н.Л. Тиблен, 376 с.
- Эрисман Ф.Ф. 1887. Курс гигиены. Т. 1. Москва, тип. А.А. Карцева, 184 с.

Список литературы

- Белова А. 2015. Кто такие золотари и почему об этой важнейшей профессии забыли в XXI веке. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/100421/49537/> (дата обращения 20.05.2023).
- Беспалов Г.А. 2022. Тульская канализация в начале XX в. От ассенизационных обозов к централизованной системе. Тульский краеведческий альманах, 12: 41–51.
- Бобровников В.В. 2022. Санитарно-гигиеническое состояние Петрограда в феврале-октябре 1917 года. Клио, 7(187): 69–76.
- Голодяев К.А. 2019. Вопросы санитарной очистки Новосибирска в XIX–XXI вв. (от выгребной ямы до ультрафиолета). Региональные архитектурно-художественные школы, 1: 120–128.
- Громова Т.А. 2017. Проблемы утилизации бытовых отходов в дореволюционном Симбирске. В сб: Природа Симбирского Поволжья. Сборник научных трудов XIX Межрегиональной научно-практической конференции: 5–11.
- Извозчики столичного Петербурга. URL: <https://www.companybest.ru/publications/24-peterburg/2578-izvozchiki-stolichnogo-peterburga.html> (дата обращения 20.05.2023).
- Кисленко А.О. 2021. Современные концепции экологической истории как основа исследований эколого-санитарных проблем Казани второй половины XIX – начала XX вв. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 41. 2: 144–153.
- Лопин В.В. 2007. Петербург: запахи и звуки. Санкт-Петербург, Европейский Дом, 281 с.
- Попова Ю. 2015. Почему раньше ассенизаторов называли «золотарями»? URL: <https://russian7.ru/post/pochemu-ranshe-assenizatorov-nazyval/> (дата обращения 20.04.2022).
- Татарникова А.И. 2016. Санитарное состояние и благоустройство «провинциальных столиц» Западной Сибири конца XIX – начала XX вв.: традиции и новации. Гуманитарные науки в Сибири. 23. 1: 64–69.
- Труды V Съезда Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова, изданные Правлением V Съезда в С.-Петербурге. 1984. Т. 2. Санкт-Петербург, 780 с.
- Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. 1935. Т. 1. Москва, Огиз, 1542 стб.
- Юхнёва Е.Ю. 2007. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. Москва, ЗАО Центрполиграф, 2007. 362 с.
- Ярославцева Т.А. 2017. Из истории развития системы санитарно-экологической безопасности в городском хозяйстве на дальнем востоке России. Власть и управление на Востоке России. 2(79): 171–176.

References

- Belova A. 2015. Who are the Goldsmiths, and why this Most Important Profession Has Been Forgotten in the 21st Century. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/100421/49537/> (accessed 20.05.2023) (in Russian).
- Bespalov G.A. 2022. Tula Sewerage at the Beginning of the 20th Century. From Sewage Carts to a Centralized System. Tula local lore almanac, 12: 41–51 (in Russian).



- Bobrovnikov V.V. 2022. Sanitary and Hygienic State of Petrograd in February–October 1917. *Clio*, 7 (187): 69–76 (in Russian).
- Golodyaev K.A. 2019. Issues of Sanitary Cleaning of Novosibirsk in the XIX–XXI Centuries (from Cesspool to Ultraviolet). *Regional Schools of Architecture and Art*, 1: 120–128 (in Russian).
- Gromova T.A. 2017. Problems of Household Waste Disposal in Pre-Revolutionary Simbirsk. In *Sat: Nature of the Simbirsk Volga Region. Collection of Scientific Papers of the XIX Interregional Scientific and Practical Conference*: 5–11 (in Russian).
- Cabs of the Capital of St. Petersburg // <https://www.companybest.ru/publications/24-peterburg/2578-izvozhiki-stolichnogo-peterburga.html> (accessed 20.05.2023) (in Russian).
- Kislenko A.O. 2021. Modern Concepts of Ecological History as a Basis for Research on Ecological and Sanitary Problems of Kazan in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. V 41. 2: 144–153 (in Russian).
- Lapin V.V. 2007. *Peterburg: zapahi i zvuki [Petersburg: Smells and Sounds]*. St. Petersburg, European House, 281 p.
- Popova Yu. 2015. Pochemu ranshe assenizatorov nazyvali «zolotaryami»? [Why Were the Cesspoolers Called «Golden Men» Before?] // <https://russian7.ru/post/pochemu-ranshe-assenizatorov-nazyval/> (Accessed 04/20/2022).
- Tatarnikova A.I. 2016. Sanitary Condition and Improvement of the «Provincial Capitals» of Western Siberia in the Late XIX – Early XX Centuries: Traditions and Innovations. *Humanities in Siberia*. 23.1: 64–69 (in Russian).
- Trudy V S'ezda Obshchestva russkikh vrachej v pamyat' N.I. Pirogova, izdannye Pravleniem V Sezda v S.-Peterburge [Proceedings of the V Congress of the Society of Russian Doctors in Memory of N.I. Pirogov, Published by the Board of the V Congress in St. Petersburg]. 1984. Vol. 2. St. Petersburg, 780 p.
- Tolkovyj slovar russkogo yazyka pod red. D.N. Ushakova [Explanatory Dictionary of the Russian Language, ed. D.N. Ushakova]. 1935. V. 1. Moscow, Ogiz, 1542 stb.
- Yukhneva E.Yu. 2007. *Peterburgskie dohodnye doma. Ocherki iz istorii byta [Petersburg Tenement Houses. Essays from the History of Life]*. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf, 2007. – 362 p.
- Yaroslavtseva T.A. 2017. From the History of the Development of the System of Sanitary and Environmental Safety in the Urban Economy in the Far East of Russia. *Power and Management in the East of Russia*. 2(79): 171–176 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.06.2023

Received 18.06.2023

Поступила после рецензирования 18.09.2023

Revised 18.09.2023

Принята к публикации 18.09.2023

Accepted 18.09.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Логинава Диана Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук института экономики и социальных технологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия

Diana V. Loginova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Social Sciences, Institute of Economics and Social Technologies, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9624-8988](https://orcid.org/0000-0002-9624-8988)



УДК 93/99

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-977-989

Оригинальное исследование

Комиссия по борьбе с дезертирством как форма борьбы с антибольшевистским протестом населения Грайворонского, Корочанского и Старооскольского уездов Курской губернии в 1917–1921 гг.

Бочарников А.А. 

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: bocharnikov.aleksey.2020@yandex.ru

Аннотация. В статье на региональном материале представлен анализ такого социального явления, как дезертирство, с которым столкнулись большевики в годы Гражданской войны. Дезертирство являлось одной из форм социального протеста населения против реализуемой советской властью политики «военного коммунизма» и получило широкое распространение не только на фронте, но и в тылу – так называемое трудовое дезертирство. Дезертирство имело массовый характер, в связи с чем ответная реакция со стороны советского государства была достаточно жесткой. Для противодействия дезертирству на местах начали формироваться комиссии по борьбе с дезертирством, была отлажена система работы специальных органов, отвечающих за поимку военных и трудовых дезертиров, а также уклонистов от мобилизации в Красную Армию. Губернии Черноземного Центра РСФСР в годы Гражданской войны стали ареной широкомасштабных боевых действий, в этой связи борьба с дезертирством, определение двух основных категорий уклонистов от воинской службы и трудовых мобилизаций, а также методы борьбы с дезертирами в обозначенном регионе были особенно интенсивными, и в конечном итоге показали положительный результат.

Ключевые слова: военное и трудовое дезертирство, Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА), Гражданская война, комиссия по борьбе с дезертирством (комдез)

Для цитирования: Бочарников А.А. 2023. Комиссия по борьбе с дезертирством как форма борьбы с антибольшевистским протестом населения Грайворонского, Корочанского и Старооскольского уездов Курской губернии 1917–1921 г. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 977–989. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-977-989

The Commission on Combating Desertion as a Form of Combating the Anti-Bolshevik Protest of the Population of Grayvoronsky, Korochansky and Starooskolsky Counties of Kursk Province 1917–1921

Alexey A. Bocharnikov 

Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: bocharnikov.aleksey.2020@yandex.ru

Abstract. The article presents an analysis of such a social phenomenon as desertion, which the Bolsheviks faced during the Civil War, the study is based on regional material. Desertion was one of the forms of the population social protest against the policy of "war communism" implemented by the Soviet

© Бочарников А.А., 2023



government. Desertion became widespread not only at the front, but also in the rear – the so-called labor desertion. Desertion had a massive character, and therefore the response from the Soviet state was quite harsh. To counteract desertion, commissions to combat desertion began to be formed locally, the system of work of special bodies responsible for the capture of military and labor deserters, as well as evaders from mobilization into the Red Army, was debugged. The provinces of the Central Black Earth Region of the RSFSR during the Civil War became the scene of large-scale military operations. In this regard, the fight against desertion, the identification of two main categories of evaders from military service and labor mobilization, as well as methods of combating deserters in the designated region were particularly intensive, and eventually showed a positive result.

Keywords: military and labor desertion, the Workers' and Peasants' Red Army, the Civil War, the commission to combat desertion

For citation: Bocharnikov A.A., Prokofieva E.Yu. 2023. The Commission on Combating Desertion as a Form of Combating the Anti-Bolshevik Protest of the Population of Grayvoronsky, Korochansky and Starooskolsky Counties of Kursk Province 1917–1921 *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 977–989 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-977-989

Введение

Тема данного исследования посвящена социальному явлению дезертирства. Особо массовый характер в советской России дезертирство приобрело в годы Гражданской войны, что было связано с массовой мобилизацией в ряды РККА крестьян, не желающих воевать. Для недопущения массового дезертирства из рядов Красной Армии советской властью была создана система региональных комиссий по борьбе с дезертирством, в частности на территории уездов Курской губернии. Это было связано с тем, что территория Курской губернии являлась местом активных и масштабных боестолкновений в годы Гражданской войны. Поэтому необходимо было предпринимать все меры воздействия не только на военнослужащих, но и на местное гражданское население, которое активно способствовало укрывательству дезертиров, что негативно сказывалось на боеспособности РККА. В ходе реализации поставленной в данной статье цели о выявлении антибольшевистского протеста в годы Гражданской войны в виде дезертирства, авторами была исследована деятельность комиссий по борьбе с дезертирством на территории Грайворонского, Корочанского и Старооскольского уездов Курской губернии (в настоящее время эти территории входят в состав Белгородской области РФ).

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования является деятельность комиссий по борьбе с дезертирством на территории Грайворонского, Корочанского и Старооскольского уездов Курской губернии в годы Гражданской войны.

В ходе исследования авторами применялся метод научного описания, благодаря которому проводился анализ исторических документов, а также выводы по данному исследованию. Статистический метод позволил проследить количественные изменения дезертиров и уклонистов в годы Гражданской войны. Принцип системности использовался не только в процессе изложения, но и при отборе и структурировании фактического материала. Исследование проводилось с использованием принципов объективности, всесторонности и историзма.

Результаты и их обсуждение

Понятие «дезертирство» в годы Гражданской войны имело большое количество значений и касалось не только военной, но и гражданской сферы деятельности.

К.А. Бороздин в своей работе «Борьба с дезертирством в 3-й армии красных в 1918 г.» приводит пять определений понятия дезертирства: уклонение от мобилизации, невыполнение боевого приказа, уклонение от выполнения воинской обязанности, побег с поля боя и переход на сторону противника [Бороздин, 2018, с. 133].

Однако данные определения имеют лишь военный характер и раскрывают значение военного дезертирства. Поэтому, проанализировав различные трактовки термина и понятия «дезертирство» в трудах целого ряда историков, в частности, С.С. Оликова [Оликов, 1926, 126 с.], В.В. Овечкина [Овечкин, 2003, с. 108–115], К.В. Левшина [Левшин, 2016, 300 с.], А.В. Долговой [Долгова, 2009, с. 46–49], А. Анишева [Анишев, 1925, 288 с.] и др., представляется возможным выделить основные формы данного социального феномена, характерные для обозначенных выше уездов Курской губернии.

Территория Курской губернии являлась одной из четырех основных губерний Центрального Черноземья – Курской, Воронежской, Тамбовской и Орловской. На ее территории в годы Гражданской войны происходили наиболее ожесточенные бои между противоборствующими сторонами «красных» и «белых» и действовали многочисленные вооруженные банды, не примыкавшие ни к первым, ни ко вторым, занимавшиеся грабежом населения. К таким формам дезертирства возможно отнести:

1) уклонение (более 3-х дней) от воинской обязанности либо от трудовой повинности. После выхода Декрета от 29 мая 1918 года «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию» [Постановление ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов от 29 мая 1918 г., ст. 518] многие рабочие и крестьяне, мобилизованные на военную и трудовую службу, игнорировали данный Декрет путем неявки в военную часть или на рабочее место. Имели место многочисленные случаи симуляции болезни либо, как крайняя мера, нанесения умышленного вреда своему здоровью;

2) побег с поля боя либо самовольный уход с предприятия, к которому в годы «военного коммунизма» прикреплялся человек или для охраны данного предприятия (если это был мобилизованный на воинскую службу), или если это был рабочий или служащий, прикрепленный к данному предприятию по трудовой мобилизации.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что в годы Гражданской войны в советской России выделялись властями два вида дезертирства: военное и трудовое.

Понятие дезертирство берет свое начало с появлением регулярной армии, когда военнослужащие (военнообязанные) убегали с поля боя. Но в годы Гражданской войны в России понятие «дезертирство» приобрело более широкую коннотацию. Под дезертирством понимали не только побег с поля боя или уклонение от военной службы, но и всяческое избегание или саботирование выполнения государственных обязанностей или повинностей. Следует подчеркнуть, что в первые месяцы существования советской власти законы, касающиеся воинской обязанности, не отделяли четко понятие «дезертирство» от контрреволюционных мятежей, массовых выступлений и недовольств существующим режимом [Долгова, 2009, с. 177–178].

Наряду с военным дезертирством особое место в исследуемый период в советской России занимало трудовое дезертирство, ставшее прямым следствием политики «военного коммунизма». Трудовое дезертирство имело особо массовый характер на железнодорожном транспорте. Согласно информации региональных партийных органов, трудовое дезертирство было связано с массовым наплывом «кулацких элементов», укрывавшихся от мобилизации в армию. Трудовое дезертирство имело тесную связь с таким социальным явлением, как «мешочничество», то есть перевоз из хлебопроизводящих губерний (к ним как раз и принадлежала Курская губерния) в потребляющие хлеб губернии продовольствия с целью спекуляции. В результате, по информации «с мест», из 100 человек, работающих на железных дорогах, «коммунистов едва можно было найти два человека», и как следствие – «присутствовал массовый недостаток трудовой дисциплины, а трудовое дезертирство достигало до 80 % от общего состава рабочих»⁶⁸. Это приводило к тому, что дезертиры занимались грабежом и расхищением государственного имущества: грабили не

⁶⁸ Борьба с трудовым дезертирством: (Сборник офиц. положений). – М.: Глав. ком. по всеобщей трудовой повинности, 1920. – С. 4–5.



только эшелоны⁶⁹, но воровали даже заградительные заборы железнодорожных путей. Как следовало из документов, данные действия препятствовали подъезду в зимнее время года к стратегическим объектам⁷⁰.

В конце 1919 – первой половине 1920 года не только военное, но особенно трудовое дезертирство в целом по центральным районам РСФСР приобрели угрожающий для советской власти масштаб. В этой связи 28 апреля 1920 года Председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий подписал приказ № 990 «О борьбе с трудовым дезертирством на железнодорожных путях». Данный приказ стал регламентом, благодаря которому стало возможным не только определение основных причин трудового дезертирства, но и систематизация этого социального явления по категориям. 9 мая 1921 года Совет Народных Комиссаров (СНК) принял декрет «О трудовом дезертирстве», согласно которому перечень признаков трудового дезертирства существенно расширился. Теперь трудовым дезертирством признавались действия работника, если он уклонялся от регистрации, от явки на место работы по трудовой повинности, фальсифицировал или скрывал документы своей рабочей специальности, симулировал болезнь, отсутствовал на постоянной работе без уважительной причины, а также самовольно оставлял рабочее место⁷¹.

Вместе с тем, несмотря на расширение перечня основных признаков дезертирства, четкого юридического определения понятия «трудовой дезертир» все еще не существовало. Этот пробел попытался восполнить Е. Брудно, сформулировав определение понятия «трудовое дезертирство» в своем политико-агитационном труде «Что такое трудовое дезертирство», опубликованном в 1921 году.

Следует отметить, что с точки зрения современного понимания этого термина его определение у Е. Брудно звучит весьма неординарно. Он утверждал, что дезертирством следовало считать:

1) уклонение от тех обязанностей (независимо от их количества и наименований), которые возлагались на каждого члена «трудовой семьи в государстве рабочих и крестьян – в Советской Республике»;

2) стремление переложить свои обязанности на других, а самому стать «паразитом на теле Республики» [Брудно, 1921, с. 6].

С нашей точки зрения, выявляя основные признаки трудового дезертирства и интерпретируя данный термин современным языком, следует констатировать, что трудовое дезертирство – это самостоятельно принятое работником решение уклониться от выполнения трудовых обязательств, принудительно накладываемых на него работодателем (в исследуемый период – представителями органов власти и управления советского государства).

29 мая 1918 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) Советов принимает решение перейти от строительства добровольной армии к регулярной. Он утверждает Декрет «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию»⁷². Однако на местах Декрет вывал «бурю негодований» со стороны населения. Таким образом, в РСФСР начинают обостряться в массах трудящихся антивоенные настроения. В этой связи реализация ленинского плана по созданию и развертыванию на фронтах Гражданской войны трехмиллионной Красной Армии становится сложно выполнимой. Во-первых, антивоенные настроения имели место в России еще в годы Первой мировой войны, тем более что русская армия более чем на 80 % состояла из крестьян [Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах), 1925, с. 17–18], что, в свою очередь, приводило к большому скоплению дезертиров в деревне. Так, один из известных

⁶⁹ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 8.

⁷⁰ Там же. – Л. 12.

⁷¹ Борьба с трудовым дезертирством: (Сборник офиц. положений). – Указ. соч. – С. 7–8.

⁷² Постановление ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов от 29 мая 1918 г. «О принудительном наборе в РККА» // СУ РСФСР. – 1918. – № 41. – Ст. 518.

военных теоретиков М.Д. Бонч-Бруевич вспоминал, что «солдаты прямо писали о том, что воевать не могут и хотят домой» [Бонч-Бруевич, 1957, с. 130].

Важную роль в развитии военного дезертирства сыграл принятый большевиками на Втором Всероссийском съезде Советов 26 октября 1917 года Декрет «О земле», который в решающей степени способствовал самовольному массовому оттоку вначале из военных частей бывшей царской армии, позже – во второй половине 1918 года – из формируемых частей РККА⁷³. Так, в феврале 1918 года количество дезертиров из РККА составляло 3 710 человек [Голдин, 2000, с. 77], то есть примерно 0,07 % от общего количества военнослужащих в частях формирующейся Красной Армии. Однако уже к декабрю 1918 года количество дезертиров выросло примерно на 18,23 % (по сравнению с февралем 1918 года) и составило в общей сложности более 900 000 человек [Оликов, 1926, с. 38]. Значительный рост военных дезертиров указывал на то, что сельское и городское население устало от военных действий, и это обстоятельство стало основой для формирования и на фронте, и в тылу массовых антивоенных настроений.

По подсчетам Т.В. Осиповой, количество дезертиров в 1918 г. увеличилось в разы после принятия нескольких декретов СНК о введении на территории РСФСР продовольственной диктатуры: Декрета от 9 мая 1918 г. «О предоставлении Народному Комиссариату Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими»⁷⁴; Декрета от 13 мая 1918 г. «О чрезвычайных полномочиях Народного Комиссариата по Продовольствию»⁷⁵ и Декрета от 27 мая 1918 г. «О реорганизации Народного Комиссариата Продовольствия и местных продовольственных органов»⁷⁶. К этому времени около свыше 75 % призывников уклонились от призыва (см. рис. 1.) [Осипова, 2001, с. 302].



Рис. 1. Количество дезертиров в РККА на 29 мая 1918 г. (в % от общего числа военнослужащих)

Fig. 1. The number of deserters in the Red Army on May 29, 1918 (as a percentage of the total number of military personnel)

⁷³ Декреты Советской власти: в 11 т. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук СССР. – М.: Политиздат, 1957–1997. – Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – С. 17–20.

⁷⁴ Декрет ВЦИК от 09 мая 1918 г. «О предоставлении Народному Комиссару Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» // СУ РСФСР. – 1918. – № 35. – Ст. 468.

⁷⁵ Декреты Советской власти: в 11 т. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук СССР. – М.: Политиздат, 1957–1997. – Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. – С. 261–264.

⁷⁶ Там же. – С. 307 – 312.

По данным исследования Н.В. Ракова, весной 1919 года в Центрально-Черноземном районе количество уклонистов (люди, которые пытались избежать мобилизации) составило от 75 до 90 % от всего количества призывников. Такой процент уклонения от мобилизации связан с тяжелым положением дел на фронте, а также с началом посевной работы [Раков, 2011]. Однако в среднем по всей территории РСФСР цифры были иные. Так, Центральная комиссия по борьбе с дезертирством (Центркомдезертир) представила данные по количеству уклонившихся от мобилизации до 9 июля 1919 года на территории РСФСР. Всего приводится 754 488 уклонистов или 22,2 % от всех состоящих на учете (примерный мобилизационный набор должен составлять 3 398 594 человека). При этом в Курской губернии данный показатель был выше в 1,5 раза, что составило более 1 130 000 уклонившихся от общего количества призывников [Молодцыгин, 1997, с. 178].

Согласно анализу статистических данных по уездам Курской губернии, мужчины в возрасте от 25 до 30 лет (рождённые до 1893 года) игнорировали мобилизацию, и средний процент «уклонистов» колебался от 60 % до 70 % от общего числа призывников. Следует отметить, что мобилизованные мужчины, рождённые до 1893 года, как правило, уже имели собственное хозяйство и семью, которую необходимо было обеспечивать. Именно это обстоятельство обуславливало наибольший процент «уклонистов» в этой категории лиц призывного возраста. С другой стороны, мужчины, рождённые после 1895 года, давали самую массовую мобилизацию – 88,4 %. Как правило, это были не успевшие обзавестись семьей молодые люди, возраст которых колебался от 19 до 21 года [Раков, 2011]. Следует подчеркнуть, что именно мобилизованные данного возраста активно принимали участие в «добровольной явке» в случае дезертирства. Например, проводимая «добровольная явка» с 10 декабря 1920 года по 23 февраля 1921 года составила 711 человек от 1 326 мобилизованных или 53,6 % от общего количества призывников в обозначенных нами в статье 3-х уездах Курской губернии ⁷⁷ (см. рис. 2).



Рис. 2. Количество добровольно явившихся дезертиров на территории Курской губернии (чел.)
Fig. 2. Number of voluntary deserters on the territory of Kursk province (persons)

Выявляя главные предпосылки появления дезертирства, необходимо отметить, что армия имела плохое снабжение – имели место острый недостаток продовольствия и обмундирования. Зачастую семьи мобилизованных красноармейцев голодали, так как оставались без кормильца, а государство в полной мере не могло их обеспечить. Один из современников событий, исследовавших данную проблему, С. Оликов утверждал, что ос-

⁷⁷ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 123.

новная причина массового побега красноармейцев в «хозяйственной разрухе и небеспеченности семей красноармейцев» [Оликов, 1926, с. 88]. А.В. Луначарский также высказывался по поводу массового дезертирства в Красной Армии, назвав основной причиной плохое снабжение. По его мнению, дезертировали «вовсе не из ненависти к Советской власти, а потому что плохо кормят и совсем не обувают» [Осипова, 2001, с. 304]. Плохой была и санитарная обстановка в частях Красной Армии. В качестве примера можно привести выговор за неисполнение должностных обязанностей военному комиссару Дмитровского уезда. Выговор был вынесен за то, что военком не следил должным образом за санитарными нормами в подчиненных ему воинских частях и допустил «грязные полы, ... отхожих мест нет. ...Красная Армия находится в худших условиях: плохое питание, большинство (красноармейцев – *авт.*) раздетых и разутых»⁷⁸.

Кроме перечисленных, важными причинами массового дезертирства также являлись «утомленность войной, тяжелые условия службы, нежелание участвовать в военных действиях, необходимость поддержания хозяйства, возрастающая в период полевых работ и определявшая его сезонный характер» [Левшин, 2011, с. 73]. Данные причины напрямую были связаны с преобладающим крестьянским составом Красной Армии. Как и в Первой мировой, в годы Гражданской войны крестьянам необходимо было кормить свои семьи. После мобилизации мужчин, женщины, дети и старики вынуждены были выполнять всю тяжелую сельскохозяйственную работу, зачастую не справляясь с ней, поэтому военнослужащие самовольно покидали воинские части, чтобы выполнить полевые работы в своих хозяйствах. При этом существовавшая социальная поддержка семей красноармейцев часто не работала и фигурировала только в отчетах советских местных органов. Все это негативно влияло на психоэмоциональное состояние мобилизованных, что приводило их к массовому дезертирству.

Началом формирования структуры военных комиссариатов и Комиссий по борьбе с дезертирством стало утверждения декрета от 29 мая 1918 года «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию». Для реализации данного декрета были созданы специальные комиссии как в центре, так и на региональном уровне. Их основной задачей было недопущение дезертирства из рядов РККА, а также поимка дезертиров и ведение ведомственной отчетности, в том числе составление анкет дезертиров, которые заполнялись при проведении дознаний.

Анализируя архивные данные, можно выделить четыре основные причины дезертирства на территориях уездов Курской губернии:

1) **«Просроченный отпуск».**

Солдатам категорически не хватало определенных по разрешению начальства отпускных дней для отдыха и решения семейных проблем. Зная о том, что возвращение в часть позже того числа, которое указано в отпускном листе, карается законом, военнослужащие на свой страх и риск самостоятельно продлевали себе отпуск. Так, в документах отмечалось (среди множества подобных случаев), что весной 1920 года красноармейцу Семену Трофимову был предоставлен отпуск в связи с болезнью на 2 месяца. Однако Трофимов согласно больничному листу в часть не вернулся. После проведения специальной операции по поимке дезертира было выявлено, что Семен Трофимов все это время находился дома, лечился и занимался домашними делами. Дезертиром себя не считает, в графе «Причина побега» отметил: «отпуск просрочен на две недели»⁷⁹.

2) **«Отлучился за хлебом и бельем».**

Это причина напрямую свидетельствует о плохом снабжении армии. Красноармейцы вынуждены были покидать военную часть для поиска пропитания, одежды и белья. Так, согласно составленной «анкете дезертира», Максим Стригунов, житель Курской губернии,

⁷⁸ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 6.

⁷⁹ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 110.



22 апреля 1920 года самовольно покинул воинскую часть в связи с тем, что «часть плохо обеспечивали продуктами питания и обмундированием. Спустя два дня был пойман военным отрядом Гусева». В анкете указал, что дезертиром себя не признает, причина побега «отлучился за хлебом и бельем»⁸⁰.

3) **«Самовольное отлучение».**

Как правило, данная формулировка в документах встречается у дезертиров в весенне-осенний период времени. Это было связано с тем, что весной начинается посевная, а осенью – уборочная. Соответственно, дома у солдат в хозяйстве «не хватало рабочих рук», поэтому они были вынуждены покинуть часть или продлевать себе отпуск самовольно. Например, житель Корочанского уезда Яков Федоров неоднократно просился в отпуск в связи с тем, что дома нет мужчин для проведения посевных работ. Однако в отпуске ему было отказано, и Яков Федоров в начале апреля 1920 года самовольно ушел из военной части. В воинскую часть вернулся самостоятельно в конце апреля 1920 года, дезертиром себя не признает. За данное нарушение было описано имущество «25 сажений земли, хата..., запасы пеньки и др.»⁸¹.

4) **«Сбежавший из части».**

На военкоматы была возложена ответственность за отправление мобилизованных в военные части. При этом военных, которые должны сопровождать колонну мобилизованных, катастрофически не хватало. Поэтому часто мобилизованных отправляли самостоятельно добираться до места дислокации. Пользуясь отсутствием военного конвоя, мобилизованные самовольно покидали колонну и таким образом становились дезертирами. Так, в сохранившихся архивных документах отмечалось, что 25 апреля 1920 года мобилизованный красноармеец Егор Романов, уроженец Корочанского уезда, был направлен вместе с 15 такими же сослуживцами в 1-й Украинский полк. Сопроводительный документ выдали одни на всех и передали Романову, которого назначили «старшим». Пользуясь отсутствием военного сопровождения мобилизованных, Егор Романов самовольно «ушел домой», оставив однополчан без документа. 4 мая 1920 он добровольно вернулся в воинскую часть, однако никаких документов при себе не имел. В ходе разбирательства уездкомдез в графу «причина побега» записала «сбежавший из части»⁸².

В связи с массовым военным дезертирством советская власть с конца 1918 года ускоренными темпами формирует на местах комиссии по борьбе с дезертирством. И уже к февралю 1919 года данные комиссии работают в 25 губерниях [Молодцыгин, 1997, с. 177].

Одна из самых важных задач губернских комиссий по борьбе с дезертирством (губкомдез) заключалась не только в поимке дезертиров, но и в профилактической работе с населением с целью недопущения разрастания и сокращения массового дезертирства в рядах РККА и на производстве. Был разработан комплекс мер воздействия на местное население и на самого (военного или трудового) дезертира. Он включал в себя агитацию, пропаганду, разъяснительные беседы о вреде дезертирства, а также митинги с целью «развития <...> политической сознательности рабочих и крестьянских масс». Однако наряду с гуманными методами существовали и карательные, которые выражались в виде «физического воздействия» на дезертира. При необходимости активно подключали карательные органы в лице НКВД (милиции), ВЧК, военных и революционных трибуналов и др. Для поимки дезертиров силовые структуры использовали следующие методы: облава и арест выявленных дезертиров, создание пикетов на дорогах для проверки документов, проверка выполнения воинской повинности на местах и т. д.⁸³

⁸⁰ Там же. – Л. 109.

⁸¹ ГАБО. – Ф. Р-779. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 109.

⁸² ГАБО. – Ф. Р-779. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 77.

⁸³ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 214.

В обязанности губкомдезов входило ведение учета по поимке дезертиров. Дезертиров делили на две категории:

1. «зlostные» (оригинальное написание сохранено – *авт.*).

К данной категории относили военнообязанных, которые не прибывали в воинскую часть более двух недель, и тех, кто оказывал сопротивление при задержании. Что касается трудового дезертирства, то к данной категории относили рабочих, которое не появлялись на рабочем месте более трех дней без уважительной причины. Также следует отметить, что к данной категории причисляли всех дезертиров, игнорировавших «добровольную явку».

2. «осознавшие свою вину» (оригинальное написание сохранено – *авт.*).

К дезертирам этой категории относили тех, кто отсутствовал на рабочем месте или не прибыл в воинскую часть в течение двух недель по уважительной причине, а также тех, кто явился добровольно в недельный срок в проводимую губкомдезом «добровольную явку». Военных дезертиров, как правило, отправляли в штрафные либо запасные части. Трудовых дезертиров нагружали дополнительной работой по возвращению на рабочее место⁸⁴.

Помимо вышеперечисленного, губкомдезы выполняли функцию надзорного органа, в обязанности которого входил контроль над местными органами власти по выполнению ими изданных советской властью декретов, предоставления в полном объеме гарантированной советским государством социально-экономической поддержки семьям красноармейцев, контролировали губкомдезы также процесс посева и уборки хлеба. В случае если местные органы власти не выполняли или частично выполняли свои обязанности, губкомдезы накладывали штрафные санкции с формулировкой «бездействие или неправильные действия» [Долгова, 2016, с. 63].

К середине 1919 года на территориях губерний РСФСР, контролировавшихся советской властью, была сформирована целая сеть местных губернских и уездных комиссий по борьбе с дезертирством – губкомдезов и уездкомдезов. Функции уездной комиссии по борьбе с дезертирством (уездкомдезы) были такими же, как у губкомдеза, но только существенно уже – в рамках своего уезда. Вместе с тем, помимо контролирующих функций, на уездкомдезы ложилась огромная «бюрократическая волокита» в виде еженедельных и ежемесячных отчетов в вышестоящие губернские структуры. Так, например, каждую пятницу отправлялась статистика по количеству дезертиров, которые находятся в розыске. 10-го числа каждого месяца необходимо было отправлять в губкомдез общеуездный доклад по борьбе с дезертирством и сведения о предоставленной помощи семьям красноармейцев. Три раза в месяц (до 5, 13 и 21 числа) предоставлялись оперативные сводки и два раза в месяц (до 13 и до 28 числа) предоставлялись 2-х недельные сводки по дезертирам. Помимо перечисленного, 13 и 28 числа каждого месяца отправлялся доклад по конфискации имущества выявленных дезертиров.

Уездкомдезы активно сотрудничали с местными советами, коммунистическими и комсомольскими ячейками для скорейшего выявления и задержания дезертиров⁸⁵. В основу работы были положены специально разработанные инструкции. Так, на территории Грайворонского, Корочанского и Старооскольского уездов Курской губернии действовала специальная инструкция по борьбе с дезертирством. Согласно данной инструкции, президиумы сельсоветов, волостные и уездные военкоматы обязаны были организовать поимку дезертиров, и ежедневно к 12 часам дня старший подразделения (т. н. «десятник») комдеза отчитывался в президиум сельсовета, имеются ли в его «десятке» дезертиры. Если «десятник» не отчитался или предоставил недостоверную информацию, его судили по «закону военного времени». В связи с этим на сельские советы ложилась дополнительная обязанность: они должны были следить за тем, чтобы информация подавалась достоверная и в

⁸⁴ Там же. – Л. 214.

⁸⁵ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 244.



срок. Если на территории сельсоветов появлялся дезертир, его необходимо было задержать силами местного подразделения комиссии по борьбе с дезертирством⁸⁶.

После задержания дезертира заполнялась специальная анкета. В ней указывались: имя, отчество и фамилия дезертира, год его рождения, семейное положение, включая «из скольких душ семья, пол, возраст и трудоспособность отдельных членов семьи». В анкете отмечалось социальное положение дезертира, сколько лет служил в старой (царской – *авт.*) армии, был ли добровольцем при наборе в новую, Красную Армию, срок службы в Красной Армии, «в какой части служил, что побудило дезертировать»⁸⁷. Заполнив все данные, дезертира под конвоем направляли в волостные военкоматы.

В случае если сельсоветы не могли задержать дезертиров ввиду отсутствия на местах военизированного подразделения, в поимке дезертиров должны были содействовать волостные военкоматы, если же последние также не имели необходимых силовых структур, им должны были в срочном порядке предоставить военную помощь соответствующие уездкомдезы.

Как правило, на территории уездов контрольную функцию выполняли преимущественно волостные военкомы. Именно они должны были следить за своевременной подачей всех сведений сельсоветами по выявлению и задержанию дезертиров. В случае если президиумы сельсоветов не предоставили или предоставили недостоверную информацию, волвоенкомы должны были арестовать председателей сельсоветов и доставить в уездкомдез. В обязанности волвоенкомов входила организация и руководство «облавами». Однако «облавы» осуществлялись лишь в том случае, если в волости были в наличии вооруженные отряды⁸⁸.

Вместе с тем наряду с силовыми методами для борьбы с дезертирством комиссии использовали и средства «принуждения мобилизованного к добровольной явке», а также формировали «позитивный настрой мобилизованных» на основе пропаганды официально заявленной и гарантированной советскими властями обязанности помогать семьям красноармейцев. Так, например, во время службы в рядах РККА членам семей красноармейцев полагался спецпаек, а также необходимая помощь в ходе полевых работ, в заготовке дров или иных хозяйственных нуждах [Долгова, 2016, с. 26]. Однако если военнотружущий дезертировал из военной части, всех привилегий семья лишалась⁸⁹.

В начале июня 1920 года в Центркомдез была разработана еще одна инструкция по информационному оповещению мирных жителей, где указывалось, что в случае укрывательства мобилизованного дезертира имущество укрывавшего полностью конфисковалось⁹⁰.

Как правило, конфискация имущества имела три вида:

- 1) конфискации подлежало все имущество дезертира и его пособников, которые помогали скрываться от вооруженных отрядов комиссии по борьбе с дезертирством;
- 2) осуществлялась конфискация половины имущества дезертира и его пособников, если дезертир был пойман сразу военным подразделением;
- 3) конфискация имущества не проводилась, имущество только описывалось и ставилось на учет. Это было возможно в случае добровольной явки как самого дезертира, так и его укрывателей⁹¹.

В целом анализ текста инструкции показывает, что вокруг дезертира формировалась своеобразная форма «коллективной ответственности», так как за дезертира отвечали не только родственники и соседи, которые могли лишиться своего имущества в случае сокрытия места нахождения дезертира, но и местная администрация, на которую в этом случае накладывалось дисциплинарное взыскание.

⁸⁶ Там же. – Л. 3.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 38.

⁹⁰ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 182.

⁹¹ Там же. – Л. 214.

Как отмечалось выше, помимо относительно гуманных методов работы с дезертирами присутствовали и силовые методы, среди которых наиболее жестким являлась «облава» [Долгова, 2010]. В ходе облавы отряд по поимке дезертиров окружал или организовывал оцепление местности, на которой предположительно находился дезертир. Происходило оповещение населения о карательных мерах, в случае если выявится, что дезертиру оказывали какую-либо помощь. Далее начинали осматривать дворы, хозяйственные помещения и дома. Всех, кого считали подозрительными, или не имевших документов, удостоверяющих личность, отправляли в милицейский участок или в военкомат до выяснения личности⁹².

Заключение

Таким образом, после прихода к власти большевики столкнулись с антисоветскими настроениями значительной части населения, усилившимися в условиях введения и ужесточения политики «военного коммунизма», важнейшими составными которой являлись продразверстка, военные и трудовые мобилизации. Одной из ярких форм выражения антибольшевистского протеста стало как военное, так и трудовое дезертирство. В связи с тем, что понятие «дезертирство» в исследуемый период имело весьма расплывчатую трактовку, советская власть объявляла дезертирами практически всех, кто уклонялся от выполнения ее приказов на фронте и в тылу. И боролась с такими «дезертирами» методами «красного террора». С учетом того факта, что трудовое и военное дезертирство приобрело в исследуемый период массовый характер, в РСФСР была создана центральная (федеральная), региональная (губернская) и местная (уездная и волостная) сеть комиссий по борьбе с дезертирством (комдезы). Методы работы комдезов были разнообразны, начиная от пропаганды и агитации, и заканчивая конфискацией имущества, трибуналом и расстрелом. Как результат жестких методов борьбы с дезертирством, когда строго наказывали не только самих дезертиров, но и их семьи, а также «укрывателей» и тех, кто в той или иной форме помогал дезертирам, на территории исследуемых в статье уездов Курской губернии – Грайворонского, Корочанского и Старооскольского – Курская губкомдез добилась положительных результатов. К 1920 г. по сравнению с 1919 г. количество дезертиров в среднем в каждом уезде уменьшилось примерно на 30 %⁹³.

Список источников

- Борьба с трудовым дезертирством: (сборник официальных положений). 1920. М.: Издание Главного Комитета по всеобщей трудовой повинности, 16 с.
- Государственный архив Белгородской области. Р-778. Комиссия по борьбе с дезертирством Грайворонского уездного комиссариата по военным делам. Оп. 1. Д. 1; Д. 3; Д. 6; Д. 14; Д. 15; Д. 21; Д. 22.
- Государственный архив Белгородской области. Р-779. Комиссия по борьбе с дезертирством Корочанского уездного комиссариата по военным делам. Оп. 1. Д. 1; Д. 2; Д. 5; Д. 16; Д. 17; Д. 18.
- Государственный архив Белгородской области. Р-780. Комиссия по борьбе с дезертирством Старооскольского уездного комиссариата по военным делам. Оп. 1. Д. 2; Д. 5; Д. 10.
- Декрет ВЦИК от 09 мая 1918 г. «О предоставлении Наркомпроду чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». СУ РСФСР: 35: Ст. 468.
- Декреты Советской власти: в 11 т. 1957–1997. М.: Политиздат, Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г., 698 с.
- Постановление ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов от 29 мая 1918 г. «О принудительном наборе в РККА». СУ РСФСР. 1918. 41: Ст. 518.
- Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). 1925. М., 103 с.

⁹² Там же.

⁹³ ГАБО. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.



Список литературы

- Анишев А. 1925. Очерки истории гражданской войны 1917–1920 гг. Л. [Санкт-Петербург]: Гос. изд-во, 288 с.
- Бонч-Бруевич, М.Д. 1957. Вся власть Советам: Воспоминания. М.: Воениздат, 358 с.
- Бороздин К.А. 2018. Борьба с дезертирством в 3 армии красных в 1918 г. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение»:133–135.
- Брудно Е. 1921. Что такое трудовое дезертирство. Вологда: Вологодское Отделение Государственного издательства, 8 с.
- Голдин В.И. 2000. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск: Боргес, 280 с.
- Долгова А.В. 2009. Тема дезертирства в годы гражданской войны в отечественной и зарубежной историографии в первые годы советской власти. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 12: 46–49.
- Долгова А.В. 2016. Дезертирство из Красной армии и борьба с ним в 1918–1920 гг. как конфликт между властью и населением: на материалах Пермской губернии. Москва, Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ), 245 с.
- Долгова А.В. 2009. Субъективизм и освещение истории дезертирства и крестьянских восстаний периода Гражданской войны. Доклады Академии военных наук: Воен. история. 3 (38): 177–180.
- Долгова А.В. 2010. Борьба с дезертирством в Красной армии во второй половине 1919 г. Вестник ТГУ. 3 (83): URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/a-v-dolgova-banditizm-ili-borba-s-dezertirstvom-v-1919-1920-e-gg.html> (дата обращения 20.07.2023).
- Левшин К.В. 2016. Дезертирство в Красной армии в годы Гражданской войны (по материалам Северо-Запада России). СПб.: Нестор-История, 300 с.
- Левшин К.В. 2011. Причины дезертирства в Красной Армии (1918–1921 гг.). Новейшая история России. 2: 73–79.
- Молодцыгин М.А. 1997. Красная армия: Рождение и становление, 1917–1920 гг. М.: ИРИ, 231 с.
- Овечкин В.В. 2003. Дезертирство из Красной армии в годы гражданской войны. Вопросы истории. 3: 108–115.
- Оликов С. 1926. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. Л. [Санкт-Петербург]: Издание Военной Типографии Управления Делами НАРКОМВОЕНМОР и РВС СССР, 128 с.
- Осипова Т.В. 2001. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: ООО Издательство «Стрелец», 397 с.
- Раков Н.В. 2011. Уклонение от призыва и дезертирство из РККА в годы Гражданской войны: (на материалах Курской губернии). Курск. гос. ун-та. 2: URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17250600> (дата обращения: 20.07.2023).

References

- Anishev A. 1925. Ocherki istorii grazhdanskoj vojny 1917–1920 gg. [Essays on the History of the Civil War of 1917–1920. L. [Sankt-Peterburg]: Gos. izd-vo, 288 p.
- Bonch-Bruevich M.D. 1957. Vsyta vlast' Sovetam: Vospominaniya [All Power to the Soviets: Memories]. M.: Voenizdat, 358 p.
- Borozdin K.A. 2018. Bor'ba s dezertirstvom v 3 armii krasnykh v 1918 g. [The Fight Against Desertion in the 3rd Red Army in 1918]. Penza: MTsNS «Nauka i Prosveshchenie»: 133–135.
- Brudno E. 1921. Chto takoe trudovoe dezertirstvo [What is Labor Desertion]. Vologda: Vologodskoe Otdelenie Gosudarstvennogo izdatel'stva, 8 p.
- Goldin V.I. 2000. Rossiya v grazhdanskoj vojne. Ocherki noveyshey istoriografii (vtoraya polovina 1980-kh – 90-e gody): monografiya [Russia in the Civil War. Essays on Modern Historiography]. Arkhangel'sk: Borges, 280 p.
- Dolgova A.V. 2009. Tema dezertirstva v gody grazhdanskoj vojny v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii v perve gody sovetskoj vlasti [The Theme of Desertion During the Civil War in Russian and Foreign Historiography in the Early Years of Soviet Power]. Aktual'ne problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk.12: 46–49.

- Dolgova A.V. 2016. Dezertirstvo iz Krasnoy armii i bor'ba s nim v 1918–1920 gg. kak konflikt mezhdru vlast'yu i naseleniem: na materialakh Permskoy gubernii: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 [Desertion from the Red Army and the Fight Against it in 1918–1920 as a Conflict Between the Authorities and the Population: Based on Materials from the Perm Province]. Moskva, Ros. gos. gumanitar. un-t (RGGU), 245 p.
- Dolgova A.V. 2009. Sub"ektivizm i osveshchenie istorii dezertirstva i krest'yanskikh vosstaniy perioda Grazhdanskoй voyny [Subjectivism and Coverage of the History of Desertion and Peasant Uprisings During the Civil War]. Doklady Akademii voennykh nauk: Voen. Istoriya. 3 (38): 177–180.
- Dolgova A.V. 2010. Bor'ba s dezertirstvom v Krasnoy armii vo vtoroy polovine 1919 g. [The Fight Against Desertion in the Red Army in the Second Half of 1919] Vestnik TGU. 3 (83): URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/a-v-dolgova-banditizm-ili-borba-s-dezertirstvom-v-1919-1920-e-gg.html> (data obrashcheniya 20.07.2023).
- Levshin K.V. 2016. Dezertirstvo v Krasnoy armii v gody Grazhdanskoй voyny (po materialam Severo-Zapada Rossii) [Desertion in the Red Army During the Civil War (Based on Materials from North-West Russia)]. SPb.: Nestor-Istoriya, 300 p.
- Levshin K.V. 2011. Prichiny dezertirstva v Krasnoy Armii (1918–1921 gg.) [Causes of Desertion in the Red Army (1918–1921)]. Noveyshaya istoriya Rossii. 2: 73–79.
- Molodtsygin M.A. 1997. Krasnaya armiya: Rozhdenie i stanovlenie, 1917–1920 gg. [The Red Army: Birth and Formation, 1917–1920]. M.: IRI, 231 p.
- Ovechkin V.V. 2003. Dezertirstvo iz Krasnoy armii v gody grazhdanskoй voyny [Desertion from the Red Army During the Civil War]. Voprosy istorii. 3: 108–115.
- Olikov S. 1926. Dezertirstvo v Krasnoy Armii i bor'ba s nim [Desertion in the Red Army and the Fight Against it]. L. [Sankt-Peterburg]: Izdanie Voennoy Tipografii Upravleniya Delami NARKOMVOENMOR i RVS SSSR, 128 p.
- Osipova T.V. 2001. Rossiyskoe krest'yanstvo v revolyutsii i grazhdanskoй voyne [The Russian Peasantry in the Revolution and Civil War]. M.: OOO Izdatel'stvo «Strelets», 397 p.
- Rakov N.V. 2011. Uklonenie ot prizyva i dezertirstvo iz RKKA v gody Grazhdanskoй voyny: (na materialakh Kurskoй gubernii) [Draft Evasion and Desertion from the Red Army During the Civil War: (Based on Materials of the Kursk Province)]. Kursk. gos. un-ta. 2: URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17250600> (data obrashcheniya: 20.07.2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.08.2023

Received 04.08.2023

Поступила после рецензирования 29.10.2023

Revised 29.10.2023

Принята к публикации 29.10.2023

Accepted 29.10.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бочарников Алексей Алексеевич, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Alexey A. Bocharnikov, Postgraduate Student of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0007-8714-6596](https://orcid.org/0009-0007-8714-6596)



УДК 271.2(470.312)''1917/1921
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-990-996
Оригинальное исследование

Государственно-церковные отношения в Тульской губернии в раннесоветский период (1917–1924): к истории реализации государственной антицерковной политики в Тульской губернии

Евсеев Н.Н. 

Тульский государственный университет,
Россия, Тульская область, 300012, г. Тула, проспект Ленина, д. 92
E-mail: info@nevseev.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования отношений Русской Православной Церкви и государства в условиях смены формы правления в России в 1917 г. в ходе двух государственных переворотов в феврале и октябре. Рассматриваются последствия этих переворотов и их влияние на направления государственной политики в области религии. Исследуются формы организации церковной жизни в России (на примере Тульской епархии) в условиях нейтрально-подозрительного отношения к Церкви со стороны Временного правительства и враждебного отношения к Церкви со стороны Совета народных комиссаров. В ходе исследования сделан вывод о ряде ошибок, допущенных как высшей церковной властью, так и на местах в прогнозе и оценке политики государства в отношении Церкви и религии, а также наличии внутри самой Церкви групп духовенства и мирян, готовых как к сотрудничеству с новыми властями, так и к радикальному противостоянию им, что в дальнейшем приведёт к формированию в Русской Православной Церкви расколов и разделений, сохранившихся вплоть до конца советского периода (1991 г.).

Ключевые слова: Церковь, государство, епархия, съезд, совет, консистория

Для цитирования: Евсеев Н.Н. 2023. Государственно-церковные отношения в Тульской губернии в раннесоветский период (1917–1924): к истории реализации государственной антицерковной политики в Тульской губернии. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 990–996. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-990-996

State-Church Relations in Tula Province in the Early Soviet Period (1917–1924): to the History of the Implementation of State Anti-Church Policy in the Tula Province

Nikolay N. Evseev 

Tula State University,
92 Lenin Ave., Tula 300012, Tula region, Russia
E-mail: info@nevseev.ru

Abstract. The article is aimed at establishing the relations between the Russian Orthodox Church and the state while the form of the government in Russia was being changed due to two coups in February and October 1917. The consequences of these coups and their impact on the focal point of the policy developed by the government regarding religion are considered. The article discusses the forms of organizing the church life in Russia with reference to the Tula diocese regarding neutrally suspicious attitude towards the Church on the part of the Provisional Government and official harassment on the part of the Council of People's Commissars. The study concluded that a number of mistakes had been made both

© Евсеев Н.Н., 2023

by supreme and local ecclesiastical authorities while forecasting and evaluating the policy of the state towards the Church and religion. Moreover, contradictions were revealed among groups of clergy and laity within the Church itself that, on the one hand, were ready to cooperate with the new authorities and, on the other hand, were fiercely opposed to them. Their presence lead later to the developing of schism and other divisions of the Russian Orthodox Church that lasted until the end of the Soviet Period (1991).

Keywords: Church, state, diocese, congress, council, consistory

For citation: Evseev N.N. 2023. State-Church Relations in Tula Province in the Early Soviet Period (1917–1924): to the History of the Implementation of State Anti-Church Policy in the Tula Province. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 990–996 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-990-996

Введение

В марте 1917 г., после свершившегося переворота в Петрограде, в Туле, как и во многих других городах России, собирается чрезвычайный съезд духовенства во главе с епархиальным архиереем, которым на тот момент являлся епископ Парфений (Левицкий). После совершенного молебна на начало благого дела делегаты съезда, избранные по многоступенчатой системе (приход – благочиние – уезд), приступили к обсуждению сложившейся в епархии ситуации. Под председательством протоиерея Петра Невского было принято приветствие Временному правительству с пожеланием ему многолетия, а также приветствие отдельно А.Ф. Керенскому и обер-прокурору Святейшего Синода В.Н. Львову, поддержан в целом свершившийся переворот, выражена надежда на освобождение Церкви от государственного гнёта и восстановление канонического порядка управления ею [Парфений (Левицкий), архиепископ..., с. 41–43]. На одном из последующих заседаний съезд обратился к организации епархиального управления. С подачи нового обер-прокурора В.Н. Львова был запущен процесс «церковной революции» [ТЕВ. – 1917..., с. 296–297], в ходе которой, по примеру революции в государстве, предполагалось демонтировать сложившуюся в синодальный период систему духовных консисторий и заменить её системой церковных советов от приходского до епархиального уровня. В мае 1917 г. съезд тульского духовенства принял постановление, согласно которому Тульская духовная консистория была ликвидирована, был учреждён Тульский епархиальный совет в составе пяти представителей духовенства (2 священника, 2 диакона, 1 псаломщик) и пяти представителей мирян. Возглавить совет должен был епархиальный или викарный архиерей [Брылёв П., 1998, с. 11–12]. В сложившихся обстоятельствах епископ Парфений предпочёл уйти на покой, в связи с чем съезд духовенства заявил о проведении выборов епархиального архиерея, которые состоялись в июле 1917 г. и завершились избранием на Тульскую кафедру епископа Каширского Иувеналия (Масловского), викария, уже назначенного на тот момент Святейшим Синодом временно управляющим Тульской епархии. На том же съезде, который избрал на кафедру епископа Иувеналия, была принята новая структура епархиального управления [ГАТО..., Л. 2–3]. Низшим звеном этой системы становился приходской совет, выше которого находился благочиннический совет, далее по вертикали располагался уездный пресвитерский совет и во главе епархиальной системы советов находился Тульский епархиальный совет. Посты епархиального архиерея и председателя епархиального совета были разделены, и председателем совета был избран протоиерей Владимир Введенский, впоследствии овдовевший и принявший монашество с именем Виталий, а затем и хиротонисанный в сан епископа Елифанского, викария Тульской епархии.

Объект и методы исследования

Объектом исследования данной статьи выступают церковно-государственные отношения в период с февраля 1917 г. по январь 1924 г., от начала революционных перемен в



жизни Тульской епархии до фактического завершения существования той её части, которая сохранила верность Святейшему Патриарху Тихону. В январе 1924 г. на территории Тульской губернии оставались 5–6 храмов, не признавших власть обновленческого Высшего Церковного Управления. В качестве основных методов используются историко-генетический – установление причинно-следственных связей между решениями съездов епархиального духовенства и практикой их применения, а также при определении степени влияния кампании по изъятию церковных ценностей и вскрытию мощей святых на доверие народа к Церкви; были использованы также методы количественного и качественного анализа статистических данных из различных по происхождению источников: «староцерковных», советских и «обновленческих»; историко-системный при анализе зарождения, становления и развития обновленческого раскола и противостоявшей ему на территории Тульской епархии Белевской автокефалии.

Результаты и их обсуждение

Как и вся Православная Российская Церковь, Тульская епархия летом 1917 г. жила подготовкой к открытию Поместного Собора. Не созывавшийся в течение двух веков высший канонический орган церковной власти должен был рассмотреть и, содействуя Святому Духу, решить накопившиеся вопросы церковной жизни. Собор готовился на протяжении практически всего царствования императора Николая II: в первые годы XX в. были собраны канцелярией обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, относившегося к самой идее созыва Поместного Собора крайне скептически, отзывы епархиальных архиереев по вопросу о необходимых преобразованиях в жизни Церкви. Предполагавшееся мнение об нежелательности таковых было опровергнуто потоком предложений по необходимым изменениям. Отзывы были представлены императору и опубликованы, в 1906 г. было созвано Предсоборное Присутствие, а в 1912–1913 гг. – Предсоборное Совещание, подготовившее основные материалы для работы Собора. Однако разгоревшаяся в 1905–1907 гг. Первая русская революция и русско-японская война, а затем международный кризис и очевидное приближение Первой мировой войны вынудили императора раз за разом переносить созыв Поместного Собора. В результате открылся он уже после свержения монарха в совершенно новых условиях государственно-церковных отношений. Избранные делегатами от Тульской епархии еп. Иувеналий, прот. В.Ф. Введенский, В.А. Бобринской, М.Т. Губанов, А.И. Краснопевцев, Т.Н. Нечаев, Н.И. Троицкий, а также В.П. Шеин (впоследствии – архимандрит Сергей), хотя и не избиравшийся от Тульской епархии, но происходивший из Новосильского уезда, приняли активное участие в обсуждении вопросов церковной жизни в сложившихся обстоятельствах государственных потрясений. Важнейшим решением собора стало восстановление патриаршества и избрание Патриархом Московским и всея Руси митрополита Московского и Коломенского Тихона (Беллавина). Собранный в декабре 1917 г. тридцать седьмой съезд тульского духовенства и мирян приветствовал свершившееся избрание и выразил надежду на возможное ослабление начавшейся в церковно-государственной сфере бури. При этом тот же съезд вынужден был констатировать усиление социальных противоречий. Примером таких противоречий, пользоваться которыми впоследствии и будут большевики в борьбе с религией, стало дело священника Николая Твёрдова, вынужденного покинуть приход в с. Дертихино Белёвского уезда в результате конфликта с прихожанами, решившими прогнать его вместе с семьёй [Брылёв П., 1998, с.30]. Съезд постановил выделить священнику и его семье денежное пособие и помочь ему в благоустройстве, выяснив при этом, имела ли место злонамеренная агитация против священника на приходе, с целью пресечения подобных событий в будущем.

Один из последних съездов епархиального духовенства единой Тульской епархии состоялся в феврале 1918 г. Причиной созыва этого съезда стало беспрецедентное событие – расстрел властями крестного хода на праздник Сретения Господня. Необходимо отме-

тить, что проведение крестных ходов в начале 1918 г. зафиксировано во многих российских городах: Петрограде, Москве и др., однако расстрел случился в Туле. Вышедший из Одоевских ворот кремля крестный ход во главе с епископом Каширским Корнилием (Соболевым) увидел перед собой ряды красногвардейцев и услышал приказ остановиться, иначе будет открыт огонь. Предполагалось, что крестный ход пройдёт от кремля по улице Киевской (ныне проспект Ленина) к храму св. Александра Невского, далее спустится к храму святых Апостолов Петра и Павла, а затем вернётся к кремлю. В результате трагической случайности либо намеренного желания запугать верующих, красногвардейцы открыли огонь боевыми патронами в воздух, над головами не успевшего полностью выйти из кремля крестного хода. Несмотря на выстрелы, он продолжил движение, поскольку епископ Корнилий шёл в хвосте, а епископ Иувеналий остался в соборе, принять решение об остановке крестного хода оперативно оказалось некому. Так как крестный ход не останавливался, красногвардейцы открыли огонь на поражение. Дошедший до перекрёстка улицы Посольской и улицы Киевской епископ Корнилий был ранен, жизнь ему спас неизвестный гимназист [Тульская молва..., с. 3]. Расстрел крестного хода в Туле стал, по сути, переломным событием, после которого начинается атака советской власти в Тульской губернии против Православной Церкви.

Первым актом такой атаки во всероссийском масштабе становится принятие декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, первым последствием которого становится массовое закрытие домовых храмов при учебных заведениях, больницах, предприятиях, а также закрытие Тульской духовной семинарии [ТЕВ. – 1918..., с. 214]. Вторым шагом местных властей стала попытка провести на территории Тульской губернии, также в рамках всероссийской кампании, вскрытие мощей святых. Данная акция изначально была обречена на провал, поскольку, во-первых, в Тульской губернии имелся только один святой, преподобный Макарий Жабынский, вскрытие мощей которого могло бы дать эффект, который предполагался авторами кампании, а именно – создать у народа впечатление многовекового обмана со стороны церковников, выдававших костные останки за нетленные тела святых подвижников, поскольку именно такое представление о мощах преобладало в крестьянской массе. Провал же кампании именно в Тульской губернии был предсказуем в силу того, что мощи преподобного Макария, по его повелению, известному из монастырского предания, пребывали под спудом, и их обретение и выставление на поклонение было запрещено самим преподобным. Явившаяся в Макариево-Жабынскую пустынь красногвардейская команда потребовала указать им место, где покоятся мощи преподобного Макария. С трудом добившись желаемого от двух престарелых монахов, указавших разные места предполагаемого погребения, большевики приступили к разрытию обоих указанных мест. Раскопав по несколько метров земли глубиной и не обнаружив мощей преподобного, представители местных властей удовлетворились объявлением в газете о том, что сам преподобный Макарий никогда не существовал [Ермошкин, 1919, с. 2].

В условиях разворачивающейся Гражданской войны любая возможность представить Православную Церковь пособницей врага использовалась большевиками в полной мере. Так, в сентябре 1919 г., когда фронт подошёл к Новосильскому уезду Тульской губернии, в Свято-Духов монастырь г. Новосилия явились два человека с просьбой о ночлеге и пропитании. В ходе беседы с монахами они «открылись» как агенты Деникина и попросили провести их в центр города, что наутро монахи и сделали. К полудню из Новосилия в монастырь прибыл отряд красногвардейцев во главе с «разведчиками», имевшими при себе приказ о проведении полного обыска в обители и ареста пособников врага. В результате произведённого обыска были изъяты все документы, касавшиеся тульских монастырей, поскольку наместником Свято-Духова монастыря был архимандрит Лазарь, одновременно бывший благочинным монастырей Тульской епархии. Следствием провокации стал арест наместника и нескольких монахов и их препровождение в расположение Красной армии,



где они пробыли в заключении несколько месяцев и были оправданы и освобождены из-под стражи в ноябре 1919 г. [ГАТО Ф. 562. Оп. 4. Д. 1193. Л. 22].

Спустя некоторое время, в сентябре 1921 г., уже после завершения Гражданской войны, тульским губисполкомом было принято решение о ликвидации всех монастырей в Тульской губернии, которых к началу революции насчитывалось восемь. Однако еще в 1918 г. был закрыт Успенский женский монастырь в Туле, в 1919 г., после упоминавшейся выше провокации, был закрыт Свято-Духов монастырь в Новосиле. ВЦИК и, в частности, его председатель М.И. Калинин рекомендовали тульским властям воздержаться от одномоментного закрытия всех монастырей, однако губисполком не прислушался к руководству государства (либо получил иные инструкции от партийного руководства) [Чернова, 2017, с. 478] и к концу 1921 г. все монастыри были закрыты.

Вторая кампания, по изъятию церковных ценностей, проводившаяся по России под лозунгом помощи голодающим Поволжья, в Тульской губернии прошла с противоречивым результатом. В марте 1922 г. по городам страны было распространено указание изъять церковные ценности на строго определённую сумму (в натуральном эквиваленте). Тульской губернии было поручено собрать ценностей на сумму порядка 13 млн золотых рублей. К октябрю 1922 г. собрано было ценностей на сумму 28 млн. Необходимо отметить, что в Тульской губернии кампания по изъятию ценностей прошла в целом мирно, без эксцессов, подобных восстанию в Шуе Иваново-Вознесенской губернии, которым В.И. Ленин воспользовался для организации репрессивной кампании против православного духовенства, о чём свидетельствует его письмо В.М. Молотову, многократно опубликованное и содержащее призыв «попов... расстрелять как можно больше» [Письмо Ленина..., с. 90], притом что целью кампании объявлялась необходимость пополнения золотовалютных резервов Советской республики и последующее отстаивание её интересов на Генуэзской конференции, а вовсе не помощь терпящим бедствие поволжским губерниям.

Заключительным актом по разгрому канонической Тульской епархии стала поддержка местными властями обновленческого раскола, организовавшегося в Русской Церкви в мае 1922 г. Уже имевший опыт ареста по делу о «казанском чуде» в 1921 г. и совсем недавно освобождённый епископ Иувеналий, не имея достоверной информации о характере полномочий так называемого Высшего Церковного Управления, призванного передать дела управления Церковью от арестованного Патриарха Тихона митрополиту Ярославскому Агафангелу и вместо этого присвоившего их себе, сначала приветствовал появление новой церковной власти, а спустя четыре дня подал прошение об уходе на покой. Власть в епархии захватила группа «прогрессивного духовенства», преимущественно составленная из членов Тульского епархиального совета и образовавшая Тульское епархиальное управление (ТЕУ), подчинённое обновленческому ВЦУ. Возглавил новый орган епископ Епифанский Виталий (Введенский), объяснивший свой шаг самоустранением от управления епархией старшего по положению викария, епископа Белевского Игнатия (Садковского). Последний, не желая подчиняться самозваной власти, организовал в Белёвском Спасо-Преображенском монастыре общину, отказавшуюся признавать власть ТЕУ. В соответствии с указом Святейшего Патриарха Тихона № 362 от 1920 г., считая себя потерявшим связь с общецерковным и законным епархиальным центром, епископ Игнатий объявил себя единственным каноническим временным управляющим Тульской епархии. Предполагавшее поначалу решить вопрос путём политических средств, ТЕУ направило в Белёв протоиерея В. Никольского, который должен был выступить на съезде белёвского духовенства и призвать к признанию ВЦУ и ТЕУ. Миссия прот. В. Никольского окончилась провалом, результатом чего стала публикация в Тульском церковном вестнике статьи с заголовком «Белевская автокефалия» [Никольский, 1922, с. 13], что и дало второе наименование Спасо-Преображенской общине. Однако уже к декабрю 1923 г. община была ликвидирована, а епископ Игнатий, его брат иеромонах Георгий и ряд их помощников были арестованы. В результате к 1 января 1924 г. из 45 действовавших в Туле

храмов верными Патриарху остались пять-шесть, остальные перешли в обновленчество [Архивы Кремля..., с. 368].

Заключение

Таким образом, рассматривая отношения Церкви и государства в раннесоветский период, справедливо отметить, что первые отзвуки противостояния проявляются ещё до Октябрьского переворота, но при уже выстроенной системе советов и организации церковной системы советов, что позволяет нам обозначить в качестве начала раннесоветского периода с января 1918 г. как минимум на июль 1917 г., понимая, что фактически понятия «советская власть» и «коммунистическая партия» становятся неразделимыми в декабре 1917 – феврале 1918 г. В результате внутрипартийных дискуссий, не всегда напрямую касавшихся Церкви, но неизбежно затрагивавших судьбу российской государственности, с которой Русская Православная Церковь была неразрывно связана около тысячи лет, большевистская партия, принявшая на вооружение стратегию борьбы с «великорусским шовинизмом» и объявившая его оплотом старую систему государственного управления и Русскую Церковь как его неотъемлемую часть и в то же время как самостоятельного, сильного идеологического противника, разворачивает несколько волн атаки против религии в целом и православия в частности. Неудавшаяся лобовая атака на Церковь в 1918–1921 гг. привели к изменению тактики и организации расколов и разделений, что привело к фактической дезорганизации церковной жизни в Тульской епархии уже к началу 1924 г. При этом имеющиеся источники, в частности документы фонда 562 Государственного архива Тульской области, позволяют констатировать отсутствие крупномасштабных репрессий в отношении духовенства и мирян в Тульской губернии в период 1917–1922 гг. Имеет место, как видно из документов Тульского епархиального совета, тенденция по переходу отдельных представителей духовенства на службу в светские учреждения, а также индивидуальные случаи снятия сана в связи с внутренним духовно-нравственным кризисом, утерей веры, либо по причинам, не имеющим внятного объяснения в источниках [Евсеев, 2023, с. 56–58]. Как представляется, государство ставило перед собой на этом этапе особую цель – максимально укрепиться в условиях гражданской войны и последующего формирования советской государственности, поставить себе на службу огромные материальные ресурсы, которыми располагала Центральная Россия, и немалая доля которых находилась, по его мнению, в руках Русской Православной Церкви. Однако о полном отсутствии репрессий говорить не приходится в силу рассмотренных выше акций по закрытию домовых храмов и монастырей, разгрому Белёвской автокефалии. Местные органы советской власти, отказавшись от методов «кавалерийского наскока на религию» (расстрел крестного хода в Туле в 1918 г., закрытие монастырей в 1921 г., аресты по делу о «Казанском чуде» в 1921 г.), перешли к тактике подрыва церковной жизни изнутри путём поддержки обновленческого раскола, оказавшись в этом вопросе в числе лидеров. Более подробно вопросы реализации государственной антицерковной политики в Тульской губернии рассмотрены в рамках изданной в 2023 г. монографии.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю, доктору исторических наук, профессору Е.И. Самарцевой за помощь в работе, настоятелю храма Двенадцати святых Апостолов г. Тулы, ректору Тульской Православной классической гимназии протоиерею Л.П. Махно, заведующему кафедрой теологии ТулГУ, кандидату исторических наук, ректору Тульской духовной семинарии иерею Л.Л. Махно, коллективу факультета истории и права ТГПУ им. Л.Н. Толстого, коллективу отдела научно-исследовательской и методической работы ГУ ГАТО, родителям, супруге и детям.



Список источников

- Архивы Кремля. 1998. Кн. 2. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Новосибирск; М., 368 с.
Государственный архив Тульской области. Ф. 562. Оп. 4. дел постоянного хранения Д. 1193. Л. 22.
Государственный архив Тульской области. Ф. 3. Оп. 8. дел постоянного хранения Д. 4210. Л. 2–3.
Никольский, В., прот. 1922. Белевская автокефалия. ТЦВ. 5–8: 13.
Парфений, архиепископ Тульский и Белевский. 1917. Воззвание к православным чадам Тульской епархии. Тульские епархиальные ведомости. 7–10: 41–43.
Письмо В.И. Ленина В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) 19 марта 1922 г. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., Издательство Библейско-богословского института св. Апостола Андрея. 1996: 90–91.
Ермошкин Г.Г. 1919. Подробности вскрытия раки и могилы св. Макария Жабынского. Белевский пролетарий. 23 (49): 2.
Тульские епархиальные ведомости. 1917. 21–22: 297.
Тульская молва. 1918. 3049: 3.

Список литературы

- Брылев П., свящ. 1998. История Тульской епархии. Новейший период. Сергиев Посад. Библиотека МДА. Машинопись, 150 с.
Евсеев Н.Н. 2023. Русская Православная Церковь в контексте взаимоотношений с государственной властью в 1917–1927 гг. (на примере Тульской епархии). Тула, Изд-во ТулГУ, 189 с.
Чернова Е.Л. 2017. Архивные фонды в ретроспективе взаимоотношений Православной Церкви и Советского государства в 1920–1930-е годы. Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. М., 476–484.

References

- Brylev P., svyashch. 1998. Istoriya Tul'skoy eparkhii. Noveyshiy period [The History of the Tula Diocese. The Newest Period]. Sergiev Posad. Biblioteka MDA. Mashinopis', 150 s.
Evseev N.N. 2023. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v kontekste vzaimootnosheniy s gosudarstvennoy vlast'yu v 1917–1927 gg. (na primere Tul'skoy eparkhii) [The Russian Orthodox Church in the Context of Relations with State Power in 1917–1927 (Using the Example of the Tula Diocese)] Tula, Izd-vo TulGU, 189 s.
Chernova E.L. 2017. Arkhivnye fondy v retrospektive vzaimootnosheniy Pravoslavnoy Tserkvi i Sovetskogo gosudarstva v 1920–1930-e gody [Archival Funds in Retrospect of the Relationship between the Orthodox Church and the Soviet State in the 1920–1930s]. Rol' arkhivov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sbornik statey. M., 476–484.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported

Поступила в редакцию 30.11.2023

Received 30.11.2023

Поступила после рецензирования 10.12.2023

Revised 10.12.2023

Принята к публикации 10.12.2023

Accepted 10.12.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Евсеев Николай Николаевич, иерей, кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, Тульский государственный университет, г. Тула, Россия

Nikolay N. Evseev, priest, Candidate of Historical Sciences, Docent of the Department of Theology, Tula State University, Tula, Russia

 [ORCID: 0000-0001-6122-193X](https://orcid.org/0000-0001-6122-193X)



УДК 947:63

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-997-1008

Оригинальное исследование

Социально-культурный аспект коллективизации сельского хозяйства в СССР в отечественной историографии

Карпова И.Г. 

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова,
Россия, 670010, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8
E-mail: irusikkig@gmail.com

Аннотация: В статье на основе анализа научных исследований отечественных ученых рассмотрены изменения в социальной и культурной жизни советского крестьянства в первой трети XX века. В это время в Советском Союзе были предприняты меры, направленные на модернизацию основных отраслей народного хозяйства – промышленности и сельского хозяйства. В аграрном секторе результатом преобразований стало создание системы коллективных хозяйств. В работах историков, экономистов нашло отражение, что с появлением колхозной системы исчезает общинный способ ведения хозяйства, в сельском хозяйстве применяются достижения техники, повышается уровень грамотности сельского населения, улучшается система оказания медицинской помощи сельским жителям. Осуществление политики коллективизации способствовало появлению и распространению новых профессий, изменениям в социальной структуре сельского населения. Современные отечественные исследователи, анализируя коллективизацию, большое внимание уделяют изучению изменения быта крестьян в этот период. Создание колхозов получило неоднозначную оценку в работах отечественных исследователей от полного одобрения и отрицания до более взвешенной точки зрения, признающей как достижения, так и недостатки политики коллективизации.

Ключевые слова: историография, коллективизация, колхоз, крестьяне, социально-культурные изменения

Для цитирования: Карпова И.Г. 2023. Социально-культурный аспект коллективизации сельского хозяйства в СССР в отечественной историографии. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 997–1008. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-997-1008

Social and Cultural Aspect of Collectivization in the USSR in the Russian Historiography

Irina G. Karpova 

Philippov Buryat State Academy of Agriculture,
8 Pushkin St., Ulan-Ude 670010, Russia
E-mail: irusikkig@gmail.com

Abstract/ The article deals with the analysis of the Russian scientific historiography on social and cultural changes of the Soviet peasants in 1930s of the XX century. This period in the history of the Soviet state was marked as a time of modernization of the basic parts of the national economy – industrial and agricultural sectors. Alterations in agriculture were resulted in the development and implementation of the kolkhoz system. The works of historians and economists show that collectivization caused disappearance of peasant communities as well as a husbandry method that was natural for this unit; at the same time this period is characterized by the usage of modern agricultural equipment, improvement of



both educational and health care systems in the rural areas. Collectivization evoked appearance and spread of new professions, changes in social structure of the rural population. Nowadays Russian researchers analyzing collectivization pay great attention to changes in peasants' lifestyle during 1930s. Collectivization is treated controversially by researches – from strong support or complete denial to well-considered points of view that admit both achievements and drawbacks of collectivization.

Keywords: historiography, collectivization, kolkhoz, peasants, social and cultural changes

For citation: Karpova I.G. 2023. Social and Cultural Aspect of Collectivization in the USSR in the Russian Historiography. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 997–1008 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-997-1008

Введение

К началу XX века, когда в большинстве развитых стран господствовала индустриальная система, в Советском Союзе преобладающее большинство населения составляли крестьяне, жизнедеятельность которых регулировалась общиной, а основой хозяйственной деятельности, носившей потребительский характер, оставалось единоличное крестьянское хозяйство [Данилова, Данилов, 1996]. Руководством страны понималась необходимость изменений, которые способствовали бы восстановлению её экономического сектора и сокращению отставания от развитых стран. В СССР активно развернулась индустриализация, и наряду с ней в 1927 году в стране был взят курс на коллективизацию – объединение единоличных хозяйств в крупные сельскохозяйственные предприятия – колхозы. Ю.С. Борисов подчеркивает, что одной из причин для перехода к массовой коллективизации стал рост городского населения, соответственно, возрастала потребность в товарном хлебе и сырье. Многочисленным единоличным хозяйствам, обладающим достаточно низкой товарностью, становилось сложнее обеспечивать город и растущую промышленность продовольствием. Было очевидно, что крупная промышленность требует эквивалента в сельском хозяйстве. Этим требованиям отвечало создание крупной колхозно-совхозной системы [Борисов, 1967].

Одной из основных причин выбора коллективной формы ведения хозяйства для развития советской деревни стала положительная динамика деятельности первых колхозов. Коллективные хозяйства получали преимущества перед единоличными: для обработки земли и сбора урожая привлекались технические средства, что повышало качество и количество урожая, а благодаря созданию кооперативов – артелей и ТОЗов, заметно улучшался уровень жизни крестьян [Крестьяноведение, 1997].

Большинство исследователей осуществление коллективизации делит на два периода. Первый период – с декабря 1927 года, когда на XV съезде ВКП(б) была провозглашена политика, направленная на объединение мелких хозяйств в крупные коллективные сельскохозяйственные предприятия, по декабрь 1929 года. В первую волну коллективизации не были определены её сроки, утверждался принцип добровольности вхождения крестьян в колхозы. Второй период начался с конца 1929 года – начала 1930 года, когда был взят курс на сплошную коллективизацию, сопровождавшуюся политикой «раскулачивания». Этот период основывался на постановлении ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», который устанавливал сроки создания системы коллективных хозяйств в разных регионах Советского Союза [Трагедия советской деревни, 2000]. В.А. Ильиных, С.А. Нефёдов, Л.А. Зайцева и др. указывают и на период массового выхода крестьян из колхозов весной 1930 года после статьи Сталина «Головокружение от успехов», который длился до осени 1930 года, однако это не стало причиной отказа от политики коллективизации, и с осени этого же года коллективизация вернулась к своим прежним темпам [Зайцева, 2011; Нефёдов, 2013; Ильиных, 2014]. Период завершения коллективизации разными исследователями указывается по-разному.

И.Е. Зеленин указывает 1939 год годом окончательного завершения коллективизации, В.А. Ильиных подчеркивает, что в середине 1930-х годов коллективизация ещё продолжалась, С.А. Нефёдов отмечает, что к 1936 г. доля коллективных хозяйств в стране составляла 91 %, по данным большой российской энциклопедии, сплошная коллективизация в основном была завершена к 1937 г. [Зеленин, 2004; Нефёдов, 2013; Ильиных, 2014] Разнообразие мнений может быть связано с тем, что на такой огромной территории, как Советский Союз, было невозможно уложить создание системы колхозов в одни и те же сроки, т. к. уровень хозяйственного развития республик, входящих в состав СССР, очень различался между собой, поэтому правительством были введены различные сроки осуществления коллективизации в разных районах. В черноземных областях надлежало завершить коллективизацию раньше, чем, например, в национальных республиках, в которых требовался более длительный период подготовки для проведения политики коллективизации. Стоит отметить, что большинство исследователей сосредотачивают своё внимание именно на периоде сплошной коллективизации, который начался с конца 1929 года – начала 1930 года. Полагаем, это обусловлено наличием более видимых практических результатов и реакции крестьянства на проводимую политику обобществления в деревне.

Политика коллективизации оказала огромное влияние на развитие советской деревни. Отечественные историки и экономисты по-разному трактуют природу коллективизации и необходимость её проведения. Для одних это была революция сверху, осуществлённая для достижения поставленных целей без поддержки крестьянства [Касимов, 2004; Кузнецов, 2020]. Другие определяют её модернизацией, обновлением и усовершенствованием существующего способа хозяйствования с целью повышения его товарности [Безнин, Димони, 1996]. Для третьих коллективизация – это реформа сельскохозяйственного сектора, проведенная в 30-е годы XX века [Никольский, 1997].

Все существующие мнения относительно коллективизации и её осуществления не меняют того факта, что она стала основой изменений в экономической, социальной, культурной и бытовой сферах жизни и деятельности советского крестьянства.

Отечественная историография прошла путь от полного одобрения и принятия политики коллективизации до более критичного отношения к её целям и результатам. Непосредственные участники и руководители коллективизации сельского хозяйства были её первыми исследователями, но их работы носили скорее описательный и агитационный характер. Однако они содержали фактический материал, позволяющий узнать, что представляла собой доколхозная деревня, как проводились коллективизация и раскулачивание, каково было отношение сельского населения к изменениям в деревне; они освещали сотрудничество рабочего класса и крестьянства, изменения крестьянской культуры и быта, развитие колхозного движения. Коллективизация рассматривалась как действенный способ построения социализма в деревне и отвечала всем поставленным задачам по реконструкции аграрного сектора, поэтому, считая, что создание системы крупных коллективных хозяйств – колхозов было единственным, оптимальным способом модернизации сельского хозяйства в стране, в исследованиях данного периода создание колхозной системы и все изменения находили безоговорочную поддержку авторов. К этому периоду относятся работы руководителей советского государства, работы непосредственных участников тех событий, региональных исследователей, материалы партийных съездов, съездов колхозников-ударников. В работе Маслова С.С. «Колхозная Россия» приводится противоположная большинству исследователей точка зрения. Он подчеркивает, что коллективизация способствовала разрушению советской деревни [Маслов, 2007].

Исследователи более позднего советского периода и российские ученые, изучая преобразования советской деревни в конце 1920-х – начале 1930-х годов, стараются дать более объективную и взвешенную оценку коллективизации и её результатам. Историки и экономисты, не умаляя значимости всех положительных изменений, которые происходили в сельском хозяйстве после проведения коллективизации, отмечают неудачи и недоче-



ты, которые были допущены в период социалистического преобразования села. В.П. Данилов, Н.А. Ивницкий, В.В. Кондрашин, В.В. Бабашкин, Г.Ф. Доброноженко, изучая проведение коллективизации, её задачи, темпы и результаты, определяя объективные и субъективные причины её осуществления, отмечают, что на момент проведения коллективизации не было реальных предпосылок для её осуществления, изначальные цели и способы реализации претерпели существенные изменения, что отразилось на дальнейших способах и темпах проведения коллективизации [Ивницкий, 1995; Данилов, 1996; Доброноженко, 2003; Кондрашин, 2018].

Современные исследователи М.А. Безнин, Т.М. Димони, В.А. Бердинских, Н.В. Липатова, Л.В., Игнатова. Г.А. Щеглова, Г.А. Ташпеков изучают коллективизацию, используя разные подходы [Безнин, Димони, 1996; Ташпеков, 2002; Щеглова, 2008; Бердинских, 2011; Липатова, Игнатова, 2014]. Так, В.А. Бердинских и Г.А. Щеглова освещают все изменения на селе, анализируя рассказы очевидцев тех событий, т. е. основа их работ – устная история, М.А. Безнин, Т.М. Димони, Н.В. Липатова, Л.В. Игнатова дают оценку итогам коллективизации, анализируя отношения крестьянства и власти, Г.А. Ташпековым отношение крестьян к новому коллективному хозяйствованию изучается на основе анализа устного народного творчества.

Большой вклад в исследование проблем коллективизации внесли и ученые, занимающиеся её изучением в пределах своего региона. Исследования Н.Я. Гущина, В.А. Ильиных посвящены проведению коллективизации в Сибири, Г.Л. Санжиев освещал общее положение крестьян Бурят-Монголии в начале XX века, преобразования деревни в республике в период построения социализма в стране, в исследованиях Л.А. Зайцевой подробно и детально анализируется сельское хозяйство Бурят-Монгольской АССР в доколхозный период и во время проведения коллективизации, указываются все произошедшие преобразования и их последствия, В.В. Номогоевой показаны изменения социально-культурной жизни Бурят-Монголии в период колхозного строительства [Санжиев, 1980; Гущин, 1987; Зайцева, 2011; Номогоева, 2011].

Как отмечает И.В. Гончарова, современный этап исследования всех крупных трансформаций отличается междисциплинарностью, когда усилия историков, экономистов, социологов, культурологов дополняют друг друга для восстановления полной объективной картины того или иного события [Гончарова, 2015]. В исследовании коллективизации советской деревни наибольшее отражение нашел экономический аспект. Культурный и психологический аспекты, как замечает Н.Л. Лопатина, «по-прежнему мало исследованы» [Лопатина, 2003]. И.А. Бондарь и др. подчеркивают, что с проведением коллективизации «не осталась неизменной сельская повседневность, которая являлась отражением вековых традиций организации жизнедеятельности крестьянского сообщества» [Бондарь и др., 2020]. Наибольшее отражение культурные и социальные особенности находят в повседневной и бытовой деятельности человека, традициях проведения празднеств и торжеств, в устном народном творчестве, одежде и т. д. По замечанию А.П. Скорика, Т.А. Самсоненко, тема культурных изменений, которые были вызваны коллективизацией, нашли «фрагментарное освещение» и представляют интерес для дальнейшего их исследования [Скорик, Самсоненко, 2009].

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает политика коллективизации в работах современных отечественных исследователей, предметом исследования – анализ социальных и культурных изменений, произошедших в советской деревне в 30-е годы XX века в работах отечественных учёных. В статье используется нарративный метод, необходимый для описания точек зрения исследователей о социальных и культурных изменениях, которые произошли в сельской жизни в период проведения коллективизации. Использован исторический метод, позволяющий проследить изменения в трактовке понятия «коллективизация»,

обоснование необходимости её проведения, непосредственно сам процесс осуществления создания коллективных хозяйств, её достижения и последствия в работах отечественных исследователей. Применяется сравнительный метод, где коллективизация советского сельского хозяйства и социально-культурные изменения, вызванные ею, изучаются исследователями, освещающими период коллективизации в разных регионах Советского Союза. Хронологический и повествовательно-описательный методы помогают воспроизвести исследуемое историческое событие полно, логично, а также позволяют дать собственную оценку происходившим событиям и их последствиям.

Результаты и их обсуждение

Период коллективизации отмечен концом существования крестьянской общины. Несмотря на то, что община доказала прочность своего существования, новое время требовало новых форм организации хозяйственной деятельности. Вместе с исчезновением общинного строя исчез и традиционный уклад жизни с его обычаями, верованиями, ценностями. О.В. Хлевнюк, В.В. Казарезов подчеркивают, что с утратой общинного уклада жизни крестьян «традиционное крестьянское общество фактически перестало существовать» [Казарезов, 2001; Хлевнюк, 2015].

Прежде крестьянский быт и хозяйственная деятельность были тесно связаны с природными процессами, календарем православных праздников и опытом ведения хозяйства, который был накоплен предыдущими поколениями и передавался от отца к сыну. С обобществлением хозяйственной деятельности меняются способы ведения хозяйства, а также появляются новые приметы, новые формы народного творчества, отражающие реальность новой колхозной действительности.

С исчезновением общинной формы хозяйственной деятельности размывались границы между бедняками, середняками и зажиточными крестьянами, появился новый класс – «колхозное крестьянство» [Гущин, 1973; Джеенбекова, 2020]. С.А. Никольский, М.А. Безнин, Т.М. Димони указывают, что наравне с беднотой, середняками и зажиточным крестьянством появляются новые «экономические группы», к которым относились «малоимущие» – дворы престарелых, одиноких крестьян, «середняков» отличало наличие в семьях квалифицированных специалистов сельского хозяйства и «зажиточное» население, которое определялось местом работника в государственной или колхозной администрации. Таким образом, новым мерилom различий внутри советского крестьянского общества стало не количество десятин земельного надела, но наличие опыта, образования, занимаемая должность. В работе «Крестьянская цивилизация» В.А. Бердинских, обращаясь к рассмотрению социальной роли крестьян, подчеркивает, что самыми уважаемыми людьми становились председатели колхозов и бригадиры, они же были теми, от кого зависели судьбы крестьян-колхозников. С одной стороны, их уважали, с другой – их боялись, что не исключало практики доносительства, которая зачастую была вызвана личной неприязнью или завистью [Бердинских, 2001].

Значительное влияние политика коллективизация оказала на развитие национальных регионов. По замечанию Д.К. Чимитовой, «для национальных районов страны правильное проведение аграрной политики играло большую роль, чем где-либо» [Чимитова, 2005]. Внимание к национальным республикам объясняется различием в экономическом и культурном развитии между коренными народами отдельных районов и населением европейской части страны.

От выпасного скотоводства и примитивного земледелия народы национальных республик, в частности Бурят-Монгольской АССР, шагнули к современной сельскохозяйственной цивилизации, где на помощь в освоении новых форм хозяйственной деятельности приходила новая техника и электричество, знания и применение на практике приемов земледелия и животноводства [Зайцева, 2011].



На примере проведения коллективизации в БМАССР отмечается ряд особенностей, вызванных экономическими, историческими и культурными особенностями развития региона [Зайцева, 2011]. В частности, это сохранившиеся остатки дореволюционных земельных отношений, слабое развитие промышленности, ведение кочевого и полукочевого хозяйства в некоторых районах республики [История Бурятии, 2011]. В западных районах Бурят-Монголии задача коллективизации состояла в интенсификации коллективизации, в то время как в восточных она обозначала перемену кочевого и полукочевого образа жизни на оседлый. Такая масштабная и сложная работа требовала реализации мер, связанных с изменением условий жизни населения республики [История Сибири, 1968]. И если в русских деревнях не требовалось большого количества затрат, дополнительных построек, то в бурятских улусах проводилась огромная и серьезная работа по строительству необходимых жилых и производственных объектов. Все это требовало подготовки рабочих, строительных материалов, денежных средств [Зайцева, 2011]. Б.Б. Батуев, оценивая влияние коллективизации на сельское население Бурят-Монгольской АССР, отмечает, что, несмотря на имевшие место недостатки, перегибы и ошибки, коллективизация в «целом отвечала хозяйственным, бытовым и социально-культурным потребностям простых людей» [Батуев, 1994]. Исследователь подчеркивает, что коллективный труд изначально был в основе взаимоотношений степняков как в хозяйственной, так и в бытовой сферах жизни. В результате коллективизации произошло оседание кочевого и полукочевого населения республики, отныне буряты жили не разрозненно, а по соседству, взаимодействуя не только по работе, но и по дому. В период строительства колхозной системы в Бурятии была осуществлена механизация зернового производства, достигнуты успехи в животноводческом секторе – развивались и выводились новые породы крупного рогатого скота, овец [Батуев, 1994].

Значимые социально-культурные изменения затрагивают сферы образования и медицинского обслуживания. Б.Б. Батуев на примере Бурят-Монгольской АССР, Н.Я. Гуцин на примере сибирской деревни, Р.Р. Юсупов на примере Мордовии и др. указывают на повышение грамотности населения. В БМАССР впервые было достигнуто практически всеобщее начальное, а затем и среднее обязательное образование [Батуев, 1994]. В сибирской школе в период 1929–1930 уч. гг. насчитывалось 608 тысяч учащихся, когда в 1927–1928 уч. гг. количество составляло 120 тысяч человек; охват детей школой в 1924–1925 уч. гг. составил 31 %, а в 1930 году он увеличился до 79 % [Гуцин, 1973]. В Мордовии появилась прослойка студенчества среди татарского населения [Юсупов, 2009]. Т.В. Ченская указывает, что к 1932–1933 уч. гг. в деревне в основном завершилось введение всеобщего начального и семилетнего образования, крестьяне могли поступить в ссузы и в вузы. С 1926 года по 1931 год количество принятых крестьян в индустриальные втузы увеличилось с 72,6 % до 87,5 %. Подчеркивается создание системы последовательного политического образования в различных формах для членов партии и беспартийных [Ченская, 2010]. Появляются и распространяются культурно-просветительские учреждения, открываются школы по ликвидации неграмотности, колхозниками выписываются периодические издания, работает кинопередвижка, открываются столовые и бани. Библиотеки, дворцы культуры, клубы становятся неотъемлемой частью жизни нового оседлого населения [Батуев, 1994].

Модернизационные процессы, проходившие в стране в 30-е годы XX века, оказали огромное влияние на распространение физкультурно-массовой работы в деревне. И.Л. Бахтина и М.В. Попов на примере Уральского региона подчеркивают, что развитие физкультуры получало всестороннюю поддержку местных и центральных органов власти. Увеличивалось производство спортивного инвентаря, появлялись физкультурные кружки. В конце 1920-х гг. на Урале начинают проводиться окружные и районные соревнования, которые содействовали пропаганде физкультуры и спорта. С началом коллективизации физкультурно-массовая работа начала приобретать агитационно-пропагандистские черты. В 1931 году, в связи с голодом и продовольственными трудностями, наметился спад занятий физической культурой – в мае 1931 года 16,4 % крестьян занимались физкультурой,

когда в сентябре 1929 года этот показатель составлял 33 % от общего числа физкультурников [Бахтина, Попов, 2018].

Колхозная система требовала эффективной работы коллективных хозяйств, что ускорило «формирование и развитие широкой сети медицинских учреждений» [Гадицкая, Самсоненко, 2017]. В это время появляются амбулатории, консультации, диспансеры, фельдшерские пункты. Возросли расходы на создание и поддержание работы учреждений здравоохранения. В работе Д.Н. Христенко и Ю.В. Красовской указывается, что в 1920-х годах только 10 % врачей были заняты в деревнях. Резкий перелом наступил лишь с началом коллективизации – увеличилось число сельских медицинских учреждений с 3 504 в 1928 году до 4 974 в 1932 году [Христенко, Красовская, 2019]. М.А. Гадицкая и Т.А. Самсоненко на материалах Юга России отмечают увеличение в 2 раза количества затрат из краевых бюджетов на нужды здравоохранения, также подчеркивают, что поддержка медицинских учреждений велась и колхозами. Развитие медицинской сети способствовало оздоровлению условий быта и труда населения.

Однако, несмотря на положительные изменения, вызванные политикой коллективизации, исследователями выделяется и ряд отрицательных последствий. Раскулачивание – один из самых широко освещаемых результатов создания колхозной системы. Особенностью проведения политики раскулачивания стала нечеткость критериев, кого считать кулаком, поэтому, как отмечают Г.Ф. Доброноженко, Л.А. Зайцева и ряд других исследователей, в первой половине 1930-х годов раскулачиванию подвергались не только кулаки, но и середняки и бедняки [Доброноженко, 2011]. Г.Ф. Доброноженко приходит к выводу, что к группе «кулачество» относили крестьян, которые в данный момент или в будущем могли бы представлять опасность для режима [Доброноженко, 2003].

Принудительный характер коллективизации вызвал отток сельского населения в города, увеличивая процент городских жителей, что имело негативные последствия для сельского хозяйства из-за потери рабочей силы. Разрушение традиционных устоев, которые были основаны на вероисповедании, а также голод, вызванный перегибами в проводимой политике коллективизации, вызывали недоверие сельского населения и нежелание вступать в колхозы [Сухова, Ягов, 2018]. Н.Л. Лопатина отмечает вытеснение и в дальнейшем исчезновение народной культуры – «ушли в прошлое традиции русской песенной культуры, праздники потеряли свою обрядовость» [Лопатина, 2003].

Заключение

Коллективизация как политика модернизации сельского хозяйства предполагала не только объединение мелких единоличных хозяйств в крупные сельхозпредприятия, но предусматривала ряд мер, которые бы способствовали успешному их функционированию, созданию колхозной инфраструктуры. Сюда входило появление школ и библиотек, избчитален, что способствовало повышению грамотности сельских жителей, создание широкой сети учреждений здравоохранения повышало санитарно-гигиенические нормы жизнедеятельности деревни, предоставление возможности получения высшего профессионального или средне-специального образования крестьянам обусловило появление большего количества новых специалистов – механиков, доярок, комбайнеров, трактористов, полеводов и т. д. Появляются культурно-просветительские учреждения, которые ставят целью повышение культурного уровня колхозников, привлекая их в самодеятельные организации и клубы.

Однако наряду с этим нельзя не увидеть и ряд негативных последствий. Происходит обесценивание или утрата национальных ценностей, обычаев, традиций; «компенсацию содержательной стороны праздников люди стали находить в пьянстве» [Лопатина, 2003]. Многие празднества и церемонии упразднились в связи с их религиозной основой, на сме-



ну им приходили светские гражданские праздники, создавались новые традиции и ритуалы. Утрата народной культуры вела к изменениям менталитета крестьянства.

Коллективизация в СССР в 30-е годы бесспорно стало одним из значимых и знаковых событий в истории Советского Союза. Создание колхозов не прошло без ряда перегибов и нарушений. Соглашаясь с В.В. Кондрашиным и М.А. Безниным в том, что недопустимо давать политике коллективизации однозначную оценку, и она должна рассматриваться и изучаться с учетом положительных и отрицательных результатов.

Социальные и культурные изменения напрямую связаны с обществом и его структурой, функционирующими в нем институтами, правилами и образцами поведения. В момент кардинальных трансформаций они имеют важное значение, т.к. помогают понять привели они к регрессу или прогрессу общества. Коллективизация, став одним из противоречивых явлений первой трети XX века в Советском Союзе, способствовала качественному положительному экономическому, социальному и культурному изменениям жизни сельского населения.

Список литературы

- Бабашкин В.В. 2008. О противоречиях коллективизации. Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ.90-летию Омск. гос. агр. ун-та и 180-летию агроном. науки в Зап. Сиб. (27–28 марта 2008 г., Омск) в 3 ч. Ч. 1., Омск, 118–123.
- Батуев Б.Б. 1994. Очерк истории селенгинских бурят. Улан-Удэ, Сибирь, 101.
- Бахтина И.Л., Попов М.В. 2018. Физкультурно-массовая работа в Уральской деревне в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Педагогическое образование в России, 12: 6–10.
- Безнин М.А., Димони Т.М. 1996. Крестьянство и власть в России в конце 1930–1950-х гг. Менталитет и аграрное развитие России: XIX–XX вв. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 155–166.
- Бердинских В.А. 2001. Крестьянская цивилизация в России. М.: Аграф, 432.
- Бондарь И.А., Малышкина Е.В., Дарендорф М.В. 2020. Общественное сознание крестьян в период коллективизации сельского хозяйства. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. М.: Научные технологии, 5–7.
- Борисов Ю.С. 1967. Начало сплошной коллективизации. История СССР. Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР, 1921–1932 гг. М.: Наука, 714.
- Гадицкая М.А., Самсоненко Т.А. 2017. Медицинское обслуживание в повседневности колхозной деревни 1930-х гг. (на материалах Юга России). Власть. 5: 192–197.
- Гончарова И.В. 2015. Современные концептуальные подходы в исследовании коллективизации. Ученые записки Орловского государственного университета. 1(64): 21–28.
- Гушин Н.Я. 1973. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 518.
- Гушин Н.Я., Ильиных В.А. 1987. Классовая борьба в сибирской деревне: 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск: Наука, 331.
- Данилов В.П. 1996. Аграрные реформы и крестьянство в России (1861–1995 гг.). Фонд исследования аграрного развития. Режим доступа <http://fadr.msu.ru/archives/mailling-list/priv-agr/art-rus/msg00000.html>. (дата обращения: 23.06.2023).
- Данилова Л.В., Данилов В.П. 1996. Крестьянская ментальность и община. Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 22–39.
- Джеенбекова С.С. 2020. Социокультурные изменения повседневного уклада жизни населения Кыргызстана в годы коллективизации. Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 6: 7–11.
- Доброноженко Г.Ф. 2003. «Кулак» в российском общественном сознании: социально-экономическая группа или результат властной номинации? Рубеж (альманах социальных исследований). 18: 127–144.



- Зайцева Л.А. 2011. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 320.
- Зеленин И.Е. 2004. Сталинская «революция сверху» в свете новейших публикаций и документов. Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, (4): 150–170.
- Ивницкий Н.А. 1995. «Великий перелом»: трагедия крестьянства. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х гг. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ. Судьбы российского крестьянства. М., 249–297.
- Ильиных В.А. 2014. Сельское хозяйство Восточной Сибири в период коллективизации: динамика, организационно-производственная структура. Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 83–92.
- История Бурятии. 2011. Т.3 – XX–XXI вв. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 473.
- История Сибири. 1968. Сибирь в период строительства социализма. Наука, 504.
- Казарезов В.В. 2001. Крестьянский вопрос в России. Т. 2. От коллективизации до перестройки. Москва: Росинформагротех, 526.
- Касимов Е.В. 2004. Крестьянство Чувашии и политика государства по коллективизации сельского хозяйства (1917–1937 гг.). Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 28.
- Кондрашин В.В. 2018. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 566.
- Крестьяноведение. 1997. Теории. История. Современность. Ежегодник. М., 380.
- Кузнецов И.А. 2020. Предпосылки коллективизации сельского хозяйства в СССР. Крестьяноведение, 5 (3): 47–69.
- Липатова Н.В., Игнатова Л.В. 2014. Официоз и секретность: взаимоотношения крестьянства и местной советской власти в середине 20-х – начале 30-х годов XX века (по материалам прессы и специальных донесений). Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». М.: Изд-во Ипполитова, 114–124.
- Лопатина Н.С. 2003. Социокультурные аспекты формирования и функционирования коллективного хозяйствования в советской деревне. Автореферат дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 24.
- Маслов С.С. 2007. Колхозная Россия. Наука, 302.
- Никольский С.А. 1997. Коллективизация и деколлективизация: сравнительный анализ процессов, последствий, перспектив. Крестьяноведение. Теории. История. Современность. Ежегодник. М., 223–240.
- Нефедов С.А. 2013. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 283.
- Номогоева В.В. 2011. Бурятия в 1920–1930-е гг.: опыт социально-культурной модернизации. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 318.
- Санжиев Г.Л. 1980. Переход народов Сибири к социализму, минуя капитализм. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние 368.
- Скорик А.П., Самсоненко Т.А. 2009. «Три бубенщика, два транзелиста, два бунчука»: трансформация культурной повседневности казачьих станиц Юга России в 1930-е гг. Вестник РУДН, серия история России. М., 3: 121–131.
- Сухова О.А., Ягов О.В. 2018. Политика коллективизации в оценках массового сознания 1930-х – начала 1950-х гг.: динамика представлений. Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 4(48): 65–73.
- Ташпеков Г.А. 2002. Жизнь крестьянства 30-х годов в свете деревенских частушек. Социологические исследования, 9: 110–114.
- Трагедия советской деревни. 2000. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 927.
- Хлевнюк О.В. 2015. Коллективизация. Режим доступа: URL: <https://postnauka.ru/video/51486> (дата обращения: 23.06.2023)
- Христенко Д.Н., Красовская Ю.В. 2019. Коллективизация и становление системы здравоохранения на селе. СНВ. 4(29): 200–204.



- Ченская Т.В. 2010. Государственная культурная политика как инструмент формирования советской идентичности в российской деревне (1926–1932 гг.). Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 1: 51–54.
- Чимитова Д.К. 2005. Национальные районы Сибири в 1920–1930-х гг. в отечественной историографии: экономика и культура. Улан-Удэ, 286.
- Щеглова Т.К. 2008. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 528.
- Юсупов Р.Р. 2009. Социально-экономическое и социокультурное развитие татар-мишарей Мордовии в период советской модернизации в конце 1920-х – 1930-е гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саранск, 23.

References

- Babashkin V.V. 2008. O protivorechiyakh kollektivizatsii. Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya [Contradictions of Collectivization. Siberian Village: History, Modern State, Future Development]. In: Materialy VII Mezhdunar. nauch-prakt. konf., posvyachsh. 90-letiyu Omsk. agr. un-ta i 180-letiyu agronom. nauki v Zap. Sib. (27–28 marta 2008g., Omsk) v 3 ch. Ch. 1. Omsk, 118–123.
- Batuev B.B. 1994. Ocherk istorii selenginskikh buryat [Essay in History of Selenga Buryats]. Ulan-Ude: Publ. 'Sibir', 101.
- Bahktina I.L., Popov M.V. 2018. Fizkulturno-massovaya rabota v Uralskoi derevne v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh godov [Sports Activities in an Ural Village in the Late 1920s – the Early 1930s]. In: Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii, 12: 6–10.
- Beznin M.A., Dimoni T.M. 1996. Krestyanstvo i vlast v Rossii v kontse 1930–1950-kh gg. [Peasantry and Authorities in Russia from the End of 1920s to 1950s]. In: Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.). M.: 'Political Encyclopedia Publishers' (ROSSPEN), 155–166.
- Berdinskikh V.A. 2001. Krestyanskaya tsivilizatsiya v Rossii [Peasant Civilization in Russia]. M.: Agraph, 432.
- Bondar I.A., Malyshkina E.V., Darendorf M.V. 2020. Obshchestvennoe soznanie krestyan v period kollektivizatsii selskogo khozyaistva [Public Awareness of Peasants During Collectivization]. In: Sovremennaya nauka: aktualnye problem teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki. M.: Science Technologies, 5–7.
- Borisov Y.S. 1967. Nachalo sploshnoi kollektivizatsii [The Beginning of the Mass Collectivization]. In: Istoriya SSSR. T. VIII. Borba sovetskogo naroda za postroenie fundamenta sotsializma v SSSR, 1929–1932 gg. [History of the USSR. V. VIII. The Struggle of the Soviet People for Basis of Socialism]. M.: Nauka, 714.
- Gaditskay M.A., Samsonenko T.A. 2017. Meditsinskoe obsluzhivanie v povsednevnosti kolkhoznoi derevni 1930-kh gg. (na materialakh Yuga Rossii) [Health Care System in the Daily Life of 1930s Kolkhoz Village (Based on the Materials of the South of Russia)]. In: Vlast, 5: 192–197.
- Goncharova I.V. 2015. Sovremennye kontseptulnye podkhody v issledovanii kollektivizatsii [Modern Conceptual Approach to Study Collectivization]. In: Uchebnye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1(64): 21–28.
- Gushchin N.Y. 1973. Sibirskaya derevnya na puti k sotsializmu (sotsialno-ekonomicheskoe razvitie sibirskoi derevni v gody sotsialisticheskoi rekonstruktsii narodnogo khozyaistva 1926–1937 gg.) [A Siberian Village en Route to Socialism (Social and Economic Development of a Siberian Village Under Socialistic Reconstruction of National Economy in 1926–1937s)]. Novosibirsk: Nauka, 518.
- Gushchin N.Y., Pinykh V.A. 1987. Klassovaya borba v sibirskoi derevne: 1920-e – mid of 1930-kh gg. [The Class Struggle in a Siberian Village in 1920s – the Mid of 1930s]. Novosibirsk: Nauka, 331.
- Danilov V.P. 1996. Agrarnye reformy i krestyanstvo v Rossii (1861–1995 gg.) [Agrarian Reforms and Peasantry in Russia]. In: Fond Issledovaniya agranogo razvitiya. URL: <http://fadr.msu.ru/archives/mailling-list/priv-agr/art-rus/msg00000.html>. (accessed: 23.06.2023)
- Danilova L.V., Danilov V.P. 1996. Krestyanskaya mentalnost i oshchina [Peasants' Mindset and a Rural Community]. In: Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.). M.: 'Political Encyclopedia Publishers' (ROSSPEN), 22–39.

- Dzheebekova S.S. 2020. Sotsiokulturnye izmeneniya povsednevnogo uklada zhiznin naseleniya Kyrgyzstana v gody kollektivizatsii [Social and Cultural Changes of the Daily Lifestyle of the Population of Kyrgyzstan During Collectivization]. In: Vestnik yrgysko-Rossiiskogo slavyanskogo Universiteta. 6: 7–11.
- Dobronozhenko G.F. 2003. ‘Kulak’ v rossiiskom obshchestvosnanii: sotsialno-ekonomicheskaya grupa ili rezultat vlastnoi nominatsii? [‘Kulak’ in the Russian Social Studies: a Social and Economic Group or a Result of Autocratic Naming?]. In: ‘Rubezh’(almanac sotsialnykh issledovaniy). 18: 127–144.
- Zaitseva L.A. 2011. Selskoe khozyaistvo Buryatii v XX veke: opyt i problem razvitiya [Agriculture of Buryatia in the XX century: History and Issues of Development]. Ulan-Ude: Publ. of BSAA, 320.
- Zelenin I.E. 2004. Stalinskaya ‘revolyutsiya sverkh’ v svete noveishikh publikatsii i dokumentov [Stalin’s ‘Revolution from Above’ in the Most Modern Articles and Documents]. In: Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost. Ekaterinburg: Publ. Ural state university, (4): 150–170.
- Ivitskii N.A. 1995. ‘Velikii perelom’: tragediya krestyanstva. Kollektivizatsiya i raskulachivanie v nachale 30-kh gg. Po materialam Politbyuro TSK VKP(b) i OGHU [‘The Great Turn’: Tragedy of the Peasantry. Collectivization and Dekulakization in the Early 1930s. On the Basis of Documents of Politbureau CC AUCPB and USPD]. In: Sudby rossiiskogo krestyanstva. M., 249–297.
- Ilinykh V.A. 2014. Selskoe khozyaistvo Vostochnoi Sibiri v period kollektivizatsii: dinamika, organizatsionno-proisvodstvennaya struktura [Agriculture of East Siberia: Dynamics, Organizational and Producing Structure], In: Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik. Irkutsk: Publ. BSUEL, 83–92.
- Istoriya Buryatii. 2011. History of Buryatia. V. 3 – XX–XXI. Ulan-Ude: Publ.: BSC SD RAS, 473.
- Istoriya Sibiri. 1968. Sibir v period stroitelstva sotsializma. T. 4. [Siberia During the Socialism Implementing. V. 4]. Nauka, 504.
- Kazarezov V.V. 2001. Krestyanskiy vopros v Rossii. T. 2. Ot kollektivizatsii do perestroiki [Peasants’ Issue in Russia. V. 2. From Collectivization to Perestroika]. M.: Rosinformagrotekh, 526.
- Kasimov E.V. 2004. Krestyanstvo Chuvashii i politika gosudarstva po kollektivizatsii selskogo khozyaistva (1917–1937 gg.) [Peasantry of Chuvashia and State Policy on Collectivization]. Thesis of diss.... cand. histor. scien. Cheboksary, 28.
- Kondrashin V.V. 2018. Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiiskoi derevni [Famine of 1932–1933: Tragedy of the Russian Village]. M.: ‘Political Encyclopedia Publishers’ (ROSSPEN), 566.
- Krestyanovedenie. Teorii. Istoriya. Sovremennost. M., 380 (in Russian).
- Kuznetsov I.A. 2020. Predposylki kollektivizatsii selskogo khozyaistva v SSSR [Conditions for Collectivization in the USSR]. In: Krestyanovedenie, 5(3): 47–69.
- Lipatova N.V., Ignatova L.V. 2014. Ofitsioz i sekretnost: vzaimootnosheniya krestyanstva i mestnoi vlasti v seredine 20-kh – nachale 1930-kh godov XX veka (po materialam pressy i spetsialnykh doneseniya) [Officiality and Secrecy: Relationship of the Peasantry and the Local Soviet Authorities in the Mid 20’s – Early 30’s of XX Century (on Materials of the Press and Special Denunciations)]. In: Stalinizm i krestyanstvo: sbornik nauchnykh statei i materialov kruglykh stolov i zasedanii teoreticheskogo seminarov ‘Krestyanskiy vopros v otechestvennoi i mirovoi istorii’. M.: Publ. House of Ippolitov, 114–124.
- Lopatina N.S. 2003. Sotsiokulturnye aspekty formirovaniya i funktsionirovaniya kollektivnogo khozyaistvovaniya v sovetskoj derevne [Social and Cultural Aspects of Forming and Functioning of Collective Farms in a Soviet Village]. Thesis of diss.... cand. culture. scien. Kemerovo, 24.
- Maslov S.S. 2007. Kolkhoznaya Rossiya [The Kolkhoz Russia]. Nauka, 302.
- Nikolskii S.A. 1997. Kollektivizatsiya i dekollektivizatsiya: sravnitelnyi analiz protsessov, posledstviy, perspektiv [Collectivization and Decollectivization: Comparative Analysis of the Phenomena, Consequences, Prospects]. In: Krestyanovedenie. Teorii. Istoriya. Sovremennost. M., 223–240.
- Nefedov S.A. 2013. Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoi kollektivizatsii [Agrarian and Demographic Outcomes of the Stalin’s Collectivization]. Tambov: Publ. House of G. Derzhavin, 283.
- Nomogoeva V.V. 2011. Buryatiya in 1920–1930-e gg.: opyt sotsialno-kulturnoi modernizatsii [Buryatia in 1920–1930s: Social and Cultural Modernization Experience]. Ulan-Ude: Publ. BSU, 318.
- Sanzhiev G.L. 1980. Perekhod narodov Sibiri k sotsializmu, minuya kapitalizm [Peoples of Siberia Transit Towards Socialism Bypassing Capitalism]. Nauka, Sib. otd-nie, 368.



- Skorik A.P., Samsonenko T.A. 2009. 'Tri bubenshchika, dva tranzekista, dva bunchuka': transformatsiya kulturnoi povsednevnosti kazachikh stanits Yuga Rossii v 1930t gg. ['Three Bubenshiks, Two Transelists, Two Bunchuks»: Transformation of Culture Everyday Life of South Russia Cossack Village in 1930s']. In: Vestnik RUDN, seriya Istoriya Rossii. M., 3: 121–131.
- Sukhova O.A., Yagov O.V. 2018. Politika kollektivizatsii v otsenkakh massovogo soznaniya 1930-kh – nschsls 1950-kh gg.: dinamika predstavlenii [Collectivization in the Evaluation of Public Mind of 1930s-the early 1950s: Dynamics of Presentations]. In: Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya. Saransk, 4(48): 65–73.
- Tashpekov G.A. 2002. Shizn krestyanstva 30-kh godov v svete derevenskikh chastushek [Lifestyle of 1930s Peasants through the Couplets]. In: Sotsiologicheskie issledovaniya, 9: 110–114.
- Tragediya sovetskoj derevni [Tragedy of the Soviet Village]. 2000. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy. V 5 t. T. 2. Noyabr 1929 – dekabr 1930. M.: 'Political Encyclopedia Publishers' (ROSSPEN), 927.
- Khlevnyuk O.V. 2015. Kollektivizatsiya [Collectivization]. URL: <https://postnauka.ru/video/51486> (accessed: 23.06.2023)
- Khristenko D.N., Krasovskaya Y.V. 2019. Kollektivizatsiya i stanovlenie sistemy sdravookhraneniya na sele [Collectivization and Establishing of Health Care System in a Village]. SJS, Samara. 4(29): 200–204.
- Chenskaya T.V. 2010. Gosudarstvennaya kulturnaya politika kak instrument formirovaniya sovetskoj identichnosti v rossijskoj derevne (1926–1932 gg.) [National Cultural Policy as a Method to Shape Soviet Identity in a Russian Village (1926–1932)]. In: Ucheonye zapiski OGU. Seriya: gumanitarnye i sotsialnye nauki. 1: 51–54.
- Chimitova D.K. 2005. Natsionalnye raiony Sibiri v 1920–1930-kh gg. V otechestvennoj istoriografii: ekonomika i kultura [National Regions of Siberia in 1920–1930s in the Russian Historiography: Economy and Culture]. Ulan-Ude, 286.
- Shcheglova T.K. 2008. Derevnya i krestyanstvo Altaiskogo kraja v XX veke. Ustnaya istoriya: monografiya [Village and Peasantry of the Altay Area in the XX Century. Oral History: a Monograph]. Barnaul: Publ. BSPU, 528.
- Yusupov R.R. 2009. Sotsialno-ekonomicheskoe i sotsiokulturnoe razvitie tatar-misharei Mordovii v period sovetskoj modernizatsii v kontse 1920-kh – 1930e gg. [Social and Economic and Social and Cultural Development of Mishar Tatars of Mordoviya During the Soviet Modernization in the Late 1920 and 1930s]. Thesis of diss. ... cand. histor. scien. Saransk, 23.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interests: no potential conflict of interests related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.09.2023

Received 20.09.2023

Поступила после рецензирования 15.10.2023

Revised 15.10.2023

Принята к публикации 15.10.2023

Accepted 15.10.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Карпова Ирина Георгиевна, старший преподаватель кафедры «Иностранные и русский языки», Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.П. Филиппова, г. Улан-Удэ, Россия

Irina G. Karpova, Senior Lecturer of the Department of Foreign and Russian Languages, Philippov Buryat State Academy of Agriculture, Ulan-Ude, Russia

 [ORCID: 0009-0002-8835-3216](https://orcid.org/0009-0002-8835-3216)



УДК 94(47).084.8

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1009-1019

Оригинальное исследование

Освобождение Европы от фашизма началось с Румынии: Уманско-Ботошанская наступательная операция 1944 г.

Гришина А.С. 

Воронежский государственный педагогический университет,

Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86

E-mail: vspihist@rambler.ru

Аннотация. Уманско-Ботошанская наступательная операция 2-го Украинского фронта, в ходе которой советские войска вступили на территорию Румынии, положила начало освобождению Красной армией Европы от фашизма. В отечественной историографии присутствуют три разных даты окончания операции: 6 апреля, 17 апреля и 6 мая 1944 г. В результате анализа опубликованных и неопубликованных источников и научной литературы в статье заново реконструирована общая картина событий после вступления советских войск на румынскую территорию. По мнению автора, боевые действия периода конца марта – начала мая 1944 г. определялись одними и теми же задачами, поэтому сроком окончания Уманско-Ботошанской операции следует считать 6 мая 1944 г. Задачи эти в силу ряда объективных факторов не были решены, но и противник не сумел отбросить советские войска за пределы румынской территории, результатом чего стала возможность продолжения Красной армией освободительной миссии в Европе.

Ключевые слова: освободительная миссия Красной армии, Румыния, 2-й Украинский фронт, Уманско-Ботошанская наступательная операция, хронология

Для цитирования: Гришина А.С. 2023. Освобождение Европы от фашизма началось с Румынии: Уманско-Ботошанская наступательная операция 1944 г. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 1009–1019. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1009-1019

The Liberation of Europe from Fascism Began with Romania: the Uman-Botoshan Offensive Operation of 1944

Anna S. Grishina 

Voronezh State Pedagogical University,

86 Lenina St., Voronezh 394043, Russia

E-mail: vspihist@rambler.ru

Abstract. The Uman-Botoshan offensive operation of the 2nd Ukrainian Front, during which Soviet troops entered the territory of Romania, marked the beginning of the liberation of Europe from fascism by the Red Army. In Soviet and Russian historiography there are three different dates for the end of the operation: April 6, April 17 and May 6, 1944. As a result of the analysis of published and unpublished sources and scientific literature, the article reconstructs the general picture of events after the entry of Soviet troops into Romanian territory. According to the author, the combat operations of the period of late March – early May 1944 were determined by the same tasks, therefore the end date of the Uman-Botoshan operation should be considered May 6, 1944. These tasks, due to a number of objective factors, were not solved, but the enemy failed to push back Soviet troops beyond the Romanian territory, which resulted in the possibility of the Red Army continuing its liberation mission in Europe.

© Гришина А.С., 2023



Keywords: liberation mission of the Red Army, Romania, 2nd Ukrainian Front, Uman-Botoshan offensive operation, chronology

For citation: Grishina A.S. 2023. The Liberation of Europe from Fascism Began with Romania: the Uman-Botoshan Offensive Operation of 1944. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 1009–1019 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1009-1019

Введение

Уманско-Ботошанская операция 2-го Украинского фронта является одной из самых успешных фронтовых наступательных операций советских войск не только 1944 г., но и всей Великой Отечественной войны. Войска 2-го УФ в условиях весенней распутицы и половодья, форсировав ряд крупных рек, продвинулись до 250 км, нанесли тяжелый урон немецкой 8-й и румынской 4-й армиям, вышли на государственную границу СССР и перенесли боевые действия на территорию гитлеровского союзника Румынии, приступив тем самым к проведению освободительной миссии в Европе. Однако хронологические рамки Уманско-Ботошанской операции определены не с той степенью однозначности, которую можно было бы ожидать. В отечественной историографии представлены три позиции по вопросу о сроке окончания Уманско-Ботошанской наступательной операции 2-го Украинского фронта: 6 апреля, 17 апреля и 6 мая 1944 г. [Операции, 1958, с. 103, 150, 156; Данилов, 1969, с. 123–124; Военный энциклопедический словарь, 2007, с. 747; Великая Отечественная война 1941–1945 годов, 2012, с. 203–204]. Существует также точка зрения, согласно которой после окончания 7.4.1944 г. Уманско-Ботошанской операции 2-й УФ в период 8 апреля – 6 мая 1944 г. провел отдельную самостоятельную Тыргу-Фрумосскую наступательную операцию, не достигшую поставленных задач [Великая Отечественная война, 1999, с. 34, 45–47; Хисамутдинова, 2014, с. 376]. В данной работе мы попробуем установить, какая из существующих позиций и точек зрения по указанному вопросу представляется наиболее убедительной.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является совокупность боевых действий 2-го Украинского фронта против немецких и румынских войск на территории Украины, Молдавии и Румынии в ходе Уманско-Ботошанской наступательной операции 1944 г. Конкретным предметом изучения служит определение времени окончания операции и установление результатов ее завершающего этапа. В работе проанализированы опубликованные и неопубликованные источники документального и мемуарного характера; часть неопубликованных источников впервые вводится в научный оборот. Методология исследования основывается на основополагающих научных принципах объективности, историзма и системности, позволяющих избежать анахронизма в отношении изучаемых событий и процессов, не допустить ангажированности в оценках и выводах, восстановить целостную картину событий в их органической связи и обусловленности. В исследовании был задействован комплекс общенаучных и специально-исторических методов: аналитический, критический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный.

Результаты и их обсуждение

Перейдя 5 марта 1944 г. в наступление, войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала И.С. Конева в течение 20 суток нанесли тяжелое поражение противнику – 8-й полевой армии группы армий «Юг», продвинулись до 250 км, форсировали Южный Буг и Днестр и 25 марта вышли на государственную границу СССР с Румынией по р. Прут. 27 марта 232-я сд 40-й армии (командующий – генерал-лейтенант Ф.Ф. Жмаченко) форсировала Прут и захватила плацдарм на правом берегу, этим было положено нача-

ло освобождению Румынии от фашизма и освободительной миссии Красной армии в Европе. 30 марта, когда войска 2-го УФ вышли на границу с Румынией на 85-километровом участке и заняли на противоположном берегу р. Прут плацдарм в 650 кв. км, командующий фронтом издал приказ с требованием подчинить местные власти военным комендантам, не трогая при этом имущества купцов и помещиков, не меняя национально-бытовых условий и религиозных убеждений местного населения. Более того, командование и политорганы частей и соединений начали оказывать последнему продовольственную и хозяйственную поддержку, в ответ на что румынское население освобожденной территории само стало поддерживать Красную армию. Данный факт служит свидетельством того, что целью вступивших в Румынию советских войск был не захват территории и изменение общественного строя, а продолжение разгрома гитлеровских армий и освобождение пораженных нацистской Германией европейских стран [Гришина, 2022, с. 170–174].

В течение 1–3.4.1944 г. соединения и части 40-й, 27-й и 52-й армий 2-го УФ вели бои за удержание и расширение плацдармов на территории румынской Молдовы (Запрутской Молдовы). Спротивление противника стало усиливаться; севернее Ясс начала разворачиваться 4-я румынская армия, состоявшая из свежих полностью укомплектованных соединений. Тем не менее наступление успешно продолжалось; 4 апреля войска 2-го УФ овладели 38 населенными пунктами на территории Румынии, а на следующий день передовыми частями продвинулись на 25–30 км, овладели г. Дорохой и завязали бой за г. Ботошани. 6 апреля 1944 г. соединения 40-й армии овладели Ботошани и передовыми отрядами вышли к р. Сирет, тогда как главные силы 27-й армии (командующий – генерал-лейтенант С.Г. Трофименко) переправились через р. Прут и вышли на рубеж р. Жижиция [История, 2005, с. 589; Мощанский, 2011, с. 235]⁹⁴.

Как уже было отмечено, день 6 апреля 1944 г. в советской историографии указывался как первая из дат окончания Уманско-Ботошанской наступательной операции. Чтобы оценить эту позицию, следует обратиться к анализу предшествующих и последующих событий. В 22 часа 10 минут 5 апреля 1944 г. Ставкой была издана директива № 220072, которой командующему 2-м УФ приказывалось «выдвинуть возможно быстрее правое крыло фронта на рубеж р. Сирет, р. Бахлуй и овладеть [районом] Дорохой, Ботошани, Яссы» [Русский архив: Великая Отечественная, 1999, с. 71]. В 24.00 того же дня Военный совет 2-го Украинского фронта отправил Верховному Главнокомандующему доклад № 00281/оп, где были представлены соображения по развитию наступления: правое крыло фронта в составе 40-й и 27-й армий при поддержке в дальнейшем 7-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий в целях охвата Кишиневской группировки противника должно было «перейти в наступление» с задачей «выйти на рубеж Рэдэуци, Фэлтичени, Тыргу-Нями, Пятра, Бакэу», при этом планировалось «главный удар нанести в направлении Болотино, Тыргу-Фрумос, Роман, Бакэу». «Операцию начать 8.04.1944 г.», – предлагалось в докладе. «Прошу утвердить и указать дальнейшую задачу фронта, – обращался к Верховному маршалу Конев. – Полагал бы по обстановке и условиям местности в дальнейшем фронту наносить удар на Фокшаны» [Русский архив: Великая Отечественная, 1999, с. 281–282]. 6 апреля в 22.45 Ставка директивой № 220073 утвердила предложение командования 2-го УФ, приказав задействовать в наступлении 2-ю или 6-ю танковую армию, однако конкретных указаний по дальнейшей задаче фронта дано не было [Русский архив: Великая Отечественная, 1999, с. 72].

На первый взгляд, слова о «начале операции» и «переходе в наступление» могут свидетельствовать, что речь идет об окончании одной фронтовой операции и начале другой, но нам так не кажется. Дело не только в том, что в журнале боевых действий 2-го УФ записи от 5, 6, 7, 8, 9, 10 апреля и так далее вплоть до 18 апреля включительно начинаются

⁹⁴ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 240. Оп. 2779. Д. 869. Л. 105–108; Д. 1155. Л. 9–29; Ф. 381. Оп. 8378. Д. 424; Л. 1–7; Ф. 395. Оп. 9136. Д. 321. Л. 3–11.



одной и той же фразой: «Войска фронта продолжали наступление»⁹⁵, но и в том, что направления и задачи наступательных боевых действий по мере развития Уманско-Ботошанской операции неоднократно менялись. И.С. Конев вспоминал: «Если мы проследим боевой путь войск 2-го Украинского фронта в Уманско-Ботошанской операции, то заметим, что после разгрома окруженной корсунь-шевченковской группировки противника фронт сначала наступал с севера на юг, а затем – с северо-востока на запад и юго-запад. Таким образом, новая операция развивалась не прямолинейно, а меняя направления ударов с уманского на могилев-подольское, потом – на Яссы» [Конев, 1972, с. 214]. Собственно говоря, Уманско-Ботошанская наступательная операция получила это название несколько лет спустя окончания Великой Отечественной войны: когда 18.2.1944 г. Ставка директивой № 220030 поставила перед командованием 2-го УФ задачу наступательной операции в направлении на Умань, последняя еще не имела названия, в подготовленном оперативным управлением штаба фронта 25.02.1944 г. плане именовалась «фронтальной операцией по разгрому уманьской группировки противника», а в более поздних документах, таких как армейские описания операции, называлась «Уманьской»⁹⁶.

Задачи операции изначально были определены Ставкой так: «разбить уманьскую группировку немцев и овладеть рубежом: Лодыжин, Гайворон, Ново-Украинка. В дальнейшем продолжать наступление с целью выхода на р. Днестр на участке (иск.) Могилев-Подольский, (иск.) Ягорлык»; в представленном фронтом плане операции фигурировала только первая задача, и в таком виде план был 27.2.1944 г. утвержден директивой Ставки № 220041⁹⁷. Начавшееся 5.3.1944 г. наступление развивалось успешно и 11.3.1944 г. последовала директива № 220049, которой командованию 2-го УФ была поставлена задача не дать возможности отходящему противнику организовать оборону на р. Южный Буг, захватить переправы на р. Днестр и «в дальнейшем наступать с целью овладеть районом Бельцы, Кишинев и выйти на р. Прут на нашу государственную границу» [Русский архив: Великая Отечественная, 1999, с. 57–58]. В приказах маршала Конева командармам 11–12.3.1944 г. соответственно ставились задачи передовыми отрядами с хода форсировать Южный Буг, стремительно развивать наступление к р. Днестр и захватить на ней переправы⁹⁸. 17 марта передовые части правого крыла (2-я ТА) вышли к Днестру, форсировали его в районе Ямполь и на следующий день захватили плацдарм на южном берегу в районе Сороки⁹⁹. Основные усилия теперь были перенесены на Могилев-Подольское направление; но 22 марта последовала новая директива Ставки № 220054, в соответствии с которой левое крыло 2-го УФ должно было наступать по восточному берегу Днестра в южном направлении на Бендеры и Тирасполь, а правое крыло должно было выйти на р. Прут, частью сил продвигаясь по западному берегу Днестра с задачей овладеть рубежом Унгены, Кишинев [Русский архив: Великая Отечественная, 1999, с. 59–60]. По словам И.С. Конева, «22 марта войска фронта были нацелены на решение задач, которые выходили уже за рамки первоначального плана операции. Здесь часть сил поворачивалась на юг для взаимодействия с 3-м Украинским фронтом и разгрома 6-й армии немцев, оборонявшейся в нижнем течении Южного Буга. Такой поворот был оправдан обстановкой. Войска нашего фронта должны были помочь наступать 3-му Украинскому фронту» [Конев, 1972, с. 194]. 26 марта, когда войска 2-го УФ подошли к государственной границе с Румынией, Ставка издала директиву № 220058, которая гласила: «1. С выходом войск правого крыла фронта на р. Прут захватить переправы и обеспечить эти переправы занятием на правом берегу р. Прут предместных

⁹⁵ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1155. Л. 19–75.

⁹⁶ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 931. Л. 2–15; Д. 1140. Л. 1; Д. 1146. Л. 18–19; Ф. 307. Оп. 4148. Д. 184. Л. 63.

⁹⁷ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 931. Л. 2–3; Д. 1140. Л. 1; Д. 1146. Л. 18–19; Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4), с. 53.

⁹⁸ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1146. Л. 52, 58.

⁹⁹ ЦАМО. Ф. 307. Оп. 4148. Д. 184. Л. 73–74.

плацдармов, каждый протяжением по фронту 15–25 км и в глубину не менее 10–12 км, которые прочно за собой закрепить. 2. Главным силам правого крыла фронта закрепиться на левом берегу р. Прут и организовать оборону, подтянуть артиллерию усиления, тылы и своим устойчивым положением на р. Прут обеспечивать наступление главных сил фронта на юг по обоим берегам р. Днестр. 3. Наступление к западу от р. Прут начинать только по особому приказу Ставки» [Русский архив: Великая Отечественная, 1999, с. 63]. А за ней уже последовала вышеупомянутая директива № 220072 от 5.4.1944 г. о выдвижении войск правого крыла 2-го УФ на румынской территории к р. Сирет и овладении районом Яссы. Эти задачи, конечно, отличались от предшествующих, но и предшествующие отличались от первоначальных, тем не менее их постановка следовала общей логике развития событий, поэтому считать 6 апреля 1944 г. днем завершения Уманско-Ботошанской наступательной операции, на наш взгляд, неверно.

По той же причине то же самое следует сказать и о дате 8 апреля как начале самостоятельной Тыргу-Фрумосской наступательной операции. Восстановление картины событий делает более убедительной точку зрения, что наступательные боевые действия как до 6–7.4.1944 г., так и с 8.4.1944 г. в целом следовали цели, определенной еще директивой Ставки № 220054 от 22.3.1944 г., согласно которой армии правого крыла 2-го УФ должны были овладеть рубежом Унгены, Кишинев. Унгены расположены в 15 км по прямой к северо-востоку от Яссы, а Тыргу-Фрумос – в 44 км западнее Яссы, так что выход на рубеж Унгены, Кишинев понятным образом предполагал овладение и Тыргу-Фрумос, и Яссы (оба города связаны трассой Тыргу-Фрумос, Поду-Илоаей, Яссы); эти задачи и решались в последующие дни Уманско-Ботошанской наступательной операции.

6.4.1944 г. командующий 2-м УФ поставил перед командующими армиями правого крыла следующие задачи: 40-я армия к утру 8.4.1944 г. должна была овладеть рубежом р. Сирет на фронте Дорнешти, Пашкани, а 27-я и 52-я (командующий – генерал-лейтенант К.А. Коротеев) армии к исходу 7.4.1944 г. должны были овладеть г. Яссы. 52-я армия в течение дня продвижения не имела, 27-я армия на рубеже р. Жижия встретила организованное сопротивление противника, 40-я же армия продвинулась до 35 км. 7 апреля войска генерал-лейтенанта Ф.Ф. Жмаченко действовали столь же успешно, продвинувшись до 20 км, форсировав р. Сирет и овладев одноименным городом; по приказу командующего фронтом войска 40-й армии должны были выйти к р. Сучава и создать здесь главный рубеж обороны (второй строился на р. Сирет) с тем, чтобы обеспечить правое крыло 2-го УФ. У соседей слева успехи были скромнее: 27-я армия частью сил форсировала р. Жижия и вела бои за расширение плацдарма, тогда как 52-я армия, встретив сильное огневое сопротивление и контратаки противника, продвижения не имела; овладеть Яссами к исходу 7.4.1944 г., таким образом, не удалось¹⁰⁰.

На следующий день 52-я армия по приказу маршала Конева получила двое суток на подготовку к дальнейшим наступательным действиям, в то время как войска 27-й армии форсировали р. Жижия на всем фронте, продвинувшись на отдельных направлениях до 30 км, а соединения 40-й армии вышли на левый берег р. Сучава. Командующий 2-м УФ отдал приказы на передислокацию 5-й гв. танковой армии (командующий – маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров) и на ввод в бой 2-й танковой армии (командующий – генерал-лейтенант танковых войск С.И. Богданов). Последняя должна была к утру 9 апреля сосредоточиться в районе Болотина, переправиться через р. Прут, в течение дня обогнать боевые порядки 27-й армии и развивать стремительное наступление на Тыргу-Фрумос с тем, чтобы к исходу 10 апреля во взаимодействии с частями 27-й и 52-й армий овладеть г. Яссы. На деле переброска и переправа частей 2-й ТА, насчитывавшей в строю 36 танков и 4 СУ, затянулась до 11.4.1944 г., а введены в бой они были только 12 апреля, наступая на ж.-д. станцию Поду-Илоаей. Общеармейские операции правого крыла действо-

¹⁰⁰ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1155. Л. 27–28, 34; Ф. 395. Оп. 9136. Д. 321. Л. 11–12.



вали успешнее: 9 апреля 40-я армия продвинулась до 25 км и передовыми частями вышла к предгорьям Карпат и р. Молдова, 27-я армия продвинулась до 15 км, овладев Хырлэу, Поду-Илоаей и Тыргу-Фрумос. Маршал Конев, отмечая в приказах этого дня, что «обстановка благоприятная» и «очень благоприятная» и что «румыны в панике отходят на юг», ставил задачи 2-й ТА охватить Яссы с юга и овладеть передовыми отрядами Васлуй и Хуши, а 5-му гв. кавкорпусу – стремительно развивать наступление по правому берегу р. Молдова и к исходу 13.4.1944 г. овладеть Бакэу, отрезав тем противнику пути отхода на запад и юг¹⁰¹.

Однако противника не стоило недооценивать. В состав противостоявшей 2-му УФ армейской группы «Велер» (4-я румынская, 8-я немецкая и часть сил 6-й немецкой армий) группы армий «Южная Украина» (командующий – генерал-полковник Ф. Шёрнер) входили 24 дивизии, в т. ч. 5 танковых и 2 моторизованные, боевым составом 160 тыс. чел., 3 тыс. орудий и минометов, 160 танков, 600 самолетов. С 10 апреля немецкие и румынские соединения стали оказывать наступающим войскам 2-го УФ возрастающее сопротивление. В этот день части 40-й и 27-й армий овладели г. Пашкани и рядом других населенных пунктов, но 52-я армия продвижения по-прежнему не имела, тогда как противник неоднократно контратаковал южнее Тыргу-Фрумос силами пехотного полка с 15 танками и с направления Яссы силой до пехотной дивизии с 20 танками при поддержке авиации. 11 апреля передовые отряды 40-й армии продвинулись до 20 км, вышли на р. Молдова и овладели г. Кристештий, но 52-я армия продвижения не имела, а части 27-й армии на направлениях Тыргу-Фрумос и Яссы были контратакованы противником силой до двух пехотных дивизий с 60 танками при поддержке авиации и после упорных боев были несколько потеснены. На следующий день части 40-й армии, командующий которой получил приказ удерживать передовыми отрядами проходы Карпат и готовить специальные отряды для боевых действий в горах, вести разведку на Бистрица и готовить частное наступление на Пятра, были контратакованы противником силой до двух пехотных полков с 12 танками в районе Кристештий, где в последующие дни завязались упорные бои. Части 27-й и 2-й танковой армий ударом в направлении Поду-Илоаей должны были перерезать шоссе на Яссы – Тыргу-Фрумос; станция Поду-Илоаей была занята, но 13 апреля противник частями 24-го тк, в том числе моторизованной дивизии «Великая Германия», нанес контрудар и восстановил положение. Части 2-й ТА отошли на рубеж выс. 165, где заняли оборону; к 15.4.1944 г. в строю оставалось 13 танков Т-34 и 3 танка МК-9. В этот день вместе с частями 35-го ск 27-й армии 2-я ТА должна была вновь перейти в наступление на Тыргу-Фрумос, но вместо этого до 18 апреля вела оборонительные бои против перешедшего в контрнаступление противника, а 19.4.1944 г. была выведена из боя и отведена в тыл для получения матчасти (к этому моменту в строю оставалось 6 Т-34 и 2 МК-9). На правом фланге 40-я армия до 15 апреля обороняла занимаемый рубеж, затем перешла в наступление в направлении Тыргу-Няму, успеха не имела и 17.4.1944 г. вновь перешла к обороне. 27 армия после нескольких дней боев оставила Тыргу-Фрумос и 17 апреля перешла к обороне; 52-я армия продолжала вести наступательные действия отдельными отрядами, но продвижения не имела [Великая Отечественная война, 1999, с. 46]¹⁰².

19 апреля 1944 г. в журнал боевых действий 2-го УФ была внесена следующая запись: «Войска фронта закреплялись на достигнутых рубежах, производили частичную перегруппировку и вели боевую разведку; на отдельных участках отбивали контратаки противника; на Ясском направлении отдельными отрядами продолжали вести наступательные

¹⁰¹ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1155. Л. 36–43; Ф. 307. Оп. 4148. Д. 184. Л. 79; Д. 280. Л. 20–21.

¹⁰² ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 869. Л. 112–116; Д. 1155. Л. 36–75; Ф. 307. Оп. 4148. Д. 184. Л. 79–81; Д. 280. Л. 22–23; Ф. 381. Оп. 8378. Д. 424. Л. 22–23; Ф. 395. Оп. 9136. Д. 321. Л. 15–21; Оп. 9155. Д. 232. Л. 153–155.

бои»¹⁰³. Характер боевых действий, таким образом, изменился; но означало ли это, что Уманско-Ботошанская наступательная операция была завершена и войска 2-го УФ перешли к долговременной обороне?

Накануне маршал Конев доложил Верховному Главнокомандующему план дальнейших действий войск фронта. Идея заключалась в подготовке удара западнее Ясс с задачей прорыва обороны противника на 15-километровом участке Пашкани, Тыргу-Фрумос; главный удар наносился по восточному берегу Сирета в направлении Бэчешти с дальнейшим развитием наступления на Бакэу или Васлуй. Для прорыва вражеской обороны создавалась ударная группировка в составе 4 дивизий 40-й армии, 7 дивизий 7-й гв. армии и 4 дивизий 27-й армии, после чего в прорыв вводились 5-я гв. танковая и 2-я танковая армии. Начало операции планировалось на 27–29 апреля. Одновременно с подготовкой прорыва на направлении Тыргу-Фрумос намечалось провести частные операции на Яссском и Кишиневском направлениях: 5 дивизий 52-й и 3 дивизии 27-й армий должны были овладеть Яссами, а 5-я гв. армия с усилением танками и пехотой должна была наступать в обход Кишинева с юга, тогда как севернее вспомогательный удар наносили внутренние фланги 4-й гв. и 53-й армий. План был утвержден; 23.4.1944 г. командующий 2-м УФ приказом № 00324/оп поставил перед командующими армиями основной ударной группировки задачу овладеть Бакэу и Васлуй и отрезать пути отхода Яско-Кишиневской группировке противника на запад; войска 40-й, 7-й гв. и 27-й армий должны были начать наступление 26.4.1944 г. боем передовых батальонов [Великая Отечественная война, 1999, с. 46–47]¹⁰⁴. Словами ЖБД 2-го УФ, «после неудачных попыток овладеть Кишинев, Яссы в соответствии с указаниями Ставки Верховного Главнокомандования было выбрано другое направление для решения той же задачи – Тыргу-Фрумосское...»¹⁰⁵. В случае удачного развития наступления задачи могли измениться и на более масштабные – в докладе командующего 7-й гв. армией генерал-полковника М.С. Шумилова о наступательной операции войск армии в период 25.4–7.5.1944 г. (выступление состоялось 20.5.1944 г. на трехдневных сборах командования) говорилось: «Выбор направления был следующий: главный удар наносит наша армия во взаимодействии с 5-й гв. и 2-й ТА, прикрываясь р. Сирет, в направлении: вдоль р. Сирет, на Роман, Бакэу, Плоешти и Бухарест. Этот выбор направления не случаен. Оно самое жизненное для Румынии и Германии, потому что выход в район Плоешти лишает румын, а тем более немцев нефти. Мы знаем, что до 60 % всей нефти получают немцы в Румынии»¹⁰⁶.

Исходя из этого, согласиться с датой 17 апреля 1944 г. как днем завершения Уманско-Ботошанской наступательной операции представляется не вполне верным. Возможно, выбор этой даты был связан с тем, что в период 17–19 апреля 1944 г. ряд фронтов в преддверии летней кампании получили директивы Ставки на переход к обороне: 17 апреля – 1-й Белорусский (директива № 220079), 18 апреля – 2-й Прибалтийский (директива № 220081), 19 апреля – вновь сформированный 3-й Прибалтийский (директива № 220083), Ленинградский (директива № 220084), 3-й Белорусский (директива № 220085) и 2-й Белорусский (директива № 220086) фронты. Приказ на переход «к жесткой обороне во всей полосе фронта» 17.4.1944 г. получил и правый сосед 2-го УФ – 1-й Украинский фронт (директива № 220080); но 2-й Украинский фронт, равно как и сосед слева – 3-й УФ, директивы на переход к обороне не получал и занимался подготовкой к продолжению наступления в рамках Уманско-Ботошанской операции [Великая Отечественная война, 1999, с. 33–34] [Русский архив: Великая Отечественная, 1999, с. 74–79].

¹⁰³ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1155. Л. 80.

¹⁰⁴ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1155. Л. 96–99; Д. 1261. Л. 63–65.

¹⁰⁵ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1155. Л. 126.

¹⁰⁶ ЦАМО. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 612. Л. 4.



После подготовки и перегруппировки войска 2-го УФ продолжили наступление. 25 апреля соединения 53-й и 5-й гв. армий прорвали первую полосу обороны противника на Кишиневском направлении, форсировали р. Реут, продвинулись от 3 до 6 км, но в дальнейшем продвижения не имели и с 28.4.1944 г. перешли к закреплению на достигнутых рубежах. На Ясском направлении войска центральной ударной группировки 26.4.1944 г. прорвали сильно укрепленные позиции противника на фронте 18 км и продвинулись от 4 до 5 км, овладев рядом населенных пунктов. В следующие дни части 27-й и 52-й армий продолжали вести наступательные бои, но 28 апреля противник при поддержке танков и авиации нанес контрудар; на следующий день севернее Ясс вражеская пехота силами до трех дивизий с 100 танками и СУ сумела несколько потеснить войска 2-го УФ, которые 30 апреля и 1 мая должны были перегруппироваться и подготовиться к продолжению наступления. На Романском направлении противник проявил наибольшую активность и в течение 23–25.4.1944 г., когда 7-я гв. армия принимала участок 27-й армии, провел несколько атак, овладев Кукутений и др. населенными пунктами. В ходе боев 25–27.4.1944 г. соединения 7-й гв. и 5-й гв. танковой армий частично восстановили положение и продолжили подготовку к наступлению [Великая Отечественная война, 1999, с. 47]¹⁰⁷.

2 мая 1944 г. ударные группировки 2-го УФ на Ясском и Романском направлениях перешли в наступление. На первом наступательные бои 2–4.5.1944 г. успеха не имели. На втором частям 51-го ск 40-й армии, 7-й гв. армии, 35-го гв. ск 27-й армии, 5-й гв. ТА и 2-й ТА противостояли румынские 1-я гв. пд, 4-я пд, 6-я пд, немецкие 46-я пд, 24-я тд, мд «Великая Германия», 3-я тд СС «Мертвая голова». 2 мая наступающие соединения 2-го УФ прорвали сильно укрепленную оборону противника на 20-километровом фронте Блэжешти, Ходора на глубину от 4 до 10 км. Бои отличались большим упорством и жесточечностью. Противник неоднократно переходил в контратаки при поддержке танков и авиации; перед фронтом наступающих частей действовало 150–170 танков и СУ, вражеская авиация только за 2.5.1944 г. произвела до 900 самолетовылетов. В течение последующих дней наступающие части продвижения не имели; противник, опираясь на подготовленные рубежи, оказывал упорное сопротивление¹⁰⁸. 6 мая 1944 г. командующий 2-м УФ получил директиву Ставки № 220094, где говорилось: «1. Войскам 2-го Украинского фронта с получением настоящей директивы перейти к жесткой обороне во всей полосе фронта». При этом указывалось готовить войска к новому наступлению, предварительный срок которого был намечен на 25 мая (аналогичная директива тогда же была дана и 3-му УФ; 26 мая директивой № 220107 срок готовности обоих фронтов к наступлению был перенесен до особых указаний Ставки). Таким образом, 6 мая 1944 г. Уманско-Ботошанская наступательная операция 2-го Украинского фронта была завершена [Русский архив: Великая Отечественная, 1999, с. 84–85, 92].

Следует признать, что задачи, поставленные Ставкой перед 2-м УФ на последнем этапе операции, не были достигнуты: советские войска не вышли на рубеж Унгены, Кишинев; Яссы, Поду-Илоаей, Тыргу-Фрумос остались за противником. Это стало результатом целого ряда объективных причин, важнейшими из которых представляются следующие. Войска 2-го УФ практически непрерывно наступали в течение двух месяцев (5 марта – 5 мая 1944 г.) в условиях весенней распутицы, преодолевая водные преграды, что отрицательно сказалось на снабжении: передовые соединения оторвались от железнодорожных станций на 300 км, поэтому горючее, боеприпасы и провиант поступали не в должном количестве и с опозданием. ГСМ для танков порой приходилось доставлять на самолетах, а о ситуации с боепри-

¹⁰⁷ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1155. Л. 105–123, 205–206; Д. 1261. Л. 69–73; Ф. 341. Оп. 5312. Д. 656. Л. 1; Д. 691. Л. 5–20; Ф. 381. Оп. 8378. Д. 424. Л. 29–38; Д. 439. Л. 3–4; Ф. 395. Оп. 9136. Д. 321. Л. 30–37.

¹⁰⁸ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1155. Л. 206–227; Д. 1261. Л. 72–75; Ф. 307. Оп. 4148. Д. 280. Л. 27–30; Ф. 332. Оп. 4948. Д. 177. Л. 4–24; Ф. 341. Оп. 5312. Д. 693. Л. 12–25; Ф. 381. Оп. 8378. Д. 439. Л. 2–10; Ф. 395. Оп. 9136. Д. 324. Л. 10–19.

пасами свидетельствует тот факт, что после перехода к обороне командующий фронтом приказом № 00352/оп от 8.5.1944 г. утвердил следующие нормы суточного расхода: на винтовку – 10 патронов, ППШ – 20, ручной пулемет – 30, станковый пулемет – 50, 82-мм миномет – 3 мины, 120-мм миномет – 2, 76-мм ПА – 5 снарядов, 76-мм ДА – 5, 45-мм орудие – 10, 122-мм гаубица – 2, 152-мм орудие – 1. Боевые действия на последнем этапе развернулись в природных условиях Молдавской возвышенности, где естественные рубежи были выгодными для обороняющейся стороны. Оборона противника, последовательно уплотнявшего свои боевые порядки, опиралась на заранее подготовленную полевую полосу с укреплениями на линии р. Молдова, Пашкани, Яссы и далее на восток до р. Днестр. Укрепления включали в себя линию боевого охранения глубиной до 1 км с системой траншей и ходов сообщения, противотанковый ров, надолбы, минные поля, проволочные заграждения в 3–4 ряда, бетонированные казематы, капониры, ДЗОТы и большое количество артиллерийских и пулеметных ДОТов с фронтальной стенкой до 1,5 м, боковыми до 1,2 м и железобетонным куполом до 2,1 м толщиной, выдерживавших разрывы крупнокалиберных снарядов и авиабомб до 200 кг. Противник располагал достаточным количеством танков и артиллерии, а его авиация, почти не уступая авиации 5-й ВА численно, базировалась на передовых аэродромах и не испытывала недостатка в горючем, тогда как для самолетов 5-й ВА авиабензин приходилось доставлять на расстояние свыше 250 км, а среднее удаление аэродромов от передовой составляло от 60 до 170 км (в результате истребители могли находиться над полем боя не более 20 минут). Пехотные дивизии 4-й румынской армии представляли собой свежие полностью укомплектованные и хорошо вооруженные соединения, по численности (до 15–18 тыс. чел.) превосходившие личный состав стрелковых дивизий 2-го УФ в 2–3 раза. Румынские дивизии состояли из трех пехотных полков трехбатальонного состава, двух артполков (или одного четырехдивизионного состава) и, как правило, располагали приданными частями (кавалерийский полк, пограничный полк, саперный батальон, резервный батальон, тяжелый артдивизион и т. п.). Для примера, боевой состав 6-й пд на 15.4.1944 г. был следующим: людей – 17 000, автоматов – 440, ручных пулеметов – 426, станковых пулеметов – 148, минометов – 141, орудий – 122. Хотя пленные и перебежчики давали показания, по которым можно было заключить о низком морально-политическом состоянии румынских частей, в целом их боеспособность оставалась на достаточно высоком уровне. Как отмечалось в журнале боевых действий 2-го УФ за май 1944 г., «конечно, румынская армия – не немецкая и стойкость ее не та. Но все же, посаженная в мощную оборону, поддерживаемая пехотными и танковыми немецкими дивизиями на главных направлениях, в массе своей еще проникнутая идеей защиты своей земли и отечества, – румынская армия, если и не способна к крупным наступательным операциям, то в обороне будет драться достаточно упорно и активно, как это показывают апрельские и майские бои»¹⁰⁹.

Заключение

Завершающий этап Уманско-Ботошанской наступательной операции 2-го Украинского фронта 5.3–6.5.1944 г. по своим результатам нельзя признать полностью неудачным, как то считают исследователи, рассматривающие боевые действия на Тыргу-Фрумосском и Яском направлениях середины апреля – начала мая 1944 г. в качестве самостоятельной Тыргу-Фрумосской операции. Прорвать немецко-румынскую оборону, овладеть Тыргу-Фрумос и Яссы и далее развить наступление на Роман и Бакэу войска 2-го УФ действительно не смогли, но и командованием противника не добилось намеченных целей. Задачей контрудара противника из района севернее Ясс, начавшегося 28 апреля (атаки про-

¹⁰⁹ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 992. Л. 27; Д. 1155. Л. 126, 219, 222, 235, 244, 265, 344–348; Ф. 327. Оп. 4999. Д. 158. Л. 17, 23; Ф. 332. Оп. 4948. Д. 177. Л. 5, 12, 16; Ф. 341. Оп. 5312. Д. 601. Л. 80–81; Д. 612. Л. 3, 8, 16; Д. 669. Л. 16–18; Д. 693. Л. 2–4.



должались до 8 мая, а на некоторых участках – до 12 мая) было отбросить войска 52-й и 27-й армий за р. Прут и тем самым ликвидировать советский плацдарм севернее Ясс, а по возможности вновь вернуть под свой контроль всю румынскую территорию¹¹⁰. Этого сделать немецким и румынским войскам не удалось, так что начавшаяся в ходе Уманско-Ботошанской наступательной операции 2-го Украинского фронта освободительная миссия Красной армии в Европе получила возможность дальнейшего продолжения.

Список источников

- Конев И.С. 1972. Записки командующего фронтом. М., Наука, 368 с.
Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. 1999, Т. 16(5–4). М., ТЕРРА, 368 с.
Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 240. Оп. 2779. Д. 869.
ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 931.
ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 992.
ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1140.
ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1146.
ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1155.
ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1261.
ЦАМО. Ф. 307. Оп. 4148. Д. 184.
ЦАМО. Ф. 307. Оп. 4148. Д. 280.
ЦАМО. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 158.
ЦАМО. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 177.
ЦАМО. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 601.
ЦАМО. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 612.
ЦАМО. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 656.
ЦАМО. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 691.
ЦАМО. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 693.
ЦАМО. Ф. 381. Оп. 8378. Д. 424.
ЦАМО. Ф. 381. Оп. 8378. Д. 439.
ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9155. Д. 232.
ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 321.
ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 324.

Список литературы

- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. 2012. М., Кучково поле, 864 с.
Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга третья. Освобождение. 1999. М., Наука, 510 с.
Военный энциклопедический словарь. 2007. М., Воениздат, 831 с.
Гришина А.С. 2022. Начало освободительной миссии Красной армии в Румынии (март – апрель 1944 г.). Известия Воронежского государственного педагогического университета, 2(295): 170–174.
Данилов Ф. 1969. Уманско-Ботошанская операция. Военно-исторический журнал, 3: 118–124.
История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 г. (в 6 томах). Т. 4. 1962. М., Воениздат, 736 с.
История Румынии. 2005. М., Весь мир, 680 с.
Мощанский И.Б. 2011. Освобождение Правобережной Украины. М., Вече, 320 с.
Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Военно-исторический очерк). Том III. Операции Советских Вооруженных Сил в период решающих побед (январь – декабрь 1944 г.). 1958. М., Воениздат, 840 с.
Хисамутдинова Р.Р. 2014. Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945 годы): военно-исторические очерки. Оренбург, ОГПУ, 476 с.

¹¹⁰ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1155. Л. 126.



Referenses

- Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 4. Osvobozhdenie territorii SSSR. 1944 god [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 Volumes. Vol. 4. The Liberation of the USSR. 1944]. 2012. Moscow, Kuchkovo pole, 864 p.
- Velikaja Otechestvennaja vojna. 1941–1945. Voенно-istoricheskie ocherki. Kniga tret'ja. Osvobozhdenie [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military Historical Essays. Book Three. Liberation]. 1999. Moscow, Nauka, 510 p.
- Voennyj jenciklopedicheskij slovar' [Military Encyclopedic Dictionary]. 2007. Moscow, Voenizdat, 831 p.
- Grishina A.S. 2022. Nachalo osvoboditel'noj missii Krasnoj armii v Rumynii (mart-aprel' 1944 g.) [Beginning of the Liberation Mission of the Red Army in Romania (March – April 1944)]. *Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2: 170–174.
- Danilov F. 1969. Umansko-Botoshanskaja operacija [Uman-Botoshan Operation]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 3: 118–124.
- Istoriya Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuza. 1941–1945 g. (v 6 tomakh). T. 4 [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945 (in 6 volumes). Volume 4]. 1962. Moscow, Voenizdat, 739 p.
- Istoriya Rumynii [History of Romania]. 2005. Moscow, Ves' mir, 680 p.
- Moshhanskij I.B. 2011. Osvobozhdenie Pravoberezhnoj Ukrainy [Liberation of Right Bank Ukraine]. Moscow, Veche, 320 p.
- Operacii Sovetskih voорuzhennyh sil v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (Voенно-istoricheskij ocherk). Tom III. Operacii Sovetskih Vooruzhennyh Sil v period reshajushhih pobed (janvar' – dekabr' 1944 g.) [Operations of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War of 1941–1945. (Military Historical Essay). Volume III. Operations of the Soviet Armed Forces During the Period of Decisive Victories (January – December 1944)]. 1958. Moscow, Voenizdat, 840 p.
- Hisamutdinova R.R. 2014. Velikaja Otechestvennaja vojna Sovetskogo Sojuza (1941–1945 gody): voенно-istoricheskie ocherki [The Great Patriotic War of the Soviet Union (1941–1945): Military-Historical Essays]. Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, 476 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.11.2023

Received 15.11.2023

Поступила после рецензирования 04.12.2023

Revised 04.12.2023

Принята к публикации 04.12.2023

Accepted 04.12.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гришина Анна Сергеевна, соискатель кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия

Anna S. Grishina, Applicant for the Department of History of Russia, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

 [ORCID: 0009-0009-1634-7061](https://orcid.org/0009-0009-1634-7061)



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1020-1031

Обзорная статья

Афганистан во внешнеполитической стратегии США в период президентства Б. Обамы, Д. Трампа, Дж. Байдена: сравнительный анализ

Крупская С.Ю. , Пажвак С.Б. 

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород, 308015, ул. Победы, 85
E-mail: krupskaya@bsu.edu.ru, pazhvak@bsu.edu.ru

Аннотация. Целью статьи выступает анализ документов стратегического планирования США в период 2009–2022 гг. на предмет проводимой Белым домом политики в отношении Афганистана. Авторами была предпринята попытка исследовать развитие и трансформацию внешнеполитических приоритетов Соединенных Штатов Америки на афганском направлении в XXI веке. Анализ концептуальных документов разных президентских администраций – Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена – позволил авторам прийти к выводу, что, несмотря на идентичную конечную цель, заявляемую руководителями США в отношении Афганистана, набор решаемых разными американскими администрациями задач значительно различается.

Ключевые слова: Внешнеполитическая стратегия США, внешняя политика США, афганская проблема, национальные интересы и приоритеты, террористические угрозы, региональная безопасность

Для цитирования: Крупская С.Ю., Пажвак С.Б. 2023. Афганистан во внешнеполитической стратегии США в период президентства Б. Обамы, Д. Трампа, Дж. Байдена: сравнительный анализ. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4). 1020–1031. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1020-1031

Afghanistan in the US Foreign Policy Strategy During the Presidency of B. Obama, D. Trump, J. Biden: Comparative Analysis

Krupskaya S. Yu. , Pazhvak S.B. 

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: krupskaya@bsu.edu.ru, pazhvak@bsu.edu.ru

Abstract. The article is aimed at analysis of documents of strategic planning of the USA in the period 2009–2022 on the subject of The White House policy towards Afghanistan. The authors attempted to study the development and transformation of the foreign policy priorities of the United States of America in the Afghan direction in the XXI century. The analysis of conceptual documents of different

© Крупская С.Ю., Пажвак С.Б., 2023

presidential administrations, B. Obama, D. Trump and J. Biden, allowed the authors to conclude that, despite the identical ultimate goal claimed by US leaders for Afghanistan, the set of tasks pursued by different US administrations varied considerably.

Keywords: US foreign policy strategy, US foreign policy, Afghan problem, national interests and priorities, terrorist threats, regional security

For citation: Krupskaya S.Yu., Pazhvak S.B. 2023. Afghanistan in the US Foreign Policy Strategy During the Presidency of B. Obama, D. Trump, J. Biden: Comparative Analysis. *Via in tempore. History and political science*, 50(4). 1020–1031. DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1020-1031

Введение

Начало нового столетия было ознаменовано трансформациями в системе международных отношений, повлекших изменения в том числе и во внешней политике государств. Безусловно, глобализация как общий трек развития всего мирового сообщества дала импульс к обострению значительного количества глобальных проблем. Одной из таких проблемных зон стало увеличение числа нелегальных и полуправовых акторов, и если в случае с первыми скорее изменились методы и формы их взаимодействия с внешним миром, то касаясь вторых нельзя не заметить тревожную тенденцию по появлению значительной доли «несостоявшихся государств», частично признанных или непризнанных международным сообществом. Рост числа такого рода «игроков» на международной арене влечет за собой усложнение способов коммуникации правомерных акторов с точки зрения норм международного права, со странами-изгоями. В данном контексте национальные государства и международные организации столкнулись с необходимостью пересмотра многих позиций в своей внутренней и внешней политике в виду изменившегося характера угроз как со стороны террористических организаций, так и в контексте определения собственной стратегии с непризнанными или частично признанными государствами.

Несомненно, данная проблема открывает для исследователей возможность изучения не только вышеперечисленных аспектов, но и возможность анализировать степень оправданности и правомерности применения на практике тех или иных стратегий внешнеполитического развития государств. Одним из самых привлекающих внимание исследователей акторов в этом контексте являются Соединенные Штаты Америки, внешнеполитическая стратегия которых дает возможность анализа не только политической теории, но и политической практики данной страны на примере афганской повестки.

На сегодняшний день проблематика афганской стратегии США является достаточно популярной в научном сообществе. Однако в зависимости от регионально-страновой специфики исследователи обращают внимание на отдельные аспекты внешней политики официального Вашингтона в отношении Афганистана в XXI веке.

Так, среди иранских ученых довольно популярными являются научные работы, в которых затрагиваются вопросы влияния стратегического курса Б. Обамы «на национальную безопасность Афганистана», в том числе способствовавшем значительному отставанию последнего, а также тому, что он стал своеобразным препятствием на пути развития стран Центральной и Южной Азии из-за экспорта наркотиков, оружия и исламского радикализма. Также иранские исследователи активно изучают борьбу региональных игроков за Афганистан и видят в соперничестве Ирана и Пакистана основную причину затягивания военных действий в регионе [Darkhor, Kafi, Sadati, 2013].

Исследователи из Турции не менее активно изучают афганскую проблематику, чем иранские, однако больший акцент смещают на изучение доктринальных основ внешнеполитического курса США в отношении Афганистана. В этом контексте предметом изучения различных авторов являются Стратегии национальной безопасности Белого дома. Так, проанализировав Стратегию «СНБ-2022», Догакан Башаран пришел к выводу, что США



все еще открыты к диалогу с Талибаном¹¹¹ и укрепили военно-политические отношения с региональными акторами в рамках противодействия терроризму [Başaran, 2022]. Мерве Серен, доцент кафедры политологии Анкарского университета Йылдырыма Беязита, считает, что Анкара рассматривает последствия решения Соединенных Штатов о выводе войск из Афганистана как окно возможностей как для нормализации отношений Турции с Соединенными Штатами, так и для изменения в статусе региональной державы.

Один из американских исследователей Доминик Тирни, обращаясь к истории военных конфликтов с участием США в книге «Правильный способ проиграть войну: Америка в эпоху непобедимых конфликтов» (2015 г.), демонстрирует суровую оценку действий США. Тирни Д. отмечает, что США в конфликтах склонны ставить высокие цели, достигать точечных задач, а затем декларировать значительные успехи, выстраивая некий национальный миф о непобедимости США [Цит. по: Elliott Ph. Major American Failure, 2021].

Безусловно, проблемы кризиса в Афганистане затрагивают и многие аналитические центры, такие как РЭНД и Институт мира США. Так, исследователи американской некоммерческой организации РЭНД задаются вопросом, почему цели США в Афганистане за длительный период не особенно изменились. Для получения ответа на этот вопрос ученые опросили высокопоставленных руководителей, принимавших политические решения в период с 2001 г. по 2016 г., и пришли к выводу, что расширяющаяся бессрочная миссия в Афганистане завела Америку в «политическую ловушку», в которой победа казалась невозможной, а вывод войск был неприемлем ни политически, ни психологически, в том числе ввиду отсутствия стратегии вывода американских войск из Афганистана. Опыт США в Афганистане, согласно мнениям аналитиков РЭНД, показал, что дезэскалация конфликта в условиях, далеких от победы, чрезвычайно сложна – как практически, так и политически [A Look Backatthe Warin Afghanistan, National Security Risks, Hospice Care, 2023].

Институт мира США также регулярно публикует материалы по афганской проблематике. Один из докладов данного федерального учреждения посвящен афганским национальным силам обороны и безопасности (ANDSF). Автор документа Али А. Джалали рассматривает их развитие, структуру, потенциал, а также проблемы в обеспечении долгосрочной финансовой и оперативной устойчивости. Исследуется, как ANDSF могут более эффективно действовать на нетрадиционном поле боя и бороться с возникающими новыми угрозами насильственного экстремизма – как в одиночку, так и в составе более крупной региональной и глобальной коалиции. Доклад был основан на полевых исследованиях и интервью, проведенных автором в Афганистане в 2015 г. [Chin, Skinner, Yoo, 2023].

Также американские исследователи изучают изменение главного внешнеполитического документа США, Стратегий национальной безопасности. Например, Джон Джей Чин, Кирон Скиннер, Клэй Ю ставили перед собой следующий вопрос: «Как мы можем оценить преемственность и изменения в Стратегиях национальной безопасности США за более чем четыре десятилетия?» Во всех рассмотренных Стратегиях авторы обнаружили, что управление конкуренцией великих держав является постоянной темой. Академические политологи (Скиннер и Чин) и инженер по искусственному интеллекту (Ю), используют как глубокие качественные знания о формировании внешней политики США, так и количественный анализ текстов и визуализацию данных, чтобы помочь представить Стратегию национальной безопасности Дж. Байдена 2022 г. в сравнительном и историческом контексте [Chin, Skinner, Yoo, 2023].

¹¹¹ «Движение Талибан» – входит в список организаций, признанных на территории РФ террористическими на основании Решения Верховного Суда Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116.

Методология

В основу данной научной статьи был положен системный подход, давший возможность комплексного изучения внешнеполитических стратегий США в отношении Афганистана в XXI веке в рамках различных президентских администраций и позволивший разобраться в особенностях современного политического планирования в Штатах.

Методы сравнительного анализа и контент-анализа дали возможность выявить общее и особенное во внешнеполитической риторике Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена, установить взаимосвязь между декларируемыми национальными, региональными и глобальными интересами официального Вашингтона в контексте решения задач по обеспечению безопасности, а также частоту упоминаний Афганистана в официальных документах Белого дома, что значительно помогло в дальнейшей работе.

Для понимания специфики американской внешней политики авторы обращались также к либеральной теории. Именно она позволяет рассмотреть политические ценности Вашингтона, воплощенные в стратегических документах, такие как право на превентивную самооборону, а также коллективную самооборону либеральных государств, реализованные в ходе операции в Афганистане. Теория рационального выбора в большей мере помогла оценить курс Вашингтона в Афганистане как продиктованный желанием максимизировать свои выгоды.

Результаты и их обсуждение

Спустя почти двадцать лет, в 2021 г. военная кампания США в Афганистане завершилась. Как известно, операция «Несокрушимая свобода» (2001–2014 гг.) была призвана освободить Афганистан от талибов, уничтожить руководителей и террористов «Аль-Каиды»¹¹² [Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, 2023]. Изначально не заручившись одобрением ООН, Соединенные Штаты и Великобритания начали проведение принудительной операции в 2001 году, используя в качестве обоснования своих действий статью 51 Устава Организации Объединенных Наций. Исходя из данной статьи, действия США и их союзника можно было классифицировать как «право на индивидуальную и коллективную самооборону» [Устав Организации Объединенных Наций, 1945].

В этой ситуации довольно примечательным является факт коллективного присутствия иностранных войск на территории Афганистана, которое стало возможным благодаря декабрьской Резолюции СБ ООН – S/RES/1386 (2001), учредившей «Международные силы содействия безопасности для оказания помощи афганскому Временному органу в обеспечении безопасности в Кабуле» [Резолюция 1386 СБ ООН, 2001]. В созданные ООН Международные силы содействия безопасности в Афганистане¹¹³ в разное время входило до 50 государств-участниц, и максимальная их численность достигала в 2012 году 130 тысяч человек. Численность американского контингента, безусловно, была самой высокой. Так, например, в 2011 году она достигла 101 тыс. человек [ТАСС-досье, 2021].

Безусловно, Афганистан на протяжении двух десятилетий занимал одну из приоритетных позиций во внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов. Однако являлся ли вывод войск предсказуемым событием и по каким причинам произошла смена вектора американской внешней политики, нам предстоит рассмотреть. В рамках данной статьи мы проследим, как менялось значение Афганистана для США в официальных документах и заявлениях Вашингтона.

¹¹² «Аль-Каида» – входит в список организаций, признанных на территории России террористическими на основании Решения Верховного Суда Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116.

¹¹³ Международные силы содействия безопасности в Афганистане – International Security Assistance Force in Afghanistan (ISAF)



Итак, в Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов 2010 г. Афганистан был упомянут двадцать раз, семь из которых совместно с Пакистаном, который, в свою очередь, обозначен пятнадцатью повторениями в тексте документа. Администрация Б. Обамы обращалась к Афганистану исключительно в контексте безопасности. Официальные формулировки связаны с обеспечением глобальной безопасности, в том числе авиационной, борьбой с «Аль-Каидой» и «Талибаном», недопущением попадания оружия массового уничтожения в руки террористов, усилением потенциала афганских сил безопасности и правительства страны.

Руководство США обратилось к следующим задачам по достижению вышеупомянутых целей: выполнение обязательств перед странами-союзниками и партнерами, межгосударственное сотрудничество, а также необходимости достижения полного засекречивания тех знаний в области ядерной энергетики, обладание которыми дало бы террористическим группам возможности нанесения массированных ударов с увеличением числа жертв.

В СНБ-2010, принятой во время президентства Б. Обамы, авторами акцентируется внимание на то, что и Афганистан, и Пакистан являются небезопасными государственными образованиями, в полной мере не справляющимися с решением вопросов по обеспечению своей внутренней безопасности, что делает их опасными очагами распространения идей насильственного экстремизма через имеющиеся террористические организации. В этом контексте на Вашингтон ложится значительная ответственность – борьба за региональную и международную безопасность и недопущение увеличения зоны распространения влияния для террористических организаций в лице запрещенных в РФ «Аль-Каиды» и «Движения Талибан», а также их безнаказанных действий в регионе [National Security Strategy, 2010].

Необходимо отметить, что немного ранее, 27 марта 2009 г., американской администрацией начал реализовываться проект «АфПак». Известно, что в отношении наименования проекта шли длительные дискуссии в кругах американского истеблишмента, и президент США Барак Обама был вынужден обратиться к формату консультаций с членами президентской администрации, а также Министерством обороны Штатов и даже с национальными кругами как Афганистана, так и Пакистана. В качестве целей данного проекта были обозначены следующие:

- увеличение численности контингента Международных сил содействия безопасности в Афганистане;
- упор на обеспечение Афганистана собственными боеспособными национальными вооруженными силами;
- более тесная международная кооперация косвенных сторон конфликта для разработки комплексного подхода в отношениях и Афганистана, и Пакистана;
- необходимость приступить к постконфликтной реконструкции уже на данном этапе за счет увеличения доли невоенных специалистов из числа гражданских лиц, которые смогут начать проводить некоторые восстановительные работы в Афганистане [Фененко, 2013].

В Стратегии национальной безопасности от 2010 г. также был сделан акцент на борьбу с террористическими силами в Афганистане путем усиления региональных акторов, а также их более тесной кооперации. Власти США планировали инвестировать в потенциал сильных и дееспособных стран-партнеров, которые смогли бы обеспечить безопасность и постконфликтное восстановление Афганистана в рамках стратегии постконфликтной реконструкции. Высказанная необходимость в укреплении потенциала национальных афганских вооруженных сил и стабильности правительства была явным продолжением идей проекта «АфПак». В данном контексте именно на официальные афганские структуры должна была лечь ответственность за будущее своей страны, согласно официальному курсу Соединенных Штатов при администрации Б. Обамы. Забегая вперед, нельзя не заметить, что СНБ-2010 несколько предвосхитила идеи «американской исключительности» [Покудов, 2020], а также «гибкого и умного лидерства США», озвученные

американским президентом позднее во время своего выступления перед выпускниками военной академии в Вест-Пойнте. Также в рамках американо-пакистанского сотрудничества Белый дом призывал устранить угрозы, исходившие от воинствующих экстремистов.

В целом в рамках СНБ-2010 американскими властями были запланированы следующие меры по осуществлению внешнеполитического курса относительно Афганистана:

1. Обеспечить совместно с военными партнерами и Международными силами содействия безопасности (ISAF) защиту гражданского населения Афганистана, а также его ключевые объекты и населенные пункты.

2. Начиная с середины 2011 года сократить численность воинского контингента США, находящегося в Афганистане, к этому году достигшую рекордного числа – 101 тыс. человек.

3. Продолжить оказание посреднических и консультационных услуг афганским официальным властям, а также силам национальной безопасности Афганистана на постоянной и долгосрочной основе.

4. Не прекращать тесного сотрудничества по афганскому вопросу с международным сообществом, особенно со странами-партнерами (например, Великобританией и др.), ООН и пр.

5. Обязательный мониторинг за дальнейшим развитием Афганистана, показателями качества жизни в данной стране, а также отслеживание тенденций развития экономики Афганистана (особенно сельского хозяйства).

6. Осуществлять мониторинг за важнейшей сферой – защита прав и свобод в Афганистане, укрепление демократии и оказание помощи пакистанскому народу.

7. Продолжить развитие диалога с Пакистаном с целью укрепления региональной стабильности и борьбы с политическим экстремизмом.

8. Решение военных и гражданских проблем в Афганистане, а также предотвращение дальнейшего роста и распространения «Аль-Каиды».

9. Обеспечение надежного правосудия в Афганистане путем создания новых правовых подходов, соответствующих интересам безопасности и американским ценностям, в том числе и для эффективного задержания, допроса и судебного преследования террористов.

На пути к достижению данной цели администрация Б. Обамы придерживалась следующих принципов: использовать информационный ресурс, разведданные, осуществление изменений в обществе, противопоставление созидательных намерений США по сравнению с «Аль-Каидой», несущей разрушительный эффект. Вашингтон декларировал стремление навести мосты между людьми разных вероисповеданий и регионов.

Стратегические документы во время президентства Б. Обамы дают нам представление о том, что Соединенные Штаты, помимо взаимодействия с НАТО и СБ ООН, также были намерены оставить за собой право действовать в одностороннем порядке, если это необходимо для защиты американской нации и ее интересов. В рамках тезиса о «плавающем суверенитете» прослеживается сознательно подчеркиваемая взаимозависимость внутренней и внешней политики, ведущая к выводу о том, что обеспечение безопасности и процветание американских граждан напрямую связаны с событиями за рубежом. В СНБ-2010 не отрицается факт того, что негосударственные акторы могут оказывать огромное влияние на окружающий мир, и Вашингтон в этом контексте будет стремиться к предотвращению террористических атак посредством сотрудничества, в том числе через международные институты [National Security Strategy, 2010].

В Стратегии национальной безопасности США от 2015 г. Афганистан упомянут десять раз, одно повторение было совместно с Пакистаном, который обозначен в документе всего лишь дважды. В отличие от СНБ США 2010 г., страна отдельно не выносится в название какого-либо из параграфов. В вводной части документа сделан акцент на уменьшение военных сил в Ираке и Афганистане, они охарактеризованы беспрецедентными в истории человечества, имеют огромную мощь, высокие технологии и обширный геостра-



тегический охват. Однако теперь, в 2015 г., появились новые направления политики США от Европы до Азии. В этом контексте Штаты официально заявили, что, являясь лидерами коалиционных международных сил, призывают правительство Афганистана взять на себя ответственность за дальнейшую политическую, экономическую судьбу и национальную безопасность [National Security Strategy, 2015]. В рамках данной политики Вашингтона в разделе «Безопасность» СНБ-2015 вновь была подчеркнута необходимость уменьшения военного контингента в Ираке и Афганистане до 15 тыс. человек, а также изменение методов ведения военных действий от крупномасштабных военных операций до целенаправленных контртеррористических. Данная политика второй администрации Б. Обамы была названа «устойчивой».

«Устойчивый трек» в отношении Афганистана нашел себя в повторении некоторых уже высказанных ранее тезисов, касающихся укрепления коалиционных усилий по афганской проблематике с целью выработки общей стратегии по борьбе с терроризмом и экстремизмом, а также укрепления потенциала наиболее уязвимых слоев населения. Обучение, оснащение региональных стран-партнеров, обмен информацией и технологиями помогли бы в борьбе с террористическими группировками, по мнению администрации Б. Обамы [National Security Strategy, 2015].

В СНБ США 2017 г. Афганистан также, как и в 2015 г., не был вынесен в заглавие ни одного параграфа. Страна упоминается в документе всего пять раз, четыре из которых совместно с Пакистаном. Интересно, что последний был обозначен семь раз, в том числе и в пункте, посвященном экономическим вопросам. В параграфе о приоритетных действиях относительно нестабильных государств обозначено, что США планировали выборочно брать на себя обязательства. В пример был приведен Афганистан как страна, неудачи которой усилили бы угрозы для Вашингтона. США стремились предотвратить повторное появление убежищ террористов в Афганистане. И в разделе «Европа», и в части «Интересы США в регионе Южной и Центральной Азии» упомянут Афганистан. Отражена приверженность европейских государств совместному с США противостоянию угрозам, исходившим от террористов-джихадистов Афганистана, от ситуаций в Ираке, Африке и на Ближнем Востоке. Предотвращение трансграничного терроризма, недопущение попадания ядерного оружия, технологий и материалов в руки террористов являлись целями Соединенных Штатов. Присутствие США в Южной и Центральной Азии должно быть соразмерно тем угрозам, которые исходили из этого региона, для Штатов и их союзников, по мнению администрации Д. Трампа [National Security Strategy, 2017]. Высказано стремление к сотрудничеству с Пакистаном, который, согласно документу, не стал дестабилизирующим фактором, а мог помочь в создании стабильного и самодостаточного Афганистана. В СНБ 2017 г. власти США обозначили, что продолжают сотрудничество с Афганистаном в целях содействия миру и безопасности в регионе, будут продвигать антикоррупционную реформу в стране, чтобы повысить легитимность афганского правительства и снизить привлекательность экстремистских организаций. Примечателен тезис о том, что Вашингтон поможет государствам Южной Азии сохранить суверенитет при усилении влияния Пекина в регионе [National Security Strategy, 2017].

В марте 2021 г., спустя два месяца после прихода к власти, администрация Дж. Байдена представила Временное стратегическое руководство по национальной безопасности США. Данный документ состоит всего из четырех разделов. Они посвящены архитектуре глобальной безопасности и приоритетам Вашингтона, одним из которых стало желание США не участвовать в «вечных войнах», которые стоили тысяч жизней и триллионов долларов. Американское руководство с уверенностью заявляло о стремлении завершить войну в Афганистане, при этом не допустив превращение страны в убежище для террористов, что угрожало бы безопасности США. Примечательно, что к Афганистану авторы до-

кумента обращаются только два раза, а Пакистан не упомянут вовсе [Interim National Strategic Guidance, 2021].

В СНБ США 2022 г. вооруженные силы Штатов охарактеризованы как сильнейшие и способные защищать национальные интересы страны. Не отрицалась поддержка дипломатии, противостояния агрессии, сдерживания конфликтов. Обращено внимание и на демонстрацию силы и то, что Вашингтон готов защищаться от агрессии и сдерживать нападения в свой адрес и в отношении союзников, партнеров. Предполагалось так называемое «логическое упорядочивание» национальных приоритетов, провозглашенных в стратегии. Целью стало и создание устойчивой силовой и оборонной экосистемы в будущем. Интересно, что авторы документа [National Security Strategy, 2022] смело обещают обеспечить ситуацию, при которой Афганистан никогда больше не будет служить убежищем для террористов, нападать на Соединенные Штаты или их союзников. Более того, Вашингтон привлечет Талибан к ответственности за его общественные обязательства по борьбе с терроризмом.

Заключение

Таким образом, документы стратегического планирования США отражают динамику развития отношения американской политической элиты к афганской проблематике. Очевидно, что в СНБ США 2010 г. и 2015 г. администрация Б. Обамы рассматривала Афганистан достаточно подробно. Так, в свой первый президентский срок Б. Обама уделял внимание тесному сотрудничеству с Пакистаном в решении афганского вопроса, декларировались высокопарные цели, задачи, принципы по обеспечению безопасности страны. Ситуация в Афганистане была одной из приоритетных для Вашингтона. В 2015 г. политика США претерпела некоторые изменения – было заявлено значительное сокращение американских войск в стране, переход к новой стратегии управления афганским конфликтом и пр. В частности, в связи с переориентацией Соединенных Штатов на другие регионы был упомянут устойчивый подход, подразумевавший переход от крупномасштабных военных операций к контртеррористическим. Также руководство США в этот период стремится активизировать партнерство с другими странами, коллективные усилия в создании самодостаточного Афганистана.

С приходом в Белый Дом администрации Д. Трампа значение афганского вопроса для Вашингтона уменьшилось в разы. США рассчитывали на европейских партнеров и оказание выборочной помощи официальному Кабулу при перенесении ответственности на афганское правительство за положение дел в стране. Однако необходимость сотрудничества со странами Южной и Центральной Азии не отрицалась ввиду конкуренции США и КНР.

Дж. Байден, в свою очередь, положил конец самой продолжительной войне США, завершив период крупных военных операций и практически исключив афганский вопрос из американской внешнеполитической повестки.

Таким образом, уже в политике двух последних американских президентов Д. Трампа и Дж. Байдена Афганистан потерял свою приоритетную позицию в сфере внешнеполитических интересов США. Американское руководство сегодня не взаимодействует с пришедшим к власти Талибаном, заморозило все финансовые активы страны за рубежом. Однако многие призывы к борьбе с терроризмом, обеспечению безопасности Афганистана, установлению демократии, усилению афганского правительства и сил безопасности так и не были осуществлены на практике.

Список источников

Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 апреля 2023 года). Федеральная служба безопасности РФ. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 14 ноября 2023).



- Резолюция Совета Безопасности № 1386 (2001). 20 декабря 2001. Официальные документы ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/708/57/PDF/N0170857.pdf?OpenElement> (дата обращения: 19 октября 2023).
- Устав Организации Объединенных Наций. 1945. Глава VII: действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии (статьи 39–51). Официальные документы ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-7> (дата обращения: 23 октября 2023).
- Interim National Strategic Guidance. March 2021. Official Documents of the White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 23 октября 2023).
- National Security Strategy. May 2010. Official Documents of the Office of the Secretary of Defense. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 24 октября 2023).
- National Security Strategy. February 2015. Official Documents of the Office of the Secretary of Defense. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 23 октября 2023).
- National Security Strategy. December 2017. Official Documents of the Office of the Secretary of Defense. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 23 октября 2023).
- National Security Strategy. October 2022. Official Documents of the White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 23 октября 2023).

Список литературы

- Габдуллин Э., Абирова А. 2011. Трансформация американской политики в Афганистане: риски безопасности для Центральной Азии. *Центральная Азия и Кавказ*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-amerikanskoj-politiki-v-afganistane-riski-bezopasnosti-dlya-tsentralnoj-azii/viewer> (дата обращения: 06 ноября 2023).
- Дмитращенко О.А. 2014. Особенности типологизации союзников США в американском политическом дискурсе. *Вестник Московского университета: Серия Международные отношения и мировая политика*, 2: 114–133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tipologizatsii-soyuznikov-ssha-v-amerikanskom-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 30 октября 2023).
- Дмитращенко О.А. 2013. Присвоение статуса «Основного союзника вне НАТО» как инструмент внешнеполитической стратегии США (на примере Афганистана). *Вестник Московского университета: Серия Международные отношения и мировая политика*, 2: 147–162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prisvoenie-statusa-osnovnogo-soyuznika-vne-nato-kak-instrument-vneshnepoliticheskoy-strategii-ssha-na-primere-afganistana/viewer> (дата обращения: 13 октября 2023).
- Карякин В. 2010. Политика США на Ближнем и Среднем Востоке: новые подходы и застарелые проблемы. *Центральная Азия и Кавказ*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-ssha-na-blizhnem-i-srednem-vostoke-novye-podhody-i-zastarelye-problemy/viewer> (дата обращения: 12 ноября 2023).
- Коргун В.Г. 2011. США в Афганистане: миссия не выполнима? *Вестник Московского университета. Серия Международные отношения и мировая политика*, 3: 106–134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ssha-v-afganistane-missiya-nevypolnima/viewer> (дата обращения: 12 ноября 2023).
- Мачитидзе Г.Г. 2020. Стратегия в Афганистане: артефакт президента Д. Трампа. *Россия и современный мир*, 1(106): 119–138. doi: 10.31249/rsm/2020.01.07
- Морозов Ю.В. 2013. Американская стратегия в Афганистане после 2014 года: стабильность или новый виток напряженности в Центрально-Азиатском регионе? *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 22(211): 39–54.
- Морозов Ю.В. 2018. Проблемы и перспективы взаимодействия в Афганистане заинтересованных в этом государстве и их союзников. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 5: 955–971. doi: 10.24891/ni.14.5.955

- Покудов З.В. 2020. Концепция «американской исключительности» во внешней политике Б. Обамы. Общество: философия, история, культура. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-amerikanskoj-isklyuchitelnosti-vo-vneshney-politike-b-obamu/viewer> (дата обращения: 02 ноября 2023).
- Приймачук Д.В. 2015. Американская стратегия решения «Афганского конфликта»: теория, реализация, предварительные итоги. Вестник Томского государственного университета. История, 1(33): 58–63.
- Приймачук Д.В. 2016. Эволюция афганской политики США в 2000–2016 годах. Мировая политика, 4: 44–53. doi: 10.7256/2409-8671.2016.4.21080.
- Тетерюк А.С., Чижевский Я.А. 2015. Оценка эффективности военного аспекта стратегии НАТО в Афганистане, принятой при Б. Обаме. Сравнительная политика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-voennogo-aspekta-strategii-nato-v-afganistane-prinyatoy-pri-b-obame/viewer> (дата обращения: 25 октября 2023).
- Шапиро Н.И. 2018. Новые контуры стратегии США в Афганистане: анализ исследовательского дискурса. Пути к миру и безопасности, 3: 22–34. doi: 10.20542/2307-1494-2018-2-22-35.
- Шапиро Н.И. 2019. Преемственность и новации в политике США в Афганистане. Мировая политика, 4: 26–45. doi: 10.25136/2409-8671.2019.4.31510.
- История присутствия иностранных войск в Афганистане с 2001 года. ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/11280267> (дата обращения: 04 октября 2023).
- Фененко А.В. 2013. Проблематика «АфПак» в мировой политике. Серия Международные отношения и мировая политика, 2: 23–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-afpak-v-mirovoj-politike/viewer> (дата обращения: 28 сентября 2023).
- A Look Back at the War in Afghanistan, National Security Risks, Hospice Care: RAND Weekly Recap. RAND Corporation. 2023. URL: <https://www.rand.org/pubs/articles/2023/weekly-recap-march-03.html> (дата обращения: 18 сентября 2023).
- Başaran D. 2022. What Kind of Afghanistan Policy Does the US National Security Strategy Document Indicate? Ankara Center for Crisis and Policy Studies. URL: <https://www.ankasam.org/what-kind-of-afghanistan-policy-does-the-us-national-security-strategy-document-indicate/?lang=en> (дата обращения: 28 сентября 2023).
- Chin J., Skinner K., Yoo C. 2023. Understanding National Security Strategies Through Time. The University of Texas at Austin. URL: <https://tnsr.org/2023/09/understanding-national-security-strategies-through-time/> (дата обращения: 30 сентября 2023).
- Darkhor M., Kafi S., Sadati S. 2013. United States Strategy and Afghan National Security. Central Asia and the Caucasus, 3: 33–41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/united-states-strategy-and-afghan-national-security> (дата обращения: 07 октября 2023).
- Elliott Ph. 2021. 'Major American Failure.' A Political Scientist on Why the U.S. Lost in Afghanistan. Time. URL: <https://time.com/6091183/afghanistan-war-failure-interview/> (дата обращения: 14 октября 2023).
- Jalali A. 2015. Afghanistan National Defense and Security Forces: Mission, Challenges and Sustainability. United States Institute of Peace. URL: <https://www.usip.org/publications/2016/05/afghanistan-national-defense-and-security-forces> (дата обращения: 28 сентября 2023).

References

- Gabdullin E., Abirova A. 2011. Transformatsiya amerikanskoj politiki v Afganistane: riski bezopasnosti dlya Central'noj Azii [Transformation of American Policy in Afghanistan: Security Risks for Central Asia]. Central'naya Aziya i Kavkaz. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-amerikanskoj-politiki-v-afganistane-riski-bezopasnosti-dlya-tsentralnoj-azii/viewer> (accessed: 06 November 2023).
- Dmitrashchenko O.A. 2014. Osobennosti tipologizatsii soyuznikov SSHA v amerikanskom politicheskom diskurse [Peculiarities of Typology of US Allies in American Political Discourse]. Vestnik Moskovskogo universiteta: Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika, 2: 114–133. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tipologizatsii-soyuznikov-ssha-v-amerikanskom-politicheskom-diskurse> (accessed: 30 October 2023).



- Dmitrashchenko O.A. 2013. Prisvoenie statusa «Osnovnogo soyuznika vne NATO» kak instrument vneshnepoliticheskoy strategii SSHA (na primere Afganistana) [Assigning the Status of “Major Non-NATO Ally” as a Tool of US Foreign Policy Strategy (Using the Example of Afghanistan)]. Vestnik Moskovskogo universiteta: Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika, 2: 147–162. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prisvoenie-statusa-osnovnogo-soyuznika-vne-nato-kak-instrument-vneshnepoliticheskoy-strategii-ssha-na-primere-afganistana/viewer> (accessed: 13 October 2023).
- Karyakin V. 2010. Politika SSHA na Blizhnem i Srednem Vostoke: novye podhody i zastarelye problem [US Policy in the Near and Middle East: New Approaches and Long-Standing Problems]. Central'naya Aziya i Kavkaz. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-ssha-na-blizhnem-i-srednem-vostoke-novye-podhody-i-zastarelye-problemy/viewer> (accessed: 12 November 2023).
- Korgun V.G. 2011. SSHA v Afganistane: missiya ne vpolnima? [USA in Afghanistan: Is Mission Impossible?]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika, 3: 106–134. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ssha-v-afganistane-missiya-nevpolnima/viewer> (accessed: 12 November 2023).
- Machitidze G.G. 2020. Strategiya v Afganistane: artefakt prezidenta D. Trampa [Strategy in Afghanistan: an Artifact of President D. Trump]. Rossiya i sovremennyy mir, 1(106): 119–138. doi: 10.31249/rsm/2020.01.07
- Morozov Yu.V. 2013. Amerikanskaya strategiya v Afganistane posle 2014 goda: stabil'nost' ili novyy vitok napryazhennosti v Central'no-Aziatskom regione? [American Strategy in Afghanistan After 2014: Stability or a New Round of Tension in the Central Asian Region?]. Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost', 22(211): 39–54.
- Morozov Yu.V. 2018. Problemy i perspektivy vzaimodejstviya v Afganistane zainteresovannyh v etom gosudarstve i ih soyuznikov [Problems and Prospects for Interaction in Afghanistan Between those Interested in This State and Their Allies]. Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost', 5: 955–971. doi: 10.24891/ni.14.5.955
- Pokudov Z.V. 2020. Koncepciya «amerikanskoj isklyuchitel'nosti» vo vneshnej politike B. Obamy [The Concept of «American Exceptionalism» in Barack Obama's Foreign Policy]. Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-amerikanskoj-isklyuchitel'nosti-vo-vneshnej-politike-b-obamy/viewer> (accessed: 02 November 2023).
- Prijmachuk D.V. 2015. Amerikanskaya strategiya resheniya «Afganskogo konflikta»: teoriya, realizaciya, predvaritel'nye itogi [American Strategy for Resolving the «Afghan Conflict»: Theory, Implementation, Preliminary Results]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, 1(33): 58–63.
- Prijmachuk D.V. 2016. Evolyuciya afganskoj politiki SSHA v 2000–2016 godah [The Evolution of US Afghan Policy in 2000–2016]. Mirovaya politika, 4: 44–53. doi: 10.7256/2409-8671.2016.4.21080.
- Teteryuk A.S., Chizhevskij Ya.A. 2015. Ocenka effektivnosti voennogo aspekta strategii NATO v Afganistane, prinyatoy pri B. Obame [Assessing the Effectiveness of the Military Aspect of NATO's Strategy in Afghanistan, Adopted under Barack Obama.] Sravnitel'naya politika. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-voennogo-aspekta-strategii-nato-v-afganistane-prinyatoy-pri-b-obame/viewer> (accessed: 25 October 2023).
- Shapiro N.I. 2018. Novye kontury strategii SSHA v Afganistane: analiz issledovatel'skogo diskursa. Puti k miru i bezopasnosti [New Contours of US Strategy in Afghanistan: Analysis of Research Discourse. Paths to Peace and Security], 3: 22–34. doi: 10.20542/2307-1494-2018-2-22-35.
- Shapiro N.I. 2019. Preemstvennost' i novacii v politike SSHA v Afganistane [Continuity and Innovation in US Policy in Afghanistan]. Mirovaya politika, 4: 26–45. doi: 10.25136/2409-8671.2019.4.31510.
- Istoriya prisutstviya inostrannyh vojsk v Afganistane s 2001 goda [History of the Presence of Foreign Troops in Afghanistan Since 2001] TASS. Available at: <https://tass.ru/info/11280267> (accessed: 04 October 2023).
- Fenenko A.V. 2013. Problematika «AfPak» v mirovoj politike. [AfPak Issues in World Politics]. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika, 2: 23–48. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-afpak-v-mirovoy-politike/viewer> (accessed: 28 September 2023).

- A Look Back at the War in Afghanistan, National Security Risks, Hospice Care: RAND Weekly Recap. RAND Corporation. 2023. URL: <https://www.rand.org/pubs/articles/2023/weekly-recap-march-03.html> (дата обращения: 18 сентября 2023).
- Başaran D. 2022. What Kind of Afghanistan Policy Does the US National Security Strategy Document Indicate? Ankara Center for Crisis and Policy Studies. URL: <https://www.ankasam.org/what-kind-of-afghanistan-policy-does-the-us-national-security-strategy-document-indicate/?lang=en> (дата обращения: 28 сентября 2023).
- Chin J., Skinner K., Yoo C. 2023. Understanding National Security Strategies Through Time. The University of Texas at Austin. URL: <https://tnsr.org/2023/09/understanding-national-security-strategies-through-time/> (дата обращения: 30 сентября 2023).
- Darkhor M., Kafi S., Sadati S. 2013. United States Strategy and Afghan National Security. Central Asia and the Caucasus, 3: 33-41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/united-states-strategy-and-afghan-national-security> (дата обращения: 07 октября 2023).
- Elliott Ph. 2021. 'Major American Failure.' A Political Scientist on Why the U.S. Lost in Afghanistan. Time. URL: <https://time.com/6091183/afghanistan-war-failure-interview/> (дата обращения: 14 октября 2023).
- Jalali A. 2015. Afghanistan National Defense and Security Forces: Mission, Challenges and Sustainability. United States Institute of Peace. URL: <https://www.usip.org/publications/2016/05/afghanistan-national-defense-and-security-forces> (дата обращения: 28 сентября 2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 22.10.2023

Received: 22.10.2023

Поступила после рецензирования: 12.11.2023

Revised: 12.11.2023

Принята к публикации: 25.11.2023

Accepted: 25.11.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Крупская Светлана Юрьевна, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

[ORCID: 0000-0002-4850-9573](https://orcid.org/0000-0002-4850-9573)

Svetlana Y. Krupskaya, Associate Professor of the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Пажвак София Бахрамовна, ассистент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

[ORCID: 0009-0004-0397-9856](https://orcid.org/0009-0004-0397-9856)

Sofia B. Pazhvak, Assistant of the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia



УДК 323.22/.28.

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1032-1041

Оригинальное исследование

Остров или материк – «образ будущего» в матрице национальной идентичности Китая и Китайского Тайбэя

Герштейн И.З. , Ларцева Н.Е. 

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

E-mail: zaharych77@mail.ru, lartseva.natasha@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнению «образа будущего» Китайской Народной Республики и администрации Тайваня, предлагаемых своему населению. Для этого дается краткий обзор истории Китая после завершения гражданских войн и особенности развития взаимоотношений Китайского Тайбэя с материковой частью страны. Анализируются документы стратегического планирования КНР и Тайваня с целью выявления особенностей построения «образа будущего». На этой основе делается вывод о том, что данный вопрос лучше проработан в программных документах материкового Китая. Документы планирования на Тайване являются лишь планом социально-экономического развития региона и не могут реализовываться без поддержки извне.

Ключевые слова: Китай, Тайвань, национальная идентичность, стратегия развития социализма с китайской спецификой, Си Цзиньпин, концепция «одна страна – две системы», международные отношения, принцип «одного Китая»

Для цитирования: Герштейн И.З., Ларцева Н.Е. 2023. Остров или материк – «образ будущего» в матрице национальной идентичности Китая и Китайского Тайбэя. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4). 1032–1041. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1032-1041

The Island or the Mainland – an “Image of the Future” in the Matrix of the National Identity of China and Chinese Taipei

Ilya Z. Gershtein , Natalia E. Lartceva 

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

E-mail: zaharych77@mail.ru, lartseva.natasha@yandex.ru

Abstract. The crucial issue of the article is a comparison of the “image of the future” of the high-ranking officials of the People’s Republic of China and the current administration of Taiwan island, which are both of them offered to their population. For this reason the article gives a brief overview of the history of the People’s Republic of China after the end of the civil wars and the peculiarities of the development of relations between Chinese Taipei and the mainland of the country. Strategic planning documents of the People’s Republic of China and Chinese Taipei are analyzed in order to identify the characteristics of constructing the «image of the future». According to this basis, it is concluded that this subject has been better elaborated in the policy documents of mainland China. The policy documents of Chinese Taipei are only an approximate plan of development for incising the social and economic level of development of the region and cannot be implemented without the support of anyone from outside.

Keywords: China, Taiwan, national identity, development strategy, socialism with Chinese characteristics, Xi Jinping, the concept of «one country, two systems», international relations, the «one China» principle.

© Герштейн И.З., Ларцева Н.Е., 2023

For citation: Gershtein I.Z., Lartceva N.E. 2023. The Island or the Mainland – an “Image of the Future” in the Matrix of the National Identity of China and Chinese Taipei. *Via in tempore. History. Political science*, 50(4). 1032–1041. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1032-1041

Введение

Нормальное функционирование любого современного государства невозможно без наличия ясно оформленной «матрицы» национально-государственной (национальной) идентичности. Если сам феномен является элементом политического сознания человека и группы [Герштейн, 2014, с. 121], то «матрица» [Попова, 2016] является его стержнем, вокруг которого и формируется взаимосвязь гражданина и государства. Темпоральная структура идентичности, базирующаяся на прошлом и объясняющая настоящее, устремлена в будущее, образ которого становится целевым эталоном для разработки программ национального развития.

Особую роль «образ будущего» приобретает в переломные моменты истории, когда в какой-либо стране происходит смена политического режима, технологического уклада или иные системные изменения. В этих условиях надежная «матрица» с хорошо разработанной темпоральной структурой и ясным «будущим» превращается в решающий фактор преодоления кризисных явлений.

Одним из наиболее уникальных и в то же время ярких примеров значимости «образа будущего» для успешного развития общества является современная история Китая. Первая половина XX века стала тяжелейшим испытанием для китайского общества. Начавшись с восстания ихетуаней, иностранной интервенции, этот период продолжился Синхайской революцией и четырьмя гражданскими войнами. Не обошли «Поднебесную» и две мировых войны. По итогам последней внутренней схватки ключевых китайских политических сил, Гоминьдана и КПК, коммунисты одержали решающую победу. Вся материковая часть страны оказалась под их контролем, и 1 октября 1949 года была провозглашена Китайская Народная Республика. Их побежденные противники вынуждены были отступить на остров Тайвань, сохранив при этом претензии на представительство интересов всей китайской нации. Фактически образовалось «два Китая» – КНР и Китайская Республика. Первоначально именно правительство Гоминьдана во главе с Чан Кайши заняло место Китая в Организации Объединенных Наций и Совете Безопасности ООН. Оно контролировало только остров Тайвань, и его признавали немногим более одного процента жителей Китая. Потребовалось более двух десятилетий, чтобы права КНР в ООН были восстановлены. В 50-е гг. XX века процесс восстановления законных прав Китайской Народной Республики блокировался США, которые прибегли для этого к стратегии «откладывания обсуждений». Когда эта тактика изжила себя, Соединенные Штаты подняли вопрос о так называемых «важных вопросах», согласно которой «любой вопрос, касающийся представительства Китая, должен быть одобрен большинством в 2/3 Генеральной Ассамблеи» [Хунвэй, 2022, с. 53]. Следующее десятилетие проходит под знаком небывалого расширения ООН, связанного с разрушением мировой колониальной системы. Одновременно с этим возникает кризис советско-китайских отношений, апогеем которого становится вооруженный конфликт на о. Даманский. В этих условиях американская дипломатия совершает «великий разворот», и Г. Киссинджер начинает переговоры с китайским руководством. Однако вариант, при котором США «поддержат КНР в получении места в Организации Объединенных Наций и Совете Безопасности, но не согласится изгнать Китайский Тайвань из Организации Объединенных Наций» [Хунвэй, 2022, с. 54], был решительно отвергнут Мао Цзедун. Последовательность в отстаивании национальных интересов руководством КНР привела к тому, что в резолюции ГА ООН № 2758 от 25 октября 1971 г. «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в Организации



Объединенных Наций» говорилось: «представители правительства Китайской Народной Республики являются единственными законными представителями Китая в Организации Объединенных Наций и что Китайская Народная Республика является одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности» и постановлялось «немедленно лишить представителей Чан Кай-ши места, которое они незаконно занимают в Организации Объединенных Наций и во всех связанных с ней учреждениях» [Restoration, 1971]. В 1972 г. в американо-китайском Шанхайском коммюнике США провозглашает политику «одного Китая», признавая Тайвань «неотъемлемой частью» единого китайского государства [Лексютина, 2017, с. 104].

Объект и методы исследования

Объектом настоящего исследования являются в первую очередь документы стратегического планирования КНР и администрации о. Тайвань (т. н. «Китайской Республики»). Авторы стараются сравнить «образы будущего», сформулированные в данных документах в материковом Китае и на острове, на предмет перспективности предлагаемых с обеих сторон горизонтов развития. При этом учитывается и активное взаимодействие сторон. Вследствие этого основным методом исследования является сравнительный, однако сложность вопроса заставляет в некоторых аспектах прибегать и к анализу/синтезу и другим методам.

Результаты и их обсуждение

Взаимоотношения китайцев по обеим сторонам Тайваньского пролива находились в замороженном состоянии до 1990-х гг. В это время социально-экономическое развитие Тайваня шло опережающими темпами по сравнению с материком. Остров вошел в число «азиатских тигров», новых индустриальных стран. Однако на волне реформ, инициированных Дэн Сяопином, Китайская Народная Республика ускоряет свое экономическое развитие, а в 1992 г. возникает «консенсус», который приводит к возобновлению отношений между материком и островом. Этот консенсус подразумевает признание двумя сторонами единства и единственности Китая – («Китай и Тайвань – не отдельные государства»). «Однако две стороны пролива придерживаются различных мнений относительно того, что означает «один Китай». Для Пекина «один Китай» означает «Китайская Народная Республика (КНР)», а Тайвань после объединения должен стать ее «специальным административным районом». Тайбэй, с другой стороны, считает, что «один Китай» означает Китайскую Республику (КР), основанную в 1911 г., суверенитет которой де-юре распространяется на весь Китай» [Дикарев, 2021, с. 122].

Еще более запутывает ситуацию тот факт, что основной конкурент Гоминьдана в политической системе острова, Демократическая прогрессивная партия (ДПП), проповедует идеи полной независимости от материка. По итогам выборов 2000 года на Тайване ДПП приходит к власти. Новый президент Чэнь Шуйбянь стал выстраивать свой имидж как руководитель суверенного государства, он называл остров «самостоятельным суверенным государством» и заявлял, что своими ключевыми обязанностями видит «защиту суверенитета, безопасности и достоинства страны». Фактически политик отверг принцип «одного Китая» и прилагал усилия для противопоставления материка не только в политическом, но и в историко-культурном плане. Чэнь Шуйбянь инициировал кампанию по внедрению в сознание жителей Тайваня идеи о нетождественности истории и культуры острова и материка. Данный процесс получил название «тайванизация». Он «охватил сферы образования, науки, массовой информации. На историко-культурные темы проводятся исследования, организуются выставки, конкурсы школьных сочинений, поощряется краеведение...» [Ларин, 2006, с. 77]

В 2016 году на президентских выборах победу одержала Цай Инвэнь – председатель Демократической прогрессивной партии и сторонник максимальной независимости острова от материка. Она провозгласила «новую политику южного направления». В рамках этой политики «был реализован ряд стратегий, направленных на решение дилеммы Тайваня, связанной с чрезмерной экономической зависимостью от Китая, и на то, чтобы помочь Тайваню наладить более тесные связи с остальным миром» [National Development Plan, 2021, p. 1].

В этих условиях важным фактором, определяющим отношение большинства населения как на острове, так и на материковой части Китая, к проблемам взаимодействия сторон Тайваньского пролива является стратегия развития, а конкретней – умение руководства КНР и администрации Тайваня сформулировать и обосновать цели и задачи развития государства и общества, «образ будущего». Его привлекательность в значительной степени определит мнение граждан Китая о путях решения тайваньской проблемы.

Для администрации Китайского Тайбэя проблема построения «образа будущего» является двухуровневой. На первом, политическом, это решение вопроса о статусе политического образования. Представители «Гоминьдана» настаивают на правопреемстве с Китайской Республикой, их противники из ДПП – на полной независимости от Китая. Гипотетическое провозглашение независимости – это неминуемый вооруженный конфликт с КНР, чего большинство жителей острова, в том числе и сторонники независимости, не желают. «Подвешенный» статус, с одной стороны, устраивает все политические силы Тайваня, с другой – является помехой для долгосрочного стратегического планирования.

Второй уровень проблемы – экономический – при кажущейся успешности осуществления имеет свои «подводные камни». Начиная с 1980-х гг. XX в. драйвером развития экономики острова становится сектор высоких технологий. «Развитие высокотехнологичных отраслей, в первую очередь информатики и электроники, стало движущей силой тайваньской промышленной модернизации и главной причиной стабильного экономического роста. То, что Тайвань принял модель роста, основанную на создании индустрии современных технологий, в отличие от других стран Восточной Азии, чей рост был основан главным образом на привлечении краткосрочного иностранного капитала, явилось главной причиной того, что Тайвань в меньшей степени пострадал от азиатского финансового кризиса конца 90-х годов, чем соседние страны» [Литвинова, 2002, с. 255]. Однако поиск дешевой ресурсной базы рынков сбыта все больше и больше «привязывал» остров к материку. К началу XXI в. материковый Китай стал главным экономическим партнером Тайваня [Литвинова, 2007, с. 304]. Таким образом, построение «светлого экономического будущего» острова неотделимо от тесного сотрудничества с КНР.

В «Национальной стратегии развития» Китайского Тайбэя на 2017–2020 гг. подчеркивается, что «инновации являются основной движущей силой экономического роста Тайваня, а также важным ключом к преобразованию и модернизации промышленности» [National Development Strategy, 2017].

Стратегия на 2021–2024 гг. развивает идеи предыдущей. Ключевым процессом и драйвером развития объявлена цифровизация. Стратегия направлена на всестороннее развитие шести различных аспектов цифровой экономики и правительственную поддержку в подготовке соответствующих кадров. «Эти стратегии направлены на открытие нового экономического ландшафта и превращение Тайваня в ключевую движущую силу мировой экономики» [National Development Plan, 2021, p. 18]. Проблема в том, что реализация этих амбициозных планов Тайбэя требует привлечения большого объема финансовых ресурсов, а на острове их нет. Единственной возможной альтернативой инвестициям из материкового Китая является поддержка американских корпораций, но в текущих условиях они не расположены к увеличению своих вложений в экономику острова.



«Образ будущего» Тайваня является исключительно моделью социально-экономического развития региона и не имеет признаков, характерных для практики стратегического развития суверенного государства. Любая попытка «политизации» китайско-тайваньских отношений ведет к падению популярности ДПП, что наглядно продемонстрировали местные выборы 2022 года [Верченко, 2023б, с. 69]. Часть политической и интеллектуальной элиты острова считает, что США пытаются навязать острову роль Украины, чтобы спровоцировать КНР на агрессию [Keegan, Churchman, 2023, p. 97]. А этого не желает подавляющая часть жителей Китайского Тайбэя [Черевко, Виноградов, 2023, с. 38].

Совершенно выстроен «образ будущего» в КНР. Он идеально вписывается в общую темпоральную структуру матрицы китайской идентичности, логично «вырастая» из прошлого и настоящего. «Китайская нация как древняя и великая нация мира сотворила блестящую цивилизацию с более чем 5-тысячелетней историей, внесла немеркнущий вклад в развитие человеческой цивилизации... Под руководством КПК была создана и укреплена государственная власть демократической диктатуры народа, руководимой рабочим классом и основанной на союзе рабочих и крестьян, были созданы условия для динамичного развития страны» [The decision of the CPC..., 2021]. В своих идеологических построениях китайским коммунистам удалось соединить великую китайскую историю с достижениями КПК, сделав первое залогом второго. Провозглашение КНР трактуется как новый этап в развитии «великой китайской нации», который не только не ломает вековых традиций, но напротив выводит их сохранение и преумножение на новый уровень, в соответствии с вызовами времени. Таким образом, история Китайской цивилизации от древних царств до «культурной революции» признается историческим фундаментом Китайской Народной Республики.

Современный этап китайской истории описывается в формате текущих задач и направлений их разрешения. Все современные успехи Китайской Народной Республики объявляются следствием «мудрой» политики КПК по управлению китайским обществом во всех сферах жизни. Тайванский вопрос описывается в терминах проблемы «воссоединения нации» на основе оправдавшего за десятилетия принципа «одна страна – две системы», предложенного Дэн Сяопином [The decision of the CPC..., 2021]. Китайская Народная Республика провозглашает себя защитницей мира во всем мире, которая настроена на мирное и взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами и прежде всего с соседями.

Однако структура матрицы национальной идентичности КНР устремлена в будущее. «Генеральной задачей сохранения и развития социализма с китайской спецификой является осуществление социалистической модернизации и великого возрождения китайской нации» [The decision of the CPC..., 2021]. Для этого разработан двухэтапный план реформ, который должен решить текущие проблемы и вывести китайское общество на новый уровень [The decision of the CPC..., 2021]. Следует отметить, что отдельные идеологемы, генерируемые руководством КНР, получили свое признание не только в самом Китае, но и на международном уровне. Достаточно упомянуть, что провозглашённая Си Цзиньпином идея «сообщества единой судьбы человечества» вошла в резолюции Совета Безопасности, Комиссии социального развития, Совета по правам человека ООН [Верченко, 2022, с. 75].

Концептуальный образ будущего Китая формулирует не только цели, но и противоречия, мешающие их достижению. В качестве основной угрозы развития Китая называется неравномерность развития страны и возникающее вследствие этого социальное неравенство [The decision of the CPC..., 2021]. Проблемы не только формулируются, но и намечаются основные механизмы их преодоления: «общую схему развития дела социализма с китайской спецификой составляет пятиединое строительство – экономическое, политическое, культурное, социальное и экоцивилизационное ..., а стратегическая концепция заключается во всестороннем строительстве модернизированного социалистического государства...» [The decision of the CPC..., 2021]. По каждому из указанных направ-

лений объявляется разработка соответствующих программ, но генеральная линия развития КНР остается неизменной – всестороннее и углубленное развитие социализма «с китайской спецификой». Эта оговорка, которая постоянным рефреном звучит в программных документах Китая многие десятилетия, позволяет, с одной стороны, брать на вооружение китайского государства любые достижения человечества в целом, а с другой – применять их настолько, там и тогда, когда это не угрожает вековым традициям и устоям самого китайского общества.

Основные положения этого решения были повторно озвучены в докладе Си Цзиньпина XX съезду КПК в октябре 2022 года [Report of the President..., 2022]. В мае 2023 года был опубликован документ ЦК КПК, провозгласивший начало компании по углубленному изучению «идей социализма с китайской спецификой Си Цзиньпина в новую эпоху» (краткое китайское название «主题 教育» или чжугути цзяюу, дословно «изучение основных вопросов») [Бони, 2023, с. 12]. Тайвань и его развитие является составной частью этих планов. На пресс-конференции в апреле 2023 г. официальный представитель МИД КНР заявила: «Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая. Суверенитет и территория Китая никогда не были и не будут разделены» [Press conference April 7, 2023]. Любые сомнения в действенности принципа «Одна страна – две системы» категорически отвергаются официальным Пекином. Вместе с тем руководство КНР признает, что некоторые государства пытаются играть на противоречиях в отношениях двух сторон Тайваньского пролива, но выражает уверенность, что попытка «ловить рыбу в мутной воде» не увенчается успехом [Press conference April 7, 2023].

Таким образом, в отличие от Китайского Тайбэя, КНР имеет не только статус, признаваемый всем мировым сообществом, но и подробно прописанную программу развития страны и государственного строительства [Fourteenth Five-Year..., 2021]. Это позволяет Пекину претендовать на статус новой сверхдержавы и быть одной из ведущих государств современного мира.

Важным показателем эффективности функционирования матрицы национальной идентичности является степень информированности граждан государства об основных положениях концепции развития страны и оценка ими реализуемости данных положений. Произвести полноценное и непредвзятое социологическое исследование на этот счет в самом Китае пока не представляется возможным. Любопытные результаты дал опрос, проведенный в ННГУ им. Н.И. Лобачевского осенью 2022 года среди обучающихся в нем китайских студентов. Из общего числа респондентов две трети представляли материковый Китай, треть о Тайвань. Из-за небольшого количества участников и общей специфики (далеко не все граждане Китая могут себе позволить обучение за границей), полученные результаты не могут претендовать на высокую репрезентативность, но некоторые выводы напрашиваются.

Анализируя ответы представителей материкового Китая, прослеживается определенная последовательность ответов, а именно все те концепции, о которых говорил Си Цзиньпин на XX съезде КПК, и именно в той последовательности, в которой он их озвучивал. Анализируя ответы представителей о Тайвань, можно сделать вывод о том, что только половина респондентов знает конкретные концепции развития своей страны, остальные вместо концепций называют политический режим. 75 % представителей КНР уверены, что концепции развития Китая в полной мере соответствуют действительности и отталкиваются от реальных национальных условий. Оставшиеся 25 % не смогли выразить своего личного отношения к концепциям развития КНР, возможно, в силу личной аполитичности. Что касается представителей Китайского Тайбэя, для них характерно признание беспорядка в политической системе острова. Вопросы, нацеленные на выявление личного мнения респондентов к инициативе «Пояса и пути» и к программе «одна страна – две системы» дали следующие результаты: 75 % опрошенных представителей «материка» считают данную инициативу и программу «перспективными», «беспроигрышными» и «превосходными». Оставшиеся 25 %



воздержались от ответа. 100 % отпращенных «островитян» относятся резко негативно к данной инициативе и программе, называя их «аферой» и «фиктивным планом».

Можно сделать вывод о том, что, не имея возможности сформулировать всеобъемлющую стратегию развития Тайваня, руководство острова уделяет большое внимание компрометации программных документов КНР. Инструментом этого является информация о выявленных случаях коррупции в материковой части страны, которая получается по закрытым каналам или находится в свободном доступе в СМИ КНР.

Заключение

Заочное соперничество острова и материка в построении «образа будущего» китайского общества и государства целиком и полностью выигрывает Пекин. КНР имеет детально разработанный план государственного строительства с указанием как основных проблем, так и механизмов их преодоления. И, хотя мобилизационный охват населения для решения соответствующих задач не является полным, абсолютное большинство граждан материкового Китая признают «перспективными» действия правительства. Напротив, Тайбэй не может похвастаться ничем, кроме программы социально-экономического развития острова, реализация которой напрямую зависит от внешних (либо материковых) игровых и условий. В противостоянии с Пекином основное внимание уделяется критике заявленных «материком» программ развития, общая информация о существовании которых известна жителям острова.

Все это позволяет прогнозировать, что при отсутствии крупномасштабного вооруженного конфликта, к которому активно подталкивает стороны внешняя сила (США), «объединение китайской нации» рано или поздно произойдет в виде «поглощения» материковым Китаем острова Тайвань, скорее всего, на основе принципа «одна страна – две системы».

Список литературы

- Бони Л.Д. 2023. О мерах, предпринимаемых в КНР по реализации решений XX съезда КПК. Аналитические материалы. Институт Китая и современной Азии РАН. Выпуск 4: 10–13.
- Верченко А.Л. 2022. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVII: 71–83.
- Верченко А.Л. 2023. О местных выборах на Тайване. Аналитические записки ИКСА РАН. Выпуск 3: 68–70.
- Герштейн И.З. 2014. Структура национально-государственной идентичности: основные элементы и особенности их взаимодействия. В кн.: Традиции и инновации в международном политическом процессе: региональное и глобальное измерение. Материалы международной научной конференции (Нижний Новгород, 24–26 июня 2013 г.). Н. Новгород, Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 121–125.
- Дикарев А.Д. 2021. «Тайваньская нация»: от мифа к реальности? Сравнительная политика. 1: 118–133.
- Ларин А.Г. 2006. Тайвань – социально-экономический, политический, идеологический феномен. История и современность. 1: 72–88.
- Лексютина Я.В. 2017. США и политика «одного Китая». Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 5: 99–116.
- Литвинова Ю.Г. 2002. Индустрия высоких технологий на Тайване. В кн.: Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция / Ин-т востоковедения; Сост. и отв. ред. Н.П. Свистунова. М., Вост. лит. 253–259.
- Литвинова Ю.Г. 2007. Новое в экономических отношениях между КНР и Тайванем. В кн.: Общество и государство в Китае: XXXLII научная конференция: К 100-летию со дня рождения Л.И. Думана / Ин-т востоковедения; сост. и отв. ред. С.И. Блюмхен. М., Вост. лит. 300–306.

- Попова О.В. 2016. Базовая матрица государственной политики идентичности в современной России. В кн.: Политическое пространство и социальное время / Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. Симферополь, ИТ «АРИАЛ». URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26897162_70611245.htm (дата обращения 15.06.2023)
- Хунвэй Ч. 2022. Влияние исторических изменений в мировой политике на возвращение КНР в ООН в 1971 г. Клио. 51–57.
- Черевко Н., Виноградов А. 2023. К вопросу об отношениях по обе стороны Тайваньского пролива. 31.01.2023. Аналитические материалы. Институт Китая и современной Азии РАН. Выпуск 4: 35–40.
- Fourteenth Five-Year National Economic and Social Development Plan of the People's Republic of China and Outline of Long-term Goals for 2035. 2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (accessed: 15.06.2023)
- Keegan D.J., 2023. Churchman K. China-Taiwan Relations: Confrontation Muted, Tensions Growing. Comparative Connections. Vol. 25. No. 1. 97–108.
- National Development Plan (2021–2024). 2021. URL: <https://clck.ru/35oWYu> (accessed: 15.06.2023)
- National Development Strategy for 2017–2020. 2017. Information and Communication Service of the Executive Yuan of the Republic of China. URL: <https://www.ey.gov.tw/Page/5A8A0CB5B41DA11E/355d4b3b-ef8c-4194-bf3b-2ae346140063> (accessed: 15.06.2023)
- Press Conference 2023 April 7, with the Official Representative of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, Mao Ning. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/202304/t20230407_11056167.html (accessed: 15.06.2023)
- Report of the President of the People's Republic of China Xi Jinping to the XX Congress of the CPC. 2022. Website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202210/t20221025_10791908.html (accessed: 15.06.2023)
- Restoration of the Lawful Rights of the People's Republic of China in the United Nations. A/RES/2758 (XXVI) 1971. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/192054> accessed: 15.06.2023)
- The Decision of the CPC Central Committee on the Main Achievements and Historical Experience of the Centennial Struggle of the Party. 2021. Adopted by the 6th Plenum of the CPC Central Committee of the 19th Convocation on November 11, 2021. The State Council The People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/policies/latestreleases/202111/16/content_WS6193a935c6d0df57f98e50b0.html (accessed: 15.06.2023)

References

- Boni L.D. O merakh, predprinimayemykh v KNR po realizatsii resheniy KHKH syezda KPK [On the Measures Taken in the PRC to Implement the Decisions of the 20th Congress of the Communist Party of China]. 2023. Institute of China and Contemporary Asia of the RAS. Issue 4: 10–13.
- Verchenko A.L. Kitayskaya kotseptsiya «soobshchestva yedinoi sud'by chelovechestva» i diplomatiya pervogo litsa [The Chinese Concept of a «Community with a Common Destiny for Mankind» and Diplomacy of the First Person]. China in World and Regional Politics. History and Modernity. 71–83.
- Verchenko A.L. O mestnykh vyborah na Tayvane [About Local Elections in Taiwan]. Analiticheskiye zapiski IKSA RAN [Analytical Notes of IKSA RAS]. 68–70.
- Gershtein I.Z. Struktura natsional'no-gosudarstvennoy identifikatsii: osnovnyye elementy i osobennosti ikh vzaimodeystviya [The Structure of National-State Identity: the Main Elements and Features of Their Interaction]. Traditsii i innovatsii v politicheskom protsesse: regional'noye i global'noye izmereniye [Traditions and Innovations in the International Political Process: Regional and Global Dimension]. 2014. Nizhniy Novgorod, Publ. Vestnic UNN p. 121–125.
- Dikarev A.D. «Tayvan'skaya natsiya»: ot mifa k real'nosti? [«Taiwan Nation»: from Myth to Reality?] Sravnitel'naya politika. 2021. 1: 118–133.
- Larin A.G. Tayvan' – sotsial'no-ekonomicheskiy, politicheskiy, ideologicheskiy fenomen [Taiwan is a Socio-Economic, Political, Ideological Phenomenon]. Istoriya i sovremennost'. 2006. 1: 72–88.



- Leksyutina Ya.V. SSHA i politika «odnogo Kitaya» [The United States and the One China Policy]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2017. 5: 99–116.
- Litvinova Yu.G. Industriya vysokikh tekhnologiy na Tayvane [Taiwan's High-Tech Industry]. V kn.: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye: XXXII nauchnaya konferentsiya [Society and State in China: XXXII Scientific Conference / Institute of Oriental Studies]* / Publ. the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 2002: 253–259.
- Litvinova Yu.G. New in Economic Relations Between China and Taiwan. *Society and the State in China: XXXLII Scientific Conference: On the 100th Anniversary of the Birth of L.I. Duman* / Publ. the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 2007: 300–306.
- Popova, O.V. Bazovaya matritsa gosudarstvennoy politiki identichnosti v sovremennoy Rossii [The Basic Matrix of the State Identity Policy in Modern Russia]. *Political Space and Social Time* / Publ. Simferopol': IT «ARIAL», 2016. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26897162_43700234.htm (accessed: 15.06.2023).
- Khunvey CH. The Impact of Historical Changes in World Politics on the Return of the PRC to the UN in 1971] Publ. *Klio*, 2022. 5: 51–57 (in Russian).
- Cherevko N., Vinogradov A. K voprosu ob otnosheniyakh po obe storony Tayvan'skogo proliva [To the Question of Relations on Both Sides of the Taiwan Strait]. 2023. Analytical materials. Institute of China and Modern Asia RAS. Issue 4: 35–40.
- Fourteenth Five-Year National Economic and Social Development Plan of the People's Republic of China and Outline of Long-term Goals for 2035. 2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (accessed: 15.06.2023)
- Keegan D.J., 2023. Churchman K. China-Taiwan Relations: Confrontation Muted, Tensions Growing. *Comparative Connections*. Vol. 25. No. 1. 97–108.
- National Development Plan (2021–2024). 2021. URL: <https://clck.ru/35oWYu> (accessed: 15.06.2023)
- National Development Strategy for 2017–2020. 2017. Information and Communication Service of the Executive Yuan of the Republic of China. URL: <https://www.ey.gov.tw/Page/5A8A0CB5B41DA11E/355d4b3b-ef8c-4194-bf3b-2ae346140063> (accessed: 15.06.2023)
- Press Conference 2023 April 7, with the Official Representative of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, Mao Ning. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/202304/t20230407_11056167.html (accessed: 15.06.2023)
- Report of the President of the People's Republic of China Xi Jinping to the XX Congress of the CPC. 2022. Website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202210/t20221025_10791908.html (accessed: 15.06.2023)
- Restoration of the Lawful Rights of the People's Republic of China in the United Nations. *A/RES/2758 (XXVI)* 1971. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/192054> accessed: 15.06.2023)
- The Decision of the CPC Central Committee on the Main Achievements and Historical Experience of the Centennial Struggle of the Party. 2021. Adopted by the 6th Plenum of the CPC Central Committee of the 19th Convocation on November 11, 2021. The State Council The People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/policies/latestreleases/202111/16/content_WS6193a935c6d0df57f98e50b0.html (accessed: 15.06.2023)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 30.10.2023

Received: 30.10.2023

Поступила после рецензирования: 12.11.2023

Revised: 12.11.2023

Принята к публикации: 29.11.2023

Accepted: 29.11.2023



ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Герштейн Илья Захарьевич, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры мировой дипломатии и международного права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Нижегородская область, Россия

 [ORCID: 0009-0007-6399-3766](https://orcid.org/0009-0007-6399-3766)

Ларцева Наталья Евгеньевна, специалист по международным связям, ассистент кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Нижегородская область, Россия

 [ORCID: 0009-0006-0730-0155](https://orcid.org/0009-0006-0730-0155)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ilya Z. Gershtein, Candidate of Sciences in Politics, Senior Lecturer at the Department of World Diplomacy and International Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region, Russia

Natalia E. Lartceva, Specialist in International Relations, Assistant at the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region, Russia



УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1042-1052

Оригинальное исследование

Внешние факторы сохранения устойчивости института армии Египта во время протестных событий 2011–2013 гг.

Хлебников А.Л. 

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
Email: aleksei.khlebnikov@gmail.com

Аннотация. В статье автор делает попытку доказать, что устойчивость египетского института армии в значительной степени зависит от внешней финансовой помощи и сети иностранных спонсоров, а это, в свою очередь, играет ключевую роль в обеспечении выживаемости и стабильности режима. Автор анализирует роль и влияние внешних факторов на устойчивость института армии и силовых структур в Египте в ходе протестных событий 2011–2013 гг. и связь этих факторов с особенностями развития страны и армии в предыдущие десятилетия. Это стало одной из главных причин провала революции в Египте. Автор приходит к выводу, что в истории независимого Египта во второй половине XX века сложились такие условия для формирования института армии, которые позволили ему проникнуть в большинство важнейших сфер деятельности государства (политика, экономика, финансы, и т. д.), получить обширные международные донорские сети и обеспечить внешнюю финансовую, военно-техническую и политическую поддержку, позволившую обеспечить устойчивость института военных в непростое время. Автор утверждает, что именно внешние факторы поддержки института армии в Египет стали одной из ключевых причин его устойчивости и сохранения власти в стране.

Ключевые слова: революция, Египет, демократизация, военные, силовой аппарат, США, смена режима, финансовая помощь, военная помощь, иностранные доноры

Для цитирования: Хлебников А.Л. 2023. Внешние факторы сохранения устойчивости института армии Египта во время протестных событий 2011–2013 гг. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4). 1042–1052. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1042-1052

Role of External Factors in Supporting Egyptian Military During the Protest Events of 2011–2013

Alexey L. Khlebnikov 

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia
Email: aleksei.khlebnikov@gmail.com

Abstract. The author argues that robustness of the Egyptian army significantly depends on external financial aid, and a broad network of sponsors and supporters which also plays a key role in survival and stability of the existing regime. The author analyses the role of external factors on

© Хлебников А.Л., 2023

the robustness of the Egyptian military during protests of 2011–2013 in Egypt and its link to the peculiarities of the country's development in previous decades. The article concludes that during the past decades of Egypt's development such conditions emerged for creation of a strong military and coercive apparatus which allowed it to penetrate all major sphere of state (politics, economy, finance, etc.), obtain vast networks of international donors, and to secure financial, military-technical and political support from external actors which helped it to survive during volatile times. All of these allowed the military to become rigid enough to maintain power and resist any major transformation of the existing regime. The author argues that the role of external factors in support of Egyptian military was one of the key reasons of its robustness and survival.

Key words: revolution, Egypt, democratization, the military, the army, the US, regime change, financial aid, military assistance, external donors

For citation: Khlebnikov A.L. 2023. Role of External Factors in Supporting Egyptian Military During the Protest Events of 2011–2013. *Via in tempore. History and political science*, 50(4). 1042–1052. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1042-1052

Введение

Декабрь 2010 года обозначил начало новой эры в регионе Ближнего Востока – «большой трансформации» [Khlebnikov, 2020]. Именно тогда начались массовые протесты в Тунисе, приведшие к свержению правительства президента Зин эль-Абедина Бен Али, которые запустили протестную волну во многих странах региона: Египте, Ливии, Йемене, Сирии и Бахрейне. С самых первых дней арабского восстания многие западные комментаторы и аналитики приветствовали его, ожидая, что данный процесс постепенно приведет к демократическому транзиту региона [Clinton, 2011; Dimond, 2011; Dunn, 2011; Neyfakh, 2011; Cook, 2012; Heydemann, 2012; Metawe, 2013]. Однако ожидавшийся переход к демократии замедлился практически сразу [Сапронова, 2011, Наумкин, 2011; Ramadan, 2011; Cook, 2012; Miller, 2012, Pew Research Center, 2012]. На сегодняшний день только Тунис можно привести в качестве более или менее успешного примера транзита от авторитарного государства к демократии в регионе, хотя и эта страна испытывает немало трудностей. Египет в этом контексте представляет собой в определенной мере уникальный пример. С 2011 года Арабская Республика Египет пережила протесты, приведшие к свержению президента Хосни Мубарака, после которой прошли парламентские и президентские выборы 2011–2012 гг., завершившиеся победой Братьев Мусульман и салафитской партии ан-Нур. Далее последовали массовые протесты против демократически избранного исламистского парламента и президента, закончившиеся государственным переворотом, вернувшим военных обратно к власти. После этого Египет избрал нового президента генерала Абд аль-Фаттаха ас-Сиси, вместе с которым военные, вернув контроль над властью, официально запретили движение Братья Мусульмане (запрещена на территории РФ) в сентябре 2013 года¹¹⁴, внесли их в список террористических организаций в декабре того же года¹¹⁵ и начали против них и их сторонников жесткие гонения¹¹⁶. После того как бывший глава Высшего Совета Вооруженных Сил Египта генерал Адбель Фаттах Сиси одержал победу на президентских выборах в конце мая 2014 года¹¹⁷, Египет, по сути, вернулся в то же политическое состояние, что и до отставки Х. Мубарака.

¹¹⁴ Egypt court bans Muslim Brotherhood 'activities', New York Times, Sept. 23, 2013, <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-24208933>

¹¹⁵ Egypt declares Muslim Brotherhood a terrorist group, Guardian, Dec. 25, 2013, <https://www.theguardian.com/world/2013/dec/25/egypt-declares-muslim-brotherhood-terrorist-group>

¹¹⁶ Egypt formally declares Muslim Brotherhood a terrorist group / Russia Today. URL: <http://rt.com/news/egypt-muslim-brotherhood-terrorist-802/> (дата обращения 15.09.2023).

¹¹⁷ Sisi elected Egypt president by landslide, Aljazeera, May 30, 2014, <https://www.aljazeera.com/news/2014/5/30/sisi-elected-egypt-president-by-landslide>



В контексте повышенного сегодня уровня волатильности в регионе Ближнего Востока вопрос устойчивости военных институтов в странах региона представляется весьма актуальным.

В данной статье автор рассматривает внешние факторы, поспособствовавшие устойчивости института армии в Египте, которые, по сути, составляют основу режима. Исследование строится на базе результатов исследований ряда западных ученых (Bellin, Beck, Goldstone, Skocpol, Foran), которые, в частности, выявили ключевую роль армии / государственного аппарата принуждения в обеспечении устойчивости режимов во время протестных и революционных событий.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является египетская военная элита. Предметом исследования выступают внешние факторы устойчивости института армии в Египте. Работа основывается на историко-системном и институциональном методах. В статье автор рассматривает институт армии как основополагающую структуру политической элиты Египта и анализирует внешние факторы их поддержки, позволившие им сохранить власть и режим.

Результаты и их обсуждение

О важной роли института армии, которую она играла не только в обеспечении безопасности государства и общества, но и в политической и социально-экономической жизни арабских стран в советском и российском научном дискурсе написано довольно много работ. Одним из первых этот тезис в отечественном востоковедении сформулировал Г.И. Мирский [1970] в работе «Армия и политика в странах Азии и Африки» в 1970 году¹¹⁸. Эту тему также исследовали Е.М. Примаков, В.М. Ахмедов, И.Д. Звягельская и др.

Американский ученый-социолог Джэк Голдстоун [2013], анализируя условия для успешной революции, синтезировал результаты предыдущих исследований и, адаптировав их к реалиям и особенностям Ближнего Востока, пришел к выводу: правительство должно оказаться настолько безнадежно недееспособным, что в большинстве случаев будет восприниматься угрозой будущему страны, а элиты (в особенности военные) отвернутся от существующего режима и больше не будут его опорой; широко представленная часть населения, объединяющая этнические, религиозные группы и социально-экономические классы населения, должна мобилизоваться; международные акторы должны либо отказаться от вмешательства с целью защиты правительства, либо удержать его от использования всех доступных сил для своей защиты.

Еще один видный американский исследователь революций на Ближнем Востоке Ева Беллин [Bellin, 2012] подкрепила результаты исследований своего коллеги в отношении роли института армии в ходе восстаний. Она пришла к выводу, что государственный аппарат принуждения является ключевым фактором в определении жизнестойкости и способности к адаптации авторитарных режимов перед лицом революционных событий на Ближнем Востоке. Иными словами, революционное движение может быть успешным лишь в том случае, если правящий режим, его сила и в особенности аппарат принуждения значительно ослабевают [Russell, 1974; Skocpol, 1979; Weede and Muller, 1998; Bellin, 2004, 2012] или отказываются применять силу против протестующих народных масс, что происходит либо по причине своей нейтральности, либо по причине формирования эффективной коалиции с революционными силами [Foran, 2005]. А ключевыми факторами, определяющими силу и устойчивость института армии на Ближнем Востоке, являются их финансовая обеспеченность и сохранение сети международных доноров [Bellin, 2012].

¹¹⁸ Мирский Г.И. «Третий мир». Общество, власть, армия. М., Наука, 1976, 407 с; Мирский Г.И. Роль армии в политической жизни стран «третьего мира». М., Наука, 1989. 198 с.

В этой статье мы стараемся показать, что устойчивость египетского института армии в значительной степени зависит от внешней финансовой помощи и сети иностранных спонсоров, а это, в свою очередь, играет ключевую роль в обеспечении выживаемости и стабильности режима.

Фактически в результате протестов 2011 года египетский режим, который был персонифицирован Х. Мубараком, не был свергнут вместе с президентом или кардинально изменен. Политические, экономические, социальные институты остались прежними, политическая и экономическая элита не изменилась. Более того, главный атрибут не только режима Х. Мубарака, но и всех предыдущих президентов Египта – институт армии / аппарат принуждения, – сохранил свое положение и влияние как в экономике, так и в политике.

Формирование института армии в Египте шло десятилетиями. За это время военные проникли во все важные сферы деятельности страны¹¹⁹, начиная от обороны, спецслужб, и военно-промышленного комплекса и заканчивая различными сферами экономики, бизнеса и т. д. [Васильев и др., 2011; Чайко 2013]. По разным оценкам на 2012 год, бизнес-империя, выстроенная офицерством, контролировала от 15 до 35 % ВВП Египта [Beck, Hauser, 2012]. Военно-индустриальный комплекс Египта включает в себя широкий спектр бизнесов – от пекарен и заправок до заводов и платных автомобильных дорог¹²⁰. За 1990-е и 2000-е годы военные значительно усилили свои экономические позиции, проникнув в различные сферы: морские перевозки, нефтедобыча и переработка, возобновляемые источники энергии, недвижимость, лизинг тяжелого оборудования, совместные предприятия с транснациональными компаниями, что позволило им охватить множество секторов экономики, включая государственно-частные предприятия [Marshall, Stacher, 2012; Marshall, 2015; Sayigh, 2019]. Поэтому судьбу и динамику развития Египта в XXI веке предопределил характер его политической системы и элиты в предыдущие десятилетия начиная с революции 1952 года.

Отставка Мубарака в феврале 2011 года явилась по большей части не результатом протестов египетских масс, а средством сохранения режима, в значительной части державшегося на армии. По сути, военное руководство Египта взяло власть в свои руки и контроль над переходным периодом [Рыжов и др., 2017; Durac, 2013, Khlebnikov 2016]. Проникновение египетских военных в большинство сфер экономики и политику страны на протяжении десятилетий закрепило за ними важное место в существующей государственной системе, сделав их ее прямыми бенефициарами. В результате это также сделало саму систему крайне резистентной к изменениям, в частности именно за счет массового проникновения военных в ее структуры и их весьма консервативных взглядов. Ведь в итоге главными заинтересованными игроками в сохранении существующей системы в любой форме являются египетские военные. Поэтому они и принесли в жертву президента ради спасения и сохранения существующей десятилетиями системы, своего места в ней и своих собственных привилегий.

Достаточно большое количество исследований было посвящено попытке объяснить сложность и безуспешность демократизации стран Ближнего Востока и Северной Африки [Гринин, Коротаев, 2013; Bellin, 2004; Anderson, 2006; Hinnebusch, 2006; Diamond, 2010; Mansfield, Snyder, 2012; Heydemann 2015]. В то же время ключевые выводы, говорящие о причинах отсутствия в регионе предпосылок для демократизации, а именно отсутствие сильного гражданского общества, рыночной экономики, адекватного уровня доходов и уровня грамотности, демократических соседей и демократической культуры, не представляются удовлетворительными [Bellin, 2004], так как, например, другие регионы (такие как Черная Африка и Восточная Европа) с отсутствием аналогичных предпосылок к демокра-

¹¹⁹ Евгений Примаков: «Арабская весна» была неожиданностью для всех, Российская Газета, 2012. <https://rg.ru/2012/08/08/vostok.html> (дата обращения: 08.09.2023).

¹²⁰ Abul-Magd, Z., Egypt's Military Business: The Need for Change, Middle East Institute, Nov. 19, 2015. <https://www.mei.edu/publications/egypts-military-business-need-change> (accessed 08.09.2023).



тии каким-то образом преуспели в том, чтобы найти свой путь к демократизации. Другой же вывод говорит о том, что ни отсутствие экономического развития, ни культура, ни религия не могут дать убедительное объяснение дефицита демократии на Ближнем Востоке [Diamond, 2010]. В 2004 году Ева Беллин поставила вопрос по-другому: почему большинство стран Ближнего Востока и Северной Африки не смогли начать процесс перехода к демократии вообще, а не почему демократия не смогла консолидироваться в регионе. Конечно же, она не могла предвидеть, что в декабре 2010 года люди все-таки запустят переходный процесс волной антиправительственных демонстраций, призывая к демократии, и что их результатом станет свержение нескольких диктаторов. Однако в абсолютном большинстве стран Ближнего Востока и Северной Африки (Ливия, Египет, Йемен, Бахрейн, Сирия), затронутых так называемой «Арабской весной», достижение желаемых результатов демократизации так и не произошло. Это вновь возвращает нас к вопросу о том, почему революция и демократизация в Египте потерпели неудачу и какие факторы способствовали устойчивости режимов, в частности устойчивости института военных как основного костяка элиты.

Известный американский политолог Теда Скочпол, одна из крупнейших мировых специалистов в области теории революций, подчеркивала, что расхождение между частой массовой неудовлетворенностью властью/протестами и редкими случаями успешных революций объясняется силой самого государства и его монополии на средства принуждения [Skocpol, 1979]. Сила, слаженность и эффективность государственного аппарата принуждения являются теми отличительными характеристиками, которые влияют на исход революции [Bellin, 2004].

В связи с этим возникает следующий важный вопрос: почему институт армии / государственный аппарат принуждения Египта настолько устойчивый и сильный, что не дает стране трансформироваться? Какие внешние факторы влияют на его устойчивость и выживаемость, в особенности в кризисные и переходные моменты?

Исторически Египет располагает одной из сильнейших армий в Арабском мире и роль военных в управлении страной является одной из центральных. Как было сказано выше, военные формируют большую часть политической и экономической элиты страны, что делает их одной из самых важных групп, заинтересованных в сохранении существующего режима. Хотя историческая роль армии в управлении страной берет начало во время Египетской революции 1952 года и тесно связана с личностью Гамаль Насера [Примаков, 2012], роль внешних факторов, повлиявших на формирование и развитие института армии в Египте, во многом является ключевой.

Внешняя военно-техническая помощь представляет особую важность для поддержания военно-технического и финансового здоровья египетской армии. Во-первых, необходимо отметить, что Египет по сравнению с арабскими *rentier state*¹²¹ не имеет таких источников дохода от экспорта нефти и газа как, например, ОАЭ, Катар или Саудовская Аравия. Во-вторых, в связи с этим иностранная помощь становится эквивалентом ренты, получаемой странами, богатыми энергоресурсами от их экспорта, и, следовательно, источником доходов, позволяющих получателю выживать [Diamond, 2010].

В 1952 году Гамаль Насер и его движение Свободные офицеры пришли к власти, вдохновленные антиимпериалистической идеологией, что в принципе и предопределило их союзнические отношения с социалистическим блоком. С 1955 по 1975 год СССР предоставлял Египту займы на закупку вооружений, экипировки, на подготовку египетских военных и на услуги многочисленных советских военных советников. За эти годы советская помощь Египту оценивается в 3 млрд долларов [Юрченко, 2003]. Следует отметить, что практически все типы оказываемой внешней помощи были направлены на уси-

¹²¹ Термин *rentier state* здесь используется по Хазему Беклауи (Hazem Beblawi) и определяется как государство, имеющее основные доходы от экспорта природных ресурсов, в особенности нефти и газа.

ление института армии. Вся внешняя помощь проходила через высшие эшелоны египетской бюрократии, которая была заполнена военными или бывшими военными. В результате институт военных в Египте имел стабильную финансовую поддержку, за счет чего происходило его укрепление и разрастание.

Данная ситуация не изменилась и после того, как Египет сменил свою ориентацию с СССР на США. После заключения Кэмп Дэвидского мира с Израилем в 1978 году и до 2020 года американская военная помощь Египту составила около 50 млрд долларов (что составляет более 1,3 млрд долларов ежегодно) и около 30 млрд долларов экономической помощи¹²². Также, например, сумма в 1,3 млрд долларов в 2013 год составляла около 80 % военного бюджета закупок Египта¹²³. Эта помощь оказала ключевое влияние на обогащение и усиление института армии и всего государственного аппарата принуждения страны. В этом контексте арабо-израильский конфликт служил для Египта постоянным поводом для «высасывания» финансовой помощи из США и богатых стран Залива. В данной ситуации египетские военные являются гарантом мирного договора с Израилем, который является ближайшим союзником США в регионе. Также весьма интересен тот факт, что после свержения Мубарака и победы Братьев Мусульман на парламентских выборах 2012 года появились призывы к пересмотру условий¹²⁴ Кэмп Дэвидского договора или вообще к выходу из него¹²⁵. Естественно, подобные призывы и тенденции в египетском обществе противоречили американским интересам и заставили администрацию Обамы идти на диалог и строить сотрудничество с теми, кто оставался привержен миру с Израилем и мог обеспечивать безопасность и стабильность в стране¹²⁶. Это стало одним из факторов наряду с экономическими интересами военно-промышленного комплекса США¹²⁷, которые объясняли сдержанную реакцию Вашингтона на свержение избранного президента Мухамеда Мурси летом 2013 года¹²⁸. Более того, США, ровно как и Европейский Союз, хотели избежать срывов в поставках нефти и газа через Суэцкий канал [Aftandilian, 2013¹²⁹], что могло произойти в случае дальнейшей дестабилизации Египта и, в частности, Синайского полуострова, в особенности если бы Братья Мусульмане (запрещена на территории РФ) решили разорвать мирный договор с Израилем. Помимо транспортировки энергоресурсов, Суэцкий канал также является стратегическим водным маршрутом для переброски военного контингента и грузов США (Sharp, 2013)¹³⁰ из Средиземного моря в Индийский океан в случае эскалации ситуации с Ираном. Поэтому сохранение безопасности данного водного пути является крайне важным.

¹²² Jeremy Sharp, Egypt: Background and US Relations, *Congressional Research Service*, May 2, 2023, <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/RL33003.pdf> (accessed 10.09.2023).

¹²³ David Schenker, Inside the Complex World of U.S. Military Assistance to Egypt, *The Washington Institute*, PolicyWatch 2130, September 4, 2013, <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/inside-the-complex-world-of-u.s.-military-assistance-to-egypt> (accessed 03.10.2023).

¹²⁴ Egyptian candidates vow to review Camp David accords, *Times of Israel*, May 11, 2012, <https://www.timesofisrael.com/egyptian-candidates-vow-to-review-camp-david-accords/> (accessed 03.10.2023).

¹²⁵ David Makovsky, Reviewing Egypt's Gains from Its Peace Treaty with Israel, *The Washington Institute*, PolicyWatch 1772, March 7, 2011, <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/reviewing-egypts-gains-its-peace-treaty-israel>

¹²⁶ Sahar Aziz, U.S. Foreign Aid and Morsi's Ouster, *Middle East Institute*, July 31, 2013, <https://www.mei.edu/publications/us-foreign-aid-and-morsis-ouster> (accessed 04.10.2023).

¹²⁷ Ibid.

¹²⁸ Jon Hoffman, Ten Years After Coup, the U.S. Still Supports Tyranny in Egypt, *CATO Institute*, July 3, 2023, <https://www.cato.org/commentary/ten-years-after-coup-us-still-supports-tyranny-egypt#> (accessed 03.10.2023).

¹²⁹ Gregory Aftandilian, Egypt's new regime and the future of the U.S.-Egyptian strategic relationship, *Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press*, April 2013, ISBN 1-58487-565-8 (accessed 03.10.2023).

¹³⁰ Jeremy Sharp, Egypt in Crisis: Issues for Congress, *Congressional Research Service*, September 12, 2013, <https://sgp.fas.org/crs/mideast/R43183.pdf> (accessed 03.10.2023).



Другим весомым аспектом финансовой поддержки со стороны США и ЕС является страх перед развивающимся исламистским движением. За последние 15 лет Братья Мусульмане получали все большую поддержку со стороны населения в ходе парламентских выборов, в которых они принимали участие как независимые кандидаты. Так, в 2000 году на выборах в египетский парламент Братья выиграли 17 мест¹³¹. На выборах в 2005 они получили 88 мест и, таким образом, сформировали крупнейший оппозиционный блок, несмотря на аресты сотен своих сподвижников¹³². И Европа, и США хранили молчание, когда Мубарак осуществлял репрессии против исламистов, потому что они были более озабочены возможными последствиями для безопасности региона в случае усиления исламистов в Египте. Страх перед возможной радикализацией страны способствовал поддержанию привилегированных отношений между США и Европой с одной стороны и правящей элитой в Египте с другой. Они заключаются в предоставлении существующему в Каире режиму необходимой финансовой поддержки, чтобы не допустить усиления исламистов. Эта поддержка в том числе была направлена и на усиление военных и полицейских функций государства. К тому же военные являются единственной силой, способной удержать страну от дестабилизации и хаоса.

Отстранение от власти Братьев Мусульман и их президента Мухамеда Мурси в 2013 году и их дальнейшее исключение из политического процесса страны сыграло большую роль в получении политической и финансовой поддержки режима военных со стороны Эр-Рияда и других стран Персидского Залива. После свержения президента Мурси в июле 2013 года ОАЭ, Саудовская Аравия и Кувейт предоставили Египту гранты, беспроцентные займы, депозиты в Центральный Банк Египта и другую помощь на более чем 20 млрд долларов¹³³. Поскольку страны залива (в основном Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн) видят в Братьях Мусульманах угрозу стабильности региону, в особенности странам Залива [Khlebnikov, 2015], крайне важной становится поддержка египетских военных как гаранта стабильности светского режима в Египте и как силы, подавляющей активность Братьев Мусульман. Причина, по которой саудовцы видят данную угрозу, заключается в том, что Братья используют идеологию политического ислама и приходят к власти путем участия в выборах, которые являются атрибутом либеральных демократических обществ [Dorsey, 2013]. Тем самым они способствуют распространению данной успешной стратегии в регионе. Вдобавок они поддерживают и финансируют своих единомышленников-оппозиционеров в большинстве стран Залива. Поэтому абсолютные монархии стран Залива, а в особенности Саудовская Аравия, боящаяся либерализации и демократизации, видят в Братьях угрозу своей власти. Более того, оказывая финансовую помощь Египту, Эр-Рияд получил определенный рычаг давления на своего давнего соперника в борьбе за лидерство в регионе и в Арабском мире. Используя свой финансовый ресурс, Саудовская Аравия, по сути, помогает Египту избежать экономического коллапса. За счет такой финансовой поддержки правительство может продолжать исполнять свои социальные и экономические обязательства и избежать экономического коллапса. Это, безусловно, помогло военным если не расширить, то сохранить общественную поддержку, ведь фактически к 2013 году египетская экономика была в критическом состоянии [Watanabe, 2014; Khan, Miller, 2016]. Поэтому, поддерживая военных в столь важное время, страны Залива предоставили им необходимые возможности для снижения остроты экономического кризиса и для усиления политического авторитета, что было крайне необходимо в переходный период.

¹³¹ Jack Shenker and Brian Whitaker, The Muslim Brotherhood uncovered, *The Guardian*, February 8, 2011, <http://www.theguardian.com/world/2011/feb/08/egypt-muslim-brotherhood-uncovered> (accessed 12.10.2023).

¹³² Daniel Williams, Banned Islamic Movement Now the Main Opposition in Egypt, *The Washington Post*, December 10, 2005, <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/12/09/AR2005120901818.html> (accessed 12.10.2023).

¹³³ Sara Aggour, Overview of financial aid packages to Egypt, *Daily News Egypt*, 08 April 2014, <http://www.dailynewsegypt.com/2014/04/07/overview-financial-aid-packages-egypt/> (accessed 16.04.2015).

Заключение

Таким образом, мы показали в этой статье связь между устойчивостью института армии в Египте, прочностью существующего режима и внешними факторами во время протестных событий 2011–2013 гг. и в предыдущие десятилетия. Анализ внешней финансовой, военной и политической помощи институту армии в Египте демонстрирует ее важное значение, как и наличие устойчивой сети внешних доноров, что помогает обеспечить прочность силового аппарата в Египте, а через него и устойчивость самого режима.

Поступление больших финансовых вливаний от стран Залива, беспокоящихся о стабильности светского режима в Египте, и от США, которые боятся подъема исламизма, эскалации на египетско-израильской границе и региональной дестабилизации, внесли значительный вклад в поддержку военно-технического и финансового благополучия египетской армии, а в ее лице и политической элиты и существующего режима. Это дало институту армии возможность иметь необходимые средства для сохранения власти и контроля над страной.

Устойчивое наличие обширной сети внешних доноров (СССР, США, страны Залива) на протяжении последних 50–60 лет, доступ к значительной финансовой, военно-технической помощи и политической поддержке внесли большой вклад в устойчивость института армии Египта, что в результате позволило военным сохранить контроль над властью в стране и предотвратить трансформацию существующей системы.

Список литературы

- Васильев А.Д., Зайцев В.Ю., Кириченко А.Е., Куделев В.В., Топычканов В.В. 2011. Мир цвета хаки. Вооруженные силы в системе государственной власти. Под ред. Горбунова А.А. М., Центр анализа стратегий и технологий, 208 с.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2013. Демократия и революция. История и современность, 2: 15–35.
- Мирский Г.И. 1970. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., Наука. 352 с.
- Наумкин В.В., 2011. Снизу вверх и обратно. «Арабская весна» и глобальная международная система. Россия в глобальной политике. 09(4): 20–33.
- Примаков Е.М. 2012. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М., Российская Газета, 414 с.
- Рыжов И.В., Толкачев В.В., Элдиб А.М. 2017. Роль армии в Египте и характер ее вмешательства во внутривнутриполитические процессы страны до и после революционных событий 2011 года. Политика и общество, 11: 1486–1491.
- Сапронова М.А. 2011. Прошлое, настоящее и будущее стран Арабской весны. МГИМО (у) МИД РФ. 07.12.2011. <https://mgimo.ru/about/news/experts/213770/> (accessed: 10.10.2023).
- Чайко И.А. 2013 Роль вооруженных сил в политической системе Египта. Вестник МГИМО-Университета. 3(30): 50–56. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-3-30-50-56>
- Юрченко В.П. 2003. Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.). М., 312 с.
- Beck C. 2017. Revolutions: Robust Findings, Persistent Problems, and Promising Frontiers. States and Peoples in Conflict, Routledge: 168–183.
- Beck M., Huser S., 2012. Political Change in the Middle East: An Attempt to Analyze the «Arab Spring,» GIGA Research Unit: Institute for Middle East Studies, Working Paper No. 203. www.mercury.ethz.ch/serviceengine/Files/isn/152966/ipublication-document_singledocument/f2e75651-24ca-4f3f-9566-1076070657cf/en/wp203_beck-hueser.pdf.> (accessed 10.10.2023).
- Bellin E. 2004. The Robustness of Authoritarianism in the Middle East: Exceptionalism in Comparative Perspective. Comparative Politics, 36(2): 139–157.
- Bellin E. 2012. Reconsidering the Robustness of Authoritarianism in the Middle East: Lessons from the Arab Spring, Comparative Politics, 44(2): 127–149.
- Diamond L. 2010. Why Are There No Arab Democracies. Journal of Democracy, 21(1): 93–104.
- Diamond L. 2011. A Fourth Wave or False Start? Foreign Affairs. www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2011-05-22/fourth-wave-or-false-start (accessed: 08.10.2023).



- Dorsey J. 2013. Wahhabism vs. Wahhabism: Qatar Challenges Saudi Arabia. S. Rajaratnam School of International Studies. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2305485>
- Dunne M., Dadush U., 2011. American and European Responses to the Arab Spring: What's the Big Idea? *The Washington Quarterly*, 34(4): 131–145.
- Durac V. 2013. Protest Movements and Political Change: an Analysis of the Arab Spring of 2011. *Journal of Contemporary African Studies*, 31(2): 175–193.
- Foran J. 2005. *Taking Power: On the Origins of Third World Revolutions*, Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511488979>
- Goldstone J. 2013. Bringing Regimes Back in – Explaining Success and Failure in the Middle East Revolts of 2011, Social Science Research Network. <http://ssrn.com/abstract=2283655>>
- Heydemann S. 2012. Embracing the Change, Accepting the Challenge? Western Response to the Arab Spring. Istituto Affari Internazionali (IAI). www.jstor.org/stable/pdf/resrep09872.6.pdf.
- Heydemann S. 2015. Explaining the Arab Uprisings: Transformations in Comparative Perspective. *Middle East Studies: Faculty Publications*, Smith College, Northampton, MA. https://scholarworks.smith.edu/mes_facpubs/1
- Hinnebusch R. 2006. Authoritarian Persistence, Democratization Theory and the Middle East: An overview and critique. *Democratization*, 13(3): 373–395.
- Khan M., Miller E. 2016. The Economic Decline of Egypt after the 2011 Uprising. *Atlantic Council*, 12 p. <http://www.jstor.org/stable/resrep03663>
- Khlebnikov A. 2015. The New Ideological Threat to the GCC: Implications for the Qatari-Saudi Rivalry, *Strategic Assessment*, Volume 17, No. 4.
- Khlebnikov A. 2016. Why did the 2011 Egyptian Revolution Fail? *Central European Journal of International and Security Studies*. 10(3): 88–117.
- Khlebnikov A. 2020. Assessing Russia's Middle East Policy After the Arab Uprisings: Prospects and Limitations. *Russia in the Changing International System*, Palgrave Macmillan, Cham: 225–243.
- Mansfield E., Snyder J. 2012. Democratization and the Arab Spring. *International Interactions*, 38(5): 722–733.
- Marshall S., Stacher J. 2012. Egypt's Generals and Transnational Capital. *Middle East Report*, 262. www.merip.org/2012/03/egypts-generals-and-transnational-capital/ (accessed: 11.10.2023).
- Marshall S. 2015. The Egyptian Armed Forces and the Remaking of an Economic Empire, Carnegie Middle East Center. <https://carnegie-mec.org/2015/04/15/egyptian-armed-forces-and-remaking-of-economic-empire-pub-59726> (accessed: 09.10.2023).
- Metawe M. 2013. How and Why the West Reacted to the Arab Spring: An Arab Perspective. *Insight Turkey*, 15(3): 141–155.
- Russell D., 1974. *Rebellion, Revolution, and Armed Force A Comparative Study of Fifteen Countries with Special Emphasis on Cuba and South Africa*. New York and London: Academic Press, pp: 210.
- Sayigh Y. 2019. Owners of the Republic: An Anatomy of Egypt's Military Economy, Carnegie Endowment for International Peace. <https://carnegie-mec.org/2019/11/18/owners-of-republic-anatomy-of-egypt-s-military-economy-pub-80325>
- Skocpol T. 1979. *States and Social Revolutions*. New York: Cambridge University Press: 32.
- Watanabe L. 2014. Egypt One Year after Morsi's Ouster. *CSS Analyses*, 158. www.css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CSSAnalyse158-EN.pdf (accessed: 10.10.2023).
- Weede E., Muller E. 1998. Rebellion, Violence and Revolution: A Rational Choice Perspective, *Journal of Peace Research*, 35(1): 43–59.

References

- Vasil'ev A.D., Zaytsev V.Yu., Kirichenko A.E., Kudolev V.V., Topychkanov V.V. 2011. Mir tsveta khaki. Vooruzhennyye sily v sisteme gosudarstvennoy vlasti [The World of Khaki Color. Armed Forces in the System of State Power] Pod red. Gorbunova A.A. M., Tsentr analiza strategiy i tekhnologiy, 208.
- Grinin L.E., Korotaev A.V. 2013. Demokratiya i revolyutsiya. Istoriya i sovremennost' [Democracy and Revolution. History and Nowadays], 2: 15–35.
- Mirskiy G.I., 1970. *Armiya i politika v stranakh Azii i Afriki [Army and Politics in Asian and African States]*. M., Nauka. 352 s.

- Naumkin V.V., 2011. Snizu vverkh i obratno «Arabskaya vesna» i global'naya mezhdunarodnaya Sistema [Bottom up and Back the Arab Spring and Global International System]. *Rossiya v global'noy politike*. 09(4): 20–33.
- Primakov E.M., 2012. Konfidentsial'no: Blizhniy Vostok na stsene i za kulisami (vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka) [Confidential: The Middle East on the Scene and behind the Curtain]. M., Rossiyskaya Gazeta, 414.
- Ryzhov I.V., Tolkachev V.V., Eldib A.M. 2017. Rol' armii v Egipte i kharakter ee vmeshatel'stva vo vnutripoliticheskie protsessy strany do i posle revolyutsionnykh sobytiy 2011 goda [The Role of Army in Egypt and the Character of its Interference in Domestic Political Processes of the Country Before and After Revolutionary Events of 2011] *Politika i obshchestvo*, 11: 1486–1491.
- Sapronova M.A. Proshloe, nastoyashchee i budushchee stran Arabskoj vesny [Past, Present and Future of the Arab Spring Countries]. MGIMO (u) MID RF. <https://mgimo.ru/about/news/experts/213770/> (accessed 10.10.2023).
- Chayko I.A. 2013. Rol' vooruzhennykh sil v politicheskoy sisteme Egipta [The Role of the Armed Forces in Egypt's Political System]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 3(30): 50–56. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-3-30-50-56>
- Yurchenko V.P. 2003. Egipet: problemy natsional'noy bezopasnosti (1952–2002 gg.) [Egypt: National Security Issues (1952–2002)]. M., 312.
- Beck C. 2017. *Revolutions: Robust Findings, Persistent Problems, and Promising Frontiers. States and Peoples in Conflict*, Routledge: 168–183.
- Beck M., Huser S., 2012. Political Change in the Middle East: An Attempt to Analyze the «Arab Spring,» GIGA Research Unit: Institute for Middle East Studies, Working Paper No. 203. www.mercury.ethz.ch/serviceengine/Files/isn/152966/ipublication-document_singledocument/f2e75651-24ca-4f3f-9566-1076070657cf/en/wp203_beck-hueser.pdf.> (accessed 10.10.2023).
- Bellin E. 2004. The Robustness of Authoritarianism in the Middle East: Exceptionalism in Comparative Perspective. *Comparative Politics*, 36(2): 139–157.
- Bellin E. 2012. Reconsidering the Robustness of Authoritarianism in the Middle East: Lessons from the Arab Spring, *Comparative Politics*, 44(2): 127–149.
- Diamond L. 2010. Why Are There No Arab Democracies. *Journal of Democracy*, 21(1): 93–104.
- Diamond L. 2011. A Fourth Wave or False Start? *Foreign Affairs*. www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2011-05-22/fourth-wave-or-false-start (accessed: 08.10.2023).
- Dorsey J. 2013. Wahhabism vs. Wahhabism: Qatar Challenges Saudi Arabia. S. Rajaratnam School of International Studies. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2305485>
- Dunne M., Dadush U., 2011. American and European Responses to the Arab Spring: What's the Big Idea? *The Washington Quarterly*, 34(4): 131–145.
- Durac V. 2013. Protest Movements and Political Change: an Analysis of the Arab Spring of 2011. *Journal of Contemporary African Studies*, 31(2): 175–193.
- Foran J. 2005. *Taking Power: On the Origins of Third World Revolutions*, Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511488979>
- Goldstone J. 2013. Bringing Regimes Back in – Explaining Success and Failure in the Middle East Revolts of 2011, Social Science Research Network. <http://ssrn.com/abstract=2283655>>
- Heydemann S. 2012. Embracing the Change, Accepting the Challenge? Western Response to the Arab Spring. Istituto Affari Internazionali (IAI). www.jstor.org/stable/pdf/resrep09872.6.pdf.
- Heydemann S. 2015. Explaining the Arab Uprisings: Transformations in Comparative Perspective. Middle East Studies: Faculty Publications, Smith College, Northampton, MA. https://scholarworks.smith.edu/mes_facpubs/1
- Hinnebusch R. 2006, Authoritarian Persistence, Democratization Theory and the Middle East: An overview and critique. *Democratization*, 13(3): 373–395.
- Khan M., Miller E. 2016. The Economic Decline of Egypt after the 2011 Uprising. Atlantic Council, 12 p. <http://www.jstor.org/stable/resrep03663>
- Khlebnikov A. 2015. The New Ideological Threat to the GCC: Implications for the Qatari-Saudi Rivalry, *Strategic Assessment*, Volume 17, No. 4.



- Khlebnikov A. 2016. Why did the 2011 Egyptian Revolution Fail? *Central European Journal of International and Security Studies*. 10(3): 88–117.
- Khlebnikov A. 2020. Assessing Russia's Middle East Policy After the Arab Uprisings: Prospects and Limitations. *Russia in the Changing International System*, Palgrave Macmillan, Cham: 225–243.
- Mansfield E., Snyder J. 2012. Democratization and the Arab Spring. *International Interactions*, 38(5): 722–733.
- Marshall S., Stacher J. 2012. Egypt's Generals and Transnational Capital. *Middle East Report*, 262. www.merip.org/2012/03/egypts-generals-and-transnational-capital/ (accessed: 11.10.2023).
- Marshall S. 2015. The Egyptian Armed Forces and the Remaking of an Economic Empire, Carnegie Middle East Center. <https://carnegie-mec.org/2015/04/15/egyptian-armed-forces-and-remaking-of-economic-empire-pub-59726> (accessed: 09.10.2023).
- Metawe M. 2013. How and Why the West Reacted to the Arab Spring: An Arab Perspective. *Insight Turkey*, 15(3): 141–155.
- Russell D., 1974. *Rebellion, Revolution, and Armed Force A Comparative Study of Fifteen Countries with Special Emphasis on Cuba and South Africa*. New York and London: Academic Press, pp: 210.
- Sayigh Y. 2019. Owners of the Republic: An Anatomy of Egypt's Military Economy, Carnegie Endowment for International Peace. <https://carnegie-mec.org/2019/11/18/owners-of-republic-anatomy-of-egypt-s-military-economy-pub-80325>
- Skocpol T. 1979. *States and Social Revolutions*. New York: Cambridge University Press: 32.
- Watanabe L. 2014. Egypt One Year after Morsi's Ouster. *CSS Analyses*, 158. www.css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CSSAnalyse158-EN.pdf (accessed: 10.10.2023).
- Weede E., Muller E. 1998. Rebellion, Violence and Revolution: A Rational Choice Perspective, *Journal of Peace Research*, 35(1): 43–59.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 26.10.2023

Received: 26.10.2023

Поступила после рецензирования: 25.11.2023

Revised: 25.11.2023

Принята к публикации: 29.11.2023

Accepted: 29.11.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хлебников Алексей Леонидович, соискатель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Alexey L. Khlebnikov, PhD Candidate, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0001-9177-0323](https://orcid.org/0000-0001-9177-0323)



УДК 325.14

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1053-1060

Оригинальное исследование

Трансформация политик интеграции иммигрантов в Скандинавии

Бутенко В.А. 

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

E-mail: vladislav_butenko@list.ru

Аннотация. Дискуссии относительно принятия иммигрантов и их включения в принимающее общество не утрачивают своей актуальности на фоне усилившихся миграционных потоков из стран Глобального Юга в страны Глобального Севера. Целью настоящей статьи является выявление особенностей политик интеграции иммигрантов в скандинавских странах. Используя историко-генетический и сравнительный методы, автор рассматривает кейсы Дании, Норвегии и Швеции. По итогам проведенного исследования делается вывод о трансформации партийно-политического ландшафта, усилении антииммигрантской риторики, что свидетельствует о «гражданском повороте» в политиках интеграции в трех рассматриваемых странах.

Ключевые слова: миграция, политика интеграции иммигрантов, гражданский поворот, Скандинавия, Дания, Норвегия, Швеция

Для цитирования: Бутенко В.А. 2023. Трансформация политик интеграции иммигрантов в Скандинавии. *Via in tempore. История. Политология.* 50(4): 1053–1060. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1053-1060

Transformation of Immigrant Integration Policies in the Scandinavian Countries

Vladyslav A. Butenko 

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklay St., Moscow 117198, Russia

E-mail: vladislav_butenko@list.ru

Abstract. Discussions on the immigrants and their inclusion in the host society are still relevant because of the increased migration flows from the Global South countries to the Global North ones. The purpose of this article is to identify the features of immigrant integration policies in the Scandinavian countries. The theoretical framework of the study is Rational choice institutionalism which holds that actors are rational decision-makers. The author uses historical-genetic and comparative methods to examine the cases of Denmark, Norway, and Sweden. All the cases demonstrate the transformation of the party-political landscape and the strengthening of anti-immigrant rhetoric. It indicates a civic turn in immigrant integration policies in the Scandinavian countries.

Keywords: migration, immigrant integration policy, civic turn, Scandinavia, Denmark, Norway, Sweden

For citation: Butenko V.A. 2023. Transformation of Immigrant Integration Policies in the Scandinavian Countries. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 1053–1060 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1053-1060



Введение

Глобализация, охватывающая все сферы жизнедеятельности человека, актуализирует миграционные вопросы. Усиление миграционных потоков в Европу с Ближнего Востока и Северной Африки в 2010–2011 гг. и 2015–2016 гг. и Украины в 2022–2023 гг. заставило европейские государства пересмотреть их миграционную политику и политику интеграции иммигрантов. В данном контексте особого внимания заслуживают скандинавские страны: Дания, Норвегия и Швеция. Во-первых, интерес обусловлен тем, что три государства являются государствами всеобщего благоденствия (*welfare state*). Во-вторых, наблюдается трансформация партийно-политического ландшафта и доминирующих публичных дискурсов относительно интеграции иммигрантов в скандинавских странах.

Объектом настоящего исследования выступают политики интеграции иммигрантов в Дании, Норвегии и Швеции. Выбор кейсов обусловлен схожими политическими системами, экономическими показателями и культурными особенностями.

Теоретической рамкой исследования служит неоинституционализм рационального выбора, согласно которому акторы являются рациональными игроками [Hoefler, 2022, p. 72], имеющими собственные интересы, при этом ограниченными институциональной средой. В качестве основных методов, применяемых в исследовании, используются следующие: (1) историко-генетический метод, необходимый для рассмотрения эволюции политик интеграции в изучаемых странах, (2) метод сравнительного анализа, позволяющий сопоставить полученные результаты.

Политика интеграции иммигрантов

Вопросы миграционной политики и политики интеграции иммигрантов могут анализироваться независимо друг от друга, однако в европейском контексте они тесно взаимосвязаны [Duszczuk et al., 2020, p. 1]. Миграционная политика преследует две цели: во-первых, осуществление контроля при въезде на национальную территорию (или в шенгенскую зону, если речь идет о Европейском Союзе), во-вторых, определение порядка пребывания по различным причинам (учеба, работа и т. д.) на территории государства (или наднационального объединения). Политика интеграции иммигрантов направлена на «включение» иностранного гражданина в принимающее общество. При этом необходимо понимать, что интеграция может быть как полной, так и частичной [Ионцев, 2014, с. 128; Паникар и др., 2019, с. 123]. Полная интеграция подразумевает активное участие в гражданских объединениях, в культурных практиках принимающего общества и на рынке труда. Частичная же интеграция предполагает выполнение меньшего набора требований, которые зачастую сводятся к уважению национального законодательства и изучению государственного (национального) языка.

В научной литературе выделяется множество классификаций моделей интеграции иммигрантов. Однако наиболее оправданным, по мнению автора, является выделение моделей ассимиляции, мультикультурализма и гражданской интеграции. Модель ассимиляции предполагает перенимание иммигрантами основных норм, ценностей и культуры принимающего общества. Следовательно, такой подход подчеркивают различия между иммигрантами и принимающим обществом. Модель мультикультурализма, наоборот, признает право иммигрантов на сохранение своей культурной самобытности и закрепляет за государством обязанность создавать условия, способствующие равному политическому, экономическому и социальному участию всех членов общества, независимо от культурных различий. При этом мультикультурализм пренебрегает необходимостью включения иммигрантов в общество из-за своего акцента на учете культурного разнообразия [Mason, 2018].

Реакцией на «провал» мультикультурализма вследствие терактов в США и Европе и миграционного кризиса в Европе в 2015–2016 гг. стало появление альтернативной модели

включения иммигрантов в общество – модели гражданской интеграции. В научной литературе и политической практике отсутствует единое понимание того, что представляет собой гражданская интеграция. Однако можно выделить ряд особенностей, на которых акцентирует внимание большинство исследователей. Гражданская интеграция предполагает внедрение последовательных мер, направленных на активное участие иммигрантов на рынке труда, прохождение обязательных образовательных программ, в том числе языковых. Таким образом, иммигранту открывается доступ к основному институту, предполагающему «включение» в общество и устойчивую правовую связь с государством, – гражданству [Vink et al., 2021].

Ранее подобные требования практически отсутствовали в законодательствах европейских стран, однако в настоящее время они все более активно внедряются, что свидетельствует о «гражданском повороте» (*civic turn*). По мнению К. Йопке, «гражданский поворот» является следствием двух процессов: развития неолиберальной идеологии с неонационалистическими идеями о гражданстве и отношениях между индивидом и государством; усиления политических партий, продуцирующих антииммигрантскую риторику [Йорпке, 2007]. В связи с этим целесообразным представляется изучение роли партийного дискурса, касающегося идей и убеждений, превалирующих в нормативной интерпретации проблем, в формировании политики интеграции иммигрантов.

Изменения в партийно-политическом ландшафте

С 2000-х гг. в партийно-политическом ландшафте Дании, Норвегии и Швеции имеют место чередования левоцентристских и правоцентристских правительств. Однако миграционный кризис в Европе, именуемый также кризисом беженцев, спровоцировал рост популярности партий политической альтернативы [Швейцер, 2018], ориентированных на популизм и национализм. Тем не менее исследования, посвященные выявлению корреляции между ужесточением требований к иммигрантам по их интеграции и усилением роли партий политической альтернативы, демонстрируют противоположные результаты [Chueri, 2021; Römer et al., 2023]. Вместе с тем отмечается влияние партий политической альтернативы на миграционный дискурс, что может косвенно провоцировать изменения в политике интеграции иммигрантов.

В Дании наиболее сильны позиции Датской народной партии. С момента своего зарождения она позиционирует себя в качестве партии патриотов и националистов [Плевако, 2018, с. 67]. Датская народная партия приобрела вес среди избирателей: если на парламентских выборах 1998 г. ей удалось получить 7,4 % голосов, в 2011 г. – 12,3 %, то выборы 2015 г. принесли ей 21,1 % голосов. Однако на выборах в фолькетинг 2019 г. партии удалось набрать лишь 8,7 % голосов, а в 2022 г. – 2,6 % [Бутенко, 2020].

Норвегию, невзирая на то что она не является государством-членом Европейского Союза, также затронул миграционный кризис. Однако позиции Партии прогресса скорее укрепились, нежели усилились. Партия прогресса начиная с 1973 г. успешно проходила в стортинг, находясь при этом практически всегда в оппозиции. Лишь в период с 2013 г. по январь 2020 г. партия состояла в правительственной коалиции совместно с Консервативной, Либеральной и Христианско-демократической партиями [Плевако, 2018, с. 66]. С 1997 г. Партия прогресса стабильно показывает второй-третий результат на выборах. В частности, на последних парламентских выборах 2021 г. она набрала 11,6 % голосов.

Партийно-политический ландшафт в Швеции среди трех рассматриваемых скандинавских стран продолжает оставаться наименее радикальным. Тем не менее партия «Шведские демократы», известная своей антииммигрантской риторикой, в 2014 г. и 2018 г. занимала третьи места на парламентских выборах, а в 2022 г. и вовсе стала второй, уступив лишь социал-демократам. Более того, прослеживается тенденция наращивания электоральной поддержки: если на выборах в риксдаг в 1998 г. партию поддержали 0,4 % от числа



проголосовавших, в 2006 г. – 5,7 %, в 2018 г. – 17,5 %, то в 2022 г. – 20,5 %. Но, в отличие от Дании и Норвегии, где партии, продвигающие идеи ограничения миграции, образуют коалиции с другими партиями, влияние «Шведских демократов» на политику впервые было формализовано в 2022 году в рамках Соглашения Тидё [Плевако, 2022, с. 52].

Таким образом, укрепление роли партий политической альтернативы в Дании, Норвегии и Швеции позволяет сделать вывод о политизации проблемы интеграции иммигрантов, что обуславливает необходимость исследования политик интеграции иммигрантов в трех обозначенных странах.

Трансформация политик интеграции иммигрантов

Датская политика интеграции иммигрантов среди трех рассматриваемых стран является наиболее ограничительной. Реализация проекта «*welfare state*» в 1960-е гг. требовала привлечения трудовых мигрантов [Breidahl et al., 2021, p. 29], основная доля которых прибывала из Турции, Пакистана и Югославии. Тем не менее четко выверенной стратегии по интеграции иммигрантов не существовало. Правоцентристские и либеральные партии не видели в этом необходимости, в то время как социал-демократы выступали за принятие беженцев и «временный» мультикультурализм, не предполагающий интеграцию иммигрантов и беженцев. Однако местные власти в населенных пунктах с относительно большой концентрацией иммигрантов и беженцев выступили с критикой [Tesfaye, 2017], что способствовало принятию Закона об интеграции. Закон предусматривал обязательное прохождение вводных программ по языку и культуре [Lov om integration..., 1998]. Именно 1990-е гг. можно считать точкой отсчета, с которой началось ужесточение политики интеграции иммигрантов. В настоящее время Датскую народную партию можно рассматривать в качестве инициатора введения ограничительных мер. В частности, в Дании постоянный вид на жительство был заменен на временный, что предполагает возвращение беженца в страну исхода в случае изменения ситуации в лучшую сторону. Кроме того, на фоне миграционного кризиса было введено требование о прохождении тестирования на гражданство [Капицын и др., 2022].

Норвежская политика интеграции иммигрантов изначально была ближе к шведской, в основе которой – философия гуманитарной трансграничной солидарности [Гришин, 2019]. Однако с усилением веса в парламенте и правительстве Партии прогресса в норвежской политике интеграции стало наблюдаться смещение в более ограничительную сторону, подразумевающее культурную интеграцию и интеграцию на рынке труда. Важно отметить, что участие Партии прогресса в коалиции дало ей возможность занять ключевые позиции в Министерстве иммиграции и интеграции, специально созданном во время миграционного кризиса. В итоге возросло количество требований, предъявляемых для воссоединения семей. Кроме того, правительство заключило ряд соглашений с некоторыми государствами о депортации лиц, ищущих убежища. Однако в публичном дискурсе наблюдаются разнонаправленные тенденции: с одной стороны, антииммигрантский дискурс набирает обороты; с другой стороны, слышны голоса представителей этнических меньшинств и активистов из числа местного населения в поддержку иммигрантов [Mjelde, Novden, 2019, p. 5487].

Швеция является одной из стран, где политика гражданской интеграции получила развитие лишь после миграционного кризиса 2015–2016 гг. В стране исторически сложились сильные гуманитарные традиции. В 1960-х гг. Швеция взяла курс на мультикультурную модель, однако позже заменив ее на модель универсалистскую. Тем не менее понимание интеграции, заложенное в 1970-е гг., остается актуальным: интеграция представляется как добровольный процесс [Hernes, 2018]. Невзирая на то что количество требований для интеграции в Швеции незначительно по сравнению с другими странами Европы, ее политика интеграции все же испытала на себе изменения, вызванные в первую очередь миграци-

онным кризисом. Лицам, ищущим убежища, с 2016 г. стали выдавать не постоянные виды на жительство, как было ранее, а временные. Более того, правом на воссоединение семей отныне обладают лишь «конвенционные» беженцы и лица, способные обеспечивать членов своей семьи по их прибытии в страну [Prop. 2015/16:174]. Шведским правительством также было введено «образовательное обязательство» (*Utbildningsplikt*), предусматривающее, что низкоквалифицированные иммигранты в рамках индивидуального плана берут на себя обязательство по повышению уровня образования [Prop. 2016/17:175]. Это свидетельствует о «гражданском повороте» в шведской политике интеграции иммигрантов.

Заключение

Проанализировав политики интеграции в трех скандинавских странах, можно сделать вывод, что, невзирая на схожесть между ними в силу заложенной в основу модели государства всеобщего благоденствия (*welfare state*), каждой присущи свои особенности. Среди рассмотренных датская политика интеграции является самой ограничительной, что предопределяется необходимостью полной интеграции в принимающее общество. Швеция, где наибольшее число иммигрантов и беженцев среди скандинавских государств, тяготеет к поддержке этнического и культурного разнообразия. Промежуточное место занимает Норвегия, отказывающаяся от идеи гуманитарной трансграничной солидарности и поддерживающая более ограничительные меры. Вместе с тем увеличение миграционных потоков в 2010–2011 гг., 2015–2016 гг. и 2022–2023 гг. оказало влияние на публичный дискурс и на партийно-политический ландшафт. В Дании, Норвегии и Швеции наблюдается сдвиг от мультикультурной риторики и практик в сторону гражданской интеграции, направленной на преодоление этноцентричного подхода к интеграции иммигрантов. Данные изменения свидетельствуют не только о «гражданском повороте» в политиках интеграции иммигрантов, но и об конвергенции, что детерминировано усилением роли партий политической альтернативы и политизацией миграции.

Список литературы

- Бутенко В.А. Трансформация интеграционной политики Дании. *Вестник Поволжского института управления*, 20(4): 24–30. doi: 10.22394/1682-2358-2020-4-24-30
- Гришин И.В. 2019. Интеграция иммигрантов в Швеции (социально-политический аспект). *Южно-российский журнал социальных наук*, 20(1): 40–56. doi: 10.31429/26190567-20-1-40-56
- Ионцев В.А. 2014. Интеграция мигрантов – эффективный путь устранения неравенства и ксенофобии в принимающем обществе. *Вопросы управления*, 1(26): 127–132.
- Капицын В.М., Магомедов А.К., Шапаров А.Е. 2022. Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в Королевстве Дания в начале XXI века. *Балтийский регион*, 14(2): 98–114. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-7
- Паникар М.М., Соколова Ф.Х., Шапаров А.Е., Золотарев О.В., Капицын В.М. 2019. Механизмы интеграции иммигрантов в Норвегии и России: сравнительный анализ. *Арктика и Север*, 35: 119–143. doi: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.119
- Плевако Н.С. 2018. Национализм и правый популизм в скандинавских странах и Финляндии. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, 3: 63–69. doi: 10.15211/vestnikieran320186369
- Плевако Н.С. 2022. Швеция-2022: эволюция политического пейзажа. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, 5(29): 47–54. doi: 10.15211/vestnikieran520224754
- Швейцер В.Я. 2018. Партии и движения политической альтернативы современной Европы. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, 3: 43–47. doi: 10.15211/vestnikieran320184347
- Breidahl K.N., Hedegaard T.F., Kongshøj K., Larsen C.A. 2021. Migrants' Attitudes and the Welfare State: The Danish Melting Pot. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 208 p. doi: 10.4337/9781800376342



- Chueri J. 2021. Social Policy Outcomes of Government Participation by Radical Right Parties. *Party Politics*, 27(6): 1092–1104. doi: 10.1177/1354068820923496
- Duszczak M., Pachocka M., Pszczółkowska D. 2020. Relations between Immigration and Integration Policies in Europe: Challenges, Opportunities and Perspectives in Selected EU Member States. London, Routledge, 248 p.
- Hernes V. 2018. Cross-National Convergence in Times of Crisis? Integration Policies Before, During and After the Refugee Crisis. *West European Politics*, 41(6): 1305–1329. doi: 10.1080/01402382.2018.1429748
- Hoefler R. 2022. Institutionalism as a Theory for Understanding Policy Creation: An Underused Resource. *Journal of Policy Practice and Research*, 3(2): 71–76. doi: 10.1007/s42972-022-00059-0
- Joppke C. 2007. Beyond National Models: Civic Integration Policies for Immigrants in Western Europe. *West European Politics*, 30: 1–22. doi: 10.1080/01402380601019613
- Lov om integration af udlændinge i Danmark (integrationsloven) nr. 474 af 01.07.1998 [Act on the Integration of Foreigners in Denmark (Integration Act) No. 474 of 01.07.1998]. Social jura. Available at: <http://www.socialjura.dk/content-storage/love/love/integrationslov> (accessed 18 October 2023).
- Mason A. 2018. The Critique of Multiculturalism in Britain: Integration, Separation and Shared Identification. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 21(1): 22–45. doi: 10.1080/13698230.2017.1398444
- Mjelde H., Hovden J.F. 2019. Populism in Scandinavian Immigration Discourse 1970–2016. *International Journal of Communication*, 13: 5483–5504.
- Prop. 2015/16:174. Tillfälliga begränsningar av möjligheten att få uppehållstillstånd i Sverige [Temporary Restrictions on the Possibility of Obtaining a Residence Permit in Sweden]. Government Offices of Sweden. Available at: <https://www.regeringen.se/contentassets/075968fdd8c94788977dba14bae16444/forslag-om-att-tillfalligt-begransa-mojligheten-att-fa-uppehallstillstand-i-sverige-prop.-201516174> (accessed 18 October 2023).
- Prop. 2016/17:175. Ett nytt regelverk för nyanlända invandras etablering i arbets- och samhällslivet [A New Set of Regulations for the Establishment of Newly Arrived Immigrants in Working and Social Life]. Government Offices of Sweden. Available at: <https://www.regeringen.se/4965e5/contentassets/4eccccf8c5d74e0c8b5110289265d866/ett-nytt-regelverk-for-nyanlanda-invandras-etablering-i-arbets--och-samhallslivet-prop.-201617175> (accessed 18 October 2023).
- Römer F., Röth L., Zobel M. 2023. Policymaking on Immigrant Welfare Rights: The Populist and the Mainstream Right. *Journal of European Public Policy*, 30(8): 1537–1564. doi: 10.1080/13501763.2022.2093950
- Tesfaye M. 2017. Velkommen Mustafa – om 50 års socialdemokratisk udlændingepolitik [Welcome Mustafa – On 50 Years of Social Democratic Immigration Policy]. Copenhagen, Gyldendal, 385 p.
- Vink M., Tegunimataka A., Peters F., Bevelander P. 2021. Long-Term Heterogeneity in Immigrant Naturalization: The Conditional Relevance of Civic Integration and Dual Citizenship. *European Sociological Review*, 37(5): 751–765. doi: 10.1093/esr/jcaa068

References

- Butenko V.A. 2020. Immigrant Integration Policy Transformation in Denmark. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 20(4): 24–30 (in Russian). doi: 10.22394/1682-2358-2020-4-24-30
- Grishin I.V. 2019. Integration of Immigrants in Sweden (Socio-Political Aspect). *South-Russian Journal of Social Sciences*, 20(1): 40–56 (in Russian). doi: 10.31429/26190567-20-1-40-56
- Iontsev V.A. 2014. Migrants' Integration is an Effective Way for Elimination of Inequality and Xenophobia in the Host Country. *Management Issues*, 1(26): 127–132 (in Russian).
- Kapitsyn V.M., Magomedov A.K., Shaparov A.E. 2022. Immigration Policy and Integration of Migrants in the Kingdom of Denmark at the Beginning of the XXI Century. *Baltic Region*, 14(2): 98–114 (in Russian). doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-7
- Panikar M.M., Sokolova F.Kh., Shaparov A.E., Zolotarev O.V., Kapitsyn V.M. 2019. Integration Mechanisms for Immigrants in Norway and Russia: A Comparative Analysis. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 35: 119–143 (in Russian). doi: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.119

- Plevako N.S. 2018. Nationalism and Right-Wing Populism in the Nordic Countries and Finland. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]*, 3: 63–69 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran320186369
- Plevako N.S. 2022. Sweden-2022: The Evolution of the Political Landscape. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]*, 3: 43–47 (in Russian). doi: 10.15211/vestnikieran520224754
- Schweitzer V. 2018. Parties and Movements of the Political Alternative in Contemporary Europe. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]*, 3: 43–47 (in Russian). doi: 10.15211/vestnikieran320184347
- Breidahl K.N., Hedegaard T.F., Kongshøj K., Larsen C.A. 2021. Migrants' Attitudes and the Welfare State: The Danish Melting Pot. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 208 p. doi: 10.4337/9781800376342
- Chueri J. 2021. Social Policy Outcomes of Government Participation by Radical Right Parties. *Party Politics*, 27(6): 1092–1104. doi: 10.1177/1354068820923496
- Duszczyk M., Pachocka M., Pszczółkowska D. 2020. Relations between Immigration and Integration Policies in Europe: Challenges, Opportunities and Perspectives in Selected EU Member States. London, Routledge, 248 p.
- Hernes V. 2018. Cross-National Convergence in Times of Crisis? Integration Policies Before, During and After the Refugee Crisis. *West European Politics*, 41(6): 1305–1329. doi: 10.1080/01402382.2018.1429748
- Hoefer R. 2022. Institutionalism as a Theory for Understanding Policy Creation: An Underused Resource. *Journal of Policy Practice and Research*, 3(2): 71–76. doi: 10.1007/s42972-022-00059-0
- Joppke C. 2007. Beyond National Models: Civic Integration Policies for Immigrants in Western Europe. *West European Politics*, 30: 1–22. doi: 10.1080/01402380601019613
- Lov om integration af udlændinge i Danmark (integrationsloven) nr. 474 af 01.07.1998 [Act on the Integration of Foreigners in Denmark (Integration Act) No. 474 of 01.07.1998]. Social jura. Available at: <http://www.socialjura.dk/content-storage/love/love/integrationslov> (accessed 18 October 2023).
- Mason A. 2018. The Critique of Multiculturalism in Britain: Integration, Separation and Shared Identification. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 21(1): 22–45. doi: 10.1080/13698230.2017.1398444
- Mjelde H., Hovden J.F. 2019. Populism in Scandinavian Immigration Discourse 1970–2016. *International Journal of Communication*, 13: 5483–5504.
- Prop. 2015/16:174. Tillfälliga begränsningar av möjligheten att få uppehållstillstånd i Sverige [Temporary Restrictions on the Possibility of Obtaining a Residence Permit in Sweden]. Government Offices of Sweden. Available at: <https://www.regeringen.se/contentassets/075968fdd8c94788977dba14bae16444/forslag-om-att-tillfalligt-begransa-mojligheten-att-fa-uppehallstillstand-i-sverige-prop.-201516174> (accessed 18 October 2023).
- Prop. 2016/17:175. Ett nytt regelverk för nyanlända invandrades etablering i arbets- och samhällslivet [A New Set of Regulations for the Establishment of Newly Arrived Immigrants in Working and Social Life]. Government Offices of Sweden. Available at: <https://www.regeringen.se/4965e5/contentassets/4eccccf8c5d74e0c8b5110289265d866/ett-nytt-regelverk-for-nyanlanda-invandrades-etablering-i-arbets--och-samhallslivet-prop.-201617175> (accessed 18 October 2023).
- Römer F., Röth L., Zobel M. 2023. Policymaking on Immigrant Welfare Rights: The Populist and the Mainstream Right. *Journal of European Public Policy*, 30(8): 1537–1564. doi: 10.1080/13501763.2022.2093950
- Tesfaye M. 2017. Velkommen Mustafa – om 50 års socialdemokratisk udlændingepolitik [Welcome Mustafa – On 50 Years of Social Democratic Immigration Policy]. Copenhagen, Gyldendal, 385 p.
- Vink M., Tegunimataka A., Peters F., Bevelander P. 2021. Long-Term Heterogeneity in Immigrant Naturalization: The Conditional Relevance of Civic Integration and Dual Citizenship. *European Sociological Review*, 37(5): 751–765. doi: 10.1093/esr/jcaa068



Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 20.10.2023
Поступила после рецензирования: 25.11.2023
Принята к публикации: 25.11.2023

Received: 20.10.2023
Revised: 25.11.2023
Accepted: 25.11.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бутенко Владислав Александрович, соискатель кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Vladyslav A. Butenko, PhD Student of the Department of Comparative Politics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0001-6400-3137](https://orcid.org/0000-0001-6400-3137)

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1061-1071

Обзорная статья

Гиперзвуковое оружие и стратегическая стабильность: риски и вызовы для международной безопасности

Мизин В.И. ¹, Севостьянов П.И. ², Макаев А.Р. ²

¹) Национальный исследовательский Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,

Россия, 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23;

²) Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Россия, 117997, г. Москва, Стремянный пер., 36

E-mail: vmizin@hotmail.com, Sevostyanov.PI@rea.ru, Makaev.AR@rea.ru

Аннотация. На сегодняшний день ряд ведущих держав негласно соревнуются в разработке эффективных гиперзвуковых ракет большой дальности. Авторы статьи анализируют, каковы механизмы влияния разработки отдельных видов гиперзвуковых вооружений на политическую обстановку в части обеспечения международной безопасности, и приходят к выводу, что ситуация, при которой все большее число государств будет обладать гиперзвуковым потенциалом, приведет к обострению «дилеммы безопасности» на региональном и на глобальном уровнях, причем динамика конфликта не окажется радикально отличной по сравнению с традиционными видами ракетного оружия, хотя на тактическом уровне может быть сокращено время на принятие решений об ответных действиях.

Ключевые слова: гиперзвуковые вооружения, международная безопасность, стратегическая стабильность, военный потенциал

Для цитирования: Мизин В.И., Севостьянов П.И., Макаев А.Р. 2023. Гиперзвуковое оружие и стратегическая стабильность: риски и вызовы для международной безопасности. *Via in tempore. История. Политология.* 50(4): 1061–1071. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1061-1071

Hypersonic Weapons and Strategic Stability: Risks and Challenges for International Security

Viktor I. Mizin ¹, Pavel I. Sevostyanov ², Artem R. Makaev ²

¹) Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences,

23 Profsoyuznaya St., Moscow 117997, Russia;

²) Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny lane, Moscow 117997, Russia

E-mail: vmizin@hotmail.com, Sevostyanov.PI@rea.ru, Makaev.AR@rea.ru

Abstract. To date, a number of leading powers are secretly competing in the development of effective long-range hypersonic missiles. The authors of the article analyze what mechanisms influence the development of certain types of hypersonic weapons on the political situation in terms of ensuring international security. Thus, the authors conclude that a situation in which an increasing number of states will have hypersonic potential will lead to an aggravation of the "security dilemma" at the regional and global levels; the dynamics of the conflict will not be radically different compared to traditional types of missile weapons, although at the tactical level, the time for making decisions about retaliatory actions can be reduced.



Keywords: hypersonic weapons, international security, strategic stability, military potential

For citation: Mizin V.I., Sevostyanov P.I., Makaev A.R. 2023. Hypersonic Weapons and Strategic Stability: Risks and Challenges for International Security. *Via in tempore. History and Political Science*. 50(4): 1061–1071 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1061-1071

Введение

На протяжении многих веков в процессе создания различных видов вооружений тот или иной новый экземпляр по мере совершенствования и массового развертывания становился своего рода приоритетным и получал пристальное внимание со стороны как экспертного сообщества, так и общественности многих стран. Сегодня, после ядерного, химического и биологического вооружений, кибероружия и боевых систем, основанных на искусственном интеллекте, различных дронов и крылатых ракет это происходит и с гиперзвуковыми средствами вооружённой борьбы. Технология гиперзвукового оружия уже легла в основу новой гонки вооружений.

В настоящее время ряд ведущих держав, прежде всего Россия, США и Китай, негласно соревнуются в разработке эффективных гиперзвуковых ракет большой дальности [Приставка, 2020]. Стараются не отставать и Великобритания, Франция, Германия, Израиль, Индия, КНДР, Япония, Южная Корея, Австралия и даже Пакистан – то есть те страны, где смогли приблизиться к таким технологиям. Причины понятны – эти передовые системы вооружения способны атаковать с огромной скоростью на большие расстояния, не будучи обнаруженными современными системами обороны, такими как радары ПРО и ПВО.

Гиперзвуковыми называются ракетные системы со скоростью, превышающей скорость звука в пять или более раз – 5 М – 6 000 км/час, то есть больше 1,7 км/сек. (скорость звука – 1 Мах (1 М) – 330м/сек.) и самое главное – способные маневрировать с использованием аэродинамических сил. Летательный аппарат с такой скоростью полёта может динамически планировать на теоретически огромные расстояния. Это и делает подобное оружие недостижимым для современных систем противоракетной/противовоздушной обороны (их скорость, как правило, 3 М) и существенно уменьшает время принятия решения об ответном ударе [Brahambhatt, 2022]. Американская SRAM достигала 3,5 М; советская зенитная ракета 5В28 комплекса С-200 – скорости 1,5 км/сек. и могла превышать 5 М. Ракеты 53Т6 противоракетной системы А-135 также летели на гиперзвуковых скоростях. Основное преимущество носителя этих систем – гиперзвукового ГПВРД (прямоточного воздушно-реактивного двигателя сверхзвукового сгорания) перед предшественниками – использование в качестве окислителя атмосферного воздуха, что позволяет значительно увеличить время работы двигателя [Испытания, 2019].

Существует два основных типа гиперзвуковых ракет – гиперзвуковая крылатая ракета, которая приводится в действие ГПВРД (scramjet) на протяжении всего полета, и гиперзвуковая аэробаллистическая система или блок (HGV; boost-glide system), которые разгоняются до гиперзвуковых скоростей ракетой-носителем, а затем планируют через атмосферу к своей цели, используя подъемную силу набегающего воздушного потока для маневра до скорости 20 М. Обычные межконтинентальные баллистические ракеты также способны развивать гиперзвуковую скорость, однако летят по предсказуемой параболической траектории, их несравнимо легче отслеживать и перехватывать – в отличие от крылатых гиперзвуковых ракет, которые крайне быстро приближаются к цели и на малых высотах, вследствие чего их гораздо труднее уничтожить. Необходимо отметить, что термин «гиперзвуковое оружие» амбивалентно условен, поскольку и баллистические ракеты на конечном участке траектории способны развивать скорости, превышающие 5 М. К гиперзвуковым вооружениям также можно отнести гиперзвуковые самолёты и беспилотные аппараты.

Кроме того, гиперзвуковые системы относятся и к высокоточному оружию. Главным образом они предназначены для прорыва обороны ПВО-ПРО. В западном экспертном обществе принято полагать, что гиперзвуковые технологии, вероятно, меняют характер ядерной и обычной войны, делая её более быстрой, менее предсказуемой по последствиям и более затруднительной для обороны. На сегодняшний день это уже запустило, как считают некоторые ученые [Тіграк, 2018], новую гонку вооружений.

Объект и методы исследования

Исследование, лежащее в основе статьи, направлено на выявление ключевых факторов, обуславливающих изменение архитектуры международной безопасности в связи с появлением у ряда государств гиперзвукового оружия и систем защиты от него, а также дальнейшее развитие и применение системы стратегической стабильности, традиционно понимаемой как обеспечение отсутствия у противостоящих сторон стимулов к нанесению первого удара в условиях появления новых видов вооружений и средств защиты.

Методологическая основа исследования представлена системным подходом, позволяющим установить взаимосвязи между военными потенциалами государств и их вкладом в трансформацию системы международной безопасности в связи с распространением гиперзвукового оружия и систем защиты от него. При рассмотрении отдельных аспектов формирования архитектуры международной безопасности, учитывающей новые виды вооружений, применяются контент-анализ ряда программных документов и отчётов, релевантных затронутой проблематике, а также ивент-анализ событий, ставших важными этапами на пути становления новой системы международной безопасности.

Результаты и их обсуждение

В разработке гиперзвукового оружия Россия так далеко продвинулась вперед, что её прорывные достижения, подкрепленные серией реальных испытаний, уже давно общепризнанны, серьезно влияя на имидж Соединенных Штатов как ранее единственной военной сверхдержавы в мире [Григорьев, 2022]. Китай также пошел своим путем в создании HGV в таких проектах, как Starry Sky-2 и DF-ZF-DF-17 с планирующей головной частью или DF-26 с маневрирующей, они, вероятно, созданы в неядерном оснащении и со скоростью 10 М. Эти системы вызывают серьёзные опасения в Пентагоне [Detsch, 2022]. В целом Китай по гиперзвуковому оружию далеко и надолго переиграл США [Никифорова, 2022]. Индия провела запуск демонстратора крылатой ракеты HSTDV с гиперзвуковым двигателем. Твёрдотопливная ракета подняла его на 30 км, и ГПВРД разогнался до 6 М.

В этой связи необходимо рассмотреть, является ли гиперзвуковое оружие действительно фактором, радикально трансформирующим представление о характере вооружённой борьбы в современных условиях, меняя её ход и «правила игры» (game changer) [Aceton, 2015; Borrie et al., 2019].

Летательные аппараты с гиперзвуковой скоростью не являются новой технологией. Ещё в конце 1930-х годов австрийский инженер Ойген Зенгер и немецкий физик Ирен Бредт разработали запускаемый ракетой гиперзвуковой планер «Зильбервогель», предназначенный для нанесения Третьим Рейхом ударов по США из Европы через верхние слои атмосферы на максимальной скорости 17 М, который, однако, не был построен [Robinson, 2019]. Баллистическая ракета «Фау-2» Вернера фон Брауна развивала в полете скорость до 5,8 М. Двухступенчатая ракета-носитель «Бампер» на базе трофейной немецкой ракеты V-2 в 1949 году также достигла гиперзвуковой скорости во время входа в атмосферу. В 1963 году правительство США отказалось от проекта гиперзвукового планера «Dyna-Soar» по неизвестным причинам.



В Соединенных Штатах на официальном уровне сегодня заявляется, что им есть чем парировать новые угрозы, в частности от России, Китая и КНДР, а также в будущем противостоять им с помощью собственных новейших разработок.

Американская программа гиперзвуковых планирующих блоков начата программой «Быстрого глобального удара» (Global Prompt Strike, БГУ), целью которой было позволить США оперативно планировать и наносить удары в любой точке планеты [Зведре, 2016]. При администрации Б. Обамы концепция была скорректирована в сторону использования БГУ как некоего промежуточного звена между ядерным и обычным потенциалом США, предназначенного для решения специальных и ограниченных задач и важного элемента эффективной региональной архитектуры безопасности.

Соединенные Штаты разрабатывают по меньшей мере пять программ создания гиперзвукового оружия в Военно-воздушных силах, армии и Военно-морских силах, а также четыре программы, реализуемые Агентством перспективных исследовательских проектов в области обороны (DARPA). Виды Вооруженных сил США сегодня ведут собственные разработки, основанные на общем боевом блоке.

Военно-морской флот США осуществляет две программы создания гиперзвукового оружия. ВМС запросили 1,2 млрд долл. финансирования на обычную систему быстрого реагирования, что на 9 % меньше, чем ассигнования на 2022 год. Эта система оснащена общим гиперзвуковым скользящим корпусом, который используется совместно с армейской программой и будет добавлен к эсминцам класса Zumwalt начиная с 2025 года и к подводным лодкам класса Virginia в 2028 году. Военно-морской флот также запросил 92 млн долл. на гиперзвуковую наступательную систему противовоздушной обороны воздушного базирования и планирует ввести ее в эксплуатацию в 2028 году.

Тем временем Армия США работает над программой создания гиперзвукового оружия большой дальности, на которую она запросила 1,1 млрд долл., включая 807 млн долл. на исследования и разработки и 250 млн долл. на закупки. Планируется, что система будет введена в эксплуатацию в 2023 финансовом году.

Вне рамок программы «Глобальный удар» продолжались испытания гиперзвуковой авиационной крылатой ракеты X-51A «Вэйврайдер» (Waverider) со скоростью 6 500–7 500 км/ч и дальностью полета от 500 до 1 500 км, совершившей первый полет 26 мая 2010 года. Испытания были только условно успешными, Waverider успел разогнаться до скорости в 5 М. Программа завершилась в 2013 году, не дав каких-то многообещающих результатов. Во время проработки программы «Быстрого глобального удара» в 2003 году ВВС США и Агентство перспективных исследовательских проектов в области обороны DARPA запустили проект «FALCON» по разработке «Общего летательного аппарата» (CAV). Однако после неудачных испытаний в 2010 и 2011 гг. и этот проект был отложен.

Однако, несмотря на ряд неудач, с которыми столкнулись США, один проект, касающийся гиперзвуковой технологии, всё же оказался успешным. В рамках программы «Быстрый глобальный неядерный удар» в 2006 году армия США начала работу над другим гиперзвуковым планером – «Усовершенствованным гиперзвуковым оружием» (AHW) с дальностью стрельбы до 8 000 км, сегодня ставшим основной гипер-системой. Это оружие использует ступени выведенных из эксплуатации межконтинентальных баллистических ракет для запуска в стратосферу и разгона управляемого гиперзвукового планера до скорости более 5 М. В 2018 году АНУ был переименован в Common Hypersonic Glide Body (С-HGB). 19 марта 2020 года Соединенные Штаты провели испытания этой системы гиперзвукового оружия, которые Пентагон назвал успешными. Неядерный гиперзвуковой планирующий аппарат С-HGB поднялся с испытательного полигона Баркинг-Сэндс на Гаваях и поразил намеченную цель. Таким образом, С-HGB, скорее всего, станет основой для создания систем гиперзвукового оружия, разрабатываемых как армией, ВВС, так и

военно-морским флотом США. Военно-морская версия будет размещена на ракетных крейсерах класса «Арли Берк», эсминцах «Тикондерога» и, возможно, на новых эсминцах-невидимках класса «Зумволт», а также на новых подводных лодках «Вирджиния». Следующим шагом будет сопряжение С-HGB с ракетным ускорителем и тестирование всей системы до конца 2023 года.

В настоящий момент в военных кругах США наблюдается сильное беспокойство по поводу отставания в создании работающих систем гиперзвукового оружия [Hypersonic Weapons, 2021]. Очевидно, что американская программа создания гиперзвукового оружия все еще находится на стадии разработки и экспериментов, и пока у нее нет опыта оперативного применения.

Текущие исследования США в области программ гиперзвукового оружия включают в себя: 1) оружие быстрого реагирования воздушного базирования AGM-183 BVC (ARRW) и крылатую ракету гиперзвуковой атаки (HACM) [Mizokami, 2021]; 2) гиперзвуковое оружие дальнего радиуса действия армии (LRHW или Dark Eagle); 3) обычный быстрый удар BMC (CPS), 4) наступательные средства противоракетной обороны Increment II (OASuW-2) и DARPA «Stactical Boost Glide» (TBG), Operation Fires (OpFires) и концепция гиперзвукового воздушно-дыхательного оружия (HAWC). Создаются и ракета «земля – земля» PrSM с дальностью 700 км [Precision Strike Missile, 2023], крылатая ракета средней дальности Typhon с дальностью в диапазоне 1 500 км на базе уже существующих ракет, «Томагавков» и SM-6 [Roaten, 2022]. Агентство перспективных оборонных исследовательских проектов DARPA, стремясь усовершенствовать свою программу гиперзвукового оружия, запросило 60 млн долларов в своем бюджете на 2023 финансовый год для проработки концепции программы Mohawk – преемницы HAWC. Программа нового запуска, получившая название Mohawk, является преемницей HAWC, разработанной совместно с BVC с использованием Raytheon и Lockheed Martin в качестве основных подрядчиков. Согласно же докладу Исследовательской службы Конгресса США, американцы рассматривают только неядерное применение гиперзвуковым технологиям [Bugos, 2022].

Пентагон полон решимости догнать Москву и Пекин в гонке за разработкой гиперзвукового оружия, даже несмотря на то, что это может увеличить риск ядерного конфликта, в то время как эти три страны активно стремятся развернуть средства защиты от него.

Оборона и защита от гиперзвукового оружия на порядок сложнее «классической» ПРО от баллистических ракет, в частности ввиду непростых задач определения цели и типа доставляемого боезаряда. Тем не менее считается, что теоретически она возможна. Нет никаких сомнений в том, что в США будут целеустремленно разрабатываться методы перехвата планирующих гиперзвуковых боеголовок с их непредсказуемыми траекториями полёта к цели. Публично пока что в Вашингтоне сомневаются, что системы «Кинжал» и «Авангард» серьезно повлияют на стратегический баланс между Соединенными Штатами и Россией в ближайшем будущем [Scimia, 2020]. Появляются экспертные доклады с детальным анализом возможностей гиперзвукового перехвата. Разработка гиперзвуковых планирующих боевых блоков противниками в одночасье подняла вопрос о защите США от них, включая создание инфраструктуры, обнаружение целей и различных средств их перехвата.

«Гиперзвуковая оборона», полагают эксперты в США, необходима для защиты территории США, их передовых сил и их союзников. Эффективное сдерживание использует как угрозу наказания, так и надежную способность отразить нападение. Она строится на сочетании активных и пассивных мер защиты. Будущая гиперзвуковая оборона может использовать имеющиеся уже системы защиты от атак баллистических и крылатых ракет, включая их датчики систем предупреждения и компьютерные информационные сети. Во время слушаний в ходе утверждения на пост министра обороны генерал Ллойд Остин заявил, что будет «поощрять усилия по противодействию всему спектру ракетных угроз,



включая «... ускоренное развитие возможностей перехвата (системы) гиперзвуковой противоракетной обороны» [Кандидат на пост главы Пентагона, 2021].

Гиперзвуковое оружие – это не «серебряные пули», поскольку не может быть единого решения для его реализации и обороны от него. Для реалистичного плана решения задачи гиперобороны, как считают в США, потребуются многоплановые усилия в рамках комплексной, многоуровневой, многослойной, модульной, рассредоточенной по всей территории страны архитектуры, опирающейся на синергию систем, в том числе, помимо разного рода конвенциональных мобильных и стационарных ракет-перехватчиков, и на различных физических и электромагнитных принципах, лазерах и «пучковом» оружии. А так как гиперзвуковое оружие не движется по заранее предсказуемым траекториям, Соединенные Штаты также не могут позволить себе быть предсказуемыми в своей обороне от него. Для этого вооруженным силам США необходимо пересмотреть свою нынешнюю доктрину командования и боевого управления, чтобы лучше отслеживать гиперзвуковые угрозы – поскольку существующая доктрина и организационная структура ПВО/ПРО по реагированию на угрозы атак из атмосферы или экзо-атмосферными баллистическими ракетами могут оказаться неадекватными для устранения комплексной угрозы, создаваемой гиперзвуком. Соединенным Штатам потребуется исчерпывающе полный спектр наступательных и оборонительных методов средств для сдерживания ракетных пусков противника, включая скоординированные операции по нанесению ударов перед запуском. Необходимо обеспечение постоянного и глобального охвата, например, усиление группировки гиперзвуковых датчиков воздушного и космического базирования, средств глобальной разведки, наблюдения и предупреждения в обнаружении мобильных пусковых установок ракет. Однако широко известно, что Пентагон не в состоянии защитить континентальную часть США от угроз ударов ракет большой дальности, от атак крылатых ракет, не говоря уже о гиперзвуковых системах. Поэтому сегодня предположения о том, что гиперзвуковые планирующие системы создают какую-то новую проблему в сфере обороны, попросту вводят широкую общественность в заблуждение. Утверждения о том, что гиперзвуковое оружие невозможно остановить, так же справедливо, как и то, что в настоящее время у Соединенных Штатов нет эффективной защиты и от массированной атаки баллистических ракет, даже средней дальности. Многие сегодняшние статьи, в которых обсуждаются гиперзвуковые ракеты [Oelrich, 2020], оставляют у читателя впечатление, что защита от баллистических ракет – дело решенное, но такое утверждение является серьезным искажением. Так, атака на саудовские нефтяные объекты в сентябре 2019 года показала, что защита даже от дозвуковых крылатых ракет отнюдь не гарантирована.

Одновременно в части экспертного сообщества, близкой к властям США, упорно заявляется, что там есть чем парировать новые угрозы, а также в будущем противопоставить им собственные новейшие разработки. С одной стороны, уже радикально активизирована работа по созданию чего-то подобного российскому гиперзвуковому «чудо-оружию». С другой стороны, то же заявляется и относительно гиперзвуковых средств перехвата гиперзвуковых же систем.

Что касается вероятной противоракетной обороны против гиперзвуковых систем, то Управление противоракетной обороны США (BMDO) уже выдало контракты на разработку опытных образцов датчиков космического базирования на низких околоземных орбитах с увеличенной дальностью охвата, с помощью которых можно будет обнаруживать и отслеживать гиперзвуковые ракеты противника.

Таким образом, принципы обороны от гиперзвукового оружия в трактовке экспертов США – это глобальный охват, новые РЛС, сенсоры информационной системы предупреждения и наведения на кораблях ВМС в Мировом океане, аэростатах в воздушном пространстве США и их союзников в космосе, многоуровневая система ударных средств разной физической природы, инновационная система разведки, боевого управления и ком-

пьютерного сопровождения на квантовой технике. Такая постановка задачи отражает отсутствие на сегодня специализированных систем для борьбы с гиперзвуковыми аэродинамическими целями.

В большей степени для решения этой задачи подходит ТНААД, работающий непосредственно на границе атмосферы и за ее пределами, который в США может стать одной из основ разработок для защиты от гиперзвукового оружия. Нынешний перехватчик набирает скорость 5,5 км/сек. – это порог гиперзвука. Поэтому существующие в США системы раннего предупреждения не способны своевременно информировать о приближении гиперзвукового планирующего летательного аппарата, который на большей части своей траектории движется в диапазоне высот 40–70 км (т. е. ниже радиолокационной линии прямой видимости мощных РЛС). Таким образом, необходимо использовать радары наблюдения ПВО, развернутые вдоль границ страны, которые, однако, имеют гораздо меньшую эффективную дальность обнаружения. В результате время с момента обнаружения до момента попадания гиперзвукового средства в цель сокращается до 3–7 минут, в зависимости от расстояния между радаром и целью и их взаимного положения относительно траектории атаки.

С использованием ещё только проектируемой в США квантовой компьютерной архитектуры это позволяет – анализируя динамику полёта – выстраивать стохастические модели-прогнозы движения целей, поскольку любой длительный полёт накапливает статистику и параметры, позволяет экстраполировать закономерности полётного и подлётного «поведения» целей. Анализируется случайность отклонений и определяется конечная цель-мишень, а также направления движения к ней – селектируя среди локальных маневров – при отсечении больших территорий (лесов, полей, пустынь, пустошей), не представляющих военного значения. Ключевая роль будет при этом отводиться противоракетам различных конструктивных решений, поскольку лазеры против гиперзвуковых целей неэффективны, кроме того, способам сопряжения ракет с информационными системами, средствами обнаружения, обработки и передачи данных и целеуказания. Удастся когда-нибудь, очевидно, решить и вопрос непроницаемости пресловутого «плазменного кокона» гиперзвуковых целей, по крайней мере на непродолжительное время.

Заключение

Последствия «гипергонки» для международной безопасности вряд ли можно считать радикальными, однако ситуация, при которой все большее число стран будут обладать подобным потенциалом, вне всякого сомнения, приведет к обострению «дилеммы безопасности» как на региональном, так и на глобальном уровне. При этом в целом динамика конфликта вряд ли окажется радикально отличной по сравнению с традиционными видами ракетного оружия, хотя на тактическом уровне может быть сокращено время на принятие решений об ответных действиях.

Россия предупреждала, что разработка гиперзвуковых ракет может свести на нет все предыдущие договоренности об ограничении и сокращении стратегических ядерных вооружений, тем самым нарушив стратегический баланс сил. В статье, опубликованной в феврале 2012 года, В.В. Путин утверждал, что в то время как ядерные силы сдерживания должны предотвратить крупномасштабную агрессию против России, «...нужно учитывать, что научно-технический прогресс в самых разных областях, начиная от появления новых образцов вооружений и военной техники и заканчивая информационно-коммуникационными технологиями, привел к качественному изменению характера вооруженной борьбы. Так, по мере массового принятия на вооружение высокоточных неядерных средств большого радиуса действия все более четко будет проявляться тенденция закрепления за ними роли оружия решительной победы над противником, в том числе и в глобальном конфликте» [Путин, 2012]. В той же статье В.В. Путин обрисовал контуры амбициозной программы всеобъемлющей модернизации российских вооруженных сил. В



этой связи он предсказал, что у страны должны появиться «...другие виды оружия, ударные комплексы нового поколения. В том числе – высокоточное оружие, которое «... способно решать задачи, сопоставимые с теми, что стоят сегодня» [Путин, 2012]. В части стратегической стабильности, традиционно понимаемой как обеспечение отсутствия у противостоящих сторон стимулов к нанесению первого удара, у гиперзвукового оружия может быть двоякая роль: с одной стороны, теоретически гиперзвуковые системы, развернутые в значительном количестве, могут быть более эффективны для разоружающего удара (здесь играют роль в первую очередь скорость и точность); с другой, даже в незначительных количествах они могут быть средством гарантированного нанесения ответного удара (здесь важна возможность преодоления противоракетной обороны, а также уничтожения ее позиционных районов и командных центров). Потенциал своевременного обнаружения пусков гиперзвукового оружия на стратегическую дальность, вероятно, не отличается от такового для выявления стартов «обычных» МБР. Вместе с тем, сопровождение полета гиперзвукового планирующего крылатого блока как минимум на отдельных этапах может быть невозможным для средств Системы предупреждения о ракетном нападении.

Очевидно, что поиск «щита» от гиперзвукового оружия, эффективных решений по защите от «классических» МБР подрвет стратегическую стабильность. Если же говорить о «стабильности гонки вооружений», то все еще нельзя говорить о стремительных количественных наращиваниях, это «соревнование» скорее носит качественный характер. На «достратегическом» уровне, вероятно, гиперзвуковые системы в неядерном оснащении могут создавать угрозы высокоценным объектам и ударным потенциалам вероятного противника на региональном уровне в условиях эскалации напряженности. В области контроля над вооружениями гиперзвуковое оружие не является чем-то радикально отличающимся от высокоточного оружия большой дальности либо стратегических наступательных вооружений в терминах ДСНВ. Вместе с тем в связи с повышенным вниманием именно к этой области представляется целесообразным попробовать отработать механизмы ограничений и контроля в части гиперзвукового оружия. В частности, эффективным решением могли бы быть региональные ограничения на боевое патрулирование платформ (воздушных, морских, сухопутных), оснащенных гиперзвуковым оружием, во избежание эскалации напряженности.

Список литературы

- В США сообщили, что последнее испытание гиперзвуковых вооружений не имело успеха. 2023. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17390153?ysclid=lo1ydlw81d38529445> (дата обращения: 19 октября 2023).
- Григорьев Е. 2022. Гиперзвуковое оружие: о чем молчали в Пентагоне? Vesti.ru. URL: <https://www.vesti.ru/article/2699920> (дата обращения: 19 октября 2023).
- Зведре Е.К. 2016. Несет ли угрозу национальной безопасности России американская программа «молниеносного глобального удара»? Международная аналитика, 1: 52–61.
- Испытания гиперзвукового прямого воздушного реактивного двигателя. 2019. Наука и техника. URL: <https://naukatehnika.com/ispytaniya-giperzvukovogo-pryamotchnogo-vozdushno-reaktivnogo-dvigatelya.html> (дата обращения: 19 октября 2023).
- Кандидат на пост главы Пентагона США: нужна ускоренная разработка ПРО. 2021. Рамблер-новости. URL: <https://news.rambler.ru/weapon/45640069-kandidat-na-post-glavy-pentagona-ssh-nuzhna-uskorennaya-razrabotka-pro/?ysclid=lo1yitp0ke435369117> (дата обращения: 19 октября 2023).
- Никифорова А. 2022. Китайский ИИ предсказывает курс гиперзвуковых ракет. Ответный удар будет с опережением. Хайтек. URL: <https://hightech.fm/2022/06/01/china-ai-defense-predict> (дата обращения: 19 октября 2023).
- Приставка Е. 2020. Что известно о российском и американском гиперзвуковом оружии. Хайтек. URL: <https://hightech.fm/2020/10/07/russia-america-hypersonic-weapons> (дата обращения: 20 октября 2023).

- Путин В.В. 2012. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (дата обращения: 22 октября 2023).
- Acton J.M. 2015. Supplement to Hypersonic Boost-Glide Weapons. *Science & Global Security*, 3(23): 191–219.
- Borrie J., Dowler A., Podvig P. 2019. Hypersonic Weapons: A Challenge and Opportunity for Strategic Arms Control. Rand Corporation. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR2100/RR2137/RAND_RR2137.pdf (дата обращения: 14 октября 2023).
- Brahambhatt R. 2022. What are Hypersonic Missiles and How Does Hypersonic Weapon Technology Work? *Interesting Engineering*. URL: <https://interestingengineering.com/hypersonic-missiles> (дата обращения: 19 октября 2023).
- Bugos S. 2022. U.S. Rushes Hypersonic Development. *Arms Control Association*. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2022-06/news/us-rushes-hypersonic-development> (дата обращения: 22 октября 2023).
- Detsch J. 2022. The Pentagon Wants to Ruin China's 'Sputnik Moment'. *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/02/07/us-china-russia-biden-hypersonic-missile-defense-pentagon/> (дата обращения: 14 октября 2023).
- Hypersonic Weapons: DOD Should Clarify Roles and Responsibilities to Ensure Coordination across Development Efforts. 2021. U.S. Government Accountability Office. URL: <https://www.gao.gov/products/gao-21-378> (дата обращения: 22 октября 2023).
- Mizokami K. 2021. The Army Reveals the Range of Its New Hypersonic Weapon: 1,725 Miles. *Popular Mechanics*. URL: <https://www.popularmechanics.com/military/weapons/a36421213/army-hypersonic-weapon-1700-mile-range/> (дата обращения: 22 октября 2023).
- Oelrich I. 2020. Cool Your Jets: Some Perspective on the Hying of Hypersonic Weapons. *Bulletin of the Atomic Scientists*. URL: <https://thebulletin.org/premium/2020-01/cool-your-jets-some-perspective-on-the-hying-of-hypersonic-weapons/> (дата обращения: 22 октября 2023).
- Precision Strike Missile (PrSM). 2023. Lockheed Martin. URL: <https://www.lockheedmartin.com/en-us/products/precision-strike-missile.html> (дата обращения: 21 октября 2023).
- Roaten M. 2022. Army Hypersonic Weapon on Fast-Track to Delivery. *National Defense*. URL: <https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2022/2/24/army-hypersonic-weapon-on-fast-track-to-delivery> (дата обращения: 21 октября 2023).
- Robinson T. 2019. From Sanger to Avangard – Hypersonic Weapons Come of Age. *Royal Aeronautical Society*. URL: <https://www.aerosociety.com/news/from-saenger-to-avangard-hypersonic-weapons-come-of-age/> (дата обращения: 19 октября 2023).
- Scimia E. 2020. Russian Avangard Hypersonic Missiles More Hype than Threat. *The Washington Times*. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2020/jan/5/russian-avangard-hypersonic-missiles-more-hype-thr/> (дата обращения: 22 октября 2023).
- Tirpak J.A. 2018. The Great Hypersonic Race. *Air & Space Forces Magazine*. URL: <https://www.airandspaceforces.com/article/The-Great-Hypersonic-Race/> (дата обращения: 14 октября 2023).

References

- V SShA soobshchili, chto poslednee ispytanie giperzvukovykh vooruzhenii ne imelo uspekha [The US Reported that the Latest Test of Hypersonic Weapons Was not Successful]. 2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17390153?ysclid=lo1ydlw81d38529445> (accessed: 19 October 2023).
- Grigor'ev E. 2022. Giperzvukovoe oruzhie: o chem molchali v Pentagone? [Hypersonic Weapons: What Was the Pentagon Silent About?]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2699920> (accessed: 19 October 2023).
- Zvedre E.K. 2016. Neset li ugrozu natsional'noi bezopasnosti Rossii amerikanskaia programma «molnienosnogo global'nogo udara»? [Does the American "Lightning Global Strike" Program Pose a Threat to Russia's National Security?]. *International Analytics*, 1: 52–61.
- Isipytaniia giperzvukovogo priamotochnogo vozdušno-reaktivnogo dvigatel'ia [Tests of a Hypersonic Ramjet Engine. *Science and Technology*]. 2019. URL: <https://naukatehnika.com/ispytaniya->



- [giperzvukovogo-pryamotochnogo-vozdushno-reaktivnogo-dvigatelya.html](#) (accessed: 19 October 2023).
- Kandidat na post glavy Pentagona SShA: nuzhna uskorennaya razrabotka PRO [A Candidate for the Post of Head of the US Pentagon Needs Accelerated Development of Missile Defense]. 2021. URL: <https://news.rambler.ru/weapon/45640069-kandidat-na-post-glavy-pentagona-ssha-nuzhna-uskorennaya-razrabotka-pro/?ysclid=lo1yitp0ke435369117> (accessed: 19 October 2023).
- Nikiforova A. 2022. Kitaiskii II predskazyvaet kurs giperzvukovykh raket. Otvetnyi udar budet s operezheniem. Khaitek [Chinese AI Predicts the Course of Hypersonic Missiles. The Retaliatory Strike Will Be Ahead of Schedule. Hi-Tech]. URL: <https://hightech.fm/2022/06/01/china-ai-defense-predict> (accessed: 19 October 2023).
- Pristavka E. 2020. Chto izvestno o rossiiskom i amerikanskom giperzvukovom oruzhii [What is Known About Russian and American Hypersonic Weapons. Hi-Tech]. URL: <https://hightech.fm/2020/10/07/russia-america-hypersonic-weapons> (accessed: 20 October 2023).
- Putin V.V. 2012. Byt' sil'nymi: garantii natsional'noi bezopasnosti dlia Rossii [Be Strong: Guarantees of National Security for Russia]. URL: <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (accessed: 22 October 2023).
- Acton J.M. 2015. Supplement to Hypersonic Boost-Glide Weapons. *Science & Global Security*, 3(23): 191–219.
- Borrie J. Dowler A., Podvig P. 2019. Hypersonic Weapons: A Challenge and Opportunity for Strategic Arms Control. Rand Corporation. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR2100/RR2137/RAND_RR2137.pdf (дата обращения: 14 октября 2023).
- Brahmbhatt R. 2022. What are Hypersonic Missiles and How Does Hypersonic Weapon Technology Work? *Interesting Engineering*. URL: <https://interestingengineering.com/hypersonic-missiles> (дата обращения: 19 октября 2023).
- Bugos S. 2022. U.S. Rushes Hypersonic Development. *Arms Control Association*. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2022-06/news/us-rushes-hypersonic-development> (дата обращения: 22 октября 2023).
- Detsch J. 2022. The Pentagon Wants to Ruin China's 'Sputnik Moment'. *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/02/07/us-china-russia-biden-hypersonic-missile-defense-pentagon/> (дата обращения: 14 октября 2023).
- Hypersonic Weapons: DOD Should Clarify Roles and Responsibilities to Ensure Coordination across Development Efforts. 2021. U.S. Government Accountability Office. URL: <https://www.gao.gov/products/gao-21-378> (дата обращения: 22 октября 2023).
- Mizokami K. 2021. The Army Reveals the Range of Its New Hypersonic Weapon: 1,725 Miles. *Popular Mechanics*. URL: <https://www.popularmechanics.com/military/weapons/a36421213/army-hypersonic-weapon-1700-mile-range/> (дата обращения: 22 октября 2023).
- Oelrich I. 2020. Cool Your Jets: Some Perspective on the Hying of Hypersonic Weapons. *Bulletin of the Atomic Scientists*. URL: <https://thebulletin.org/premium/2020-01/cool-your-jets-some-perspective-on-the-hying-of-hypersonic-weapons/> (дата обращения: 22 октября 2023).
- Precision Strike Missile (PrSM). 2023. Lockheed Martin. URL: <https://www.lockheedmartin.com/en-us/products/precision-strike-missile.html> (дата обращения: 21 октября 2023).
- Roaten M. 2022. Army Hypersonic Weapon on Fast-Track to Delivery. *National Defense*. URL: <https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2022/2/24/army-hypersonic-weapon-on-fast-track-to-delivery> (дата обращения: 21 октября 2023).
- Robinson T. 2019. From Sanger to Avangard – Hypersonic Weapons Come of Age. *Royal Aeronautical Society*. URL: <https://www.aerosociety.com/news/from-saenger-to-avangard-hypersonic-weapons-come-of-age/> (дата обращения: 19 октября 2023).
- Scimia E. 2020. Russian Avangard Hypersonic Missiles More Hype than Threat. *The Washington Times*. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2020/jan/5/russian-avangard-hypersonic-missiles-more-hype-thr/> (дата обращения: 22 октября 2023).
- Tirpak J.A. 2018. The Great Hypersonic Race. *Air & Space Forces Magazine*. URL: <https://www.airandspaceforces.com/article/The-Great-Hypersonic-Race/> (дата обращения: 14 октября 2023).



Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 22.09.2023

Received: 22.09.2023

Поступила после рецензирования: 02.10.2023

Revised: 02.10.2023

Принята к публикации: 25.10.2023

Accepted: 25.10.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Мизин Виктор Игоревич, ведущий научный сотрудник Группы проблем информационной безопасности, Национальный исследовательский Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0000-0001-7903-4454](https://orcid.org/0000-0001-7903-4454)

Viktor I. Mizin, Leading Researcher of the Group of Information Security Problems of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Севостьянов Павел Игоревич, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, действительный государственный советник Российской Федерации, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0009-0004-5773-773X](https://orcid.org/0009-0004-5773-773X)

Pavel I. Sevostyanov, Associate Professor of the Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes of the Plekhanov Russian University of Economics, Acting State Councilor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Макаев Артем Радикович, ведущий специалист кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0000-0002-3585-4757](https://orcid.org/0000-0002-3585-4757)

Artem R. Makaev, Leading Specialist of the Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia



УДК 329.78:378
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1072-1083
Оригинальное исследование

Реализация государственной молодежной политики в высшей школе в представлении российского студенчества

Тюрина Ю.А. ¹, Бойко Ж.В. ²

¹ Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: jultur2005@yandex.ru, Boiko@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье определена значимость образования как основы для личностного роста и профессионального становления, раскрывается реализация государственной молодежной политики, направленной на создание условий для самореализации студенческой молодежи в вузе. На основе проведенного Центром социологических исследований Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы социологического исследования определена и проанализирована результативность деятельности государственной молодежной политики в оценках студентов российских вузов. Применение деятельностно-активистского подхода способствовало определению категории «самореализация», а также позволило проанализировать комплекс задаваемых/желаемых мотивационно-побуждающих компонентов активности студенческой молодежи (ценности, компетенции, целевые установки), целенаправленно задаваемых государством условий (системные, структурно-функциональные аспекты) самореализации обучающихся в вузе.

Ключевые слова: молодежь, высшее образование, молодежная политика, ценности, компетенции, целевые установки, самореализация

Благодарности: Исследование выполнено в рамках инициативной НИР СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, номер в системе ЕГИСУ НИОКТР 122112800087-2

Для цитирования: Тюрина Ю.А., Бойко Ж.В. 2023. Реализация государственной молодежной политики в высшей школе в представлении российского студенчества. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 1072–1083. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1072-1083

Implementation of State Youth Policy in High School in the Representation of Russian Students

Yu.A. Tyurina ¹, Z.V. Boyko ²

¹ North-West Institute of Management RANEPa,
57 Sredny Ave. V.I., St. Petersburg 199034Russia;

² Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: jultur2005@yandex.ru, Boiko@bsu.edu.ru

Abstract. The article defines the importance of education as the basis for personal growth and professional development, reveals the implementation of state youth policy aimed at creating conditions for students self-realization at the university. Based on the sociological research conducted by the Center for Sociological Research of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of

National Economy and Public Service, the effectiveness of the state youth policy in the assessments of Russian university students was determined and analyzed. The use of an activity-activist approach contributed to the definition of the category “self-realization”, and also made it possible to analyze the complex of specified/desired motivational components of student activity (values, competencies, goals), conditions purposefully set by the state (systemic, structural and functional aspects) of self-realization students at the university.

Keywords: youth, higher education, youth policy, values, competencies, goals, self-realization

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the initiative research NWIM branch RANEPА, № 122112800087-2

For citation: Tyurina Yu.A., Boyko Z.V. 2023. Implementation of State Youth Policy in High School in the Representation of Russian Students. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 1072–1083 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1072-1083

Введение

Сегодня создаются социально-экономические и политические условия, диктующие необходимость перехода на путь устойчивого общественного развития. Многие ученые в своих исследованиях высказывают опасения о потере ценностных ориентиров, духовности, культурных ценностей, которые являются ядром жизнедеятельности общества. Для решения возникающих на современном этапе проблем исследователи отмечают потенциальные возможности значимого института государства – молодежной политики, которая способствует выработке эффективных направлений деятельности, поиску определенных мер, способствующих созданию благоприятных условий для социального становления, самореализации, духовного и культурного роста молодого поколения.

В научных кругах давно ведутся дискуссии, раскрывающие особенности деятельности государственной молодежной политики в целом и российской в частности, описывающие образовательные инновации, значение компетентного подхода в образовании и другие проблемы. П. Штомпка, создатель концепции «социального становления», отмечал, что «...люди своими действиями создают и воспроизводят контекст собственного существования, то есть те социальные структуры, которые, в свою очередь, становятся исходными условиями организационного или стимулирующего характера дальнейших действий» [Штомпка, 2005]. Продолжая мысль ученого, можно заметить, что современная государственная молодежная политика становится той структурой, которая создает динамику развития общества. Ряд исследователей раскрывает особенности реализации государственной молодежной политики на региональном уровне, указывает необходимость учитывать этнокультурные особенности регионов, специфику их ресурсов, на теоретическом и эмпирическом уровнях исследует противоречия в саморегуляции жизнедеятельности молодежи, обусловленные социально-групповыми и региональными условиями [Шаповалова, Маликова, 2017; Зубок и др., 2021]. Ряд ученых исследовал правовые аспекты российской государственной молодежной политики, отмечал необходимость закрепления в законодательстве Российской Федерации понятия «молодежная политика» [Неровная, Пальчикова, 2019; Платонов, 2021]. А.И. Платонов рассматривает вопросы реализации государственной молодежной политики с учетом современных угроз и вызовов, а также вопросы повышения эффективности современных технологий работы с молодежью [Платонов, 2021]. Отечественными учеными был обозначен широкий горизонт проблем современной российской молодежи, среди которых особое внимание уделено социальным проблемам активизации молодежного ресурса для решения модернизационных задач в российском обществе на данном этапе его развития [Пономарев и др., 2018; Пономарев и др., 2021].

В свое время ученые обращали внимание на то, что «особенно важно с первых дней обучения в вузе создать студентам условия для успешного старта (или продолжения) их



лично-профессионального саморазвития» [Куликова, 1997]. Исследователи придают важность разработке методологических подходов к социологическому изучению саморегуляции жизнедеятельности молодежи в изменяющейся реальности [Зубок и др., 2021]. В научных дискуссиях признается важность образования, поскольку в его среде моделируется целостный образ выпускника вуза, свободная, духовная личность, ориентированная на общечеловеческие ценности, способная к творческой самореализации, нравственной саморегуляции и адаптации в изменяющейся социокультурной среде [Лисовский, 2000; Запесоцкий, 2003]. Сегодня государство акцентирует свое внимание на молодежи, которая является основной движущей силой общественного развития. Молодежная политика, система образования работают над созданием условий для формирования мировоззренческих основ, для развития потенциала молодежи как силы, способной повести за собой, воплотить в жизнь ценности, принятые в обществе.

Государство взаимодействует с молодежью как опосредованно, так и напрямую, привлекая ее в активную деятельность общественных движений, организаций, к участию в молодежных творческих фестивалях разной направленности, в форумах, университетских клубах, которые становятся площадкой, где молодой человек «способен проявить свои умения и навыки, приобрести уверенность в своих силах, найти дело по душе» [Бойко, Гукова, Крупская, 2023]. Все эти усилия позволяют молодежи прочувствовать и осознать многочисленные процессы, происходящие в обществе, попытаться стать участником в поиске пути для решения возникающих проблем.

За последнее время был принят ряд документов, определяющих основные направления деятельности государства и общества в целях создания условий для дальнейшего развития. Как отмечает А.И. Платонов, «2020 год стал знаковым годом для сферы государственной молодежной политики (далее ГМП) в части нормативно-правового регулирования. Так, в 2020 году в Конституции Российской Федерации появилось упоминание о молодежной политике, приняты два важных основополагающих нормативно-правовых акта: профессиональный стандарт «Специалист по работе с молодежью» и Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации», подготовка которого осуществлялась более 25 лет» [Платонов, 2021]. Стоит отметить прошедшее на площадке Совета Федерации в июле 2023 года I заседание Общественного Экспертного совета по утверждению традиционных духовно-нравственных ценностей. Участники Федерального народного совета предложили конкретизировать перечень традиционных российских ценностей. Согласно указу президента № 809, к традиционным ценностям относятся: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [Киселева, 2023]. Российской Федерацией была принята Стратегия развития воспитания на период до 2025 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р, в которой государство видит приоритетной задачей «развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины» [6]. Образование является базой для раскрытия и оформления мировоззренческих и профессиональных основ, духовного созревания личности, формирования собственного «Я». На современном этапе в системе российского образования с 2021 года [8] возникают нормативные изменения, пересматриваются подходы к «организации процесса воспитания и работы с молодежью с участием научно-преподавательского сообщества, формируется нормативно-методическая база для работы образовательных учреждений в реализации молодежной политики» [Тюрина, 2023].

Объекты и методы исследования

Учитывая научные изыскания, сформулированные концепты, становится очевидной необходимость усиления в образовании гуманитарной составляющей, которая остается определяющей в формировании духовной культуры, ценностных ориентаций студенческой молодежи, являющейся основной движущей силой общественного развития, а также ведения планомерной работы по реализации проводимых мер государственной российской молодежной политики, значимой задачей которой становится самореализация молодежи.

Согласно актуальности выбранной темы, *объектом нашего исследования* стала российская государственная молодежная политика. *Предметом* – является представление и оценка студенческой молодежью реализуемых направлений деятельности государственной молодежной политики в вузах. *Цель исследования* – на основе полученных данных социологического исследования описать представления студенческой молодежи о реализуемых в вузах направлениях деятельности молодежной политики.

Задачи исследования обусловили использование *в качестве основных методов*: теоретический анализ научной литературы и документальных материалов, включающих нормативно-правовую базу; сравнительный анализ; эмпирические методы (онлайн-анкетирование), аналитическое изучение и обобщение эмпирических данных; методы математической статистики.

Достоверность полученных результатов и выводов обеспечиваются методологической обоснованностью теоретических положений, применением математической обработки статистических данных.

Исследовательская проблема

В настоящее время происходит процесс постепенного ценностного переосмысления как на уровне государственных структур, так и общества, что влечет за собой попытку, с одной стороны, создать определенную модель образования, с другой стороны – благоприятные условия для ее реализации. Согласно этому, встает сложная и противоречивая задача – научить молодежь быстро реагировать на изменения, происходящие в обществе, адаптироваться к стремительной динамике жизни, осознанно включаясь в социальную мобильность, и наряду с этим сохранять устойчивость общечеловеческих ценностей, являющихся основополагающим ориентиром в многообразии отношений. Современная российская государственная молодежная политика становится тем инструментом, который способен помочь в решении обозначенных задач. На данный момент реализуются определенные меры, направленные на улучшение условий для социального становления, профессиональной самореализации молодежи, для ее полноценной социализации в быстроменяющемся мире. В связи с этим возникли интерес и необходимость провести анализ реализуемых направлений деятельности российской молодежной политики в вузах, через оценку и представления студентов.

Гипотеза исследования. Предполагаем, что данный анализ позволит выявить проблемные области в деятельности государственной молодежной политики, а также увидеть в целом представление и оценку данного института в глазах студенческой молодежи.

Основная часть

Молодежь как носитель ценностных ориентиров, как субъект социокультурных отношений имеет свои особенности, представления о будущем. В данном исследовании сделана попытка рассмотреть взгляд студенческой молодежи на государственную молодежную политику, которая направлена на создание и улучшение условий для самореализации, профессионального и личностного становления.



В 2023 году Центр социологических исследований Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы провел опрос студентов российских вузов по проблемам самореализации студенческой молодежи. Исследованием было охвачено 6 российских городов: Хабаровск, Новосибирск, Екатеринбург, Санкт-Петербург, Белгород и Владикавказ. Всего в онлайн-опросе приняло участие 1 797 человек в возрасте от 18 до 22 лет, из числа которых 70 респондентов представляли Белгород. Деятельностно-активистский подход определил понимание категории «самореализация», которая рассматривается как процесс достижения актором целей, с применением индивидуальных качеств, способностей и объективных условий жизнедеятельности. Жизнеобеспечивающим ресурсом должен стать сам человек, способный к самосовершенствованию, самоорганизации и самореализации.

Для проведения исследования была разработана анкета, включающая вопросы разных видов, которые касались наличия интересов, ценностных предпочтений у студентов, что позволило выявить их приоритетность, отразить мотивационную сферу, формы активностей, понимание деятельности структурных подразделений в вузе. Рассмотрим целенаправленно задаваемые в рамках реализации молодежной политики мотивационно-побуждающие компоненты субъектов деятельности – представителей студенческой молодежи, которые являются участниками конструирования социального контекста жизнедеятельности, а именно: ценности; компетенции; целевые установки. Важно отметить, что указанные компоненты рассматриваются нами в комплексе, сформулированные на основе базовых нормативно-методических документов в сфере государственной политики. Данный комплекс компонентов, с одной стороны, представляет собой идеальный, желаемый результат организованной работы с молодежью, имеющей цель дальнейшего эффективного развития государства и общества, а с другой стороны, является основой для самореализации молодежи.

В этой связи интересным стал ответ на множественный дихотомический вопрос о том, что из представленного ценностного ряда является для молодых людей важным в жизни (табл. 1). В совокупной выборке испытуемых волнуют проблемы общечеловеческого характера и личные ценности, связанные с семьей, дружбой, общением.

Таблица 1

Жизненные приоритеты студенческой молодежи
 Life priorities of student youth

Вариант	Россия	Белгород
Свобода и независимость	70 %	73 %
Творчество	37 %	41 %
Любовь, романтические отношения	52 %	50 %
Гражданственность	8 %	4 %
Материальный достаток, благополучие	76 %	70 %
Власть, возможность руководить	19 %	13 %
Дружба, общение	7 %	61 %
Семья	75 %	67 %
Уважение со стороны других	41 %	40 %
Популярность	9 %	7 %
Престиж	18 %	17 %
Здоровье, хорошее самочувствие	77 %	76 %
Общественное признание	18 %	14 %
Природа, окружающая среда	33 %	26 %
Труд, возможность приносить пользу людям	38 %	36 %
Патриотизм	18 %	19 %
Другое	2 %	–

Для российской молодежи, согласно полученным данным, первоочередной ценностью является здоровье и хорошее самочувствие – 77 %. Несомненно, что для поддержания здоровья, для самореализации необходимы материальные средства, согласно этому вторым приоритетом указан материальный достаток и благополучие – 76 %, затем свобода и независимость – 70 %. В силу своих особенностей молодежь стремится быть свободной в своем выборе, проявляет активность в своих действиях, желает быть полезной. Выборка ответов белгородской студенческой молодежи (приняли участие 70 человек) показала, что для них также приоритетной ценностью является здоровье и хорошее самочувствие – 76 %, однако второе место получила позиция «Свобода и независимость» – 73 %, затем «Материальный достаток, благополучие» – 70 %, а также наряду с отмеченными ценностями респонденты высоко оценили ценности семьи – 67 % и «Дружба, общение» – 61 %. Молодежь в силу своих особенностей, создавшихся в последнее время сложных приграничных условий, а также проблем с коронавирусом, борьба с которым ограничила живое общение, переживает недостаток в общении. Несомненно, непосредственное взаимодействие с другими людьми является внутренним психологическим механизмом и способствует формированию определенных предпочтений, становлению мировоззренческих позиций, а также оказывает влияние на отношение к происходящему. Ответы, связанные с семьей, общением носят личностную направленность, и в тоже время отражают ценности, которые являются общепринятыми и представленными в правовом поле современного российского государства.

Показательными явились ответы, отражающие, насколько респонденты удовлетворены качеством получаемого образования. В целом российская молодежь довольна образовательной сферой, на что указали 91 % опрошиваемых, среди которых 45 % отметили, что полностью удовлетворены. Белгородская молодежь также высоко оценила получаемое образование – 83 %. Полученные данные могут свидетельствовать о том, что в образовательных учреждениях в целом созданы условия для дальнейшего роста и самореализации молодежи. В этой связи интересным стало оценить, насколько высказанная позиция соответствует осведомленности студентов о реализуемой в вузе молодежной политике. Большая часть респондентов ответили, что располагают информацией об имеющихся возможностях вуза, его структурных подразделениях, чья деятельность направлена на выполнение задач работы с молодежью и создания условий для всестороннего ее развития (табл. 2). Следует отметить, что университет должен стать не только образовательным и научным центром, готовящим конкурентно способных профессионалов, нацеленным на потребности рынка, но и духовным центром, отличающимся особой нравственной атмосферой. Согласно полученным данным, белгородские вузы являются такими центрами, поскольку наиболее популярными направлениями деятельности или объединениями респонденты отметили совет студентов / аспирантов / совет обучающихся / самоуправление 16 % (знаю и активно участвую) и 62 % (знаю, но активно не участвую), студенческом добровольческом центре / волонтерских объединениях, движениях 13 % и 60 % (знаю, но активно не участвую), студенческом научном обществе 12 % и 62 % (соответственно). В Белгороде широко пропагандируется здоровый образ жизни, реализуются различные проекты и программы, в которых принимают участие студенты средних и высших учебных заведений области. Из всех респондентов указали осведомленность о студенческом спортивном клубе / спортивных командах, спортивных объединениях в образовательном учреждении, в котором учатся, и о творческих объединениях (театральных, вокальных, танцевальных и других) – 10 % и 66 % (соответственно). Молодежь также знает и о работе первичной профсоюзной организации студентов и аспирантов и проявляет в ней активность – 9 % и 62 % (соответственно).



Таблица 2

Осведомленность молодежи о проводимой молодежной политике в вузе (Белгород)
 Awareness of young people about the ongoing youth policy at the university (Belgorod)

Вариант	Знаю, являюсь активным участником/ организатором	Знаю, но активно не участвую	Что-то слышал(а)	Не знаю, узнал(а) об этом впервые	Трудно сказать
8.1. Осведомленность о совете студентов / Аспирантов / совете обучающихся / самоуправления	16 %	62 %	20 %	1 %	1 %
8.2. Осведомленность о первичной профсоюзной организации студентов и аспирантов	9 %	62 %	20 %	6 %	3 %
8.3. Осведомленность о студенческой медиа службе	7 %	63 %	19 %	7 %	4 %
8.4. Осведомленность о студенческом научном обществе	12 %	62 %	21 %	1 %	4 %
8.5. Осведомленность о студенческом спортивном клубе / спортивных командах, спортивных объединениях	10 %	66 %	23 %	-	1 %
8.6. Осведомленность о профильных студенческих отрядах	7 %	60 %	21 %	9 %	3 %
8.7. Осведомленность о студенческом добровольческом центре / волонтерских объединениях, движениях	13 %	60 %	23 %	3 %	1 %
8.8. Осведомленность о лиге КВН	7 %	67 %	17 %	6 %	3 %
8.9. Осведомленность о творческих объединениях (театральных, вокальных, танцевальных и других)	10 %	66 %	17 %	4 %	3 %

Обобщающим стал вопрос «Как Вы считаете, созданы ли в Вашем вузе условия для самореализации студентов?» из всех участников 51 % ответили «определенно созданы» и 39 % – «скорее созданы, но есть над чем поработать».

На вопрос «Есть ли у студентов вашего вуза возможность двусторонней прямой коммуникации с администрацией вуза через совет обучающихся, профсоюз обучающихся, институт старост и т. д.», подавляющее большинство опрошенных (79 %) ответили, что имеют такую возможность. Также в опросе 65 % респондентов отметили, что администрация вуза, в котором они учатся, поддерживает студенческие сообщества и индивидуальные инициативы. В этой связи хотелось бы заметить, что в НИУ «БелГУ» активно работает объединённый совет обучающихся «Союз студентов НИУ «БелГУ», который является постоянно действующим представительным органом [4].

На сегодняшний день является значимым создание цифровых возможностей для эффективной образовательной деятельности. Стремительно развивающиеся технологии создают цифровую сферу, куда активно вовлекаются вузы, которые тем самым обретают но-

вые возможности. На вопрос «Создана ли в Вашем вузе единая цифровая среда?», студенческая молодежь однозначно определила, что такая среда создана, в рамках которой работают личные кабинеты – 67 %, имеются цифровые помощники по всем направлениям жизнедеятельности обучающихся в вузе – 56 %, удобные приложения – 53 %, консьерж-сервис – 47 %. Сегодняшнее время требует от каждого умения пользоваться цифровыми технологиями. На уровне государственной политики в сфере цифровизации постепенно выстраиваются коммуникационные стратегии, внедряются новые технологии, обладающие потенциалом для формирования современного медиапространства.

Респонденты на вопрос «Созданы ли в Вашем вузе условия для сохранения и поддержания здоровья студентов?» ответили следующим образом: 67 % указали, что в вузе безопасная среда и условия обучения, а также 67 % отметили доступность инфраструктуры для занятий физической культурой и спортом; 66 % обозначили – «популяризация здорового образа жизни», 63 % – первичная медико-санитарная помощь, 58 % – профилактика заболеваний. Согласно полученным данным, можно заключить, что в вузах Белгорода созданы условия для сохранения и поддержания здоровья обучающихся.

В целях выявления понимания студенческой молодежью важности тех или иных формируемых компетенций в процессе образования, а также реализации их в своей жизни, респондентам было предложено выбрать из перечисленных в вопросе качеств такого рода. Полученные данные указывают, что в фокус наибольшего внимания (46,66 %) студентов попадает саморазвитие, 42,60 % отметили дисциплинированность, 42,60 % – умение стратегически мыслить, 39,56 % указали правовую грамотность и способность к партнерству, сотрудничеству. Выбранные респондентами компетенции культивируются в региональных центрах компетенций, которые являются частью реализации государственной молодежной политики в вузах. Демонстрируя свое мнение о важности компетенций, опрашиваемые стремятся приобрести в большей степени надпрофессиональные компетенции, чем профессиональные. Перечень надпрофессиональных компетенций был составлен на базе данных Агентства стратегических инициатив [1]. Надпрофессиональные «проектные компетенции вошли в «основной список» и при разработке «пакета» компетенций в рамках активного развития профильных центров на базе высших учебных заведений начиная с 2021 г.» [Тюрина, 2023]. Таким образом, результат может свидетельствовать о представлениях студенческой молодежи, каким должен быть современный человек, получивший высшее образование.

Заключение

На основе вышеизложенного можно отметить, что государственная молодежная политика определяет вектор развития студенческой молодежи, на основе молодежных инициатив создает условия для их продвижения, ищет пути эффективного решения возникающих проблем. В социологическом исследовании, которое проходило в период с мая по сентябрь 2023 года, приняло участие 1 797 респондентов из 6 российских городов (Санкт-Петербург, Белгород, Екатеринбург, Новосибирск, Хабаровск, Владикавказ). Применялась гнездовая, случайная выборка. В нашем исследовании описана часть проделанной большой работы. Сравнительный анализ взглядов российских и белгородских представителей студенческой молодежи о реализации молодежной политики позволил увидеть общие тенденции и региональные особенности. В целом ответы студентов свидетельствуют об их позитивном отношении к деятельности вузов, способствующих реализации научного и творческого потенциала молодежи, формированию необходимых для дальнейшего становления компетенций, а значит, позволяющих реализовать свои внутренние потребности. Молодых людей волнуют проблемы общечеловеческого характера и личные ценности, связанные с семьей, дружбой, общением, что является целью молодежной политики, направленной на формирование личности будущего профессионала и гражданина страны.



Представители студенческой молодежи в целом довольны качеством получаемого образования и определенно считают, что в их учебных заведениях созданы условия для их дальнейшего роста и самореализации. Данные показатели можно расценивать как положительный результат реализуемых мер государственной молодежной политики в высшей школе. Примененная в исследовании методология позволила комплексно рассмотреть деятельность российской государственной молодежной политики в создании условий для самореализации и определить ее результативность, а также выявить проблемные стороны, требующие дальнейшей проработки и решения.

Список источников

- Агентство стратегических инициатив [Электронный ресурс]. URL: https://asi.ru/leaders/initiatives/education_leaders/future_skills/
- Глава Минобрнауки России Валерий Фальков рассказал о ключевых аспектах молодежной политики в вузах [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/50610/>
- Навыки будущего [Электронный ресурс]. URL: https://asi.ru/leaders/initiatives/education_leaders/future_skills/
- Объединённый совет обучающихся «Союз студентов НИУ «БелГУ» [Электронный ресурс]. – URL: <https://bsuedu.ru/bsu/info/structure/detail.php?ID=245630>
- Реализация государственной молодежной политики и воспитательная деятельность в вузах – приоритетные направления высшего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/273903692>
- Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html>
- Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (в ред. от 6 марта 2018 г.). [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/>
- Федеральный закон Российской Федерации от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» // [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/>

Список литературы

- Березутский Ю.В. 2022. Ценностные установки молодежи как основа формирования ее правовой культуры. Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: региональный вектор. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск, 40–44.
- Бойко Ж.В., Гукова И.Н., Крупская С.Ю. 2023. Студенческие клубы как эффективный способ формирования профессиональных компетенций в вузе. Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке: Русская идентичность в этнокультурном дискурсе социально-педагогические технологии в социализации будущего профессионала. Том XX, Выпуск 2; 118–125 [Электронный ресурс]. URL: <http://eastjournal.ru/ru/v78/> (дата обращения 10.10.2023).
- Запесоцкий А.С. 2003. Какого человека должна сформировать сегодня система образования? Высшее образование в России, 3: 75–81.
- Залещук В.Г., Надеева М.В. 2020. Самореализация молодежи и ее ценностные основания. MODERN SCIENCE учредители: научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований», 4–5: 279–286.
- Зубок Ю.А. [и др.]. 2021. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики: монография. Науч. ред. Ю.А. Зубок. Белгород, ООО «Эпицентр». 500.
- Инновационный потенциал молодежи: патриотическое сознание и практика гражданского участия. 2013. Материалы Всероссийской молодежной науч.-практич. конф. (Екатеринбург, 8–9 октября 2013 г.). Отв. за вып. Д.Ю. Нархов. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та. 306.

- Киселева А. 2023. Что обсуждали на экспертном совете по духовно-нравственным ценностям [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/07/24/986551-что-обсуждали-na-ekspertnom-sovete-po-duhovno-nravstvennim-tsennostyam> (дата обращения 10.10.2023).
- Куликова Л.Н. 1997. Проблемы саморазвития личности. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 315: 268.
- Лисовский В.Т. 2000. Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование). Тугариновские чтения. Материалы науч. сессии, вып. 1. СПб.: Санкт-Петербургское философ. об-во; 40–44.
- Неровня Н.Н., Пальчикова Л.А. 2019. Государственная молодежная политика и ее закрепление в законодательстве в Российской Федерации. Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования: сборник статей V Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Часть 2. Пенза, издательство: Наука и Просвещение. 123–125.
- Платонов А.И. 2021. Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью. Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 13 апреля 2021 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; 9–19 [Электронный ресурс]. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/103996> (дата обращения: 04.11.2023).
- Пономарев А.В. [и др.]. 2018. Тренды молодежной политики в зеркале социальных наук и технологий: монография. Под общей редакцией д-ра пед. наук А.В. Пономарева, канд. филос. наук Н.В. Поповой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; 260.
- Пономарев А.В. [и др.]. 2021. Профессиональное образование и социальное партнерство в работе с молодежью: монография. Под ред. А.В. Пономарева, Н.В. Поповой. М., Юрайт; 253.
- Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства: коллективная монография. 2017. Под ред. чл.-корр. РАН, д-ра экон. наук, проф. С.В. Рязанцева и д-ра социол. наук, проф. Т.К. Ростовской. М., ИТД «ПЕРСПЕКТИВА»; 600: 19.
- Ростовская Т.К. [и др.]. 2018. Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи: монография М., Изд-во Российского государственного социального университета; 198.
- Тюрина Ю.А. 2023. Государственная молодежная политика: вуз в обеспечении условий самореализации обучающихся. Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Том XX. Выпуск 2. Хабаровск; 183–190 [Электронный ресурс]. URL: <http://eastjournal.ru/ru/v78/> (дата обращения 10.10.2023).
- Тюрина Ю.А. 2023. Проектная деятельность в реализации государственной молодежной политики в вузах. Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Том XX. Выпуск 3. Хабаровск; 144–150 [Электронный ресурс]. URL: <http://eastjournal.ru/ru/v79/> (дата обращения: 10.10.2023).
- Шаповалова И.С., Маликова Е.В. 2017. Реализация государственной молодежной политики в России: региональный аспект [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki-v-rossii-regionalnyy-aspekt/viewer> (дата обращения: 02.11.2023).
- Штомпка П. 2005. Социология. Анализ современного общества; пер. пер. с польск. С.М. Червонной. М., Логос; 664.
- Giddeens A. 1984. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, Polity, 402.

References

- Berezutsky Yu.V. 2022. Values of Young People as the Basis for the Formation of Their Legal Culture. Current Issues of Ensuring the Rights and Freedoms of Man and Citizen: Regional Vector. Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. Khabarovsk, 40–44 (in Russia).
- Boyko Zh.V., Gukova I.N., Krupskaya S.Yu. 2023. Student Clubs as an Effective Way to Develop Professional Competencies at a University. Social and Human Sciences in the Far East: Russian



- Identity in Ethnocultural Discourse, Socio-Pedagogical Technologies in the Socialization of the Future Professional. Volume XX, Issue 2; 118-125 [Electronic Resource]. URL: <http://eastjournal.ru/ru/v78/> (access date: 10.10.2023) (in Russia).
- Zapesotsky, A.S. 2003. What Kind of Person Should the Education System Create Today? Higher Education in Russia, 3; 75–81 (in Russia).
- Zaleshchuk V.G., Nadeeva M.V. 2020. Self-Realization of Youth and its Value Foundations. MODERN SCIENCE Founders: Scientific and Information Publishing Center “Institute for Strategic Research”. 4–5, 279–286 (in Russia).
- Zubok Yu.A. [and etc.]. 2021. Self-Regulation of Youth Life: Methodology and Social Practices: Monograph. Scientific ed. Yu.A. Tooth. Belgorod, Epicenter LLC, 500 (in Russia).
- Innovative Potential of youth: Patriotic Consciousness and Practice of Civic Participation. 2013. Materials of the All-Russian Youth Scientific and Practical. Conf. (Ekaterinburg, October 8–9, 2013). Otv. per issue D.Yu. Narkhov. Ekaterinburg: Ural Publishing House University; 306 (in Russia).
- Kiseleva A. 2023. What was Discussed at the Expert Council on Spiritual and Moral Values [Electronic Resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/07/24/986551-chto-obsuzhdali-na-ekspertnom-sovete-po-duhovno-nravstvennim-tsennostyam> (access date 10/10/2023) (in Russia).
- Kulikova L.N. 1997. Problems of Personal Self-Development. Khabarovsk: KhSPU Publishing House; 315: 268 (in Russia).
- Lisovsky V.T. 2000. Values of Life and Culture of Modern Youth (Sociological Research). Tugarinov's Readings. Scientific Materials Sessions, Vol. 1. St. Petersburg., St. Petersburg Philosopher. About; 40–44 (in Russia).
- Nerovnya N.N., Palchikova L.A. 2019. State Youth Policy and its Consolidation in Legislation in the Russian Federation. Innovative Development: the Potential of Science and Modern Education: Collection of Articles of the V International Scientific and Practical Conference: in 2 hours. Part 2. Penza, Publisher: Nauka i Prosveshchenie, 123–125 (in Russia).
- Platonov A.I. 2021. State Youth Policy: Challenges and Modern Technologies of Working with Youth. State Youth Policy: Challenges and Modern Technologies of Working with Youth: Materials of the International Youth Research Conference (Ekaterinburg, April 13, 2021). Ekaterinburg, Ural Publishing House University; 9–19 [Electronic Resource]. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/103996> (access date: 11/04/2023) (in Russia).
- Ponomarev [and others]. 2018. Youth Policy Trends in the Mirror of Social Sciences and Technologies: Monograph. Under the General Editorship of Dr. ped. Sciences A.V. Ponomareva, Ph.D. Philosopher Sciences N.V. Popova. Ekaterinburg, Ural Publishing House University; 260 (in Russia).
- Ponomarev A.V. [and etc.]. 2021. Professional Education and Social Partnership in Working with Youth: Monograph. Ed. A.V. Ponomareva, N.V. Popova. M., Yurayt Publishing House, 253 (in Russia).
- Russian Youth: Socio-Demographic Portrait and Value System in the Context of the Multinational Foundation of the Russian State: Collective Monograph. 2017. Ed. Corresponding Member RAS, Doctor of Economics Sciences, Prof. S.V. Ryazantsev and Dr. Sociol Sciences, prof. T.K. Rostovskaya. M.: ITD "PERSPECTIVE"; 600:19 (in Russia).
- Rostovskaya T.K. [and etc.]. 2018. Youth Policy in the System of Formation of Civil Identity of Modern Youth: Monograph M., Publishing House of the Russian State Social University; 198 (in Russia).
- Tyurina Yu.A. 2023. State Youth Policy: Universities in Providing Conditions for Self-Realization of Students. Social and Human Sciences in the Far East. Volume XX. Issue 2. Khabarovsk; 183–190 [Electronic Resource]. URL: <http://eastjournal.ru/ru/v78/> (access date 10.10.2023) (in Russia).
- Tyurina Yu.A. 2023. Project Activities in the Implementation of State Youth Policy in Universities. Social and Human Sciences in the Far East. Volume XX. Issue 3. Khabarovsk; 144–150 [Electronic Resource]. URL: <http://eastjournal.ru/ru/v79/> (access date 10.10.2023) (in Russia).
- Shapovalova I.S., Malikova E.V. 2017. Implementation of State Youth Policy in Russia: Regional Aspect [Electronic Resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki-v-rossii-regionalnyy-aspekt/viewer> (date of access: 02.11.2023) (in Russia).
- Sztompka P. 2005. Sociology. Analysis of Modern Society; Lane from Polish C.M. Chervonnaya. M., Logos; 664 (in Russia).
- Giddens A. 1984. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, Polity, 402.



Поступила в редакцию: 02.09.2023

Поступила после рецензирования: 02.10.2023

Принята к публикации: 25.10.2023

Received: 02.09.2023

Revised: 02.10.2023

Accepted: 25.10.2023

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тюрина Юлия Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление», Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0000-0002-5165-2418](https://orcid.org/0000-0002-5165-2418)

Бойко Жанна Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0000-6230-1798](https://orcid.org/0009-0000-6230-1798)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia A. Tyurina, Doctor of Sciences in Sociology, Professor of the Department of State and Municipal Administration, North-West Institute of Management RANEPА, St. Petersburg, Russia

Zhanna V. Boyko, Candidate of Sciences in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia



УДК 323

Оригинальное исследование

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1084-1094

К вопросу об обеспечении биологического суверенитета Российской Федерации

Белащенко Д.А. , Шоджонов И.Ф. 

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

dmi-belashhenko@yandex.ru, shodzhonov@inbox.ru

Аннотация. Представленное исследование направлено на изучение современных факторов риска и угроз для биологической безопасности Российской Федерации. Также авторы, анализируя институциональную основу обеспечения биобезопасности государства, рассматривают уровень развития биологического суверенитета России. В рамках системно-структурного подхода при изучении затрагиваемой темы авторы прибегают к сравнительному анализу, выявляя плюсы и минусы сторонних подходов к обеспечению биологической безопасности. В исследовании выявлены ключевые угрозы, слабые и сильные стороны системы биологической безопасности РФ, а также предложены варианты её усиления в целях повышения уровня обеспечения полноценного биологического суверенитета.

Ключевые слова: биологическая безопасность, национальная безопасность, биологические угрозы, когнитивные угрозы, методы реагирования, постсоветское пространство

Финансирование: Исследование выполнено в рамках гос. задания Н-024-0_2023-2025 (FSWR-2023-0033).

Для цитирования: Белащенко Д.А., Шоджонов И.Ф. 2023. К вопросу об обеспечении биологического суверенитета Российской Федерации. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 1084–1094. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1084-1094

Revisiting the Guarantees of the Bio-Political Sovereignty of the Russian Federation

Dmitry A. Belashchenko , Imomidin F. Shodzhonov 

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

dmi-belashhenko@yandex.ru, shodzhonov@inbox.ru

Abstract. The presented research is aimed at studying modern risk factors and threats to the biological security of the Russian Federation. Also, the authors, analyzing the institutional framework for ensuring the biosecurity of the state, consider the level of development of Russia's biological sovereignty. Within the framework of a system-structural approach, in the study of the topic, the authors resort to comparative analysis, identifying the pros and cons of other states approaches to ensuring biological security. The study identifies the institutional foundations for ensuring the biological sovereignty of the Russian Federation, categorizes the levels and types of threats to national security in the context of the actualization of a significant number of bio-political problems. The study also reveals the key threats, weaknesses and strengths of the biological security system of the Russian Federation, and also suggests options for strengthening it in order to increase the level of ensuring full-fledged biological sovereignty.

© Белащенко Д.А., Шоджонов И.Ф., 2023

Keywords: biological security, national security, biological threats, cognitive threats, response methods, post-Soviet space

Funding: The study was carried out within the framework of the state task N-024-0_2023-2025 (FSR-2023-0033).

For citation: Belashchenko D.A., Shodzhonov I.F. 2023. Revisiting the Guarantees of the Bio-Political Sovereignty of the Russian Federation. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 1084–1094 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1084-1094

Введение

Биологическая политика, борьба с биологическими угрозами и обеспечение биологической безопасности являются важными аспектами деятельности многих современных государств. Не является исключением и Российская Федерация, о чем свидетельствуют, в частности, совершенствование в последние годы нормативно-правовой базы в данной сфере, разработка новых и дополнение существующих систем противостояния реальным и потенциальным вызовам и рискам, активное обсуждение «биотематики» в научном сообществе и постепенное ее внедрение в информационное пространство [Белогорцев, Римский, 2020]. В то же время, на наш взгляд, наиболее актуальным и не имеющим на данный момент четкого, однозначного ответа является вопрос о наличии у России в современных внутри- и внешнеполитических условиях полноценного и всеобъемлющего биологического суверенитета. Безусловно, данная тема для нашей страны является новой и мало разработанной в научных публикациях, однако необходимость его обеспечения в последнее время обсуждается на уровне политического истеблишмента [Яровая, 2022; Попова, 2023].

В связи с этим большую, если не определяющую роль в контексте обеспечения биологического суверенитета приобретают существующие возможности России противостоять реальным и потенциальным биологическим угрозам (в том числе на уровне предотвращения), а также способность предупреждать и купировать биологические риски. Необходимо разделять две данные категории. Для этого обратимся к Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации», где даются определения, отражающие, соответственно, понимание и наполнение данных категорий. Под «биологической угрозой (опасностью)» в нем понимается «наличие потенциально опасных биологических объектов, а также наличие внутренних (находящихся на территории Российской Федерации) и внешних (находящихся за пределами территории Российской Федерации) опасных биологических факторов, способных привести к возникновению и (или) распространению заболеваний с развитием эпидемий, эпизоотии, эпифитотий, массовых отравлений, превышению допустимого уровня биологического риска». В свою очередь, «биологический риск» – это «вероятность причинения вреда (с учетом его тяжести) здоровью человека, животным, растениям и (или) окружающей среде в результате воздействия опасных биологических факторов» [Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ].

В связи с тем, что в тексте ФЗ приведен достаточно обширный перечень биологических угроз (11 позиций), не являющийся, однако, исчерпывающим, более оптимальным представляется подход с объединением биологических угроз и рисков в несколько больших групп (блоков), пусть и с некоторой долей условности:

Блок 1. Инфекционные болезни (нозологии). Эпидемии, эпизоотии и эпифитотии.

Блок 2. Биоугрозы в рамках военного фактора: от разработки биологического и иных (климатическое, генетическое) видов оружия до их непосредственного применения на поле боя. Сюда же относится также деятельность различных биологических лабораторий (например, на территории постсоветского пространства).

Блок 3. Биологический терроризм и саботаж.



Блок 4. Биоугрозы, являющиеся последствиями природных и техногенных катастроф, а также возникающие в результате природных или искусственных процессов (климатические изменения, опустынивание, заболачивание и т. д.).

Блок 5. Использование генно-модифицированных организмов в сфере производства продуктов.

Блок 6. Последствия регулярного употребления «нездоровых» продуктов питания.

Блок 7. Когнитивные угрозы [Онищенко, Попова, Топорков и др., 2015; Орехов, Яворский, 2020].

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает обеспечение биологического суверенитета Российской Федерации в условиях перманентной эволюции биологических угроз. Методологическая основа исследования заключается в системно-структурном и институциональном подходе к изучению предложенной проблематики. Исследование было выполнено в соответствии с принципами системности, которые предполагают комплексное рассмотрение процессов с учетом ключевых факторов их развития. Авторы прибегают также к таким общенаучным методам, как анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, обобщение, систематизация.

Результаты и их обсуждение

Опираясь на текст Федерального закона от № 492-ФЗ, необходимо обратиться к самому термину «биологическая безопасность». В документе отмечено, что это – «состояние защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска» [Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ]. Данное определение, несмотря на его доктринальный характер, остается в рамках обсуждения в академическом сообществе. Не существует четкого понимания, является ли биологическая безопасность самостоятельным видом безопасности или же выступает в качестве вытекающего из другой, более обширной по своему охвату области.

В нашем понимании биологическая безопасность вполне способна выступать самостоятельной сферой, в первую очередь благодаря наличию собственного спектра затрагиваемых форм общественных отношений. К ним можно отнести те самые риски и угрозы, являющиеся следствием реализации коммуникации между обществом и окружающей средой. Кроме того, биологическая безопасность ввиду своей специфики имеет прямой выход на международную арену, соответственно, сфера затрагиваемых общественных отношений перетекает на более высокий уровень в межправительственное и межгосударственное взаимодействие.

Стоит отметить, что необходимость выделения биологической безопасности в отдельное поле исследования определяется высокой степенью непредсказуемости последствий её нарушения. Биологические угрозы и риски являются наименее поддающимися предупреждению ввиду постоянной эволюции опасных для человеческого вида патогенов, вирусов и инфекций. В данном вопросе можно провести сравнение с экологической безопасностью, где следствие взаимодействия человека и окружающей среды является более очевидным и поддающимся предсказанию. Так, например, обмеление рек ввиду постройки ГЭС или любого другого гидротехнического проекта одной из стран региона может вызвать серьезные проблемы в сельском хозяйстве и электроэнергетике в сопредельных странах.

Исходя из вышесказанного, необходимо понимание того, кто в Российской Федерации отвечает за обеспечение биологической безопасности. К таким органам государственной власти относятся:

1. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) – осуществляет контроль и надзор за безопасностью пищевых продуктов, включая генетически модифицированные организмы (ГМО), их производством, обращением и использованием.

2. Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор) – отвечает за контроль и надзор за безопасностью животных, растений и продуктов их происхождения, включая генетически модифицированные организмы.

3. Министерство здравоохранения Российской Федерации – осуществляет контроль и надзор за безопасностью медицинских биологических препаратов, включая генетически модифицированные организмы, используемые в медицине.

4. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации – отвечает за контроль и надзор за безопасностью окружающей среды, включая оценку воздействия на окружающую среду генетически модифицированных организмов.

5. Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет) – осуществляет мониторинг и оценку состояния окружающей среды, включая контроль за распространением и воздействием генетически модифицированных организмов.

6. Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) – отвечает за регистрацию и защиту интеллектуальной собственности, включая патентование генетически модифицированных организмов и технологий.

7. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации – отвечает за разработку и реализацию политики в области биотехнологий, включая генетически модифицированные организмы.

К спектру инструментов для обеспечения собственной биологической безопасности нашей страны в современных условиях можно отнести:

1. Медицинскую систему: Россия имеет развитую медицинскую систему, включая государственные и частные медицинские учреждения, больницы, лаборатории и медицинский персонал, способный обнаруживать, диагностировать и лечить инфекционные заболевания. Тем не менее медицинская система Российской Федерации на данный момент испытывает некоторые кризисные тенденции. Так, например, по данным Росстата, опубликованным в сборнике «Здравоохранение в России – 2021», число больничных организаций в Российской Федерации составляет порядка 5 065, из них 4 136 – в городских поселениях и 929 в сельских поселениях [Росстат..., 2022].

В то же время данные на 2005 г. показывают цифры в 9 479 больничных организаций, из них 5 820 – в городских поселениях и 3 659 – в сельских [Росстат..., 2022]. Данная тенденция показывает явный упадок в сфере здравоохранения применительно к больничным организациям. Сокращение больниц, поликлиник, диспансеров, в данном случае является не показателем успешной оптимизации медицинской системы, в т. ч. в вопросах обеспечения биологической безопасности, а, скорее, ее застоя и скатывания в долгосрочный кризис. Наиболее явно это проявилось в период пандемии COVID-19, когда остро стоял вопрос о невозможности обеспечить полноценную госпитализацию и нахождение в стационарах для всех граждан, подвергшихся заражению коронавирусной инфекцией в тяжелой или средне-тяжелой формах.

Кроме того, в данном аспекте обеспечения биологической безопасности необходимо подчеркнуть также проблему престижности и заинтересованности граждан страны (в первую очередь молодых абитуриентов) в получении профессионального медицинского образования. Этот вопрос важен в первую очередь потому, что медицинская система без достаточного числа квалифицированных медицинских работников и в целом медицинского персонала не может быть состоятельной. На данный момент, согласно данным Мин-



здрави, в Российской Федерации не хватает порядка 25 тысяч врачей и 50 тысяч сотрудников среднего медицинского персонала [Флора, 2023].

2. Научно-исследовательские институты и лаборатории: Россия имеет множество научных и исследовательских институтов, специализирующихся на изучении и борьбе с биологическими угрозами. Эти институты проводят исследования, разрабатывают новые методы диагностики и лечения, а также разрабатывают вакцины против различного рода вирусов и патогенов. К числу таких учреждений можно отнести Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный исследовательский центр эпидемиологии и микробиологии имени почетного академика Н.Ф. Гамалеи». В рамках работы института проводятся многочисленные исследования по борьбе с вирусными угрозами, такими как СПИД, ВИЧ, гепатит, туберкулез и другие. Институт им. Н.Ф. Гамалеи проводил разработку вакцины от коронавирусной инфекции COVID-19, и 11 августа 2021 г. была выпущена первая официально зарегистрированная на рынке вакцина «Sputnik-V». Кроме того, институт отличился созданием в 2015 г. двух векторных вакцин против лихорадки Эбола (еще одна вакцина была зарегистрирована в 2020 г.), используя векторы на основе аденовируса.

К числу столь же значимых научно-исследовательских центров России необходимо отнести: Федеральный научный центр по профилактике и борьбе с ВИЧ/СПИДом; Федеральный научный центр трансплантологии и искусственных органов; Федеральный научный центр гигиены имени Ф.Ф. Эрисмана; Всероссийский научно-исследовательский институт медицинской генетики и др.

Ситуация в научно-исследовательской среде отличается от медицинской сферы как таковой в первую очередь наличием большого научного задела со времен существования Советского Союза, а во-вторых, наличием высококвалифицированных ученых, способных создавать передовые препараты и вакцины для обеспечения биологической безопасности не только граждан Российской Федерации, но и всего глобального сообщества.

3. Системы мониторинга. В России действует значительное число систем мониторинга различного рода инфекционных заболеваний, что упрощает процесс контроля уровня заболеваемости, распространения болезней и динамики. К таким системам мониторинга можно отнести систему мониторинга Роспотребнадзора, где ежедневно публикуются данные о числе заболевших COVID-19 в разных регионах России.

К таким системам также можно отнести систему раннего предупреждения и мониторинга заболеваний животных (СРПМЗЖ), осуществляемую Россельхознадзором, систему мониторинга качества пищевых продуктов и санитарно-эпидемиологического состояния объектов питания (СМКП) на базе Роспотребнадзора, систему мониторинга воздушной среды и атмосферного воздействия (СМВСАВ) и т. д. [Чайкина, 2017].

5. Регуляторные органы. В этом вопросе, помимо профильных государственных органов, необходимо уделить особое внимание роли правоохранительной системы, в частности Федеральной службы безопасности (ФСБ), Службы внешней разведки (СВР), а также Министерства обороны Российской Федерации (МО) в обеспечении безопасности страны от биологических угроз и биотерроризма в целом.

Говоря о биотерроризме, необходимо отметить растущую угрозу использования биологически модифицированных вирусов и патогенов в отношении граждан России. После распада СССР на территории бывших советских республик начали массово появляться биологические лаборатории США. Официально замаскированные под программы помощи развивающимся странам региона, данные лаборатории, курируемые спецслужбами США, разрабатывают новые виды бактериологического оружия, создают депозитарии опасных для человека и животных патогенов и т. д. Эта проблема является одной из наиболее тревожных как для властей Российской Федерации, так и для жителей стран, где эти биологические лаборатории располагаются. На данный момент американские лаборатории располагаются

на территории Украины, Грузии, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Азербайджана. Все это создает существенные угрозы для биологической безопасности России.

В этих условиях противодействием данным угрозам, помимо профильных министерств и лабораторий, занимается Федеральная служба безопасности. Так, например, ФСБ совместно с МО проводит расследования случаев применения биологического оружия на территории страны. Также на базе Министерства обороны формируются учебные центры по подготовке военных биологов с целью предотвращения последствий биологических атак. Основным родом войск, занятым на этом направлении, являются войска радиационной, химической и биологической защиты вооруженных сил Российской Федерации. Подготовка военных биологов проводится в Центральном научно-исследовательском и испытательном институте химических войск Министерства обороны (33 ЦНИИИ МО) Шиханы-2 [Рамм и др., 2018]. Помимо военных биологов, в вопросе обеспечения биологической безопасности также активно принимают участие инженерные войска, воздушно-космические силы, медицинские войсковые подразделения и т. д. Данные рода войск необходимы для сооружения необходимой для купирования распространения инфекций и вирусов инфраструктуры и локализации угроз [В четырех регионах..., 2020].

6. Международное сотрудничество. Россия активно сотрудничает с другими странами и международными организациями в области борьбы с биологическими угрозами. Это позволяет обмениваться информацией, передавать опыт и координировать усилия в борьбе с инфекциями на глобальном уровне. На современном этапе международный обмен опытом и научными разработками сильно сокращен ввиду турбулентности действующей системы международных отношений и напряженности среди ведущих акторов мирового политического пространства, вызванного в первую очередь украинским кризисом.

Между тем, несмотря на, казалось бы, широкий спектр инструментов и подходов к предотвращению традиционных биологических угроз в виде вирусов, патогенов, некачественных продуктов и т. д. и борьбе с ними, существуют угрозы иного порядка, получившие свое развитие в эпоху глобальной цифровизации и информатизации. Диджитализация всех аспектов жизнедеятельности человека, начиная с бытовых вопросов и заканчивая средствами получения информации, выявила новое поле для появления угроз непосредственно человеку. Речь идет о когнитивной безопасности и когнитивных войнах за сознание отдельно взятого человека и общества в целом [Inskoop, 2022].

Действительности XXI в. присуща гибридизация методов ведения межгосударственного противодействия. Так, государства могут представлять друг для друга военную угрозу, относящуюся к насильственным методам ведения борьбы, а также ненасильственную, воздействуя на информационное поле предполагаемого противника. Многими экспертами отмечается, что ненасильственные методы ведения войны на современном этапе сравнялись, а в некоторых аспектах опережают в своей эффективности использование военной техники и солдат на поле боя [Sweeney, 2022].

Когнитивные войны предполагают воздействие на социокультурную сферу, на информационное пространство и на психологию человека. Основная цель ведения военного противоборства заключается в разрушении устоев, морали, ценностных и мировоззренческих установок в обществе [Балановский и др., 2022]. Необходимо отметить, что когнитивные войны являются инструментом долгосрочного воздействия и могут использоваться на протяжении десятилетий для достижения искомого результата.

Наибольших успехов в развитии концепта «когнитивных войн» достигли США в рамках деятельности НАТО. Чаще всего западные исследования в области человеческого сознания и нейробиологии связывают с Центром инноваций НАТО (iNUB), располагающимся в штате Вирджиния, и его руководителем Франсуа де Клузелем. Сам центр существует с 2013 г., но ключевой вехой в его существовании можно признать 2021 г., когда Ф. де Клузель выступил с докладом «Когнитивная война. Понимание и защита когнитив-



ной области». В своем докладе руководитель Центра инноваций отметил, что «человеческий разум в настоящее время рассматривается как новая область войны», а «главная цель когнитивной войны – «взлом личности» с использованием уязвимости человеческого мозга, нанесение вреда обществу, а не только военным противникам» [Cadell, 2023].

Также им было отмечено, что когнитивная война – это «искусство использования технологий для изменения познания человеческих целей». В докладе отмечается, что если раньше войны проходили в рамках пяти пространств: суша, вода, воздух, космос и киберпространство, то в современном мире появляется шестое – «человеческое сознание» [Gronvall et al., 2021]. Особое внимание в докладе уделялось тому, что когнитивная война позволяет превратить в оружие каждого человека, который поддастся\подвергся инструментам воздействия, заложенным в нее.

Основной сферой когнитивного воздействия на общество выступает информационная среда. Переиспользованное информацией пространство интернета, стирающие формальные границы и расстояния между представителями разных народов, а также лицами, заинтересованными в глобальном управлении над ними, становится благодатной почвой для манипуляции человеческим сознанием [Gronvall et al., 2023].

В данном аспекте стоит отметить, почему важно разбирать концепт «когнитивной войны» в рамках обеспечения биологической безопасности. Сознание человека, безусловно, можно отнести к биологической плоскости ввиду применения когнитивной нейробиологии в изучении активности мозга и нервной системы человека в рамках формирования поведенческих паттернов [Ugrumov et al., 2012]. Одним из примеров информационного воздействия на сознание людей является деятельность Европейского центра по противодействию гибридным угрозам (European Centre Of Excellence For Countering Hybrid Threats). Одним из направлений деятельности этого центра выступало создание негативного образа Российской Федерации в сознании европейцев, а также среди населения бывших республик Советского Союза [Zilinskas et al., 2018]. Также со стороны Центра пресекаются попытки донесения «российского взгляда» на международные процессы в информационное поле европейцев. Безусловно, данный пример является лишь одним из немногих, но тем не менее он формирует представление о существующем положении вещей.

Важнейшим становится вопрос, связанный с биологической безопасностью человеческого общества в контексте развития технологий искусственного интеллекта, клонирования и движения трансгуманизма. Данные направления будущего развития человечества на современном этапе их осмысления видятся скорее угрозой биологической безопасности, ввиду заложенной в них парадигмы «расчеловечивания» общества. На данный момент вопросы имеют скорее дискуссионный и философский характер. Но, учитывая темпы развития цифровых технологий, вероятен переход этих угроз в практическую плоскость.

Заключение

Подводя итоги анализа потенциала Российской Федерации противостоять актуальным биологическим угрозам и рискам и, соответственно, обеспечивать свой биологический суверенитет, можно констатировать, что на современном этапе не представляется возможным одинаково успешно предотвращать и устранять все типы реальных или возможных вызовов. Это определяется рядом факторов, среди которых, на наш взгляд, ключевыми являются:

- постоянное «совершенствование» биологических угроз за счет расширения биологических факторов на новые сферы (например, когнитивные угрозы);
- ограниченность существующей нормативно-правовой базы в сфере обеспечения биологической безопасности и борьбы с биологическими угрозами;
- деградация доставшихся от СССР систем противостояния биологическим угрозам (в частности, в сфере борьбы с эпидемиями). Наглядно это проявилось, в частности, в пе-

риод пандемии COVID-19, когда система здравоохранения не могла опираться на разветвленную инфраструктуру инфекционных больниц, оптимизированную после 1991 г.

– напряженная международно-политическая ситуация, в рамках которой биологический фактор активно используется в межгосударственных противостояниях (например, создание разветвленной сети биологических лабораторий США на постсоветском пространстве).

При этом нельзя характеризовать нынешнюю ситуацию в сфере обеспечения биологического суверенитета исключительно в негативных тонах. По ряду направлений борьбы с биологическими угрозами ведется активная работа по их предупреждению, предотвращению и нейтрализации. Однако во многих случаях она носит характер реагирования, а не «игры на опережение». Постепенно формируется нормативно-правовая база как общего характера, так и направленная на конкретные биологические угрозы и риски. Анализируется исторический и современный опыт обеспечения биологической безопасности как на уровне нашей страны, так и других государств, международных организаций и т. д.

Создавая предпосылки и условия для выстраивания системы обеспечения биологического суверенитета, ответственным лицам и органам следует учитывать ряд особенностей биополитики и биологического фактора в целом. Прежде всего, это касается их присутствия во многих сферах международной и внутренней политики, общественной жизни и т. д., а также постоянного расширения их охвата и влияния.

Например, относительно возможностей Российской Федерации по противодействию угрозам массовому сознанию можно отметить недостаточный ресурсный потенциал страны на современном этапе. Необходим пересмотр подходов к пониманию когнитивных угроз, назревает необходимость включения данного концепта в более глобальный сюжет «биологической безопасности», требуются изменения Федерального закона № 492-ФЗ в целях включения терминов «безопасность сознания», «защита сознания», «когнитивная угроза», а также в иные законодательные и доктринальные документы.

Имеющиеся возможности и потенциал Российской Федерации позволяют выстроить модель обеспечения биологического суверенитета. Однако, помимо указанных выше проблем и сложностей, существующих в рамках данного процесса, стоит учитывать, что это должна быть системная работа, нацеленная на долгосрочную перспективу и достижение стратегической цели. При этом она будет протекать в напряженной международно-политической ситуации и, вероятно, в жестких временных рамках.

Список литературы

- Рамм А., Козаченко А., Крецуп Р., Степовой Б. 2018. Домашний очаг: Минобороны установит причины аномальных эпидемий. Известия. 04.12.2018. URL: <https://iz.ru/816754/aleksei-ramm-aleksei-kozachenko-roman-kretcul-bogdan-stepovoi/domashnii-ochag-minoborony-ustanovit-prichiny-anomalnykh-epidemii> (дата обращения: 24.09.2023).
- Попова А. В России обеспечен биологический суверенитет. РИА Новости. 24.06.2023. URL: <https://ria.ru/20230624/popova-1880009763.html> (дата обращения: 14.10.2023).
- Белогорцев Д.А., Римский А.В. 2020. Феноменология современной биополитики. Наука. Искусство. Культура. 2(26): 187–198.
- В четырех регионах РФ создали группировки войск для борьбы с коронавирусом. Интерфакс. 25.03.2020. URL: <https://www.interfax.ru/russia/700929> (дата обращения: 24.09.2023).
- Флора В. 2023. Почему в России не хватает медработников. Парламентская газета. 06.03.2023. URL: <https://www.pnp.ru/social/pochemu-v-rossii-ne-khvataet-medrabotnikov.html> (дата обращения: 14.10.2023).
- Балановский В., Подьяконов В., Грекова И. 2022. Противоборство в когнитивной войне: борьба за человеческий разум. Системы безопасности. 18.10.2022. URL: <https://www.secuteck.ru/articles/protivoborstvo-v-kognitivnoj-vojne-borba-za-chelovecheskij-razum> (дата обращения: 24.09.2023).



- Яровая И. Необходим госзаказ на дефицитных сегодня специалистов в области генной инженерии и биотехнологий. Государственная Дума Российской Федерации. 18.07.2022. URL: <http://duma.gov.ru/news/54980/> (дата обращения: 14.10.2023).
- Онищенко Г.Г., Попова А.Ю., Топорков В.П., Смоленский В.Ю., Щербакова С.А., Кутырев В.В. 2015. Современные угрозы и вызовы в области биологической безопасности и стратегия противодействия. Проблемы особо опасных инфекций. 3: 5–9. doi: <https://doi.org/10.21055/0370-1069-2015-3-5-9>.
- Орехов С.Н., Яворский А.Н. 2020. Биологические угрозы и биологическая безопасность. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 5: 60–73. doi: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.69.5.060-073>.
- Постановление Правительства России от 22 ноября 2000 г. № 883 «Об организации и проведении мониторинга качества, безопасности пищевых продуктов и здоровья населения» (с изменениями и дополнениями). Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/12121276/> (дата обращения: 14.10.2023).
- Росстат посчитал количество больниц в России. Маяк. 22.08.2022. URL: https://mayaksbor.ru/news/society/rosstat_poschital_kolichestvo_bolnits_v_rossii/ (дата обращения: 14.10.2023).
- Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации». Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/400156868/> (дата обращения: 14.10.2023).
- Чайкина Е.А. 2017. Система мониторинга состояния атмосферного воздуха города Красноярска. Символ науки. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-monitoringa-sostoyaniya-atmosfernogo-vozduha-goroda-krasnoyarska> (дата обращения: 24.09.2023).
- Cate Cadell. 2023. Pentagon Biodefense Review Points to Chinese, Russian threats. 17.08.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2023/08/17/bioweapon-defense-pentagon-threats-china/> (accessed: 14 October 2023).
- Gronvall G.K., Attal-Juncqua A. 2023. Assessing the Trajectory of Biological Research and Development in the Russian Federation. URL: <https://ndupress.ndu.edu/JFQ/Joint-Force-Quarterly-108/Article/Article/3262779/assessing-the-trajectory-of-biological-research-and-development-in-the-russian/> (accessed: 14 October 2023).
- Gronvall G.K., Bland B. 2021. Life-Science Research and Biosecurity Concerns in the Russian Federation. 05.02.2021. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10736700.2020.1866323> (accessed: 14 October 2023). doi: <https://doi.org/10.1080/17538947.2020.1826589>.
- Inskeep S., Yousef O. 2022. Russia Claims U.S. Labs Across Ukraine are Secretly Developing Biological Weapons. 22.03.2022. URL: <https://www.npr.org/2022/03/22/1087991730/russia-claims-u-s-labs-across-ukraine-are-secretly-developing-biological-weapons> (accessed: 14 October 2023).
- Sweeney S. 2022. After Months of Denial, U.S. Admits to Running Ukraine Biolabs. 14.06.2022. URL: <https://www.peoplesworld.org/article/after-months-of-denial-u-s-admits-to-running-ukraine-biolabs/> (accessed: 14 October 2023).
- Ugrumov M.V., Netesov S.V. 2012. Overview of High-Containment Biological Laboratories in Russia. URL: <https://nap.nationalacademies.org/catalog/13315/biosecurity-challenges-of-the-global-expansion-of-high-containment-biological-laboratories> (accessed: 14 October 2023).
- Zilinskas R.A., Mauger P. Biosecurity in Putin's Russia. 2018. URL: https://www.riener.com/title/Biosecurity_in_Putin_s_Russia (accessed: 14 October 2023).

Reference

- Ramm A., Kozachenko A., Krecup R., Stepovoj B. 2018. Domashnij ochag: Minoborony ustanovit prichiny anomal'nyh jepidemij. Izvestija. 04.12.2018. Available at: <https://iz.ru/816754/aleksei-ramm-aleksei-kozachenko-roman-kretcul-bogdan-stepovoi/domashnii-ochag-minoborony-ustanovit-prichiny-anomalnykh-epidemii> (accessed: 14 October 2023) (in Russian).
- Popova A. V Rossii obespechen biologicheskij suverenitet. RIA Novosti. 24.06.2023. Available at: <https://ria.ru/20230624/popova-1880009763.html> (data obrashhenija: 14.10.2023) (in Russian).
- Belogorcev D.A., Rimskij A.V. 2020. Phenomenology of the Modern Biopolitics. Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2(26): 187–198 (in Russian).



- V chetyreh regionah RF sozdali gruppirovki vojsk dlja bor'by s koronavirusom. Interfaks. 25.03.2020. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/700929> (accessed: 14 October 2023) (in Russian).
- Balanovskij V., Pod'jakonov V., Grekova I. 2022. Protivoborstvo v kognitivnoj vojne: bor'ba za chelovecheskij razum. Sistemy bezopasnosti. 18.10.2022. Available at: <https://www.secuteck.ru/articles/protivoborstvo-v-kognitivnoj-vojne-borba-za-chelovecheskij-razum> (accessed: 14 October 2023) (in Russian).
- Jarovaja I. Neobhodim goszakaz na deficitnyh segodnja specialistov v oblasti gennoj inzhenerii i biotehnologij. Gosudarstvennaja Duma Rossijskoj Federacii. 18.07.2022. Available at: <http://duma.gov.ru/news/54980/> (accessed: 14 October 2023) (in Russian).
- Onishhenko G.G., Popova A.Ju., Toporkov V.P., Smolenskij V.Ju., Shherbakova S.A., Kutjrev V.V. 2015. Present-Day Menaces and Challenges in the Sphere of Biological Safety and Strategy of Countermeasures. Problemy osobo opasnyh infekcij. 3: 5–9 (in Russian). doi: <https://doi.org/10.21055/0370-1069-2015-3-5-9>.
- Orehov S.N., Javorskij A.N. 2020. Biological Threats and Biological Safety. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA). 5: 60–73 (in Russian). doi: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.69.5.060-073>.
- Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 22 nojabrja 2000 g. № 883 «Ob organizacii i provedenii monitoringa kachestva, bezopasnosti pishhevyh produktov i zdorov'ja naselenija» (s izmenenijami i dopolnenijami). Informacionno-pravovoj portal «Garant.ru». Available at: <https://base.garant.ru/12121276/> (accessed: 14 October 2023) (in Russian).
- Veronika Flora. 2023. Pochemu v Rossii ne hvataet medrabotnikov Parlamentskaja gazeta. 06.03.2023. Available at: <https://www.pnp.ru/social/pochemu-v-rossii-ne-khvataet-medrabotnikov.html> (accessed: 14 October 2023) (in Russian).
- Rosstat poschital kolichestvo bol'nic v Rossii. Majak. 22.08.2022. Available at: https://mayaksbor.ru/news/society/rosstat_poschital_kolichestvo_bolnits_v_rossii/ (accessed: 14 October 2023) (in Russian).
- Federal'nyj zakon ot 30 dekabrja 2020 g. № 492-FZ «O biologicheskoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii». Informacionno-pravovoj portal «Garant.ru». Available at: <https://base.garant.ru/400156868/> (accessed: 14 October 2023) (in Russian).
- Chajkina E.A. 2017. Sistema monitoringa sostojanija atmosfernogo vozduha goroda Krasnojarska. Simvol nauki. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-monitoringa-sostoyaniya-atmosfernogo-vozduha-goroda-krasnojarska> (accessed: 14 October 2023) (in Russian).
- Cate Cadell. 2023. Pentagon Biodefense Review Points to Chinese, Russian threats. 17.08.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2023/08/17/bioweapon-defense-pentagon-threats-china/> (accessed: 14 October 2023).
- Gronvall G.K., Attal-Juncqua A. 2023. Assessing the Trajectory of Biological Research and Development in the Russian Federation. URL: <https://ndupress.ndu.edu/JFQ/Joint-Force-Quarterly-108/Article/Article/3262779/assessing-the-trajectory-of-biological-research-and-development-in-the-russian/> (accessed: 14 October 2023).
- Gronvall G.K., Bland B. 2021. Life-Science Research and Biosecurity Concerns in the Russian Federation. 05.02.2021. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10736700.2020.1866323> (accessed: 14 October 2023). doi: <https://doi.org/10.1080/17538947.2020.1826589>.
- Inskip S., Yousef O. 2022. Russia Claims U.S. Labs Across Ukraine are Secretly Developing Biological Weapons. 22.03.2022. URL: <https://www.npr.org/2022/03/22/1087991730/russia-claims-u-s-labs-across-ukraine-are-secretly-developing-biological-weapons> (accessed: 14 October 2023).
- Sweeney S. 2022. After Months of Denial, U.S. Admits to Running Ukraine Biolabs. 14.06.2022. URL: <https://www.peoplesworld.org/article/after-months-of-denial-u-s-admits-to-running-ukraine-biolabs/> (accessed: 14 October 2023).
- Ugrumov M.V., Netesov S.V. 2012. Overview of High-Containment Biological Laboratories in Russia. URL: <https://nap.nationalacademies.org/catalog/13315/biosecurity-challenges-of-the-global-expansion-of-high-containment-biological-laboratories> (accessed: 14 October 2023).
- Zilinskis R.A., Mauger P. Biosecurity in Putin's Russia. 2018. URL: https://www.riennet.com/title/Biosecurity_in_Putin_s_Russia (accessed: 14 October 2023).



Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 30.10.2023
Поступила после рецензирования: 20.11.2023
Принята к публикации: 30.11.2023

Received: 30.10.2023
Revised: 20.11.2023
Accepted: 30.11.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Белашенко Дмитрий Александрович, доцент кафедры истории и теории международных отношений, старший научный сотрудник Агентства научных исследований и информации (АНИИ) «Лобачевский», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-0692-3418](https://orcid.org/0000-0002-0692-3418)

Шоджонов Имомидин Фозилович, преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, младший научный сотрудник Агентства научных исследований и информации (АНИИ) «Лобачевский», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-0913-2440](https://orcid.org/0000-0003-0913-2440)

Dmitry A. Belashchenko, Associate Professor of the Department of History and Theory of International Relations, Senior Researcher of the Lobachevsky Agency for Scientific Research and Information, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Imomidin F. Shodzhonov, Lecturer of the Department of Foreign Regional Studies and Local History, Junior Researcher of the Lobachevsky Agency for Scientific Research and Information, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia